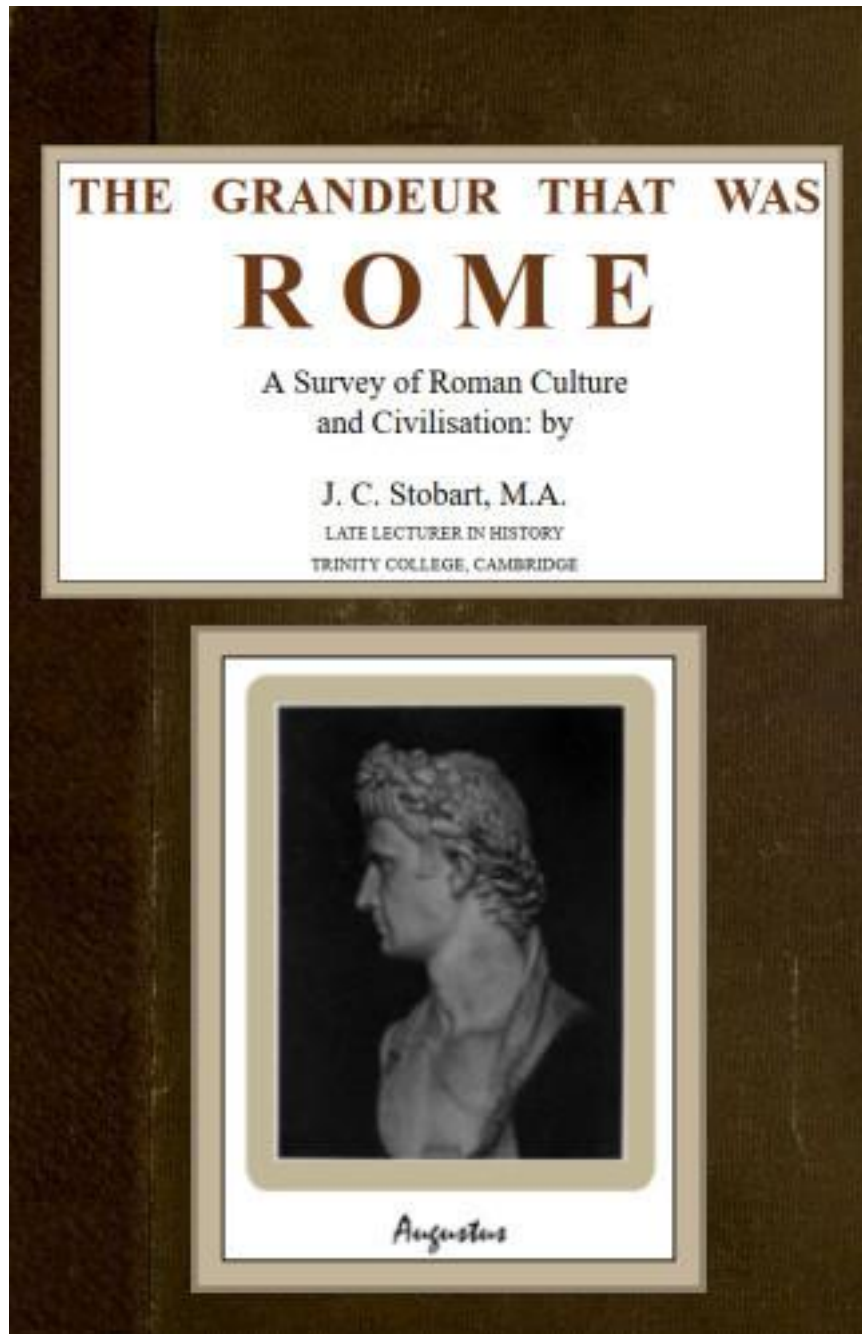

Величие, которым был Рим. Обзор римской культуры и цивилизации

Дж. К. Стобарт

Электронная книга проекта "Гутенберг" о величии Рима: обзор римской культуры и цивилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Величие, которым был Рим: обзор римской культуры и цивилизации

Автор: Дж. К. Стобарт

Дата выхода: 15 марта 2018 г. [Электронная книга № 56747]

Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Чак Грайф, Тьерри Альберто и команда <http://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВЕЛИЧИЕ, КОТОРЫМ БЫЛ РИМ: ОБЗОР РИМСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ" ***

Содержание

Список иллюстраций

Иллюстрации в тексте

(В определенных версиях этого текста [в определенных браузерах] при нажатии на изображение отображается увеличенная версия.)

Хронологический сводный

библиографический

указатель: A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, V, W, X, Y, Z

(примечание переписчика текста)

ОДНОРОДНЫЙ С ЭТИМ ОБЪЕМОМ

СЛАВА, КОТОРОЙ БЫЛА ГРЕЦИЯ

Дж. К. СТОБАРТА, МАГИСТРА МЕДИЦИНЫ

НЕКОТОРЫЕ МНЕНИЯ ПРЕССЫ

“Мистер Стобарт оказывает реальную услугу, когда представляет читающей, но неискушенной публике этот прекрасный том, воплощающий последние результаты исследований, а также объединяющий их в самое приятное повествование, с каким мы уже

давно не сталкивались.... В его книге нет ни одной скучной строчки. У него много юмора, как и должно быть у писателя, который хочет относиться к людям с человеческой точки зрения.... Он прекрасно сделан, а пластинки, как цветные, так и монохромные, столь же многочисленны и хорошо подобраны, сколь и поразительны и поучительны ”.—The Guardian.

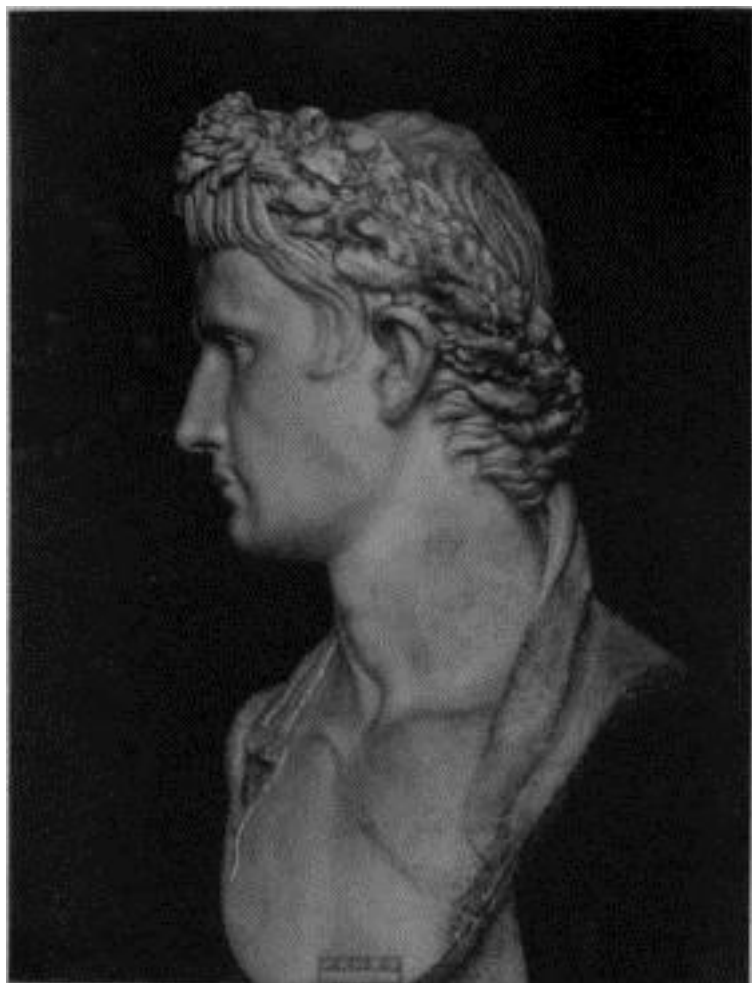
“Мистер Стобарт выпустил именно эту книгу, чтобы показать современному варвару значение эллинизма. Он демонстрирует последние открытия Кносса и других мест, новообретенные шедевры наряду со старыми. Он критикует и оценивает новейшие теории, начиная от влияния малярии и заканчивая происхождением драмы. У него найдется что-нибудь для каждого.... Книга великолепно иллюстрирована... Английской публике еще не представлялось подобной коллекции прекрасных вещей ”. — THE Saturday Review.

“Он действительно помогает превратить Древнюю Грецию в живую реальность; а иллюстрации, отличительная черта книги, хороши и грамотно подобраны, фотографические виды во многом выигрывают от воспроизведения на бумаге с матовой поверхностью”. - Times.

“Более прекрасная книга, чем эта, редко печаталась.... Фотографии греческих пейзажей, скульптур, ваз и т.д. Исключительно хороши”. —Evening Standard.

“В наши дни не появилось лучшего проводника по лабиринту эллинских вещей, и кисть и камера используют все, что в их силах, чтобы сделать книгу непреходящей радостью”. — Daily Chronicle.

ВЕЛИЧИЕ, КОТОРЫМ БЫЛ РИМ

Augustus

ВЕЛИЧИЕ, КОТОРЫМ БЫЛ РИМ

Обзор римской культуры и цивилизации: Дж. К. Стобарт, магистр,
ПОКОЙНЫЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ИСТОРИИ
ТРИНИТИ-КОЛЛЕДЖА, КЕМБРИДЖ,

ЛОНДОН,
SIDGWICK & JACKSON LTD.
Адам-стрит, 3, Адельфи,
1912

Все права защищены

Напечатано
BALLANTYNE & COMPANY LTD
В BALLANTYNE PRESS
Тависток-стрит, Ковент-Гарден,
Лондон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является продолжением книги “Слава, которой была Греция”, написанной с той же целью и с той же точки зрения.

Речь идет о точке зрения человечества и прогрессе цивилизации. Ценность вклада Рима в устойчивое благосостояние человечества является критерием того, что следует подчеркивать или пренебрегать. Следовательно, просвещенный читатель обнаружит преднамеренную попытку скорректировать историческое равновесие, которое, смею думать, было несправедливо нарушено чрезмерным уважением к литературным и схоластическим традициям. Римская история девятнадцатого века обычно заканчивалась Республикой, потому что “классическая латынь” закончилась с Цицероном и Овидием. Вслед за Ливием и Тацитом они рассматривали Республику как расцвет римского величия, а Империю - всего лишь печальное продолжение, начинающееся и заканчивающееся трагедией. С точки зрения цивилизации это абсурд. Республика была всего лишь предисловием. Республика до своего последнего столетия ничего не сделала для мира, кроме как выигрывала сражения, в результате которых была открыта дорога для последующего прогресса цивилизации. Даже суровое упорство римлян в обороне от Ганнибала, каким бы замечательным оно ни было, можно назвать превосходящим только еще более героическую оборону Иерусалима евреями, потому что первая была успешной, а вторая потерпела неудачу. С республиканской точки зрения Рим неизмеримо уступает Афинам. Короче говоря, то, что Ливию казалось важным и славным, не обязательно останется таковым по прошествии почти двух тысяч лет. Рим - факт столь масштабный и имеющий столь далеко идущие последствия, что каждое поколение может претендовать на участие в новой интерпретации его истории. Это Рим священнослужителя, дипломата, политика, солдата, экономиста. Есть Рим литературоведа и Рим археолога.

Удивительно, как этот могущественный и вечный город меняется у разных историков. Диодор Сицилийский, которому мы обязаны большей частью ее ранней истории, стремился главным образом польстить притязаниям римлян на героическое прошлое. Полибий, опытный греческий политик второго века до нашей эры, писал римскую историю, чтобы доказать своим соотечественникам-грекам свою теорию об основах политического успеха. Ливи искал утешения в невзгодах своего собственного времени, размышляя о достоинствах идеализированного прошлого. Тацит в период смягченного деспотизма стремился показать преступления и безумства автократии. Оба они были риторами, прошедшими подготовку в школе греческого демократического ораторского искусства. Эдвард Гиббон тоже (я пишу как человек, который не может без эмоций пересечь на другой поезд в Лозанне) рассматривал Империю с точки зрения либерализма и материализма восемнадцатого века. Теодор Моммзен сделал Рим местом действия своего бисмарковского цезаризма, и, наконец, месье Буассье оживил Рим, заселив его улицы парижанами. На самом деле, трудно изобразить

такой огромный пейзаж, не взяв и не раскрыв индивидуальную точку зрения. Даже в потрепанных архивах Рима всегда есть что-то свежее.

Хотя большая часть этой книги написана непосредственно по оригинальным источникам и ни одна из них не обходится без частых ссылок на них, в основном это откровенно производная история, предназначенная для читателей, не являющихся специалистами. За исключением *Очерков* Пелхэма, которые носят почти исключительно политический характер, насколько мне известно, на английском языке нет другой книги, в которой предпринималась бы попытка дать представление обо всем ходе истории древнего Рима в рамках одного тома, и все же "Империя без Республики" почти так же неполна, как "Республика без империи". Что касается Империи, хотя ничто не может заменить *Упадок*, тем не менее, взгляды школы на историю Империи сильно изменились со времен Гиббона благодаря открытию Помпей и изучению надписей. Поэтому, хотя я полностью признаю свои обязательства перед Гиббоном и Моммзеном (а также перед Диллом, Пелхэмом, Бери, Хаверфилдом, Гриниджем, Уордом Фаулером, Кратвеллом, Селларом, Уолтерсом, Райсом Холмсом и миссис Стронг, а также перед Ферреро, Паисом, Буассье, Сиком, Бернхаймом, Мау, Беккером и Фридлендером), эта книга претендует на то, чтобы быть чем-то большим, чем компиляцией, потому что в ней есть своя точка зрения.

Картины - неотъемлемая часть моего плана. В Риме невозможно, как это было в Греции, позволить картинам и статуям заменить войны и договоры. Войны и международные договоры являются неотъемлемой частью величия Рима. Им следовало бы занимать здесь большее место, если бы они были менее известны и если бы не было необходимости восстанавливать баланс. Но фотографии подобраны таким образом, чтобы у читателя сложилось собственное впечатление о римском гении. Когда римлянин брал в руки перо, он обычно был больше чем наполовину греком, но иногда в обращении с кирпичами и раствором он проявлял себя. По этой причине — и потому, что я, должен признаться, не являюсь убежденным поклонником "римского искусства" — была предпринята попытка создать на иллюстрациях впечатление грандиозного здания, обширного, цельного и утилитарного, а не законченной скульптуры греческих рук. Картинки могут произвести это впечатление гораздо сильнее, чем слова. Стоя в Колизее или перед массивной каменной кладкой Черных ворот в Трире, кажется, что человек гораздо ближе подходит к сердцу истинного римлянина, чем когда-либо, читая Вергилия или Горация. Лучшие римские портреты удивительно проливают свет.

Я должен с благодарностью принять разрешение, данное мне директором Королевского музея в Берлине, воспроизвести четыре великолепные фотографии открытий доктора О. Пухштейна в Баальбеке. Я также в долгу перед герром Георгом Реймером из Берлина за разрешение воспроизвести четыре из полной серии рельефов с колонны Траяна, опубликованных им в журнале *heliogravure* под руководством профессора Кихориуса. Цветная табличка с изображением интерьера Дома Ливии воспроизведена с разрешения Немецкого археологического института из книги Лукенбаха *"Искусство и гештальт"* (grosse Ausgabe, erster Teil); и из той же работы мне было разрешено воспроизвести реконструкцию Римского форума времен Цезаря. Профессор Гарстанг любезно предоставил фотографию с разрешением на воспроизведение бронзовой головы Августа, обнаруженной им в Мероэ и недавно подаренной Британскому музею. Издательство Кембриджского университета разрешило мне привести две фотографии проф. "Ранний возраст Греции" Риджуэя; а фотография моста Алькантара была любезно предоставлена старшим Д. Мигелем Утрильо из Барселоны. Большинство фотографий предоставлено господами У. А. Мэнселлом и Компанией; но в отношении многих объектов, особенно римских руин за пределами Италии,

я должен признать свой долг перед рядом фотографов-любителей, которые не только избегают избитой точки зрения, но и достигают высокого уровня техники. Сэр Александр Бинни любезно разрешил включить восемь фотографий, а мистер К. Т. Карр - четыре; я также должен выразить признательность мисс Карр, мистеру Р. К. Смит и мисс К. П. Блэр.

Как и прежде, я в большом долгу перед мистером Арнольдом Гоммом за его помощь с доказательствами.

Дж. К. С.

Кентербери, 1912

Содержание

	СТРАНИЦА
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ	xii
ВВЕДЕНИЕ	
Взгляд на римскую историю: латинизм: Италия и римляне	1
ГЛАВА	
I. ЗАРОЖДЕНИЕ РИМА	
Растущая республика: Конституция: Ранний Рим: Ранняя религия: Закон	16
II. ЗАВОЕВАНИЕ	
Провинции: Имперский город	44
III. ПОСЛЕДНИЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ	
Грахи: Марий: Сулла: Помпей и Цезарь: поздняя республиканская цивилизация	82
IV. АВГУСТ	
Сенат: Народ и магистраты: Армия и казначейство: Провинции	160
V. РИМ ВРЕМЕН АВГУСТА	
Реформация римского общества: Литература Августа: Искусство: Архитектура	223
VI. РОСТ ИМПЕРИИ	
Принципат: Императорский Рим: Образование и литература: Искусство: Право: Философия и религия	253
ЭПИЛОГ	305
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ	317
БИБЛИОГРАФИЯ	325
УКАЗАТЕЛЬ	329

ПРИМЕЧАНИЕ

Камея на передней обложке этого тома сделана из сардониксовой головы Германика из коллекции Карлайла.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФОТОГРАВИРНЫЕ ПЛАСТИНЫ

ГОЛОВА АВГУСТА С КОРОНОЙ ИЗ ДУБОВЫХ ЛИСТЬЕВ, *Фронтиспис*

, выгравированный Эмери Уокером по фотографии Брукмана с оригинала в Глиптотеке, Мюнхен. Идеализированный портрет императора в зрелом возрасте. Он носит *гражданскую корону*. См. стр. 169

“КЛИТИ”

248

, выгравированную Эмери Уокером по фотографии оригинального мрамора, хранящейся в Британском музее в издательстве Mansell & Co. Идеализированный портрет-бюст дамы из императорской семьи, возможно, Антонии, работы греческого художника эпохи Августа. Название “Клити” не имеет под собой никаких оснований: рамка из лепестков - чисто декоративная

КАРТА (ЦВЕТНАЯ)

РИМСКОЙ ИМПЕРИИ Во ВСЕЙ ЕЕ ПОЛНОТЕ

194

ЛИСТА

1

ОБЩИЙ ВИД РИМСКОГО ФОРУМА

4

С фотографии Андерсона. Вид сделан с Капитолия, с юго-востока на арку Тита, слева от которой видна часть Колизея. Задний план справа заполнен Палатинским холмом и подструктурами дворца Калигулы, перед которыми видны стены Храма Августа. Справа от середины находятся три колонны и часть антаблемента храма Кастора. В центре находится колонна Фоки. Передний план занимают Арка Севера (слева), Храм Сатурна (справа) и две коринфские колонны Храма Веспасиана

2

, РИМСКАЯ КАМПАНИЯ,

6

С фотографии Андерсона. Разрушенные арки принадлежали Акведуку Клавдия. См. [стр. 293](#)

3

ВИД На СПОЛЕТО

8

С фотографии Андерсона. Современный вид, показывающий типичный горный городок или *аркс*. Сполетий в основном известен в древней истории своим доблестным отражением нападения Ганнибала в 217 году до н.э.

4

КАПИТОЛИЙСКИЙ ВОЛК

18

С фотографии Андерсона, сделанной из оригинальной бронзы во Дворце Консерваторов в Риме. Сама волчица древняя, вероятно, этрусской работы. См. [стр. 18](#)

5

(рис. 1) АРХАИЧНАЯ БРОНЗОВАЯ “СКОВОРОДА”

20

Примитивной этрусской работы. Рогатый и бородатый бог

(рис. 2) АРХАИЧНАЯ БРОНЗА. “АРТЕМИДА”

С фотографий Mansell & Co, оригиналов в Британском музее, демонстрирующих развитие этрусской бронзовой работы

6

, ЭТРУССКОЙ ВАЗЫ

22

, взятой с вазы F. 488 в Этрусском зале Британского музея. Любопытно искаженный дизайн, который, как и большая часть этрусского искусства, наводит на мысль о неинтеллигентном копировании греческих моделей

7 ЭТРУССКАЯ ГРОБНИЦА ИЗ ТЕРРАКОТЫ 24

С фотографии оригинала Mansell & Co. в терракотовом зале Британского музея. Читатель заметит близкое сходство этой работы, особенно рельефа, изображающего битву и скорбящих, с греческим рельефом VI века до н.э.

8 ВИА АППИА: АППИЕВА ДОРОГА, 40

С фотографии Андерсона. Остатки римских гробниц можно увидеть по обе стороны дороги

9 На ТРАЗИМЕНСКОМ ОЗЕРЕ 50

На фотографиях К.Т. Карра. Сцена знаменитой битвы 217 года до н.э., в которой Ганнибал устроил засаду римской армии на берегу озера

10 БРОНЗОВАЯ СТАТУЯ АВЛА МЕТИЛИЯ [“АРРИНГАТОРЕ”] 56

С фотографии Альмари оригинальной бронзовой статуи в Археологическом музее Флоренции. Один из редких образцов ранней республиканской портретной живописи, найденный недалеко от Тразименского озера, - статуя Авла Метилия (неизвестного истории) в образе оратора. Она датируется концом третьего века до нашей эры и, как говорят, представляет собой переход между этрусской и римской портретной живописью. Я думаю, однако, что было бы верно описать это как римскую голову, вероятно скопированную с посмертной маски на греческом теле. Где этрусский элемент?

11 ПУБЛИЙ СЦИПИОН АФРИКАНСКИЙ 72

С фотографии Броги из оригинальной бронзы в музее Неаполя. Подлинность портрета гарантировать невозможно, но это прекрасный образец республиканской портретной живописи

12 (рис. 1) ЭТРУССКИЙ ВОИН: БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА 88

, возможно, импортированная из Греции

(рис. 2) РИМСКИЙ ЛЕГИОНЕР ИМПЕРИИ; БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА

С фотографий Mansell & Co. оригиналов из Британского музея. Эти две бронзовые статуэтки демонстрируют существенное сходство римских и этрусских (или греческих) доспехов, которые состоят в основном из кожаной кирасы, покрытой металлом

13 НОЖЕН ОТ МЕЧА ЛЕГИОНЕРА 98

С фотографий оригинала в Британском музее. Ножны выполнены в масштабе 1:4. Меч был всего 21 дюйм в длину и 2½ дюйма в ширину. Наибольший. Он был найден в Майнце. Ножны из дерева, украшенные серебряно-позолоченными пластинами. Вверху - рельеф, изображающий Тиберия, приветствующего Германика по случаю его победоносного возвращения из Германии (17 год н.э.). В центре - медальон с портретом Тиберия. Рельеф внизу указывает на возвращение штандартов Вара в римский храм. Ниже изображена амазонка, вооруженная немецким боевым топором

14 КН. ПОМПЕЙ МАГНУС 104

С фотографии Трайда оригинального мрамора из коллекции Якобсена в Копенгагене. Нет достаточных оснований сомневаться в подлинности этого знаменитого портрета Помпея Великого. Он очень похож на прекрасный драгоценный камень из коллекции Чатсворта

15 БЮСТ ЦИЦЕРОНА 108

С фотографии оригинала, сделанной Алинари в галерее Уффици, Флоренция. Прекрасный старинный портрет; но его подлинность не может быть гарантирована

С фотографии Андерсона. Возведен в 78 году до н.э. Обратите внимание на ионические колонны, используемые исключительно в качестве украшения

С фотографии Алинари. Широко известен как “Храм Сивиллы”, но более правильно приписывается Весте. Считается, что это работа около 80 г. до н.э. Стиль - коринфский

С фотографии статуи Алинари в Лувре. Описано на [стр. 156](#)

По фотографии статуи Алинари в галерее Уффици, Флоренция. Эта знаменитая и когда-то вызывавшая восхищение статуя теперь считается типичной для вырождающейся греческой работы, производимой для римского рынка. Техника по-прежнему вызывает восхищение

С фотографии оригинальной головы из черного базальта, хранящейся в Берлинском музее, опубликованной издательством Graphic Gesellschaft. Его древность не вызывает сомнений

С фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Ватикане, Рим. Прекрасный портрет, несомненно, точная копия подлинного оригинала, как и не менее известный образец в Британском музее

С фотографии бюста Андерсона в Капитолийском музее, Рим. Подлинность этого была поставлена под сомнение, но на недостаточных основаниях. Очевидно, произведение примерно того же периода, что и “Молодой Август” ([фото 25](#))

Тарелка из “Искусства римлян” Х. Б. Уолтерса, с любезного разрешения мессиров Метуэн и Ко. Керамика Arretine получила свое название от города Арретиум (Ареццо), главного центра этой исконно итальянской промышленности. Она отличается прекрасной малиновой глиной, из которой ее делают. Рельефные узоры, выбитые на формах, обычно имитируют греческие изделия из металла или саамскую посуду. Размеры изделий редко превышают 6 дюймов. в высоту

1. Монета Понта с головой Митрадата Великого. См. стр. 103, 158
2. Серебряная тетрадрахма с головами Антония и Клеопатры. См.стр. 122, 155
3. Динарий Суллы *Откр* Q. Помпей Руф, консул вместе с Суллой в 88 году до н.э.
4. Динарий Юлия Цезаря *Откр* фигура Победы с именем Эмилия Буки, триумвира монетного двора
5. Монета Тиберия с головой Ливии и надписью SALVS AVGVSTA

Коллотипная пластина с фотографии оригинала Mansell & Co. в Зале драгоценных камней

Британского музея. Вероятно, работа Диоскорида, который обладал исключительным правом на изображение Августа

24 АВГУСТА: СТАТУЯ 148
“ПРИМАПОРТА”

С фотографии статуи Андерсона в Ватикане, Рим. Император изображен как торжествующий полководец, обращающийся с речью к своим войскам. В центре нагрудного знака изображен парфянин, смиренно передающий знамена римскому солдату

25 лет 150

лет С фотографии бюста в Ватикане, Рим, сделанной Андерсоном. Отчетливо греческий портрет, возможно, сделанный в первые дни его пребывания в Аполлонии; подлинный оригинальный бюст

26 АВГУСТА: БРОНЗОВАЯ 152
ГОЛОВА, ИЗ МЕРОЭ,

С фотографии, предоставленной проф. Дж. Гарстанг из оригинальной бронзы, обнаруженный им в 1910 году в Мероэ в Египте и с тех пор подаренный Британскому музею

27 М. ВИПСАНИЙ АГРИППА 154

С фотографии бюста Алинари в галерее Уффици, Флоренция. Дизайн бюста противоречит убеждению, что это современный портрет. Но он напоминает портреты генерала на монетах

28 (рис. 1) РИМСКИЙ МОСТ В 156
РИМИНИ

Этот прекрасный мраморный мост был начат Августом и завершен Тиберием. Ариминум был северной конечной станцией великой Фламиниевой дороги

(рис. 2) РИМСКИЙ АМФИТЕАТР В ВЕРОНЕ

По фотографиям К. Т. Карра. Амфитеатр был возведен Диоклетианом около 290 г. н.э. и отреставрирован Наполеоном. Он вмещал около 20 000 зрителей. Верона была столицей при Теодорихе Остготском

29 ДВА ВИДА НА ПОН-ДЮ-ГАР 158

Это часть большого акведука, который снабжал Низмес водой. Мост имеет пролет 880 футов через долину Гардон. Нижние ярусы построены из камня без какого-либо строительного раствора или цемента.

30 (рис. 1) ИНТЕРЬЕР 160
РИМСКОГО ХРАМА, НИСМЕС

(Рис. 2) НИЖНИЙ КОРИДОР АРЕНЫ, НИСМЕС

Амфитеатр в Нисмесе больше, чем в Вероне. На первом и втором этажах шестьдесят арок с большими проемами по четырем сторонам света

31 НА АРЕНЕ, НИЖЕ 162

Обратите внимание на консоли на чердачном этаже. В них проделаны круглые отверстия для удержания шестов, которые когда-то поддерживали навес для защиты зрителей от жары

32 (рис. 1) ТРИУМФАЛЬНАЯ 164
АРКА, СЕН-РЕМИ, АРЛЬ

Арль (Арелат) был одним из главных городов Нарбоннской Галлии и колонией Августа. Верхняя часть арки разрушена. Скульптуры изображают закованных в цепи пленников. Надписи нет, и дата памятника неизвестна

(рис. 2) МАВЗОЛЕЙ ЮЛИЯ, СЕН-РЕМИ, АРЛЬ

Этот мавзолей был воздвигнут тремя братьями Юлиями в память о своих родителях. Тысячи галлов взяли имя Юлий в честь цезаря и Августа. Стиль, который по сути является греко-римским, соответствует периоду правления Августа. Рельефы снова изображают пленников. Листы 29-32 взяты с фотографий, сделанных сэром Александром Бинни

33 (рис. 1) АРКА МАРИЯ, 166
ОРАНЖЕВАЯ

С фотографии Нейрдейна. Очевидно, воздвигнут в память о К. Мариусе, который разбил германцев при Акве Секстии в 102 году до н.э. Окрестности Оранжа (Араузио) были ареной крупного поражения римлян тремя годами ранее. Но стиль памятника указывает на дату, по крайней мере, столетие спустя. Стиль рельефов датируется лучшими авторитетными источниками временем правления Тиберия. Имя скульптора, Будиллус, кажется галльским

(рис. 2) С. ЛОРЕНЦО, Милан

По фотографии Броги. Остатки красивой коринфской колоннады, ранее принадлежавшей дворцу Максимиана. В четвертом веке нашей эры Медиоланум часто был местом императорской резиденции. В этот период Милан был больше Рима

34 ЖЕНЩИНА-ВАРВАР, 168
ИЗВЕСТНАЯ КАК
“ТУСНЕЛЬДА”

С фотографии Альмари. Эта знаменитая статуя, стоящая на Лоджии Ланци во Флоренции, в народе названа в честь жены Арминия, умершей в изгнании в Равенне. Вероятно, это типичный тевтонский пленник, который, вполне возможно, занимал место в нише триумфальной арки. Миссис Стронг относит его к периоду правления Траяна

35 (рис. 1) АЛТАРЬ ЛАРОВ 172
АВГУСТА

По фотографии оригинала, сделанной Алинари в галерее Уффици, Флоренция. Август ввел поклонение цезарю в Риме с помощью этих алтарей Ларам (домашним богам) и Гению Августа. Этот алтарь датируется 2 годом н.э. В центре изображен Август, справа - его жена Ливия, а слева - Гай или Луций Цезарь. Миссис Стронг описывает эти рельефы как “серию исключительного очарования”

(рис. 2) СЦЕНА ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ Из АРА ПАЦИС

С фотографии оригинала, сделанной Андерсоном на Вилле Медичи в Риме. Более ранний пример излюбленной темы жертвоприношения. Художник, как обычно, пожертвовал мешающей частью своей жертвы ради своего желания представить как можно больше портретных этюдов. Рельеф много и плохо реставрировался

36 ГРУППА “ТЕЛЛУС”, АРА 174
ПАЦИС

По фотографии оригинала, сделанной Броги в галерее Уффици, Флоренция. Обсуждается на стр.стр. 244-245

37 РЕЛЬЕФА АРА ПАЦИС 176

С фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Музее делле Терме, Рим. Эта сцена - жертвоприношение. Величественная бородатая фигура справа, возможно, символизирует сенат — одно из лучших воплощений греко-римского искусства, немногим уступающее старейшинам на фризе Парфенона. Над служителями слева находится небольшое святилище Пенатов

38 СЕРЕБРЯНЫХ ТАРЕЛОК Из 178

БОСКОРЕАЛЕ

1. Серебряный футляр для зеркала изысканного дизайна: центральный медальон изображает Леду и лебедя

2. Один из прекрасных примеров искусства Августа, в котором природные формы используются с блестящим декоративным эффектом

С фотографий Жиродона оригиналов в Лувре

39 (рис. 1) Камея ГЕРМАНИКА 180

сардониксом из коллекции Карлайла. Фотография Mansell & Co.

(Рис. 2) ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ АВГУСТА: ВЕНСКАЯ КАМЕЯ

Фотография Mansell & Co. Камея сардоникса, вероятно, работы Диоскорида, 13 г.н.э.

Внизу: германские пленники и римские солдаты устанавливают трофей

Вверху: Август и Рома на троне. За ними Земля, Океан и (?) весь Мир, который венчает его *гражданской короной*. За его головой находится его счастливый знак — созвездие Козерога. Тиберий, увенчанный Победой, выходит из своей триумфальной колесницы, а Германик стоит между

40 АВГУСТОМ И СЕМЕЙСТВОМ ЦЕЗАРЕЙ: КАМЕО 182

С фотографии оригинала Mansell & Co. в Национальной библиотеке Парижа. Самая крупная и изысканная камея из сардоникса из существующих. Камень огранен в пять слоев, что позволяет добиться замечательного эффекта тонирования, иногда за счет моделирования. Тиберий и его мать Ливия занимают центр. Германик и его мать Антония стоят перед ним. Фигуры слева могут быть Гаем (Калигулой) и женой Германика. За троном Друз смотрит на небо, где парит обожествленный Август в окружении аллегорических фигур. Ниже представлены пленные варвары

41 (рис. 1 и 3) ЛЕПНЫЕ РЕЛЬЕФЫ 184

С фотографий оригиналов, сделанных Андерсоном в Национальном музее, Рим. Большая часть украшений римских вилл была выполнена из штукатурки или терракоты, полученной из формы и часто окрашенной. И летящая Победа, и вакхический рельеф, изображающий пьяного Силена, являются чрезвычайно изящными образцами искусства, оба по сути греческие

(рис. 2) ДЕКОРАТИВНЫЙ ОРНАМЕНТ ARA PACIS

С фотографии фрагмента, сделанной Андерсоном в Музее Терме, Рим. Прекрасный пример натуралистического орнамента периода Августа

42 (рис. 1) ФРАГМЕНТ АЛТАРЯ АВГУСТА 188

С фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Музее делле Терме, Рим. Уикхофф назвал “триумфом стиля августовских иллюзионистов” дизайн из платанов, восхитительный своей верностью природе. Обратите внимание на богатую лепнину рамы

(рис. 2). РИМСКИЙ РЕЛЬЕФ

С фотографии оригинала, сделанной Mansell & Co. в Британском музее. Из могилы поэта. Муза стоит перед ним, держа в руках трагическую маску

43 АЛТАРЬ АЕМПТУСА 190

С фотографии Жиродона с оригинала в Лувре. Надпись показывает, что этот алтарь был

посвящен духам Амемптуса, вольноотпущенника императрицы Ливии. Следовательно, он относится примерно к 25 году н.э.

По используемым типам украшений можно предположить, что Амемптус был греческим актером и музыкантом. Декоративный эффект очень очарователен, а детали проработаны великолепно

44 (рис. 1) ХРАМ САТУРНА, 192
ФОРУМ, РИМ,

Восемь ионических колонн без канавок с частью антаблемента. Колонны стоят на высоком цоколе. Храм Сатурна, в котором находилась сокровищница сената, был перестроен в 42 году до н.э.

(рис. 2) ХРАМ МАТЕР МАТУТА, РИМ

По фотографиям Р. К. Смита. Наиболее полный пример все еще существующего круглого храма, исчезнувшего храма Весты на Форуме. Вероятно, это храм “Матери Зари”. Пять коринфских колонн из пентелийского мрамора, вероятно, были импортированы из Греции. Большинство авторитетных источников относят их к реставрации Августа, но другие относят их к самым ранним республиканским произведениям. Черепичная крыша, конечно, современна и несколько портит ее эффект. Этот маленький храм стоял на форуме Боариум (рынок крупного рогатого скота),

45 КРЫЛЬЦО И ИНТЕРЬЕР 196
ПАНТЕОНА, РИМ,

По фотографиям Андерсона и Броги. См. стр. 251

46 MAISON CARREE, NISMES 198

С фотографии, любезно предоставленной сэром Александром Бинни. Возможно, это лучший и, безусловно, наиболее законченный образец греко-римской архитектуры. Стиль коринфский, но характерными римскими постройками являются высокий *подиум* или основание, а также тот факт, что окружающий перистиль “зацеплен” или прикреплен к стене, за исключением передней части (псевдо-периптеральной). Этот храм был посвящен М. Аврелию и Л. Веру. Он был окружен открытым пространством, а затем коринфской колоннадой. Нисмес, некогда центр процветающей торговли сыром, особенно богат римскими руинами

47 ТЕАТР МАРЦЕЛЛА, РИМ, 200

С фотографии Андерсона. Театр, построенный Августом в году до нашей эры в память о его злополучном племяннике, состоял из трех ярусов: дорического, ионического и коринфского. Верхний этаж исчез, а высота первого этажа была испорчена повышением уровня земли

48 ВНУТРЕННИЙ ДВОР, ДВОРЕЦ 202
ФАРНЕЗЕ, РИМ

С фотографии Андерсона. Великолепный кортилий дворца Фарнезе, спроектированный Микеланджело, скопирован с Театра Марцелла и демонстрирует ту же последовательность заказов. Сопоставление этих двух табличек должно помочь воображению читателя воссоздать первоначальное великолепие римской архитектуры из существующих руин

49 (рис. 1) КОЛОННАДА 204
ОКТАВИИ

С фотографии Андерсона. Воздвигнут Августом в честь его любимой сестры, которая была замужем сначала за М. Марцеллом, затем за М. Антонием. Она была матерью Марцелла, прабабушкой Нерона и Калигулы. Она умерла в 11 году до н.э. Колоннада, вероятно, была построена за несколько лет до ее смерти. В нем находились храмы Юпитера Статора и

Юноны, а также публичная библиотека и здание сената, которое было уничтожено пожаром во времена правления Тита

(рис. 2) РИМСКИЙ БАРЕЛЬЕФ

С фотографии оригинала, сделанной Альмари в галерее Уффици во Флоренции. Жертвоприношение, вероятно, работа времен Домициана. Головы, большинство из которых портреты, выполнены превосходно, но переполненный дизайн неприятен. Архитектурный фон типичен для периода Флавиев. Эта плита была использована Рафаэлем в его карикатуре на Павла и Варнаву в Листре.

50	МОНЕТНАЯ ТАБЛИЧКА (В ВИДЕ КОЛЛОТИПА): РИМСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ	206
	1. Нерон	5. Марк Аврелий
	2. Траян	6. Домициан
	3. Веспасиан	7. Vitellius
	4. Адриан	8. Гальба

С оригиналов в Британском музее

51	СТЕНА Адриана: ВОЗЛЕ УСАДЕБ (БОРКОВИЦИУМ), НОРТУМБЕРЛЕНД	210
----	--	-----

С фотографии Gibson & Son. См.стр. 261-262,

52	Черные ВОРОТА, ТРИР, ГЕРМАНИЯ	214
----	----------------------------------	-----

По фотографии Фрита. Образец военной архитектуры, поистине римской по своему характеру. Вероятно, датируется временем Галлиена (260 г. н.э.)

53	РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА —I	216
----	-------------------------------	-----

Слева император в окружении своего штаба обращается с речью к своим войскам. Обратите внимание, как изображены звания армии в картотеке. Справа возводятся укрепления (Цихориус, фото xi)

54	РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА—II	218
----	-------------------------------	-----

Слева лошадей перевозят через Дунай, видно, как Траян управляет своей галерой, укрытый навесом. Справа он приземляется у ворот римского города на берегу реки. Храмы видны внутри стен (Кихорий, фото xxvi)

55	РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА—III	220
----	--------------------------------	-----

Кавалерийское сражение, в котором римляне атакуют закованных в кольчуги сарматов. Читатель заметит сходство между последними и норманнскими рыцарями с гобелена Байе (Кихориус, фото xxviii)

56	РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА—IV	222
----	-------------------------------	-----

Слева римляне в *тестудо* строем атакуют дакийскую крепость. В центре Траян получает головы поверженного врага (Цихориус, пластина li)

Четыре коллотипных пластины, воспроизведенные по специальному разрешению профессора Дж. Cichorius's "Die Reliefs der Traianssaule" (Berlin, Georg Reimer, 1896)
Фотографии Дональда Макбета

57 (рис. 1) РЕЛЬЕФ ИЗ САРКОФАГА 224

С фотографии оригинала, сделанной Алинари в галерее Уффици, Флоренция. Пример "непрерывного повествования" в рельефной работе. Саркофаг украшен типичными сценами из жизни римского дворянина — погоней, приветствием рабов, жертвоприношением, бракосочетанием. Рисунок описывается как "тонко переплетенный" или "утомительный и запутанный", в зависимости от вкуса зрителя

(рис. 2) РИМСКИЙ И ДАКИЙСКИЙ

С фотографии Граудона оригинального рельефа в Лувре. Источник этой плиты неизвестен; очевидно, она относится к началу второго века нашей эры и относится к дакийским войнам Траяна или, возможно, Домициана. Контраст между гордым спокойным римлянином и диким варваром очень велик и напоминает аналогичные контрасты в греческой скульптуре. На заднем плане видны дакийская хижина и дуб

58 РЕЛЬЕФ С АРКИ ТИТА 226

С фотографии Броги. Изображены гербы, захваченные в Иерусалиме (70 г. н.э.), которые с триумфом несут по Риму. Мы можем различить семисвечный подсвечник, стол для выставления хлеба и Священные трубы. На табличках были начертаны названия захваченных городов

59 РУИНЫ ПАЛЬМИРЫ (ВИД НА БОЛЬШУЮ АРКУ С ВОСТОКА) 230

С фотографии Дональда Макбета с листа xxvi в книге Роберта Вуда "Руины Пальмиры", 1753 год. Город Пальмира, традиционно основанный Соломоном, на пересечении сирийских караванных путей, впервые приобрел известность во времена Галлиена, когда Оденат, его сарацинский принц, был признан императором как "Август", т.е. коллега по императорской власти. После его убийства его вдова Зенобия унаследовала его власть и великолепно правила как королева Востока, пока не была побеждена и взята в плен Аврелианом. Архитектурные остатки выполнены в коринфском стиле, украшены бессмысленным восточным орнаментом

60 БААЛЬБЕК: ХРАМ ЗЕВСА 232

Гелиополис или Баальбек был центром плодородного региона Эль-Сирия на склонах Антиливана. Это всегда был центр поклонения Ваалу или Солнцу, это был город жрецов, и его оракул приобрел большую известность во втором веке нашей эры, когда к нему обратился Траян. Антонин Пий построил великий храм Зевса (Юпитера), одно из чудес света. Поклонение было скорее Ваалу, чем Зевсу, и носило восточный характер. Она включала в себя культ конических камней, подобных тому, что привез в Рим Элагабал. Архитектура выполнена в самом роскошном коринфском стиле с некоторыми восточными модификациями

61 БААЛЬБЕК: ХРАМ ВАКХА, ИНТЕРЬЕР 234

Здесь мы видим восточную круглую арку, образующую самый нижний проход. Материал зданий - белый гранит с отделкой из необработанного местного мрамора

62 БААЛЬБЕК: ХРАМ ВАКХА, ВОСТОЧНЫЙ ПОРТИК 236

Обратите внимание на довольно эффектное сочетание рифленых и не рифленых колонн

63 БААЛЬБЕК: КРУГЛЫЙ ХРАМ, 238
СЗАДИ

Этот небольшой круглый храм выполнен в стиле, не имеющем аналогов в древности. Природа культа неизвестна

Последние четыре пластины воспроизведены со специального разрешения директора Королевского музея Берлина по фотографиям, предоставленным Кенигслихен Мессбильданштальт. Это листы XVII, xxi, xxii и xxx соответственно в книге Пухштейна и фон Люпке "Баальбек", опубликованной для правительства Германии Г. Реймером, Берлин,

64 (рис. 1) ТИМГАД: СТОЛИЦА 240

Тимгад (Тамугади) был основан Траяном как римская колония в 100 году нашей эры. Он находится на краю Сахары, в древней провинции Нумидия. Недавно его исследовали французы. На фотографии изображен Капитолий, возвышающийся на искусственной террасе. Две коринфские колонны были восстановлены

(рис. 2) ТИМГАД: ДЕКУМАНУС МАКСИМ И АРКА ТРАЯНА

Вид на главную улицу, перекрытую триумфальной аркой в честь Траяна. Колеи от колес кареты все еще видны, как в Помпеях.

С фотографий мисс К. П. Блэр,

65 ПОМПЕИ: ТЕРМОПОЛИОН, 242
УЛИЦА ИЗОБИЛИЯ,

С фотографии д'Агостино. Новая улица, обнаруженная в результате последних раскопок профессора. Спинаццола. На фотографии изображен "магазин горячего вина" с баром и винными кувшинами

66 ПОМПЕИ: НАСТЕННАЯ 244
ЖИВОПИСЬ, УЛИЦА
ИЗОБИЛИЯ,

С фотографии Абениакара. Еще одна из самых недавних находок - фреска с изображением Двенадцати богов

67 (рис. 1) ИМПЕРАТОРА ДЕЦИЯ 246

С фотографии бюста Андерсона в Капитолийском музее в Риме. Великолепный образец реалистичной портретной живописи третьего века н.э.

(рис. 2) МАРК АВРЕЛИЙ

С фотографии бюста Mansell & Co. в Британском музее. Все портреты добродетельного философа сходятся в том, что они подчеркивают этот аспект красоты при ношении тонзуры, который противоречит характеру мужественного и энергичного принца

68 (рис. 1) ИМПЕРАТОР 250
КАРАКАЛЛА

С фотографии бюста Mansell & Co. в Британском музее

(рис. 2) ИМПЕРАТОР КОММОД

С фотографии бюста Mansell & Co. в Британском музее

69 РЕЛЬЕФЫ С ОСНОВАНИЯ 252
КОЛОННЫ АНТОНИНА

С фотографий оригиналов, сделанных Андерсоном. в Ватикане, Рим

(рис. 1) ВОИНЫ

Представляют собой военный смотр. Пехотинцы со своими штандартами группируются в центре, в то время как император возглавляет процессию кавалерии со своими *вексиллами*, которые маршируют мимо тем, что миссис Стронг описывает как “изящное и приятное движение”. Обсуждалось на [стр. 292](#)

(рис. 2) АПОФЕОЗ АНТОНИНА И ФАУСТИНЫ

Антонин и его менее добродетельная супруга возносятся на небеса на спине Славы или Гения. Юноша, лежащий внизу, несет обелиск Августа, указывающий на то, что он олицетворяет Марсово поле. Фигура справа - Рим. Композиция сцены демонстрирует нелепую нехватку воображения

70	ДВА ВИДА АКВЕДУКА КЛАВДИЯ	254
----	------------------------------	-----

С фотографий Андерсона. См. [стр. 293](#)

71 (рис. 1) АРКА ТИТА, РИМ 258

См. стр. 293

(рис. 2) АРКА КОНСТАНТИНА, РИМ

Арка Константина украшена заимствованными рельефами, в основном с Форума Траяна. Это самая хорошо сохранившаяся из римских арок. С фотографий Р. К. Смита

72 КОЛИЗЕЙ, Рим 260

С фотографии Андерсона. Описано на [стр. 293](#). На переднем плане - разрушенная апсида Храма Венеры и Рима, построенного Адрианом

73 КОЛОННА ТРАЯНА 262

С фотографии Андерсона. Великий форум Траяна был построен греческим архитектором Аполлодором между 111 и 114 годами нашей эры. Основание колонны образовывало гробницу, предназначенную для захоронения праха завоевателя. Наверху находилась его статуя, теперь замененная изображением Святого Петра. История дакийской войны изложена на спиральном рельефе шириной около 1 метра. Смотрите на листах 53-56

74	ДЕТАЛЬ КОЛОННЫ АНТОНИНА	264
----	----------------------------	-----

По фотографиям Андерсона. Колонна Антонина была построена по образцу колонны Траяна семьдесят пять лет спустя и, таким образом, дает представление о прогрессе рельефной скульптуры в Риме. В более поздних работах больше попыток индивидуального самовыражения, не всегда успешных, и сцены менее многолюдны. На них изображены эпизоды германских и сарматских войн 171-175 гг. н.э., (а) представляет обезглавливание повстанцев и (b) захват немецкой деревни: хижины сжигаются, в то время как М. Аврелий безмятежно руководит казнью

75 АНТИНОЯ 266

(рис. 1) с фотографии Гиродона бюста Мондрагора в Лувре

(рис. 2) с фотографии Mansell & Со бюст в Британском музее

Значение художественного культа Антиноя в эпоху Адриана обсуждается на [стр. 293](#).

Вероятно, только неуверенность наших местных археологов позволила колоссальному Мондрагору разрушить свое господство. Портрет Британского музея изображает его моложе и в облике юного Дионисия, выражение лица гораздо более человеческое, а прическа - гораздо менее изысканная и женственная

С фотографии Андерсона

(рис. 1). Марк Аврелий в сопровождении Бассея Руфа, префекта претории, едет верхом по лесу и принимает представление двух вожди варваров. На мой взгляд, эта сцена, и особенно фигура пехотинца рядом с императором, является *шедевром* римского исторического барельефа

(рис. 2). Марк и Бассей приносят жертву перед храмом Капитолийского Юпитера. Эти панели, вероятно, принадлежали к триумфальной арке, возведенной в честь германских и сарматских войн 171-175 годов нашей эры. Из фотографий оригиналов, сделанных Андерсоном во Дворце Консерватори, Рим

С фотографий Алинари. Этот великолепный памятник в Беневенте на Аппиевой дороге был воздвигнут в 114 году нашей эры в ожидании триумфального возвращения императора с Востока, где, однако, он умер. Он построен из греческого мрамора и когда-то нес на себе квадригу из бронзы. Рельефы с внутренней стороны (рис. 1) изображают триумф Траяна после его парфянского похода. Те, что снаружи (рис. 2), представляют АЛТАРЬ времен дакийских кампаний

По фотографии оригинала, сделанной Андерсоном в Национальном музее Рима. Прекрасный образец декоративного искусства. Мотив украшенного гирляндами черепа является излюбленным. Этот алтарь, как видно из надписи, был работой времен Адриана

С фотографии фрагментов, сделанной Алинари в Латеранском музее в Риме. Памятник врачу и его семье, жившим примерно в 100 году нашей эры. Схема уродливая и варварская, но она включает в себя несколько очень тонких декоративных работ. Показаны фасады пяти римских зданий — Храма Исиды, Колизея, двух триумфальных арок и Храма Юпитера Статора. Храмы открыты, и видны изображения

С фотографии Lacoste, любезно предоставленной старшим Д. Мигелем Утрилло. Этот великолепный мост через реку Тежу имеет длину 650 футов. Дизайн демонстрирует редкое сочетание изящества и силы

С фотографии Андерсона. Замок С. Анджеоло, восстановленный как крепость папой Александром VI. (Борджиа), состоит в основном из мавзолея Адриана; мост, ведущий к нему, также был построен для похорон императора. Круглая башня раньше была украшена колоннами, между которыми стояли статуи. Одним из них был знаменитый фавн Барберини. Здесь была пирамидальная позолоченная крыша и колоссальная квадрига наверху. Раньше все здание было облицовано белым паросским мрамором. Помимо Адриана, здесь были похоронены все Антонины, а также Септимий Север и Каракалла. У замка была волнующая история и в средневековые времена. Здание построено по образцу мавзолея Кари

АДРИАНА в ТИВОЛИ

С фотографий Р. К. Смита. См. стр. 296

84 ДВЕ МОЗАИКИ (ЦВЕТНАЯ ТАБЛИЧКА) 288

(рис. 1) ЖЕРТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ, ВЕРОЯТНО, В ГРОБНИЦЕ

(рис. 2) ПОДГОТОВКА К ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ

С оригиналов в Британском музее, по фотографиям Дональда Макбета

85 НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ: ФЛЕЙТИСТ (ЦВЕТНАЯ ТАБЛИЧКА) 290

С оригинала в Британском музее, предположительно найденного в *колумбарии* на Аппиевой дороге

86 ПОМПЕИ: ДВА ВИДА На РУИНЫ 292

По фотографиям Р. К. Смита. На верхнем рисунке показано, как погребенный город был выкопан из пепла Везувия, который образует недра окружающей страны. Нижний рисунок представляет собой общий вид, показывающий коринфские колонны, которые образовывали колоннаду вокруг открытого *имплювия*

87 ПОМПЕИ: ДОМ ВЕТТИЙСКИХ ФРЕСОК КУПИДОНА 294

По фотографиям Броги. На верхнем рисунке изображены Купидоны, занятые изготовлением ювелирных изделий; на нижнем они изображены колесничными, а внизу - Аполлон и Артемида. Два примера элегантного мифологического стиля греческого упадка, но чрезвычайно эффективного для данной цели. Считается, что это искусство возникло в Александрии

88 ПОМПЕИ: ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ИФИГЕНИИ 296

Коллотипная пластина с фотографии Броги. Вероятно, это копия одной из великих картин древнегреческих мастеров, Тиманта, около 400 года до н.э. Если это так, то это самый важный из существующих образцов ранней живописи. Психологический мотив композиции - исследование горя. Пророк Калхас опечален предвидением, Аякс и Одиссей печально подчиняются командам, которых они не понимают. Сама Ифигения демонстрирует стойкость мученицы, но горе Агамемнона, поскольку он был ее отцом, слишком велико, чтобы грек мог его показать. Поэтому его лицо скрыто. Вверху изображен олень, которому Артемида разрешила заменить деву

89 ДОМ ЛИВИИ: ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО (ЦВЕТНАЯ ТАБЛИЧКА) 300

Воспроизведено с разрешения Немецкого института археологии из книги Лукенбаха "Искусство и гештальт" (гроссе Аусгабе, Тейль I, Тафель IV) по договоренности с Р. Ольденбургом, Мюнхен

90 СВАДЬБА АЛЬДОБРАНДИНИ, ВАТИКАН, РИМ 302

С фотографии Броги фрески, которая сейчас находится в Ватикане. В центре изображена невеста в вуали, Венера подбадривает ее, Харис готовит сладкие эссенции, чтобы подчеркнуть ее красоту, Гименей ожидает слева от невесты, сидя на камне у порога, снаружи группа из трех дев, музыканта, коронованной подружки невесты и шиномонтажки. С другой стороны видна семья невесты. Это, без сомнения, самый очаровательный образец античной живописи

91 **БРОНЗОВЫЙ ЖЕРТВЕННЫЙ ТРЕНОЖНИК** 304

С оригинала, обнаруженного Броги в Помпеях, который сейчас находится в Национальном музее Неаполя. Образец эллинского изделия из металла эпохи Августа

92 **МИТРА И БЫК** 308

Из фотографии статуи Mansell & Co. в Британском музее. Представляет собой митраистское таинство Тауроболия, в ходе которого верующие получали новую жизнь, омываясь кровью быка. Митра носит фригийский колпак, поскольку митраистская религия, хотя и возникла в Персии, начала формировать художественное выражение только тогда, когда она прошла через художественный регион Малой Азии. Этот мотив постоянно повторяется в памятниках второго и третьего веков по всей Европе

93 **МАВЗОЛЕЙ ПЛАЦИИ, РАВЕННА** 312

С фотографии Алиари. Эта маленькая церковь, в которой находятся гробницы императора Гонория, ее брата, и Констанция III, ее мужа, а также мраморный саркофаг императрицы, ранее украшенный серебряными табличками, красноречиво свидетельствует о поубавившейся славе Западной империи в пятом веке. Он был основан около 440 года нашей эры. Он построен в форме латинского креста и имеет всего 49 футов в длину и 41 фут в ширину. Интерьер украшен красивой мозаикой. Равенна содержит много других реликвий того периода, когда она была резиденцией римского правительства

94 **СЛОНОВАЯ КОСТЬ БАРБЕРИНИ** 314

С фотографии Жиродона оригинала в Лувре. В центре изображен Константин на коне с перевернутым копьём в знак победы. Вокруг него - Победа, варвар-проситель и Земля с ее плодами. Слева изображен римский солдат с статуэткой Победы. Внизу народы Востока приносят свою дань уважения. Над двумя Победителями, находящимися в процессе превращения в ангелов, висит медальон с изображением Христа, все еще безбородого, ассоциирующегося с Аполлоном и Солнцем Непобедимым. Эмблемы солнца, луны и звезд показывают, что христианское искусство еще не отделилось от язычества

95 **(рис. 1) ДВОРЕЦ ДИОКЛЕТИАНА, СПАЛАТО,** 316

С фотографии мисс Карр. Диоклетиан задумал этот огромный дворец, который больше похож на город или крепость, в Спалато (Salonæ) на побережье Далмации, как место своего уединения. Его внешние стены имели размеры 700 на 580 футов. Он был укреплен с трех сторон и имел три входа. Аркада, в которой восточная арка берет начало от римской колонны, является наиболее интересной архитектурной особенностью обширных руин, существующих в настоящее время

(рис. 2) РЕЛЬЕФ С АРКИ КОНСТАНТИНА; БИТВА При МИЛЬВИАНСКОМ МОСТУ

С фотографии Андерсона. Демонстрирует действительно вырождающееся искусство четвертого века нашей эры. В этой битве (312 г. н.э.) Константин победил своего соперника

Максенция, который утонул вместе со своими людьми в Тибре. На рельефе изображен утопающий

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

РИМСКИЙ АС: БРОНЗОВЫЙ (В НАТУРАЛЬНУЮ ВЕЛИЧИНУ) ВЕСОМ 290 г. 18

Стиль оформления указывает примерно на 350 год до н.э., и у нас нет реальных свидетельств чеканки монет более раннего периода. Рисунок не примитивен, хотя и отлит неуклюже. Голова Януса часто встречается на греческих монетах, как и нос галеры. Вес Ас снизился с 12 до 1 унции. в ходе истории республики

ЭТРУССКАЯ ФРЕСКА: ГОЛОВА ГЕРКУЛЕСА 21

Образец этрусской живописи, которая не отличается от греческой. Вероятно, это голова Геркулеса, чье имя встречается на этруских надписях

На ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТРУССКОЙ КЕРАМИКЕ 22

Из книги Риджуэя “Ранняя эпоха Греции”. Черная посуда, украшенная резным орнаментом: гиппокампы или морские коньки на одном из них: найдены в Фалерне в Тоскане. Керамика этого типа встречается на доисторических памятниках по всему Средиземноморью

РИМСКАЯ ТОГА 23

Шерстяная тога была официальной одеждой римского гражданина. Обычно его надевали поверх туники, хотя знатоки древностей, такие как Катон, носили только тогу. Его носили в естественный цвет шерсти, но и претендентов на должности носил его специально белели, и воеводы была пурпурной каймой

карта Италии, показывающий землю за 1000 футов 69

план пехотной манипулы 97

галльские гончарные 114,115

ясно только провинциального развития Arretine изделий, который сам имитировал из Самосской изделий из Греции

монета, показывая капитуляцию Парфянского стандартов 199

монеты. ПОРТРЕТ П. КВИНТИЛИЯ ВАРА 217

РИМСКИХ ИЗВЕСТЕЙ 264

Реконструкция великих пограничных линий, которые окружали Империю на севере вдоль Рейна и Дуная. Это стиль *луп* Верхней Германии

РИМСКОГО ФОРУМА ЭПОХИ РАННЕЙ ИМПЕРИИ 281

ВОССТАНОВЛЕННАЯ ГРОБНИЦА АДРИАНА 295

См. стр. 294

Введение

questa del Foro tuo solitudine
ogni rumore vince, ogni gloria,

e tutto che al mondo è civile,
grande, augusto, egli è romano ancora.
Carducci.

Взгляд на римскую историю

АТЕНС и Рим стоят бок о бок как родители западной цивилизации. Родительская метафора почти неотразима. Рим так явно мужествен и крепок, Греция наделена такой красотой и обаянием. Рим подчиняет физическим завоеванием и правительством. Греция так легко уступает римской мощи, а затем в отместку так легко властвует над самим Римом, со всем, что Рим завоевал, благодаря простой привлекательности высшей человечности. Тем не менее, эта метафора мужского и женского рода содержит серьезную ошибку. В Греции тоже были дни военной мощи. Именно благодаря превосходящей храбрости и военному мастерству Афины и Спарта отразили персидские вторжения в пятом веке до нашей Эры и таким образом спасли Европу для запада. И снова именно благодаря военной доблести Александр Македонский донес греческую цивилизацию до границ Индии, эллинизировав Малую Азию, Сирию, Персию, Египет, Финикию и даже Палестину. Это он сделал как раз в тот момент, когда Рим завоевывал свое господство над Лациумом. Таким образом, вместо того, чтобы рассматривать Грецию и Рим как две силы-ровесницы, работающие бок о бок, мы должны рассматривать их как предшественника и преемника. Рим едва ли раскрывается как мировая держава, пока он не встречается с греческой цивилизацией в Кампании примерно в начале третьего века до нашей эры. Физический упадок Греции едва заметен до тех пор, пока ее фаланга не возвращается, разбитая в битве римскими манипулами при Беневенте. Более того, в дополнение к этому хронологическому разделению сфер существует еще и географическое разделение. Греция занимает Восток, Рим - Запад, и хотя к тому времени, когда Рим стал управлять своими западными провинциями, он уже был довольно основательно пропитан греческой цивилизацией, все же Запад оставался на протяжении всей средневековой истории гораздо более латинским, чем греческим. Когда Константин разделил империю, он лишь во внешней форме выразил естественное разделение культуры.

Сходство между Римом и Грецией даже с самого начала очень четко прослеживается. Во многих отношениях они явно принадлежат к одной семье, и, хотя мы больше не говорим с такой уверенностью об "арийцах" и "индоевропейцах", как это делали этнологи и филологи девятнадцатого века, все же остается очевидное родство языка, обычаев и даже одежды. Многие из наиболее очевидных сходств, таких как сходство в религии, в настоящее время рассматриваются как результат более поздних заимствований, но сохраняется явное родство, происходящее либо от завоевания обоих полуостровов родственными племенами северных захватчиков, как считает Риджуэй, либо от существования коренного средиземноморского облика, как считает Серджи, — либо от того и другого.

Но при всем этом сходстве одна из самых интересных черт древней истории заключается в психологическом контрасте между Грецией и Римом, или, скорее, между Афинами и Римом. Афины богаты идеями, полны духа исследования и, следовательно, богаты на изобретения, любят новизну, поклоняются блеску ума и тела. Рим флегматичен и консервативен, предан традициям и закону. Серьезность и чувство долга - ее высшие добродетели. Здесь у нас есть два типа людей, которые добиваются успеха и побеждают, поставленные рядом для сравнения. К чему в конечном итоге ведет победа?

Современному англичанину Рим в некотором смысле гораздо более знаком, чем Греция. Помимо очевидного сходства в истории и характере, Рим затрагивает нашу собственную

внутреннюю историю, и любой человек, который отметил устойчивость старых римских устоев или прямогу старых римских дорог, уже понял фундаментальную истину о нем. Он, конечно, недалек от истины в общем смысле непреодолимой силы, слепой энергии и жесткого закона, которые он связывает с именем Рима. Таким образом, нет такого радикального неправильного представления о римском характере, с которым следовало бы бороться, как это было в случае с Грецией.

Но, по-видимому, в общепринятом взгляде на римскую историю широко распространена ложная точка зрения. Современный читатель, особенно если он англичанин, является очень строгим моралистом в своих суждениях о других нациях и эпохах. В дополнение к этому он является гражданином империи, которая сейчас чрезвычайно застенчива и несколько сбита с толку ее собственными масштабами. Он не может удержаться от проведения аналогий из римской истории и поиска в ней “морали” для своего собственного руководства. Римская империя имеет такое очевидное и уникальное сходство с британской, что судьба первой должна представлять огромный интерес для последней. Только по этой причине мы склонны рассматривать *падение* Рима как кардинальный момент римской истории. К этому следует добавить влияние великой работы Гиббона. Гиббон побуждает нас прежде всего (вместе с Сайласом Веггом) размышлять о ее упадке. Таким образом, Рим стал для многих людей просто колоссальным провалом и ужасным предупреждением. Мы видим ее сначала как Республику, идущую к неизбежному краху, а затем как Империю, распадающуюся с самого начала и продолжающую гноиться около пятисот лет. Это один из случаев, доказывающих, что историю творят не столько герои или силы природы, сколько историки.

Историографическая случайность заключается в том, что Республика не была описана ни одним великим отечественным историком до ее конца, когда на фоне ужасов гражданской войны люди стали идеализировать героев глубокой древности и, таким образом, оставили после себя мрачную картину полного упадка. Поскольку не было ни одного великого историка, симпатизировавшего имперскому режиму, репутация ранней империи оставалась в основном в руках Тацита и Светония, первый из которых изобилует эпиграммами, в то время как второй запятнал ее скандалом. Почти все римские писатели имели риторическую подготовку и сатирические наклонности: все римляне были восхвалителями прошлого. Таким образом, римская добродетель отошла в прошлое, в эпоху, которую современная критика объявляет мифологической. Еще одна случайность заключается в том, что гений величайшего римского историка современности был также сильно сатирическим. Именно природная склонность к темпераменту побудила Гиббона продолжить историю Тацита и окунуть свое перо в ту же горькую жидкость.

Таким образом, в Риме нашлось мало беспристрастных историков и почти нет сочувствующих. Но возможно ли сочувствовать? В то время как каждый истинный ученый испытывает трепет при упоминании Греции, вряд ли кто *любит* Древний Рим. При первом упоминании ее имени мысли обычного человека устремляются к Колизею и христианскому мученику, “стоящему лицом к окровавленной гриве льва” под музыку скрипки Нерона. Его вторая мысль состоит в том, чтобы сформулировать свое объяснение ее упадка. Объяснения столь же разнообразны, как и политические взгляды. “Роскошь”, - говорит моралист, “Язычество”, - говорит христианин, “Христианство”, - отвечает Гиббон. Протекционист может легко доказать, что это произошло из-за бесплатного ввоза зерна, в то время как свободный торговец обращает внимание на огромное бремя, которое приходилось нести римской торговле. “Милитаризм”, - объясняет миролюбец; “пренебрежение личной службой”, - отвечает призывник. И либерал, и консерватор могут сделать ценные выводы из римской истории в поддержку своего соответствующего мировоззрения. “Если бы не демагоги вроде Мария и Гракхов, - говорит Консерватор, - Рим мог бы продолжать

демонстрировать мужество и патриотизм, которые он проявил под руководством сенаторов в войне против Ганнибала, вместо того чтобы бросаться навстречу своей гибели путем подстрекательства к мятежу и беспорядков”. С равной справедливостью либерал указывает на глупый фанатизм, с которым эта коррумпированная олигархия, сенат, откладывала необходимые реформы. Это, по его словам, стало причиной падения Рима. Так было написано на стене.

Табличка I. ОБЩИЙ ВИД РИМСКОГО ФОРУМА

Независимо от того, возможно любить Древний Рим или нет, я бы предположил, что такое отношение к ней просто как к объекту для вскрытия и источнику мрачных пророчеств на благо Британской империи является нелепым оскорблением истории. Сама мысль о том, что империя будет продолжать приходить в упадок в течение пяти столетий, нелепа. Это значит рассматривать как провал величайшую цивилизаторскую силу за всю историю Европы, самую стабильную форму правления, самую сильную военную и политическую систему, которая когда-либо существовала.

Именно на этом этапе наше собственное поколение может добавить нечто очень важное к изучению римской истории. Что бы ни говорили о вере, надежда - это великое открытие нашего века. С помощью этого благословенного слова “Эволюция” мы научились переносить наши Золотые века не в прошлое, а в будущее. Во многих случаях мы обнаруживали, что то, что наши отцы называли упадком, на самом деле было прогрессом. Разве не так обстоит дело с Римом?

Судьбой или функцией Рима во всемирной истории было не что иное, как создание Европы. Современная семья европейских народов - это ее сыновья и дочери, и некоторые из ее дочерей выросли, вышли замуж за иностранцев и родили потомство. Для достижения этой великой цели было необходимо, чтобы сам город прошел через фазы роста, зрелости и упадка. С политической точки зрения, частью судьбы Рима было преобразовать

цивилизацию города-государства в нацию или территориальное государство. После развития провинции было необходимо, чтобы Город прекратил свое существование. Завоевание в колоссальных масштабах было частью программы, абсолютное централизованное господство было другой частью. Для этого был необходим переход от республики к самодержавию.

Рисунок II. РИМСКАЯ КОМПАНИЯ

Греция, как мы видели в других местах, благодаря своей системе небольших государств, окруженных и защищенных городскими стенами, смогла задолго до того, как мир в целом почти созрел для этого, развить цивилизованную культуру с привычками мышления и речи, которые сейчас называются европейскими или западными. Именно в условиях высокой концентрации общественной жизни и в искусственных условиях Афины заложили основы всех наших искусств, наук и философий. Однако, как мы видели, естественное развитие гражданской демократии было невозможно. Она могла бы несколько лет удерживать маленькую империю с помощью ненадежной морской мощи. Она могла бы отказаться от нескольких дочерних городов, созданных по ее собственному подобию. Но для миссионерской работы в больших масштабах город-государство не был приспособлен. Для этой цели было необходимо нечто гораздо большее, чем город, и гораздо более целеустремленное, чем демократия. Гений Александра Македонского, автократа и полуварвара, позволил ему многое сделать для распространения эллинизма в восточной части средиземноморского побережья. Но его ранняя смерть помешала выполнению его задачи, и та половина его натуры, которая была греческой, заставляла его считать основание новых греческих городов единственным средством для ее выполнения.

Вот какую роль должен был сыграть Рим. Он должен был сделать для Запада то, что Александр пытался сделать для Востока. В некоторых отношениях ее задача была сложнее, поскольку она работала среди воинственных варваров, но легче оттого, что ей не приходилось сталкиваться с разлагающим влиянием соперничающей и более древней цивилизации.

Рим тоже начинался как город-государство, и именно тогда, когда он все еще находился в таком состоянии, к нему пришла греческая цивилизация и взяла его штурмом. Это было новое вино, которое разлило старую бутылку, когда Рим попытался превратиться в греческую

демократию, и, потерпев неудачу, снова стал монархией. Следовательно, это не был случай "упадка", когда Рим перестал быть республикой. Либералам нет необходимости вздыхать по ушедшей республике. Это была олигархия, которая в течение столетия заслуживала замены на что-то лучшее, и это изменение стало даже шагом вверх по свободе для всех, кроме нескольких сотен римских дворян. Если мы сможем отвлечься от придворных сплетен и злобы недовольной аристократии и внимательно рассмотреть эту величественную и прочную систему управления провинциями, мы сможем увидеть прогресс там, где историки заставили бы нас оплакивать упадок.

Это снова был прогресс, когда Рим постепенно перестал быть городом-государством с прилегающей территорией и последовательно превратился в столицу империи, а затем в один из полудюжины крупных центров управления. Наконец, это был прогресс, как мы уже должны были видеть, когда искусственные валы на Рейне и Дунае рухнули и в их наследство вступили новые нации. К тому времени Рим завершил свою работу, и фаза города-государства завершилась.

Некоторые подобные убеждения, я думаю, неизбежны для любого, кто рассматривает европейскую историю в целом в свете какой-либо теории исторической эволюции. Рим долгое время был игровой площадкой сатириков и пессимистов. К сожалению, в наши дни трудно, если не невозможно, оспорить их вердикт и прочесть римскую историю в новом свете. Поступая так, вы не можете следовать за авторитетами, поскольку все они были на стороне деградации. Идея прогресса была неизвестна древнему миру, и римляне больше всего на свете верили, что их Золотой век остался позади. Поэтому становится необходимым испытывать правду у невольных свидетелей, что всегда является ненадежным и подозрительным занятием. Все римские литераторы верили вместе с Горацием:

damnosa quid non imminuit dies?
ætas parentum peior auis tulit
nos nequiores, mox daturos
progeniem uitiosioreм.[1]

Если мы не готовы принять звание *потомков vitiosissima*, мы вынуждены отбросить всю эту тенденцию мышления и читать наши авторитеты между строк. Все они были риторами, все были склонны восхвалять прошлое в ущерб настоящему и будущему; никто из них не был чрезмерно щепетилен в обращении с доказательствами. Если бы все историки погибли и остались только надписи, у нас была бы совсем иная картина Римской империи, картина гораздо более яркая и, я думаю, гораздо более верная истине.

Латинизм

Эллинизм мы знаем и понимаем; каждый настоящий ученый-классик является эллинистом по убеждениям. Но что такое латинизм и кто такие наши латинисты? Огни на алтаре потухли, а приверженцы рассеялись. За исключением небольшого томика отборной латинской поэзии эпохи Августа, что из латыни доставляет нам удовольствие сегодня? Изучение греческого, кажется, привлекает все самое блестящее и гениальное в мире науки: латынь в основном сведена к нулю. Кто читает Лукана во внеклассное время? Кто стал бы искать в Египте утерянный труд Цицерона "De Gloria"? Кто узнал бы цитату из Статия?

Так было не всегда. Однажды в Палате общин они цитировали Лукана и Сенеку. Восемнадцатый век был гораздо более симпатичен Древнему Риму, чем мы. В те дни не показалось бы абсурдным доказывать превосходство Вергилия над Гомером. Вплоть до того

дня латынь оставалась альтернативным языком для образованных людей, средством международного общения, даже для дипломатии, пока ее место постепенно не занял французский. Писать по-английски можно было только в том случае, если вы специально стремились достучаться до вульгарных. Хотя доктор Джонсон мог написать очень красивое письмо по-французски, он обычно разговаривал с французами на латыни; не то чтобы это делало его более понятным, поскольку, на самом деле, ни один иностранец не мог понять английское произношение латыни; но он не хотел оказаться в невыгодном положении перед простым французом, перенимая иностранный жаргон. Что касается публичных надписей, хотя половина лондонских литераторов подписалась под обращением к великому автократу с просьбой написать эпитафию Оливеру Голдсмиту по-английски, Джонсон “отказался позорить стены Вестминстерского аббатства английской надписью”.

Фото III. ВИД НА СПОЛЕТО

В чем причина затмения, от которого до сих пор страдают латиноамериканские науки? Возможно, одну из причин следует искать в неправильном использовании языка педагогами и филологами прошлого в школе и на экзаменах. Но другой причиной является недавнее открытие истинной греческой цивилизации, благодаря которому ученые пришли к пониманию того, что латинская культура в основном является лишь вторичной и производной. В настоящий момент мы проходим через стадию бунта против классицизма, условностей и искусственности. Мы знаем, что греческая культура, по-настоящему изученная, не является ни “классической”, ни условной, ни искусственной, но латинизм, по-видимому, все еще подпадает под действие всех этих терминов. Латынь Цицерона, Вергилия, Овидия, Горация, Лукана и большей части гигантов, фактически вся латынь наших школ является тем, чем греческий не является, — действительно классическим. Они писали не так, как говорили и думали. Они изучали законы выражения в школе риторики, и под страхом того, что их сочтут варварами, они писали по этим законам. Их целью был стиль. Сам их язык подчинялся произвольным законам синтаксиса и грамматики. Английский школьник, который приближается к Цицерону с помощью правил и примеров из букваря,

вступает в латинскую литературу почти тем же путем, что и сами римляне. Римляне были грамматиками по инстинкту и ораторами по образованию. Таким образом, латынь создана природой для использования в школьных классах, и для всех, кто хочет изучать слова, которые, в конце концов, являются мыслями, латынь - в высшей степени лучшая тренировочная площадка. Язык движется по правилам. Правила регулируют склонения и созвучия слов. Точки выстроены логично и красиво в соответствии с законом. Латынь, из всех языков, меньше всего допускает перевод. Вам достаточно перевести Цицерона, чтобы презирать его.

В мире литературы, как и в мире политики, существуют добродетели порядка и добродетели свободы. Наш собственный восемнадцатый век был логичен по складу ума, потому что ему приходилось облекать свои мысли в точный язык. Но даже Поуп и Аддисон - грубые варвары по сравнению с Вергилием и Цицероном. *О том, что не вызывает споров*— пусть одни предпочитают простое жаркое, а другие - готовое блюдо. Латынь может быть приобретенным вкусом, но совершенство не бывает смертным. Латынь снова вступит в свои права вместе с Драйденом и Конгривом, вместе с заплатами и барвиг. Между тем, должно быть, очень тупая душа, которую не трогает величие римской истории, триумфальный марш гражданских легионов, упрямый патриотизм, который насмерть противостоял Ганнибалу, а также пышность и великолепие Империи. Нужно быть слепым, чтобы не восхищаться массивной мощью ее разрушенных памятников, арок, мостов, дорог и акведуков. И нужно быть действительно глухим, чтобы не наслаждаться всплесками цicerоновского красноречия или раскатистой музыкой вергилианского гекзаметра. Греция может претендовать на все очарование весенней поры цивилизации, но Рим во всех своих произведениях обладает величием, которое должно вызывать если не любовь, то удивление и уважение. Моммзен справедливо замечает, что “только жалкая ограниченность возразит афинянину, что он не знал, как создать свое государство, подобно Фабиям и Валериям, или римлянину, что он не научился вырезать, как Фидий, и писать, как Аристофан”.

Под развевающейся тогой латинизма природный римлянин скрыт от нашего взора. Возможно, что прогресс исследований и раскопок может в какой-то степени открыть его заново и отличить, как это уже произошло с его братом-эллином, от изысканных придворных эпохи Августа, которые до сих пор считались типичными представителями Рима.

Удивительно, как мало мы на самом деле знаем о Риме и римлянах после всего, что было сказано и написано о них. Обычный природный римлянин нам совершенно незнаком. Несомненно, что он не жил в роскоши, как Меценат, но как он жил и что он был за человек? Мы можем заметить, что его язык ни в малейшей степени не был похож на язык Цицерона. Похоже, что он не боялся и не испытывал неприязни к императорам вроде Нерона, как это делали Тацит и Ювенал. Что касается его религии, то многое уже сделано, и еще больше предстоит сделать, чтобы показать, что на самом деле он не поклонялся эллинизированным олимпийцам, которые в литературе выдаются за его богов. Недавние исследования сделали кое-что, чтобы показать нам присутствие настоящего национального искусства в Риме или, во всяком случае, художественное развитие на итальянской земле, которое сделало заметные шаги самостоятельно, опираясь на эллинские ориентиры. Таким образом, есть некоторая надежда, что настоящий римлянин не всегда будет ускользать от нас. Но в настоящее время во всей области искусства, религии, мысли и литературы греческое влияние почти вытеснило туземную черту. Поэтому в настоящее время мы должны довольствоваться тем, что рассматриваем римскую цивилизацию в основном как производную, и нашей главной целью будет увидеть, как Рим выполнил свою задачу миссионера греческой мысли. Эта цель, наряду с неудовлетворительным характером

записей, должна извинять поспешность, с которой я перешел к более ранним этапам истории римской республики. Очевидно, что с этой точки зрения первые три столетия нашей эры станут важной частью римской истории. Кроме того, если прогресс цивилизации является нашим основным предметом изучения, то ничто в римской истории до начала второго века до нашей эры не может попасть непосредственно в поле нашего внимания. Когда римляне впервые вступили в контакт с греками, они все еще были варварами, у которых не было литературы, искусства и очень мало промышленности или торговли. Более ранние периоды будут только вводными.

Италия и римляне

Приятная страна Италия не нуждается в описании здесь. Наши иллюстрации[2] напоминают о его солнечных склонах холмов, его глубоких тенях, его виноградниках и оливковых рощах. Но есть одна или две особенности его географии, которые имеют отношение к истории Рима.

Начнем с того, что географическое единство итальянского полуострова скорее кажущееся, чем реальное. Изогнутая форма Апеннин действительно делит Италию на четыре части: (1) северный регион, состоящий в основном из долины По, плодородной равнины, которая на протяжении республиканского периода вообще едва ли считалась частью Италии и фактически была населена галлами—варварами; (2) длинная восточная полоса Адриатического побережья, открытая безводная область без гаваней, со скудным населением, которое едва ли вошло в древнюю историю; (3) собственно южный регион Италии, жаркий, плодородный и богатый естественными гаванями, так что очень рано он был заселен галлами-варварами. привлекал внимание греческих мореплавателей и был засажен роскошными и густонаселенными городами задолго до того, как Рим приобрел известность; и (4) центральная равнина, обращенная на запад, на которой река Тибр и город Рим занимают центральное положение. Этрурия и Лациум вместе занимают большую его часть. Его ширина составляет всего около восьмидесяти миль, так что здесь нет места для развития каких-либо значительных рек, и, фактически, на береговой линии протяженностью более 300 миль есть только четыре сколько-нибудь важные реки. Мы можем назвать весь этот регион равниной в отличие от Апеннинского нагорья; но, конечно, он изобилует холмами, достаточно высокими, чтобы служить неприступной цитаделью, и по сей день увенчан скученными деревьями.

Сам Рим на своих Семи холмах начал свою карьеру с закрепления господства над латинской равниной, которая окружала его со всех сторон, кроме севера. Римская Кампанья,[3], которая сейчас пустынна и поражена лихорадкой, когда-то была полностью густонаселенными сельскохозяйственными угодьями. Река Тибр, хотя ее заилившее устье и приливы в настоящее время делают ее непригодной для судоходства, в дни расцвета Древнего Рима была судоходной для небольших судов, и Остия была хорошей искусственной гаванью в ее устье. Таким образом, именно история, а не география превратила Рим в непроизводительную столицу. Мы можем заключить, что география поставила Рим в благоприятное положение для обеспечения контроля над Средиземноморьем и особенно над его западной частью.

Стоит также обратить внимание на соседей, которые окружили ее, когда она впервые вышла на свет. Сразу за Тибром, к северу от нее, жили этруски, о которых мы подробнее расскажем в следующей главе. Их пиратские корабли бороздили море, в то время как их торговцы вели дела с греками Сицилии, Великой Греции и Массилии. Возможно, именно ее положение в *тет-дю-пон* привело к раннему успеху Рима в войне. За морем, на побережье Африки, находился внушающий страх город Карфаген, который веками стремился утвердиться на

острове Сицилия. Все это были мореплаватели, торговые народы, но Рим встретил их не на море. За Римом, среди долин и на отрогах Апеннин, жил целый ряд крепких горных кланов, которые, как и все горцы, замечали превосходную упитанность долинных овец. Именно с этими умбрийцами, марсианами, пелигнийцами, сабинянами и самнитами города равнины постоянно враждовали, и главным образом именно борьба с ними поддерживала блеск римских мечей в первые дни.

Что касается самих римлян и их происхождения, мы мало что можем сказать наверняка. Древняя этнология ни в коем случае еще не уверена в своих предпосылках. Одна вещь достаточно ясна, если мы можем хоть сколько-нибудь полагаться на литературные свидетельства — национальные особенности древнего римлянина были очень непохожи на характеристики современного итальянца. Один был смелым, выносливым, серьезным, упорядоченным и нехудожественным; другой — чувствительным, живым, артистичным, бурным и сообразительным. Между ними нет ничего общего, и все же современный итальянец, несомненно, является нормальным южноевропейским типом. По мере продвижения на юг через Францию вы обнаруживаете, что люди все больше приближаются к этим характеристикам. У испанца и грека они общие. Древний римлянин республиканских времен, если только он не является литературным вымыслом, определенно не южанин по темпераменту, хотя южные качества, несомненно, начинают проявляться по мере развития римской истории. И тогда вся ранняя римская история отмечена борьбой между двумя сословиями — патрициями и плебеями, которая, конечно, не является просто борьбой между двумя политическими партиями или простым конфликтом между богатыми и бедными. Существует разделение между религией и обычаями в таких вопросах, как погребение, например, и брачные обряды. Патриции опасаются заражения своей крови, если плебеям будет разрешено вступать с ними в браки. Эти и другие подобные им соображения привели проф. Риджуэй сформулировать для Рима, как он уже успешно сделал для Греции, теорию северного вторжения и завоевания в самые ранние дни. Вероятно, это теория, которую никогда нельзя ни доказать, ни опровергнуть, настолько прискорбно скудны наши свидетельства о самых ранних веках римской истории. Но она объясняет великую загадку римского характера так, как никакая другая теория.

Археология лопаты нам мало помогает, хотя она позволила сделать несколько интересных открытий на земле Италии. Конечно, в основе лежит неолитическая культура, напоминающая культуру остальной Европы. Затем наступает фаза свайных жилищ, широко распространенных среди болот Ломбардской равнины, называемая цивилизацией “Террамаре”. Поскольку этот этап относится к бронзовому веку, мы можем сделать вывод, что цивилизация в Италии развилась позже, чем в Греции, из-за отсутствия укрепленных городов. В этот террамарский период умерших тщательно хоронили целиком, часто в сидячем положении, чтобы они соответствовали своим узким могилам. Затем наступает период раннего железа, называемый “Вилланова”, когда кремированный прах умерших собирают в урны и помещают в хранилища, обычно обнесенные плоскими каменными плитами. Над этими двумя этапами возвышаются этрусские и галльские руины, а затем руины исторического Рима. Достаточно вероятно, что железный век культуры Вилланова представляет собой завоевание с севера. Вполне вероятно, что в доисторические времена Италию постигла та же участь, что и на протяжении всех веков истории. Альпийские перевалы легче преодолевать с севера на юг, чем в обратном направлении, и улыбающиеся равнины Северной Италии всегда обладали непреодолимой привлекательностью для варвара, который смотрит на них сверху вниз с этих бесплодных, покрытых снегом высот. Будь захватчиком умбрийский, галльский, готический или австрийский воин, Италия должна заплатить цену за свой “роковой дар красоты”.

ЗАРОЖДЕНИЕ РИМА

arx æternæ dominationis.

Tacitus.

То, что Рим был построен не за один день, - это единственное, что мы действительно знаем о происхождении Рима. Однако ничто не мешает нам строить догадки. Современный историк Экономической школы представил бы нам ограниченную компанию первобытных деловых людей, странствующих по миру, пока они не нашли место в центре Средиземноморья, удобное как для испанской меди, так и для сирийского ладана, удобное для торговли с этрусками на севере, сицилийскими греками на юге и карфагенянами на африканском побережье. Они выбирают участок возвышенности на берегу реки Тибр, примерно в пятнадцати милях от ее устья, место безопасное и удобное для их грузовых судов, и там строят Биржу, основывают Торговую палату (которую они причудливо называют *сенат*) и учреждают ту форму общественного страхования, которая известна как "армия". Вооружившись таким образом, они силой или обманом захватывают ряд рынков, которым со временем дают название "Империя".

Эта картина, будучи современной, от природы импрессионистична и довольно расплывчата в деталях. Судя по всему, потребовалась бы большая инженерная работа, чтобы сделать естественный Тибр пригодным для крупномасштабного судоходства. Мало того, что его устье ежегодно заиливается и его русло постоянно меняется, но и прямо между холмами на самом дне Рима каждую весну образуются лужи и болота. В Средиземном море также нет прилива, который помог бы гребцам добраться до города против течения. Этрусские, которые разнообразили свои коммерческие операции систематическим пиратством, держали в подчинении почти все это западное побережье. Южные греки, которым есть что рассказать об этрусских и карфагенских мореплавателях, забыли упомянуть о своих ранних римских клиентах. Но, возможно, это потому, что у первобытного торговца из Рима не могло быть ничего особенного на продажу, и уж точно у него вообще не было денег, чтобы покупать. Основывая свою Биржу, он, по-видимому, забыл устроить Монетный двор; во всяком случае, долгое время после того, как сицилийские греки изобрели самую изысканную чеканку серебряных и золотых монет, римляне все еще довольствовались огромными и неуклюжими медными *as*. Я думаю, мы можем с уверенностью исключить внешнюю торговлю из числа причин раннего возвышения Рима. Чеканка монет - самое надежное свидетельство, которым мы располагаем, что никакая внешняя торговля в Средиземноморье не могла вестись на основе меди *как*, а на латыни эквивалентом "денег" является слово, обозначающее "крупный рогатый скот". Кем бы ни были ранние римляне, они были в основном, как показывают вся их религия и традиции, сухопутными воинами и фермерами.

Ливи придерживается более разумной точки зрения. Он признает, что современные рассказы об основании города полны тайн и чудес, но он справедливо утверждает, что если какой-либо город и заслуживал чудесного происхождения, то это Рим. Затем он продолжает рассказывать приятную историю о ее основании в 753 году до нашей эры Ромулом и Ремом.

Конечно, бесполезно слишком глубоко искать крупинцы истины в песках легенд, которые покрывают ранние традиции Рима, но иногда интересно предположить, как и почему были придуманы легенды. История Ромула и Рема, например, могла зародиться в

Римлянин В виде (бронза, в натуральную величину)

Фотография IV. КАПИТОЛИЙСКИЙ ВОЛК

“сказка ризничего” о древнем произведении искусства, изображающем волчицу, кормящую грудью двух детенышей. Довольно древняя копия этого мотива сохранилась у знаменитого Капитолийского волка.^[4] Волк, по крайней мере, древний, а дети были добавлены в наше время из изображений знаменитой группы на древних монетах. Вполне возможно, что оригинальная статуя восходит ко временам тотемистической религии, когда волк был предком римского клана.

Семь римских царей - это по большей части просто имена, которые рационалистически настроенные антиквары, предположительно греческие, снабдили соответствующими им изобретениями. Ромул - это просто герой-покровитель Рима, названный ее именем. Нума, второй, чье имя наводит на мысль о *нумене*, был безупречным сабинянином, который положил начало большинству древнеримских культов и получил полную биографию, во многом заимствованную из той, что была придумана для Солона. Тулл Гостилий и Анк Марций были *враждебными* и *воинственными* изобретателями военных систем. Сервий Туллий был человеком *рабского* происхождения, и на этом фундаменте Фримен построил свою веру в то, что римское царствование - это карьера, открытая для талантов!

Что касается двух Тарквиниев, последний из которых был превращен греческими историками в типичного греческого тирана и стал предметом поучительной греческой истории о тираноубийстве, во многом основанной на истории Гармодия, то говорят, что их имена этрусские. Недавно появилась теория, что спасение Рима Горацием и его товарищами - это выдумка, призванная скрыть реальное завоевание Рима этрусками. На самом деле есть много других свидетельств в пользу этой теории: неохотные признания в истории и литературе, записи древнего договора о подчинении, тот факт, что ритуал и украшения верховной власти в Риме, по-видимому, этрусского происхождения, и, прежде всего, свидетельства камней. В Риме сохранились следы очень раннего мастерства и активности в строительстве, и, если только римляне впоследствии не пришли в значительный упадок в искусстве и ремеслах, их ранние работы, такие как стены и некоторые канализационные

трубы, должны были быть построены под иностранным влиянием. Несомненно, что какое-то раннее царствование в Риме - нечто большее, чем легенда; вся структура римской конституции и ее фундаментальная теория *imperium* подразумевают существование первобытного царствования. Таким образом, в целом мы вполне можем полагать, что в какой-то ранний период город Рим при этрусских князьях составлял часть империи, которая охватывала ряд портов и городков вдоль итальянского побережья, хотя это не обязательно касалось промежуточных и прилегающих территорий. На протяжении всех первых веков существования Рима, должно быть, шла постоянная борьба между цивилизованными городами-крепостями на побережье или вблизи него и воинственными горными племенами, совершенно нецивилизованными, из внутренних горных районов.

Эти загадочные этруски стали темой междоусобной войны монографий. В целом мы можем заявить, что те ученые, которые утверждают их лидийское происхождение, полностью опровергли аргументы тех, кто утверждает, что они произошли из Ретийских Альп — и *наоборот*. Таким образом, остается возможным, что этруски пришли из ниоткуда, но были такими же аборигенами и автохтонными, как любой европейский народ. Это правда, что мы не можем разобрать большую часть их языка, но это также верно и для коренных критян - и для многих других автохтонных народов. Их самые ранние останки относятся к типу, знакомому нам по самым ранним производственным слоям на всем средиземноморском побережье - доисторическая многоугольная каменная кладка, гробница—улей, резные *вазы буччеро неро* и так далее. Их более поздние и изысканные работы демонстрируют явное родство с греческими, хотя иногда они были странно принижены и неотесанны по духу. В обработке бронзы они были очень искусны.^[5] В древние времена живопись достигла высокого уровня развития, и в Британском музее есть несколько интересных образцов из Кере. Плиний действительно верил, что коринфские художники обосновались в Этрурии, и это было обычным объяснением сходства древних. Но мы можем полагать, что искусство живописи является коренным на земле Тосканы. Их керамика очень похожа на греческую.^[6] По-видимому, период расцвета этрусского искусства совпал с периодом величайшего

РИС. 1.
АРХАИЧНАЯ БРОНЗА: СКОВОРОДА
Пластина V.

РИС. 2.
АРХАИЧЕСКАЯ БРОНЗА: АРТЕМИДА

Этруская фреска. Голова Геркулеса

масштабы их империи, а именно шестой и начало пятого веков до н.э., были в основном выполнены из терракоты, поскольку местный мрамор, по-видимому, добывался не в карьерах. Некоторые из их терракотовых гробов, украшенных обычными портретами умерших и отделанных нанесенной краской, демонстрируют значительное техническое мастерство, но всегда этот странный гротескный дух.^[7] Судя по всему, эти этруски были суеверной и жестокой расой. Именно от них римляне научились своему кровавому ремеслу гадания по внутренностям недавно убитых жертв, и нет никаких сомнений в том, что жертвами не всегда были низшие животные. Нам говорят, что знак отличия королевской власти в Риме — алая тога

Доисторическая этруская керамика

или пурпурные полосы, тога с пурпурной каймой, скипетр из слоновой кости, курульное кресло, двенадцать ликторов с их топорами в связках прутьев — все это было заимствовано у этрусков. Таким образом, представляется, что древняя одежда римского гражданина, туника, покрытая длинной мантией или тогой, костюм, который по сути такой же, как *хитон* и *гиматий* греков, возник как мода, введенная их более цивилизованными северными соседями. Кажется очевидным также, что самое раннее римское искусство - украшение храмов раскрашенными терракотовыми орнаментами - было этрусского происхождения. Некоторые из самых ранних статуй богов, по-видимому, были раскрашены, поскольку мы слышим об очень древнем красном Юпитере. Таким образом, существует некоторая вероятность того, что Рим пережил период, возможно, в шестом веке, чуждого правления и чуждой цивилизации. Вспоминая о родственных связях между Грецией и Этрурией, мы обнаружим, что Рим был подготовлен к восприятию греческой культуры в очень ранние времена.

Рисунок VI. ЭТРУССКАЯ ВАЗА

Римская тога

Пятый век, по-видимому, был периодом упадка этрусского могущества. Греческие республики, с их, как я надеюсь, мы согласились, укреплением на севере, намного превосходили в интеллекте своих этрусских сородичей, и тиран Гиерон из Сиракуз нанес им поражение в большом морском сражении в 474 году до н.э. Историк приятно, что столь достоверный факт и дата так хорошо подтверждены во всем многообразии легенд, окружающих раннюю историю Италии. Затем воинственные горные племена Южных Апеннин начали давить на свои южные колонии, и, наконец, галлы с севера обрушились на Этрурию в начале четвертого века и навсегда разрушили их приходящую в упадок империю. Вероятно, именно в этот период римляне изгнали своих этрусских принцев и заменили королевскую власть парой равных коллег, разделяющих большую часть королевской власти и королевских эмблем, за исключением короны и скипетра. Итак, мы добираемся до Рима с древнейшей заслуживающей доверия традицией — Рима, управляемого двумя консулами и сенатом знати. Это город, состоящий из фермерских домов, и в каждом доме глава семьи правит с патриархальным величием.

Растущая Республика

Таким образом, необходимо выбросить за борт огромную массу поучительной и знаменитой истории в интересах молодежи. Записей того времени не сохранилось, анналы и *fasti*, на которые опирались непосредственные предшественники Ливия в первом веке до нашей эры, явно созданы позднее время. Повсюду мы можем видеть влияние греческих художников, импортирующих фрагменты греческой истории, рационализирующих имена и обычаи, предшествующих и дублирующих более позднюю конституционную борьбу, пишущих соответствующие речи для первых парламентариев, которых никогда не существовало, и в целом демонстрирующих силу греческой изобретательности, льстящей доверчивости римлян. Великие семьи 200 года до н. э. и далее оказывались такими же богатыми и могущественными, как набобы; у них были великие исторические имена, и когда в семье происходили похороны, они отправляли длинную процессию восковых фигур, представляющих благородных предков покойного. В такие моменты произносились надгробные речи, повествующие о подвигах этих героических предков. У каждой семьи были свои традиции, такие же славные и аутентичные, как у потомков Брайана Бору. Когда литература вошла в моду и нуждающиеся греческие переписчики предложили любому богатому покровителю правдоподобный *стилус*, начала существовать римская история, иногда носящая респектабельные римские названия, но всегда написанная по-гречески. Таким образом, мы получаем серию героических поступков, приписываемых Фабию и Горацию, и поступков порочной гордыни, приписываемых предкам Клавдиям. Чего бы нам это ни стоило в муках за судьбу милых сказок, боюсь, мы должны без колебаний пустить в ход нож в этой области истории литературы. Беглый взгляд на следующие совпадения поможет развеять наши сомнения: римский тиран Тарквиний был изгнан в том же году, что и афинский тиран Гиппий (510 г. до н.э.); двенадцать таблиц в Риме были составлены в том же году, что и кодекс Протагора в Туриях (451 г. до н.э.); 300 Фабиев погибло в битве при Кремере примерно в то же время, когда 300 спартанцев погибло в бою с Леонидом при Фермопилах в 480 г. до н.э. Короче говоря: ничего предшествующего этому событию. Галльское вторжение в 390 году до н.э. и очень немногое за почти следующее столетие могут быть приняты только на основании литературных свидетельств.

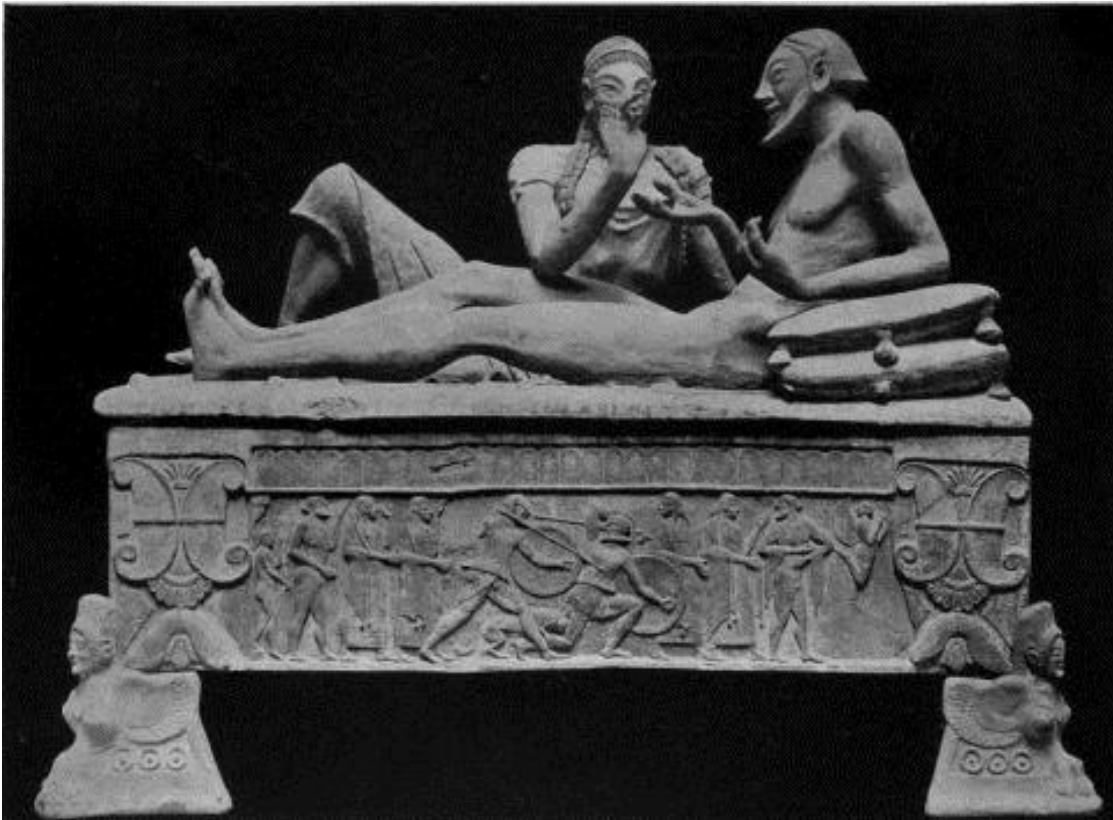

Рисунок VII. ЭТРУССКАЯ ГРОБНИЦА ИЗ ТЕРРАКОТЫ

Насколько мы можем судить по камням, самый ранний Рим состоял из поселения на Палатинском холме, с цитаделью и храмом на Капитолии, а также с форумом или рынком в низине между ними. На Эсквилинском холме находилось плебейское поселение. Это была скотоводческая и сельскохозяйственная община, выражавшая богатство в виде крупного рогатого скота, вспахивавшая и убиравшая столько земель Кампании, сколько их фермеры могли охватить за день или защитить их армии. С самых ранних времен сообщество состояло из нескольких великих домов патрицианской крови с многочисленными клиентами и рабами. В каждом доме отец был абсолютным королем, обладающим властью над жизнью и смертью своих сыновей, дочерей и рабов. Дочери переходили из рук отца в руки мужа, как и любая другая собственность, путем продажи. Из глубокой древности до нас дошел фрагмент подлинной латыни:

SI PARENTEM PVER VERBERIT AST OLE PLORASIT PVER
DIVIS PARENTVM SACER ESTO

— “Если мальчик бьет своего отца, а отец жалуется, пусть мальчик будет посвящен богам родителей”, т.е. принесен в жертву. Это было содружество таких родителей — разумеется, не республиканских свободолюбцев, — чьи вожди собирались для обсуждения политики в храме, как Сенат, и которые сами собирались во всеоружии, как *comitium*, чтобы голосовать за постановления Сената, переданные консулами.

Мрачные и деспотичные в мирное время, эти римские аристократы были свирепыми и упорными на войне. Как только Рим стал свободным, если не раньше, он стал членом Латинской лиги, которая правила равниной Лациум под председательством Альба-Лонги. Эта часть традиции подтверждается многими сохранившимися ритуалами. Ее самые ранние войны были против соседей, таких как Габии, само название которых заставляло поздних

римлян улыбаться, настолько незначительной это была деревня. Именно в этих маленьких состязаниях ранние римляне обучались своему воинскому ремеслу, и если кто-то захочет узнать причины победоносной карьеры Рима, то ответ, я полагаю, таков: она сражалась очень храбро и подчинялась своим генералам лучше, чем ее враги подчинялись своим. Дисциплина была ее секретом, и дисциплина, без сомнения, проистекала из строгой патриархальной системы в ее домах, системы, несомненно, не средиземноморской по происхождению.

Были ли гуси, которые кудахтали, настоящими или просто этиологическими птицами, я не знаю, но несомненно, что Рим не пострадал так сильно от галльского нашествия, как его соседи по ту сторону Тибра. Вероятно, это была лишь последняя волна великого нашествия, которое дошло до Рима, сожгло Палатинское поселение и скромные плетеные жилища бедняков на Эсквилине и не смогло взять штурмом Капитолий. Во всяком случае, галльское вторжение в 390 году до н.э., по-видимому, положило начало завоевательной карьере римлян, главным образом за счет этрусков. Но со всеми ее соседями шли непрекращающиеся войны; каждое лето армия выступала в поход как нечто само собой разумеющееся. Если это был не пришедший в упадок этрусский город, который следовало взять в осаду, то это был латинский сосед, или, на худой конец, вольская или сабинская община с холмов. Лето, когда кукурузу можно было оставить расти самой, было временем сражений. Жить в мире летом было бы расхлябанностью, вести войну зимой - серьезным солецизмом. Таким образом, за короткое время Рим стал важным маленьким городом, главой Латинской лиги и, вероятно, самым сильным подразделением в Центральной Италии. Похоже, что примерно сейчас она начала привлекать международное внимание великих держав, поскольку у нас есть договор от 348 г. до н.э., который, вероятно, можно принять за подлинный, хотя фактическая дата не столь достоверна, между Римом и Карфагеном, по которому римлянам, принимая во внимание обещание не торговать в карфагенских водах, разрешается вести дела с карфагенскими портами на Сицилии и признаются сюзеренами Латинской лиги. Таким образом, у Рима, по-видимому, к этому времени появилось некоторое зарубежное сообщение.

Если нет другого искусства, дипломатия, кажется, всегда была как дома на римской земле, и во всех своих работах Рим демонстрирует гений государственного управления. Должно быть, когда-то очень давно она открыла свой великий секрет *разделяй и властвуй*. Она уже настолько стала величайшей силой в Латинской лиге, что имела равные права со всеми остальными, вместе взятыми. Союзники, по-видимому, утверждали, что будут снабжать генерала союзной армии поочередно и получать половину добычи. Против этих очень скромных требований Рим был тверд. Она сражалась с Лигой и победила ее в 338 году; затем она разделила города и правила ими. С каждым из них она заключила отдельный договор, предоставляющий каждому два права гражданства — право торговать и право вступать в брак со своими гражданами. Но она не допускала подобных прав между другими членами Лиги, какими бы близкими соседями они ни были. Таким образом, Рим превратился в главный рынок всего Лация; вся торговля проходила через его руки, а его богатство и население увеличивались.

У этих городов-государств не было средств управлять иначе, как тиранически. Вся их конституция запрещала это. Мы видели в другом месте^[8] что гражданство в городе-государстве подразумевает членство в корпоративном органе, тесное партнерство в компании с неограниченной ответственностью с совершенно определенными привилегиями и ответственностью. Полное гражданство в Риме означало право голоса при избрании городских магистратов и право голоса в *comitium*, который решал такие вопросы, как мир и

война. Было очевидно, что вы должны были очень ревностно относиться к распространению этих прав на посторонних. Но Рим прошел часть пути, предоставил часть гражданских прав и тем самым продемонстрировал более тонкую имперскую государственную мудрость, чем любое греческое государство до сих пор. Ее первым ответвлением была Остия, город, который она основала в устье своей реки всего в пятнадцати милях отсюда, ее первая колония. Жители Остии оставались гражданами Рима и могли голосовать на выборах, если считали это целесообразным, но были освобождены от обязанности служить в армии, потому что их собственный город формировал постоянный гарнизон на римской службе. Затем, когда римляне совершали завоевания в Этрурии, Кампании или любом другом регионе, где местные жители говорили на иностранном языке и поэтому не могли сражаться в легионах под командованием римских офицеров, они получали "гражданство без права голоса", которое позволяло им просто торговать и жениться, как римляне. В-третьих, некоторые латинские города стали просто *муниципиями*, то есть провинциальными городами, пользующимися полным римским гражданством, если они переезжали в город, но у себя дома имели местную конституцию со значительными полномочиями самоуправления и магистратуру по образцу римской, а именно сенаторов и консулов под другими названиями. Все это предоставление прав - без какой-либо дани - было, согласно обычаям древних городов-государств, удивительной щедростью или глубочайшей государственной мудростью. Рим уже начинает проявлять свой гений строительства империи: он был безжалостен и беспринципен в завоеваниях, но великодушен и широкомыслящ в управлении. Такова была мудрость ее совета деспотов — Сената.

Тем не менее эти "союзники" больше осознавали свободы, которые они потеряли, чем права, которые они приобрели, перейдя под расширяющееся крыло Рима. Последняя половина четвертого века показывает, что растущее государство вступило в ужасающую борьбу, которая продолжалась от лета к лету в течение почти пятидесяти лет. Ее главными врагами были воинственные самниты с Южных Апеннин, по-видимому, близкие к господствующей расе Рима. Этот грандиозный конфликт, несомненно, стал поворотным пунктом римской истории. На разных этапах почти все народы Италии восстали и записались в ряды врагов: латиняне, этруски, умбрийцы, марсы, галлы (ибо они тоже были привлечены этрусками в их последних попытках освободиться) и сами самниты, раса прирожденных бойцов под командованием компетентных генералов. Однажды, в 321 году до нашей эры, оба консула и вся армия Рима попали в ловушку на Каудинском перевале, но Рим и не думал о капитуляции. Ее Сенат упрямо отказывался узнать, когда он потерпел поражение, и продолжал борьбу. К счастью, это была одна цель против многих, и Рим бил своих врагов до тех пор, пока не смог выйти победителем.

История этого великого конфликта дошла до нас в неполном виде, полная сказок и недомолвок, но ясно, что римский сенат проявил необычайную решимость и упорство, как и в следующем столетии в борьбе с иностранными врагами. Снова и снова его ставили на колени, и он отказывался от любых условий мира, кроме победы. Это удивительно, если Рим действительно был одним из многих городов Лация. Следует отметить, что это была война, в ходе которой она изучила новую систему ведения боя, с помощью которой ей было суждено завоевать мир. До сих пор в древней войне боевой порядок означал сплошную линию, в которой мужчины стояли плечом к плечу в несколько шеренг, наступая с копьями и щитами на аналогичную линию противника. В значительной степени это был вопрос веса удара. Вы старались сделать свою линию достаточно глубокой, чтобы предотвратить сдачу, и достаточно длинной, чтобы охватить фланг противника: как только вам удавалось повернуть или прорвать линию противника, победа была за вами. Но римляне, либо потому, что они часто были в меньшинстве на поле боя, либо, как говорят некоторые, сражаясь с галльскими

воинами на их длинных мечах, сочли необходимым сражаться не плечом к плечу, а в открытом порядке - не сплошной фалангой, а разрозненными ротами или "манипулами". Это имело далеко идущий эффект: сделало каждого римского солдата самостоятельным подразделением, которое могло искусно фехтовать своим любимым оружием - мечом, вместо того чтобы просто размахивать длинной пикой, как это делали его соседи. Ясно, что только армия прирожденных солдат могла успешно внедрить такое новшество. Однажды внедренное, оно делало римского солдата непобедимым. Манипула из 200 человек была не только гораздо более мобильной, чем сплошная фаланга, но и занимала территорию, равную площади, в три раза превышающей ее собственную численность. Раньше только первые ряды — *principes* — нуждались в полном вооружении, и только самые богатые могли себе это позволить. Теперь вся армия должна была быть должным образом экипирована, и это отразилось на социальной и политической системе города.

Конституция

В древние времена права человека как гражданина полностью зависели от его обязанностей солдата. *Comitium* была армия, и большинство голосов принадлежало богатым, которые могли позволить себе доспехи. Теперь солдаты были уравнены, и поэтому граждане требовали равенства. Мы не можем слишком доверять рассказу Ливи о борьбе между двумя орденами за политическое равенство; детали, которые включают подробные отчеты о произнесенных речах, явно являются вольными сочинениями, основанными на гораздо более поздних спорах между республиканцами и демократами ранних дней самого Ливи. Существует много путаницы и противоречий в описаниях различных законодательных мер, благодаря которым плебеи постепенно были признаны равноправными с патрициями. Но история об отделении плебса — таких историй две, но, вероятно, это результат дублирования — настолько самобытна и сугубо римская, что вряд ли кажется выдумкой. Короче говоря, плебеи отвоевали свои права с помощью этого самого современного оружия — забастовки. Будучи лишены прав, за которые они агитировали, они отказались присоединиться к гражданскому призыву, но с оружием в руках двинулись к соседней Священной горе и пригрозили основать там свой собственный новый Рим. Политический инстинкт у них был здоров и силен: плебеи объединились во вторую корпорацию, организованную подобно патрициям. Там, где у патрициев было два консула с двумя преторами в подчинении, у плебеев было два трибуна и два эдила. Там, где патрицианская армия проводила свои *комитии*, собираясь группами, называемыми "курии", плебеи проводили свои собрания по племенам. Таким образом, новые магистратуры и новые собрания стали неотъемлемой частью римской республики. Трибуны были защищены не столько законами, сколько клятвой: их личности были объявлены священными, и они имели право втиснуть свои священные персоны между плебеем-преступником и ликтором консула, который пришел арестовать его, таким образом выражая окончательный суверенитет армии римских граждан. Так в общих чертах дошла до нас история политического равенства в Риме. Но не следует предполагать, что даже сейчас римская республика была чем-то иным, кроме внешнего сходства с греческой демократией. Римские *комитии* никогда не вели дебатов, подобных афинской *эклесии*. Они собирались, чтобы послушать речи, которые магистраты или их приглашенные друзья могли произнести по выбору на темы, которые ранее были выбраны, обсуждены и утверждены сенатом; они были там, чтобы утвердить решения сената "Да" или "Нет". Даже тогда они голосовали не по отдельности; каждое "столетие", каждая "кюри" или каждое "племя", в зависимости от формы созыва собрания, были единой единицей голосования. Все в системе стремилось передать реальную власть в руки исполнительной власти. Когда вы получаете исполнительную власть, способную контролировать политику, вы получаете эффективность, но если вы хотите свободы, вы

должны использовать другие средства. Римский сенат постепенно стал полностью состоять из вышедших на пенсию магистратов и, таким образом, демонстрировать все знания, компетентность, опыт и фанатичную уверенность в себе, которые мы ожидаем от вышедших на пенсию чиновников.

Республиканская конституция изобрела два средства для спасения от тирании, и, согласно традиции, изобрела их в самом начале республиканизма. Одной из них была коллегиальная система, при которой каждая магистратура возглавлялась двумя или более коллегами. С самого начала было два консула, разделявших между собой большую часть королевских прерогатив, главы исполнительной власти в мирное время и верховные генералы в военное, обладающие властью над жизнью и смертью или полной *империей*, во всяком случае, на поле битвы. Сначала был только один претор, поскольку он был тогда всего лишь заместителем консулов во время войны; но когда, как вскоре случилось, претор стал судьей в мирное время, эта должность также была передана паре коллег. Говорят, что сначала было два плебейских трибуна, на которых в основном возлагались защита и руководство своим собственным порядком; но по мере роста города их число увеличилось до десяти. Итак, появились два эдила, которые в основном следили за делами полиции в городе. Там было два цензора, занимавших самое высокое положение в иерархии должностных лиц, поскольку их сфера деятельности была в значительной степени связана с религией. Их долгом было сосчитать людей и искупить это оскорбление небес торжественным обрядом очищения. Кроме того, они должны были оценить имущество каждого человека с целью определения его ранга в армии и государстве. Все эти магистраты обладали юрисдикционными полномочиями в различных сферах. Все священники и пророки, которых было много, также были сформированы в колледжи. Только *верховный понтифик* оставался один, без коллеги, и у него была официальная жена. Мы слишком хорошо знакомы с работой "советов директоров" и "комиссий", чтобы неправильно понимать назначение этой системы. Теория требовала единодушия в каждом правлении, каждый его член обладал властью пресекать действия других, и одним из мощных средств достижения этой цели была религиозная система, согласно которой ничто не могло предприниматься без благоприятных предзнаменований. Вам нужно было только объявить о неблагоприятных последствиях, чтобы остановить любые действия.

Другим серьезным препятствием для официальной тирании была система ежегодного пребывания в должности. Все магистраты, за исключением цензоров, перед которыми стояла длительная задача, и поэтому они занимали свой пост в течение пяти лет, были ежегодными. Хотя это было некоторой гарантией свободы, это сильно сказывалось на эффективности, особенно в случае военного руководства консулами. Это также означало постепенное создание большого числа должностных лиц, как в прошлом, так и в настоящем. Она была не столь эффективна, как соответствующая афинская система баллотирования на должности, в проверке личного положения, но она, безусловно, преуспела в том, что большое количество ничтожеств и неудачников получили высокие должности — даже высшее командование легионами.

Ранний рим

Мы можем лишь очень смутно проследить контуры общественной истории по мере того, как Рим становился державой в Италии. Мы едва ли можем надеяться проследить черты характера отдельного римлянина даже в общих чертах. Иногда говорят, что даже если древнейшая история города признана апокрифической, мы можем сделать ценные выводы о римском характере из тех действий, которые в древности считались достойными похвалы. В этой точке зрения есть доля истины, хотя могут возразить, что большинство этих историй

обрели литературную форму только во втором и первом веках до нашей эры. Можно добавить, что люди часто восхищаются качествами только потому, что чувствуют, что сами не могут на них претендовать. Но в целом, я думаю, мы можем извлечь из этого периода легендарной истории некоторое представление о римском характере. Между римским героем и греком есть заметная разница. Греческая мифология в значительной степени посвящена историям об уме — как Геракл перехитрил своих врагов, хитроумным экивокам оракулов, хитроумным уловкам Фемистокла, мудрым высказываниям Фалеса и Солона. Греческая история пограничья восхищается главным образом интеллектуальными достоинствами. Но римлянин из той же исторической области не умен. Большинство старых римских историй восхваляют мужество — например, презрение к боли, проявленное Сцеволой, который сунул правую руку в огонь, демонстрируя стойкость римлян; мужество девушки Клилии, переплывшей реку, или Горация, удержавшего мост против целой армии; преданность своей стране Квинта Курция, который в полном вооружении прыгнул в пропасть, разверзшуюся на Форуме. Многие из них прославляют истинно римскую добродетель суровости и беззаветной преданности закону, как тогда, когда римские отцы приговаривали своих сыновей к смерти за нарушение закона при самых простительных обстоятельствах. Любовь к свободе превозносится у Брута, любовь к равенству - у Валерия и Цинцинната, призванных от плуга к верховному командованию. Суровое целомудрие женщин и строгое требование к нему со стороны их владельцев восхваляются в историях о Лукреции и Вирджинии. Все это мы вполне можем отнести к добродетелям, которыми восхищались и, мы надеемся, пользовались на практике в раннем Риме; они образуют последовательную и весьма характерную картину.

Но у раннего римлянина было мало достижений, которые приукрасили бы его добродетели. Искусство и цивилизация либо не существовали, либо исчезли, не оставив никаких следов. Вполне вероятно, что вся энергия города была занята одним-единственным делом - борьбой. Некоторые намеки на цивилизаторские реформы связаны с именем Аппия Клавдия, который был цензором примерно в 318-312 годах до н.э. В его время мы датируем некоторые из упомянутых выше военных преобразований, и они, похоже, сопровождали экономические изменения, которые указывают на рост богатства Рима. Медь уступила место серебру в качестве стандарта обмена, и вместе с этим стоимость меди как обесценилась, так что римская единица исторического времени, сестерций номиналом $2\frac{1}{2} as$, была монетой стоимостью около $2d$. Земля больше не была единственной основой собственности; человеку стало возможно разбогатеть за счет торговли, и, соответственно, безземельные граждане теперь впервые были призваны в древние племена. Этому великому цензору принадлежит также первая из знаменитых римских военных дорог - Аппиева дорога, которая вела на юг, к греческим городам Кампании. Даже сегодня Аппиева Виа, окруженная разрушенными гробницами - римляне часто хоронили своих мертвецов вдоль больших дорог, — стрелой пересекающая бесплодную Кампанию, является одним из самых поразительных зрелищ, которые может предложить современный Рим.^[9]

От всего, что может быть достойно названия литературы, у нас почти ничего не осталось. То, что есть, кажется до смешного простоватым и неотесанным. Возьмем, к примеру, древний гимн салиев, прыгающих жрецов Марса. Их было двенадцать, все мужчины из патрицианской семьи; они были одеты в расшитые туники, полосатую тогу, бронзовый нагрудник, коническую шапочку с шипом; каждый из них нес священный щит, и когда они совершали свои ежегодные шествия по городу в начале каждого года кампании, они подпрыгивали в воздух и стучали палками по своим щитам; трубачи предшествовали им, и они пели эту призрачную песнь:

ЭНОС ОБВИНЯЕТ ИВВАТЭ (*тер*)
В ТОМ, ЧТО В ПЛЕБЕЕ (*тер*)
НИКОГДА НЕ БЫЛО МАРСИАНСКИХ ГРЕХОВ. LIMEN SALI. STA. БЕРБЕРСКИЙ (*тер*)
СЕМЬЯНИН ВЫСТУПАЕТ ЗА АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ РЕШЕНИЯ. (*тер*)
ЭНОС МАРМОР ИВВАТО (*тер*)
ТРИВМПЕ (*квинквие*)

что, вероятно, следует перевести:

Помоги нам, о Ларес (*трижды*)
И, о Марс, пусть чума или разорение не нападут на наш народ (*трижды*)
Будь доволен, свирепый Марс. Перепрыгни порог. Остановитесь. Нанесите удар (*трижды*)
, поочередно призывая всех героев. (*трижды*)
Помоги нам, Марс, (*трижды*)
Прыгни (*пять раз*).

Ранняя религия

В наших поисках истинной римской сути мы не найдем ничего более просветляющего, чем религия. У некоторых народов культура занимает место религии, но гораздо чаще религия занимает место культуры: так было с евреями, и в значительной степени так происходит с англичанами. Римляне никогда не были по-настоящему религиозным народом. Вероятно, им не хватало воображения, чтобы быть по-настоящему набожными. У них почти не было местной мифологии. Но они были ритуалистами и формалистами до мозга костей. Если бы эти салии подпрыгнули всего четыре раза при слове “Триумф”, вся ценность ритуала была бы утрачена: если бы с ними не случилось чего-нибудь похуже, им пришлось бы начинать все сначала. Таким образом, религия, всегда консервативная и обычно являющаяся богатейшим охотничьим угодьем для любителя древностей в поисках доисторической истории, является почти нашим единственным источником информации об уме раннего римлянина. Конечно, римская религия настолько тесно переплетена с греческой мифологией, что требуется некоторое исследование, чтобы обнаружить настоящих богов древнего Рима. Но это делается благодаря терпению и проницательности таких ученых, как мистер Уорд Фаулер и доктор Дж. Дж. Фрейзер, так что теперь у нас есть много информации о первоначальной римской религии.

М-р Вард Фаулер делает два важных вывода о ранних римлянах из своего исследования двойственного характера Марса, который, несмотря на более позднее главенство Юпитера, несомненно, является истинным римским богом мужского пола: “(1) их образ жизни и образ мыслей были у земледельческой расы, и (2) они постоянно увеличивали свои пригодные для обработки земли, насильственно завладевая в ходе войны землями своих соседей”. Это был римский метод заставить сельское хозяйство приносить прибыль. Весна года и месяца, который до сих пор носит название Марса, была не только временем возвращения жизни в природу, но и временем, когда бог и его почитатели надевали свои доспехи в поисках свежих пахотных земель, точно так же, как это делали первобытные германцы. Это был первый в Европе метод экстенсивного земледелия, и эта привычка сохранилась у римлян еще долго после того, как они перестали быть фермерами. Весной пришло время осмотреться и подумать, где и с кем вам следует начать борьбу в этом году.

Некоторые из этих древнеримских праздников заслуживают краткого описания, поскольку они и только они являются подлинной историей ранних римлян. Например, в мартовские иды низшие классы устремились на Марсово поле на берегу реки и провели день в деревенском веселье с вином и песнями в честь Анны Перенны — повторяющегося года. В другой день была проведена церемония, похожая на церемонию с еврейским козлом отпущения. В календаре отмечены две даты, когда король распускает *комитии*. Собрание должно было созываться звуком специальных труб необычной неитальянской формы (некоторые говорят, этрусской), и трубы должны были быть очищены специальной службой накануне. Хотя римляне отменили свое политическое правление, религия требовала сохранения этого титула для многочисленных церемониальных целей. Затем были Парилии в честь древнего бога-пастуха Пейлса, когда овчарни украшались зелеными гирляндами, овец очищали на рассвете, и приносились деревенские жертвы, чтобы отвратить гнев божества на случай, если вы невольно потревожили одну из таинственных сил, обитающих в деревне, — нимф и фавнов пруда, источника и дерева. На этот счет существовала молитва, содержание которой передал нам Овидий, и “эту молитву, “ добавляет м-р Вард Фаулер, - нужно произнести четыре раза, обращаясь к пастуху, смотрящему на восток и смачивающему руки утренней росой. Поза, святая вода и молитва по своей сути, хотя теперь они обращены к Пресвятой Деве, - все это перешло к католическим пастухам Кампаньи”. Были и другие примитивные божества земледелия, такие как Робигус (красная ржавчина на кукурузе), на праздник которого приносили в жертву рыжих щенков; Терминус (пограничный бог), которому вы закалывали молочного поросенка на пограничном камне; или Опис Консива, божество, охранявшее ваши зарытые запасы кукурузы. Такие имена и их атрибуты указывают на определенную бедность религиозного воображения. Существовали более абстрактные или, скорее, менее осязаемые силы, такие как Ларес, духи умерших предков, которые считались ангелами-хранителями дома; Пенаты, духи, присматривающие за кладовкой; гений, удача человека; гривы, добрые умершие; или лемуры, опасные призраки непогребенных. Дом, как и поля, был полон невидимых существ, которых можно было умиротворить с помощью соответствующего ритуала, который должен был быть выполнен с особой тщательностью. Каждый год в “Лемурии” хозяин дома вставал в полночь и с чистыми руками и босыми ногами ходил по дому, делая пальцами особый знак, отгоняющий призраков. Он набивает рот черными бобами и выплевывает их на ходу, старательно отводя глаза и говоря: “Этим я искупаю себя и своих близких”. Девять раз он произносит эти слова, не оборачиваясь, и призраки незаметно подходят к нему сзади, чтобы собрать бобы. Затем отец снова умывается и стучит горшками, чтобы отпугнуть духов. Когда он девять раз повторил слова “Уходите, добрые духи наших предков”, он, наконец, оглядывается, и церемония завершена.

История Рима, как ее понимает мистер Уорд Фаулер в книге “Религия”, начинается с чрезвычайно простого деревенского поклонения природным формам, метеоритным камням, священным деревьям и животным, таким как Мать-волчица или марсианские дятлы; к этому этапу относятся многие любопытные заклинания и чары против призраков. Этот вид богослужения не является исконно римским, но распространен на большей части Центральной Европы. От этих диких местных культов мы переходим к более централизованному богослужению, принадлежащему домашнему хозяйству, и это домашнее хозяйство является сельскохозяйственным. Отец - жрец, а его главное божество - Янус, бог дверного проема; его сыновья - подчиненные *фламины*; а его дочери находятся на особом попечении Весты, которая следит за огнем семейного очага. Их сельскохозяйственная деятельность отражена в более упорядоченных сельских церемониях в честь Сатурна, Солнца и Весты. В-третьих, у нас есть ряд культов, которые указывают на начало сообщества с королем в качестве главного жреца, поддерживаемого

государственными весталками и *фламинами*. Латинский фестиваль знаменует участие Рима в Латинской лиге, верховным божеством которой был Юпитер. На этих трех стадиях это в основном дело бесформенных сил, или “нумина”, божеств, очень скудно осознанных, с небольшой личностью или вообще без нее, которые вряд ли вообще можно назвать антропоморфными. Вместо храмов здесь не было ничего, кроме алтарей, часовен, рощ.

Если мы рассмотрим эти изменения в свете этнологии, то, вероятно, согласимся с тем, что первое из них является общей основой доисторического средиземноморского культа. Это то, что мы находим на Крите в самый ранний период. Но мы привыкли рассматривать строгую моногамную патриархальную семью как особый вклад севера в цивилизацию Европы. К сожалению, те божества, которые, несомненно, являются плебейскими, такие как Церера, Флора и Диана, по-видимому, не принадлежат к более ранним слоям религии.

Как бы то ни было, кажется, что на следующем этапе мы можем проследить период общественного поклонения, связанный с явно антропоморфными божествами, у которых есть храмы, священники и, вероятно, собственные изображения. Ближе к концу монархического периода мы обнаруживаем те отчетливо этрусские черты, о которых я уже говорил. Юпитер, Юнона и Минерва - этрусская троица. Теперь начинается преобладание более великих богов, более или менее персонифицированных и очень похожих на греческих, таких как Меркурий, Церера и Диана. Именно сейчас основаны важные жреческие коллегии, понтификаты и авгуры, которые в значительной степени заменили, как более важные с политической точки зрения, старое сельскохозяйственное братство *Fratres Arvales* и боевое братство *Salii*.

Таким образом, в религии, как и в искусстве, римляне были подготовлены своими этрускими связями к последующему захвату их греческой цивилизацией. Грек неизбежно должен был признать в Диане Артемиду, в Минерве - Палладу, в Меркурии - Гермеса, а в Юноне - Геру. Столь же неизбежно было и то, что римляне захотели облечь эти голые и холодные абстракции в очаровательную ткань греческой мифологии. Этот процесс и одновременное восприятие в Риме восточных культов образуют еще более поздние стадии развития той странной смеси, которая произошла в Риме с религиозной литературой.

В римской религии мало что может возвышать или вдохновлять. Единственной присущей ему добродетелью было благоговение и строгое чувство долга, которое римляне называли *pietas*, объясняя это как “справедливость по отношению к богам”. “Религия” для римлян означала “связующее обязательство”; ее источником был страх перед невидимым, ее источником был главным образом педантичный формализм. Без сомнения, боги наказывали за неуважение к родителям или бунт против государства, без сомнения, у беглеца или раба были алтари и святилища, где он мог просить о милосердии; но в Риме мало что связывало добродетель с религией. С другой стороны, мы не должны предполагать, что, когда похотливые обряды Исиды и Аштарот или Пафийской Венеры пришли в Рим в более поздние времена, они пришли, чтобы развратить расу благочестивых пуритан. Истинно римские божества, такие как Флора, Фортуна Вирилис и Анна Перенна, обладали собственным врожденным скотством. Простой деревенский житель редко бывает прирожденным пуританином, и мы должны остерегаться идеализации нашего раннего римлянина как шотландского ковенанта. Во многих ранних обрядах присутствовала дикая жестокость, такая как *Ver Sacrum*, когда все потомство людей и крупного рогатого скота в течение определенного периода времени посвящалось богам, или Фордицидия, когда сжигали нерожденных телят. Человеческие жертвоприношения занимали большое место в ранней религии, и, вероятно, лишь позднее усовершенствование ограничило их использование преступниками или добровольцами.

Моммзен обратил наше внимание на деловые отношения между верующим и богом, поскольку это также типично для древнеримского характера. “Боги, - говорит он, - столкнулись с человеком точно так же, как кредитор столкнулся с должником.... Человек даже спекулировал со своим богом: обет был на самом деле, как и на словах, формальным договором между богом и человеком, по которому последний обещал первому за определенную услугу получить определенное эквивалентное вознаграждение”. Более того, он мог бы рискнуть обмануть своего бога. “Они приносили владыке неба головки лука или мака, чтобы он мог метать свои молнии в них, а не в головы людей. В уплату приношения, ежегодно требуемого отцом Тайбером, тридцать кукол, сплетенных из тростника, ежегодно выбрасывались в ручей.” Возможно, как утверждает мистер Вард Фаулер, сделка иногда принимала форму живого чувства грядущей милости, но *вотум* по сути был деловой сделкой.

Божество представлялось очень смутно: культ был всем, бог - ничем. Истинный латинский бог не женится и не зачинает детей — по крайней мере, до тех пор, пока не пришли греческие богословы и не поженили их всех соответствующим образом и не обеспечили их семьями. До начала истории римляне забыли то небольшое, что они когда-либо знали о своих самых древних божествах. Ритуал, возможно, алтарь, сохранился, но никто не помнил его цели. Это типичная римская молитва, как она есть у старого Катона: “Это правильный римский способ вырубать рощу. Принесите свинью в жертву мира. Это словесная формула:

Фото VIII. АППИЕВА ДОРОГА

Будь ты богом или богиней, для которых эта роща священна, пусть в твоих глазах будет справедливо принести свинью в жертву мира, чтобы святость могла быть ограничена. По этой причине, совершу ли я жертвоприношение или кто-либо другой по моему приказу, пусть оно будет совершено правильно. По этой причине, принося эту свинью в жертву мира, я молю тебя искренними молитвами, чтобы ты был добр и благосклонен ко мне, моему дому, моим рабам и моим детям. По этим причинам будь благословлен принесением в жертву этой свиньи в качестве жертвы мира”. Неверное место слова в этой формуле было бы фатальным. Расплывчатость обращения типична: лес, без сомнения, священен для какого-то

невидимого нумена; дровосек должен остерегаться обращаться не к той силе. Таким образом, большая часть римского богослужения приносилась “Неведомому Богу”.

Закон

Именно это качество точности и формализма сделало Рим законодателем Европы. В битве между законом и чувствами римский меч был с решающим эффектом брошен на чашу весов права. Все римское право изначально представляло собой набор формул и, как и все древнее право, было частью религии. Сначала царь, а затем священники были единственными людьми, которые знали эти формулы. Таким образом, король был единственным судьей как в частном, так и в общественном праве; он мог созвать совет советников или делегировать свои полномочия нижестоящему должностному лицу, такому как претор, префект города или те, кто занимается расследованием убийств. Оба эти права, право выбора консилиума и право делегирования полномочий, с, однако, правом обжалования от низшего должностного лица к высшему, оставались неотъемлемыми для римской магистратуры. Во всех делах, частных или публичных, король или сменивший его магистрат должны были сначала произнести *jus*, то есть сформулировать надлежащую формулу для рассматриваемого дела; затем он отправлял дело на фактическое разбирательство, или *judicium*, перед судьей или присяжными. Формула будет звучать так: “если окажется, что А. Б. был виновен в ... осудить его в ...; если нет, оправдать его”. *Jus*, право человека, было неразрывно связано с *fas*, божественным правом: ни один непрофессионал не смог бы правильно истолковать ни то, ни другое. Долгое время одному из священников было необходимо присутствовать в суде, чтобы убедиться, что надлежащие правила поведения соблюдаются со строгой словесной точностью. Это было, конечно, чрезвычайно мощное оружие в руках патрициев.

Затем в ходе борьбы между орденами возникло обычное требование писаных законов. Знаменитая история о децемвирах и их отправке в Афины в 451 году до н.э., к сожалению, является очень сомнительной историей. Он полон романтических элементов, это часть того систематического обесценивания Клавдиев в римской истории, которое Моммзен проследил до его вероятного источника, в нем есть элементы, которые выглядят так, как будто они были заимствованы из истории о тридцати тиранах в Афинах, и нет подтверждения с афинской стороны. Профессор Паис считает, что пятый век - это слишком рано для создания такого кодекса. Правда, в дошедших до нас фрагментах Двенадцати Таблиц есть некоторые постановления, очень похожие на греческие кодексы — постановления, например, ограничивающие расходы на похороны, — но мы находим такие законы в других кодексах, кроме кодекса Солона. Хотелось бы получить более подробные сведения об этом более позднем Аппии Клавдии, знаменитом цензоре 312 года до н.э. Говорят, что он хотел записать большую часть ныне сложных юридических формул просто для удобства священников, но писец низкого происхождения, некто Флавий, которого он нанял для этой цели в качестве своего клерка, обманым путем раскрыл эти судебные секреты общественности. Вся тенденция фальсификаций о Клавдии состоит в том, чтобы показать, что Клавдии были тираническими и антидемократическими. Это определенно выглядит так, как будто нечестность вольноотпущенника была включена в историю с целью лишить знаменитого цензора его заслуг в том, что он помог людям постичь закон.

Предполагалось, что вся структура римского права покоится на фундаменте Двенадцати Таблиц. До нас дошли только их фрагменты. Они, несомненно, очень древние и примитивные, казалось бы, более древние, чем афинский закон 451 года до н.э. Штрафы должны выплачиваться металлом по весу. Кредитор имеет право расчленить тело своего должника. Плебей не может вступать в брак с патрицием. Но они также несли в себе нечто

вроде хартии свобод граждан в том смысле, что смертная казнь не могла быть применена без права обжалования в собрании, и никакой закон не мог быть предложен против отдельного человека. Язык этого знаменитого кодекса отличается суровой простотой и прямоотой, которые присущи истинно римлянину. В целом римское право милосердно, учитывая его строгий характер: хотя большая часть римских судебных исков, как мы видим из уст Цицерона, полна апелляций к чувствам, само римское право не допускает апелляции к чему-либо столь расплывчатому, как абстрактное правосудие. Письменное письмо остается в силе, и не может быть никаких ходатайств без юридической формулы.

Характер древнего римлянина лучше всего описывается его любимой добродетелью - *авторитетностью*. Под этим словом подразумевается серьезная цель, достойная сдержанность, верность своему обещанию и чувство долга. Легкомыслие - его противоположность, и среди вещей, противоречащих истинно римской серьезности, были искусство, музыка и литература. Именно на поле боя, в здании сената и судах древний римлянин чувствует себя по-настоящему дома.

II

ЗАВОЕВАНИЕ

quæ neque Dardanus campis potuere perire
nec quom capta capi, nec quom combusta cremari,
augusto augurio postquam incluta condita Roma est.
Ennius.

ТВеликие самнитские войны, которые продолжались с 343 по 290 год до нашей эры, были школой римской доблести. В своих гражданских легионах Рим создал боевую машину, не имеющую себе равных, вероятно, до мушкетеров Людовика XIV. и Мальборо. Также она изучала политику и искусство управления. Теперь она была хозяйкой большей части Италии; фактически всей, за исключением Галльской равнины на севере и греческих городов на юге. Пиррова война, последовавшая после короткой передышки, образует переходный период между внутренней экспансией и иностранными завоеваниями. Наше дело здесь не в войнах и сражениях ради них самих, но будет важно понаблюдать, каким образом Рим начал свою карьеру по созданию империи. Сили показал, как Британская империя росла бессистемно, без какой-либо мудрой политики, направляющей ее рост, с постоянным пренебрежением возможностями и часто в презрительном незнании работы, которую частные лица выполняли ради ее чести и продвижения. Мы увидим, что то же самое было и с Римской империей. Одна ответственность влечет за собой другую, одно завоевание приводит ко многим затруднениям: если мы хотим удержать побережье, внутренние районы должны быть завоеваны. Таким образом, власть следует за способностями, и доктрина, которая кажется такой несправедливой, “тому, кто имеет, будет дано, у того, кто не имеет, будет отнято даже то, что, по-видимому, у него есть”, реализуется во всех отношениях между Провидением и народами империи. Вступив в контакт с греками юга, Рим определенно столкнулся с более развитой, но приходящей в упадок цивилизацией. Карьера Агафокла, разбойничьего тирана Сицилии, недавно показала, как легко создавать империи среди богатых городов калабрийского и бруттийского побережий.

Однажды летним днем 282 года до н.э. жители Тарента сидели в своем театре под открытым небом и смотрели представление трагедии. Они посмотрели поверх сцены на голубые воды

Калабрийского залива и увидели небольшой отряд римского флота, входящий в их гавань. Корабли находились в совершенно мирном плавании, но существовал старый договор, запрещавший римлянам проходить через Лацинийский мыс, и эти варвары в последнее время вмешивались в дела своих греческих соседей, всегда выступая за олигархию против демократии. Толпу охватил внезапный приступ ярости; они бросились в гавань, зарезали или обратили в рабство матросов и предали смерти адмирала. Римский сенат встретил это чудовищное оскорбление спокойно, даже великодушно. Но толпа тарентинцев не желала покоя. Ища за границей защитника, они пригласили к себе на помощь эпирского принца. Пирр был молодым человеком с обаянием, способностями и честолубием, почти равными Александру Македонскому, карьере которого он стремился подражать на Западе. Его называли первым генералом своего времени, и он привел с собой 20 000 пехотинцев фаланги, 2000 лучников, 500 пращников и 3000 кавалеристов. Кроме того, у него было двадцать индийских боевых слонов. Хвастливые греки предложили предоставить 350 000 пехотинцев, но когда дело дошло до дела, они ничего не сделали, кроме как наняли несколько наемников. Однако Пирр одержал победу в первом сражении близ Гераклеи. Говорят, что победа была одержана последней атакой слонов. Простые римляне никогда раньше не видели слонов; они называли их “змееруками” и “луканскими коровами”, а их лошади были встревожены еще больше, чем они. Но в следующий раз, когда римлянам пришлось встретиться со слонами, они снабдили себя сначала чудесными машинами, в которых колесницы таинственным образом сочетались с жаровнями, а затем, когда они вышли из строя, огненными дротиками, которые превратили эту тяжелую кавалерию в орудия разрушения для своих владельцев. Это довольно типично для простого римлянина и его способа встречи с монстрами.

После победы при Гераклее Пирр послал в Рим с предложениями мира красноречивого придворного по имени Киней, на которого произвела большое впечатление неподкупность политических вождей и их жен. Именно он назвал Сенат “советом королей”, настолько серьезны и величественны были их поведение и речи. Тем не менее римский сенат выдвинул бы условия, если бы не великий цензор Аппий Клавдий, ныне слепой и немощный, который впервые выдвинул знаменитую доктрину о том, что Рим никогда не прислушивается к условиям, пока на итальянской земле находятся иностранные войска. Таким образом, хотя римляне потеряли 15 000 человек, свежие призывники охотно записывались в новую армию.

Тем временем Пирр, после очередной неполной “пирровой” победы, беспрепятственно продвигался над островом Сицилия. Там он гнал карфагенян от пункта к пункту, пока они не сосредоточились в своей великой крепости Лилибей на западе. Но все это время его положение было отчаянным. Коалиция, от которой он зависел, состояла из неверных и бесполезных союзников. В то время как его стойкая эпиротская фаланга истощалась при каждой победе, новые рекруты из римских граждан, казалось, появлялись из земли, чтобы восполнить потери от каждого поражения. Итак, в конце концов дело дошло до битвы на равнине Арузин, близ Беневента, в которой римляне одержали полную победу. Таким образом, Пирр оставляет истории репутацию не завоевателя, а авантюриста. Таким образом, римляне столкнулись лицом к лицу с греческой фалангой и разгромили ее в лучшем виде, и теперь они были хозяевами Италии от Генуи до Реджо, а Сицилия, очевидно, приглашала их к следующему наступлению. О том, что Рим теперь был официально принят в число великих держав средиземноморского мира, свидетельствует посольство, предлагающее союз с египетским Птолемеем.

У нее была передышка в одиннадцать лет перед первым из двух ее крупных конфликтов с карфагенянами. Карфаген, колония финикийцев из Тира, разбогател на плодородной почве

современного Туниса. Она была аристократией, всецело преданной торговле, и жила неуютно среди окружающего населения, состоящего из опасных местных подданных. Война не была ее основным занятием, но когда она искала новые рынки сбыта, она была склонна сражаться с ужасающей свирепостью, принося своих пленников сотнями в жертву отвратительным богам, когда одерживала победу, и сажая на кол своих генералов, когда не побеждала. Как военная держава она сильно различалась: сравнительно слабые греческие государства Сицилии веками вели против нее довольно равную борьбу. Но она использовала британскую систему войск сипаев, и поэтому все зависело от генерала. Если бы не неопытность римлян на море и необычайный гений Ганнибала, Карфаген никогда не был бы так близок к победе, как сейчас. У нас нет истории борьбы со стороны Пуники, и сам Карфаген должен оставаться в некотором роде загадкой, даже когда его освещает блестящее воображение автора "*Саламбо*".

Вступая в эту войну, которую Рим предпринял якобы в ответ на призыв группы разбойников, к которым он не испытывал никакой симпатии, мы на этот раз не можем обнаружить никаких мотивов, кроме желания завоевания. Мессина, родина упомянутых негодяев, была для нее всего лишь *мостом*, который вел из Бруттия в Сицилию. Очевидно, целью было завоевание этого богатого греческого острова, но она ввязалась в войну, не предвидя масштабы своего предприятия. Главный интерес Первой Пунической войны, длившейся с 264 по 241 год, заключается в создании римского военно-морского флота, которое произошло в ходе нее. Хотя мы можем согласиться с Моммзеном в том, что "это всего лишь ребячество - верить, что римляне тогда впервые опустили весла в воду", все же традиция гласит, что римляне строили флот в большой спешке, взяв за образец севшую на мель карфагенскую галеру. Во всяком случае, это был ее первый военный флот, заслуживающий упоминания. Традиция подтверждается отсутствием у римлян мореходного мастерства, поскольку каждый шторм стоил им огромных потерь в результате кораблекрушений. Устройство, с помощью которого она преодолевала пунические корабли — что-то вроде абордажного трапа на шкивах, прикрепленных к ее мачтам, чтобы ее солдаты могли сражаться с врагом как на берегу, — было успешным, но, по сути, сухопутным изобретением, и, без сомнения, объясняет многие ее потери в результате кораблекрушений. Ее ежегодные консулы, преобразованные по этому случаю в ежегодных адмиралов, не имели даже такой возможности обучиться своему ремеслу, как полковник Блейк. И хотя Рим запускал флот за флотом, пока, наконец, не стал владычицей морей, он никогда не относился к своему флоту с уважением. Кораблями управляли рабы, а экипажи состояли в основном из подвластных союзников, но по-настоящему сражаться приходилось 120 легионерам на каждом судне, которые вступали в бой, когда враг был схвачен и трап закреплен на палубе. Таким образом, война тянулась почти целое поколение, пока, наконец, карфагеняне не заключили мир, и Рим не получил вожденный остров. Британия - не единственная империя в истории, которая одерживает победы, "путаясь в делах".

Очевидно, что мир был не более чем передышкой: вопрос о господстве в Западном Средиземноморье еще не был решен. Рим потратил этот промежуток времени на новые завоевания. Сначала она воспользовалась возможностью, пока Карфаген был связан с ее местными повстанцами, аннексировать острова Сардиния и Корсика, утверждая с большей изобретательностью, чем с географической точностью, что это были некоторые из островов между Сицилией и Африкой, которые Карфаген согласился уступить. Здесь мы видим простую римлянку как дипломата. Затем она была вынуждена вторгнуться в Иллирию, чтобы очистить Адриатику от пиратства, и таким образом приобрела территорию по ту сторону моря. Вскоре после этого галлы северной равнины под давлением своих сородичей из-за Альп начали угрожать вторжением; и Рим, после того как ему не удалось снискать

благосклонность небес благочестивым способом похоронить галла заживо на своем Форуме, выступил им навстречу, перебил их тысячами и таким образом прекратил свой контроль над полуостровом. Многие из этого похоже на сознательное построение империи.

Во Второй Пунической войне, которая длилась с 218 года до конца столетия, Рим не был агрессором. В Карфагене к этому времени восстание туземцев было подавлено тяжелой рукой. Похоже, что в Карфагене была своя партийная система, демократия, как обычно в древних городах, выступала за войну, а аристократия богатых купцов - за мир. Демократию возглавляла знаменитая семья Барка, которая долгое время поставляла государству знаменитых генералов и теперь занимала непревзойденное положение. Конституционно карфагенянин не мог подняться выше, чем стать одним из двух *торговцев*, которые соответствовали римским консулам, но на самом деле Баркасы были больше похожи на семью диктаторов. С самого начала Гамилькар Барка предвидел, что Рим по-прежнему остается врагом, и, как говорят, он заставил своего маленького сына Ганнибала поклясться у алтаря, что будет преследовать эту вражду до самой смерти. Но сначала было необходимо приобрести ресурсы и армию для этой цели. Это он решил сделать, как это сделал после него Юлий Цезарь, путем иностранного завоевания. Без приказа из дома он повел свою армию в Испанию и там начал создавать провинцию и туземную армию под своим абсолютным контролем. Хотя Кадис уже был карфагенским рынком, в Сагунте уже существовала греческая колония, а корабли Фарсиша были известны даже царю Соломону, это первое реальное появление Испании в истории. В рудниках можно было добыть металл, золото, медь и серебро, а в горах жили отважные воины, которым требовалась только тренировка, чтобы стать отличными солдатами. Так Карфаген начал приобретать западную замену своей утраченной провинции Сицилия. Гамилькар умер; его зять Гасдрубал был убит; и тогда армия выбрала своим предводителем сына Гамилькара Ганнибала, тогда молодого человека двадцати девяти лет.

Этот человек, хотя его история была написана исключительно его врагами, выделяется как один из величайших лидеров в истории. В стратегии он был непревзойденным; в государственной мудрости он обладал присущим Мальборо даром уметь своим личным влиянием удерживать невольных союзников вместе даже в неблагоприятных обстоятельствах. Он был образованным человеком, говорившим и писавшим по-гречески и по-латыни. Ревнивые римляне обвиняют его в жестокости и вероломстве, но на самом деле история ничем не подкрепляет эти обвинения: напротив, его поступки часто бывают великодушными и благородными. Его гениальность как полководца во многом проистекала из его способности проникать в сознание своего врага. Это был человек, который унаследовал глубоко продуманные планы мести своего отца и с сердцем, пылающим ненавистью к Риму, приступил к их осуществлению.

Мы не можем подробно останавливаться на его замечательном переходе через Альпы и серии блестящих побед на земле Италии. Короче говоря, весь план кампании Ганнибала состоял в том, чтобы вторгнуться в Италию по суше компактными ударными силами и поднять против нее невольных подданных Рима, в то время как основные силы Карфагена нападут на Сицилию и Италию с моря. Но в нем содержались три серьезных просчета, которые в конечном итоге привели его к краху. Во-первых, южные галлы, на которых Ганнибал полагался в своих коммуникациях и своей базе, оказались непостоянными и ненадежными союзниками; во-вторых, он обнаружил, что мягкая имперская система Рима не породила таких нежелательных подданных, какими обладал Карфаген в Африке; и в-третьих, он надеялся на поддержку Филиппа Македонского, но здесь ему помешала римская дипломатия. Более того, в то время как римляне демонстрировали неслыханное в истории

упорство и способность к восстановлению сил, сам Карфаген, находящийся теперь в руках коммерческих олигархов, оказывал ему неохотную и неуверенную поддержку. Твердость и мужество римского сената и народа были поразительны. Рим, побежденный снова и снова на полях сражений при Тичино, Требии, Тразименском озере и Каннах, никогда не терял своей гордости. Она отказалась от предложений помощи от царя Сиракуз Гиерона, она смогла найти время, чтобы приказать иллирийским вождям выплатить дань, она фактически вызвала Филиппа Македонского, чтобы выдать своего беглого мятежника Деметрия. Она держала армию в Испании; флот все еще курсировал в греческих водах; у нее была армия на Сицилии, в то время как четыре легиона осаждали Капую; у нее были войска на Сардинии, три легиона в Северной Италии, два легиона в качестве гарнизона в столице — не менее 200 000 граждан под ружьем. Когда глупый демагог Варрон вернулся с поражением и позором после ужасной катастрофы при Каннах, сенат поблагодарил его за то, что он не покончил с собой — “за то, что не отчаялся в спасении своей страны”.

Фото IX. ТРАЗИМЕНСКОЕ ОЗЕРО

Несомненно, Рим был чем-то обязан, но не так сильно, как утверждали его поэты и ораторы, осторожной тактике Квинта Фабия. Во всяком случае, он дал ей время привыкнуть к присутствию захватчика и оправиться от шока, вызванного тремя катастрофами, которыми началась война. Римлянам никогда прежде не приходилось сталкиваться лицом к лицу с непревзойденным стратегом. Пирр был, в пределах ограничений греческой войны, искусным тактиком; он даже проявил оригинальность, копируя римскую манипулярную систему в своих более поздних сражениях. Но Ганнибал был больше, чем стратег; он был психологом, который знал, когда полководец противника был опрометчив, а когда осторожен, у которого повсюду были шпионы, и он мог дополнить их разведданные, переодевшись для собственной разведки. Разведка была искусством, которому римлянам еще предстояло научиться на горьком опыте. На Тразименском озере^[10] они наткнулись прямо на самую очевидную из естественных смертельных ловушек. Но римляне всегда были хорошими

учениками, и, как это обычно бывает, армия патриотов-любителей неуклонно совершенствовалась во время войны, в то время как наемные профессионалы неуклонно ухудшались. Реальная стратегия, с помощью которой Ганнибал выигрывал большинство своих сражений, была достаточно простой. Это была политика протяженного слабого центра, в котором римские легионы глубоко зарылись, в то время как два сильных крыла противника сомкнулись вокруг них с флангов и тыла. Среди своих нумидийских всадников Ганнибал располагал лучшей легкой кавалерией, известной в европейских войнах.

Какое-то время все шло блестяще для захватчика. Итальянцы, греки и галлы присоединились к его победоносному знамени. Рим был на грани отчаяния. Сами боги начали дрожать; их статуи обливались кровью, двухголовые ягнята рождались с пугающей частотой, а коровы в Апулии человеческими голосами произносили пророческие предупреждения; самые ужасные предзнаменования предвещали гибель. Но город и сенат никогда не падали духом, и постепенно, по прошествии лет, Ганнибал начал понимать, что его дело проиграно. Латинские союзники твердо стояли на стороне Рима. Римляне смогли удержать Сицилию и даже отправить блестящего и удачливого молодого полководца по имени Сципион отвоевывать Испанию. Таким образом, долгожданное подкрепление было отрезано. Глупая карфагенская аристократия завидовала своему великому солдату, и когда, наконец, подкрепляющейся пунической армии из Испании удалось проскользнуть в Италию, Нерон перехватил ее у реки Метавр как раз перед тем, как произошло соединение. Первые известия об этой битве дошли до Ганнибала, когда римляне перебросили через вал в его лагерь окровавленную голову побежденного полководца, его собственного брата Гасдрубала. Гораций воспел этот трагический эпизод в своей самой благородной манере:

quid debeas, o Roma, Neronibus
testis Metaurum flumen et Hasdrubal
devictus et pulcer fugatis
ille dies Latio tenebris.

.....
dixitque tandem perfidus Hannibal:
“cerui, luporum præda rapacium,
sectamur ultro quos opimus
fallere et effugere est triumphus

.....
“Carthagini iam non ego nuntios
mittam superbos. occidit, occidit
spes omnis et fortuna nostri
nominis Hasdrubale interempto.”[11]

Это было в 207 году: в 206 году Сципион одержал решающую победу в Испании, а в 205 году предпринял контрнаступление на побережье Карфагена. Это была всего лишь “тщетная надежда добровольцев и разочарованных компаний”, но это привело к отзыву Ганнибала и приобретению ценных африканских союзников для Рима. Последней сценой дуэли была победа Замы в 202 году, в которой Сципион получил свой титул африканского и стал героем и спасителем Рима.[12] Карфаген уступил Испанию и испанские острова, потерял весь свой военный флот, перешел под римский сюзеренитет и согласился выплатить огромную контрибуцию. Но ее конец еще не наступил. Еще пятьдесят лет ей было позволено существовать, терпя унижения и агонию.

Итак, какими бы ужасными ни были потери Рима в этой семнадцатилетней войне и как бы велика ни была его усталость, через год после заключения мира с Карфагеном он предпринял новую серию кампаний. Северные галлы подняли отчаянное восстание, разграбили Пьяченцу и захватили Кремону, но римляне быстро образумили их. Галлы, конечно, пока не могли получить никаких прав гражданства, но они вернули себе независимость и были освобождены от уплаты дани, чтобы служить оплотом против своих северных кузенов. В Испании также шли непрекращающиеся боевые действия. На Сардинии не прекращались работоторговли, пока рынок не был переполнен рабами, и родилась фраза “дешево, как сардинец”. Как мог сенат в такой момент объявить новую войну величайшей из европейских держав? Было ли это под давлением той алчной коммерческой партии в Риме, о которой мы начинаем так много слышать? Предположение абсурдно. Македонию ждали тяжелые испытания и мало денег, и трудно представить, как в Риме могли возникнуть какие-либо мощные коммерческие интересы за семнадцать лет Ганнибаловой войны. Если когда-либо и существовала нация, ранняя история которой отвергала экономическую интерпретацию, то это были римляне. Даже когда римляне завоевали Македонию, они закрыли знаменитые золотые рудники, потому что не знали, как ими управлять! Я также не думаю, что это была какая-то масштабная *мировоззренческая политика*, которая привела Рим ко Второй Македонской войне. Несомненно, Филипп и греки были опасными и неудобными соседями, и, несомненно, это было правдой, что Филипп Македонский и Антиох Сирийский заключили соглашение о разделе владений мальчика-царя Египта. Но войну, вероятно, можно было бы отложить на годы путем переговоров. Филипп не хотел воевать с Римом: он даже не осмелился вмешаться, когда он был почти повержен ниц перед Ганнибалом. Дело в том, что римляне по привычкам и инстинкту были воинственным народом. С древнейших времен они унаследовали обычай ежегодной летней кампании. Мир не представлялся им или большинству их соседей желательным условием, которое должно сохраняться как можно дольше. Они были солдатами и никем иным, а для чего нужны солдаты, как не для того, чтобы сражаться? Только слепой оптимизм может верить, что даже сейчас народы обычно руководствуются в своих международных отношениях дальновидностью и политикой. “Простая истина заключается в том, - сказал Уильям Джеймс, - что люди *хотят* войны. Они хотят этого в любом случае; само по себе и отдельно от всех возможных последствий. Это последний букет фейерверка жизни”. Это, безусловно, относится и к римлянам: римское государство в целом нуждалось в своей обычной ежегодной кампании. Делом ее государственных деятелей и дипломатов было выбирать врага и готовить *повод для войны*. Представлять государства 200 года до н.э. такими, какими они были всегда, рассчитывая свои действия исключительно на основе коммерческого интереса, должно быть, неисторически.

В своем нападении на Филиппа римляне были в союзе с самыми уважаемыми элементами левантйской политики: Родосом, торговой республикой; Пергамом, царством образованного Аттала; Афинами, древней родиной искусства и учености; Египтом, центром торговли и литературы. В другом месте^[13] Я описал, как простые римляне вели себя в этой стране высшей цивилизации. Они почти благоговейно вступали в круг греческой культуры; им льстило, когда афиняне посвящали их в Элевсинские мистерии или когда Ахейский союз разрешал им принимать участие в Истмийских играх. И когда они разбили Филиппа — не без труда и не без незаменимой помощи этолийской кавалерии — при Киноцефалах, они не предприняли никаких попыток аннексии. Оставив Филиппа калекой, они были довольны. Фламинин, их филэллинский генерал, был горд провозгласить свободу Греции, прежде чем уйти в отставку. Он и многие из его офицеров унесли с собой неизгладимое впечатление. Они возвращались к варварству из страны, богатой древними храмами невероятного великолепия, переполненной произведениями искусства. Они видели трагедии в театрах,

бегунов на играх. Они слышали, как философы спорят в колоннадах, как ораторы разглагольствуют на рыночной площади. Мир, сияющий жизнью, о которой они и не мечтали, где были другие вещи, ради которых стоило жить, кроме сражений, внезапно предстал перед их глазами.

Следующая великая война была против сообщника Филиппа, Антиоха Сирийского. Эта война была такой же неизбежной, как и предыдущая. Антиох, надутый претензиями восточного царя царей, горел желанием помериться силами с *парвенусными* римлянами. Рим, казалось, неохотно брался за выполнение этой, по-видимому, огромной задачи в данный момент, хотя Пергам и Родос обратились к ней за помощью. Одной из веских причин для войны было то, что Антиох предоставил приют Ганнибалу, затравленному, но страшному врагу Рима. Если бы у Великого царя хватило ума дать Ганнибалу власть над своим огромным войском, римлянам, возможно, пришлось бы нелегко. Как бы то ни было, битва при Магнезии (190 г.) была одной из тех скромных побед, в которых восточные войска были разбиты превосходящим западным оружием и методами ведения боя. Но даже с богатствами Сирии, раскинувшимися у ее ног, Рим ничего не аннексировал; не из какого-либо духа самоотречения, поскольку она потребовала контрибуции почти в четыре миллиона фунтов стерлингов, а потому, что она не была готова взять на себя ответственность за управление такими обширными и гораздо более цивилизованными регионами, чем она сама.

На самом деле, конечно, результатом этих войн было предоставление Риму полного господства над прибрежными землями Средиземного моря. Хотя она и не аннексировала, она приняла сюзеренитет; то есть она контролировала или пыталась контролировать внешнюю политику. Рим - покровитель; Македония, Сирия, Египет, Пергам, Родос, Вифиния, Афины, две лиги и все древние государства Греции - ее клиенты. Должность полицейского и сиделки в эгейском мире была навязана Риму, потому что он был сильным и справедливым. Даже это было потрясающей и сбивающей с толку ответственностью. Каждый день в Рим прибывали новые посольства с жалобами на соседей и просьбами о помощи — умные греки, которые заморочили бы вам голову софизмами, и богатые азиаты, которые развратили бы вас взятками и уговорами. В пределах досягаемости не было никого, кто встал бы и сражался открыто. На Западе были Провинции, на Востоке союзники; трудно было сказать, кто доставлял больше хлопот.

Итак, мы переходим к следующему этапу, когда римляне начали аннексировать и поработать. Это был единственный способ. В Македонии, после того как Филипп был побежден и помилован, Персей восстал. После того, как Персей был разгромлен, а его царство расчленено, восстал незаконнорожденный самозванец и возглавил восстание, к которому присоединились греки. Очевидно, не оставалось ничего другого, как завершить дело отправкой постоянной армии под командованием постоянного генерала в Македонию и назвать ее своей “провинцией”. Римляне даже не мечтали о том, чтобы сделать такие города, как Афины, своими подданными. Эти свободные города, однако, нуждались в суровом уроке; и Коринф, как почти неприступная крепость, которая была центром ахейских злодеяний, был выбран для разрушения и разрушен в 146 году до н.э.

Платекс. БРОНЗОВАЯ СТАТУА АВЛА МЕТИЛИЯ “АРРИНГАТОР”

В том же году пришел конец Карфагену. В течение последних пятидесяти лет там происходили постоянные беспорядки. Рим оставил Карфаген распростертым ниц перед своими опасными африканскими врагами и отклонил все ее просьбы позволить ей защитить себя. Все это время Карфаген, несомненно, финансово восстанавливался после своего поражения, несмотря на большую ежегодную дань. Это зрелище возбудило страхи и зависть римлян. Недостаточно было отдать приказ об изгнании Ганнибала. Римляне, выросшие в тени великой Пунической войны, впитали ненависть и страх перед Карфагеном с молоком матери. Умные люди вроде Сципиона, видевшего Карфаген поверженным в прах, могли бы посмеяться над их страхами. Это была старая римская партия со своим представителем Катонем и его дурацким попугайским криком *"деленда есть Карфаген"*, который постоянно держал их нервы на пределе, пока, наконец, в явной панике они не подчинились. Долгая вражда между Карфагеном и берберским вождем Масиниссой достигла апогея в 154 году. Масинисса обратился к Риму, и Рим приказал Карфагену распустить свою армию и сжечь свой флот. Карфаген, теперь уже отчаявшийся, отказался, начал войну с Масиниссой и

потерпел поражение. Затем Рим объявил ей войну - Третью Пуническую войну. Два консула высадились с большой армией, и Карфаген предложил подчинение. Консулы потребовали полного разоружения. Карфаген подчинился. Затем консулы потребовали, чтобы существующий город был разрушен, а жители поселились на десять миль вглубь страны. Это означало не только разрушение их домов, очагов и храмов, но и прекращение торговли, ради которой они жили. Это абсурдное требование показывает, что политика Катона восторжествовала. Карфаген не мог смириться с этим, и последовала одна из тех ужасных осад, в которых семитские народы проявляют свое поразительное упорство. Три года это продолжалось из-за вопиющей некомпетентности римских генералов, пока, наконец, не появился Сципион, чтобы снова переломить ход событий. Карфаген был полностью разрушен огнем и мечом, само его место было обнажено, а почва засеяна солью в знак того, что человек больше не должен здесь жить.

Разрушение этих двух городов, Коринфа и Карфагена, вместе с другими фактами, такими как необоснованное раздражение, которое Рим проявлял по отношению к своим греческим союзникам, Родосу и Пергаму, было воспринято некоторыми современными историками как еще одно указание на политику коммерческой ревности, провоцирующую разрушение конкурирующих рынков. В одном случае, однако, было доказано, что Коринф больше не был крупным центром греческой торговли, когда он был разрушен, а в случае с Карфагеном именно партия Катона, который был гораздо больше фермером, чем организатором компании, настаивала на разрушении. Деловой человек действительно может быть настолько глуп, чтобы захотеть закрыть основные рынки, на которых он покупал и продавал, — сегодня есть такие бизнесмены, — но вряд ли он настолько безумен, чтобы допустить, чтобы прекрасный торговый центр с его доками и набережными был полностью разрушен и навеки проклят. Точно так же, когда Македония была завоевана, ее богатые золотые рудники были закрыты по приказу сената. Правда в том, что Рим был утомлен своими колоссальными войнами, невыразимо раздражен и нервозен из-за гигантской задачи управления, которая была возложена на него. Окруженная ложными друзьями и тайными врагами, она теряла благородное *хладнокровие*, которое проявляла во времена настоящего кризиса. Коринф был разрушен как предупреждение грекам, Карфаген - как искупление за *лемуров* непогребенных римских мертвецов.

Провинции

При рассмотрении древних, имперских и провинциальных систем современному человеку необходимо отказаться от всех географических представлений, вытекающих из изучения карт. Древние, вероятно, имели лишь самые смутные представления о территории. Естественные границы, такие как горы, реки и побережья, были им, конечно, знакомы со стратегической точки зрения. Внутри них были большие и малые города, которые в случае цивилизованных людей образовывали жизненные единицы и органы управления. В случае варваров существовали племена и нации, редко достаточно оседлые, чтобы дать какое-либо представление о географическом районе. Таким образом, когда Рим завоевал Сицилию, он приобрел не столько одну географическую единицу, остров, сколько совокупность государств различных типов и конституций. То же самое и в случае с Испанией; она говорила и думала, что приобрела Испанию, хотя большая часть Пиренейского полуострова оставалась непокоренной еще полтора столетия. Помнить об ограниченности древних географических знаний необходимо для понимания римской провинциальной системы. *Провинция* означает в первую очередь сферу служебных обязанностей, *провинцией* мужчины может быть кормление священников гусей или командование армией. Прошло

совсем немного времени, прежде чем это слово стало обозначать территориальную область. Когда это произошло, день города-государства подошел к концу.

Самыми ранними римскими провинциями были *Сицилия*, завоеванная в ходе Первой Пунической войны в 241 году до н.э., затем *Корсика* и *Сардиния*, аннексированные в ходе последовавших дипломатических интриг. Испания, или, скорее, "*Испании*". Далее и далее были плоды Второй Пунической войны (201). После Третьей Пунической войны (146 г.) территория Карфагена стала провинцией под названием *Африка*. В то же время Македонские войны подарили Риму провинцию *Македония*. Чтобы завершить список, что касается Римской республики: Аттал III. завещал свое королевство Риму в 133 году, и оно стало провинцией *Азия*. В 121 году завоевание Южной Галлии дало Риму *Нарбонскую Галлию*. В 103 году распространение пиратства на южных побережьях Малой Азии вынудило римлян сделать *Киликию* провинцией. В 81 году законодательный акт Суллы включил уже завоеванную *Цизальпинскую Галлию* в ту же категорию. Царь *Вифинии* подражал Атталу, завещав свое царство Риму. *Кирена* также была передана Риму и объединена в одну провинцию с *Критом* в 63 году. В 64 году Помпей Великий сверг короля *Сирии* и аннексировал его королевство. Примерно в то же время, после смерти Митрадата, *Понт* был присоединен к Вифинии в качестве объединенной провинции. В 51 году Юлий Цезарь завершил завоевание Галлии и добавил ее как *Коматскую Галлию* к старой провинции Нарбоннская Галлия. Наконец, в 31 году Октавиан добавил к списку *Египет*.

Это был не римский способ обдумывать ситуацию с логикой и прямоотой грека или француза. Больше похожий на англичанина, он принимал вещи такими, какие они есть, и извлекал из них максимум пользы, как можно меньше нарушая свою ранее существовавшую систему и предвзятые идеи. Римская империя не управлялась на основе системы, поскольку она не была приобретена в результате политики. Когда Сицилия перешла в руки Рима, она перешла по частям в ходе войны. Различные города принимали римский "союз" на различных условиях. Рим никогда не был в состоянии предоставить греческим государствам полное гражданство, потому что их жители, говорящие на иностранном языке, не могли предоставить эквивалент военной службе. Если бы Сицилия была итальянской, она, без сомнения, вошла бы в римский союз как совокупность муниципальных образований; как бы то ни было, шестьдесят пять или около того отдельных сицилийских штатов продолжали по большей части пользоваться своими предыдущими конституциями в соответствии с различными соглашениями с Римом. Некоторые были "свободными", некоторые - "свободными и состоящими в союзе"; точно так же среди королей, подчинившихся Риму, одних называли "союзниками", других - "союзниками и друзьями". У городов были бы свои хартии, а у королей - свои личные договоры с Римом, которые утратили силу с их смертью. Но в регионе, завоеванном в результате войны, большинство племен или государств были просто "стипендиатами", то есть платили дань. *Выплачиваемая* стипендия изначально и теоретически представляла собой компенсацию или взнос на содержание вооруженных сил людьми, которые не были квалифицированы для оказания личной службы. Обычно это решалось комиссией из десяти членов сената, которые отправлялись на обустройство вновь приобретенной территории. Даже эти государства-данники имели свои хартии от Рима. *Стипендия* ни в коем случае не была грабительской. В Македонии, например, народ платил Риму лишь вдвое меньше, чем раньше своим царям. На Сицилии и Сардинии земледельцы платили десятину, обычно натурой (то есть зерном), в римскую казну, а горожане, вероятно, платили подушный налог. Это была ошибка юристов, которые перепутали эту десятину с десятой частью, уплачиваемой жителями римской общественной земли, что впоследствии привело к появлению опасной юридической теории о том, что Рим приобрел всю землю страны, завоеванной его оружием, и сдал ее обратно в аренду за вознаграждение

первоначальным владельцам. На самом деле, лишь немногие провинции приносили доход римскому государству. Испания, где война шла непрерывно, безусловно, понесла тяжелые потери. Македония не была источником прибыли. Сицилия, во многом благодаря миру с римлянами, стала житницей столицы, но только Азия была источником огромных богатств для казны. Разумеется, для провинций, как и для самой Италии, существовали портовые сборы.

В целом, справедливо будет сказать, что местная автономия в целом была сохранена. Либо благодаря политике, либо, что более вероятно, потому, что римляне обычно воспринимали вещи такими, какими они их находили, предыдущие законы и конституции завоеванных единиц, будь то города или племена, оставались в силе. В Сиракузах, например, сохранялся закон царя Гиерона, и для сицилийцев было гораздо лучше платить налоги Риму, чем подвергаться личным поборам такого монстра, как Агафокл. В судебных тяжбах между гражданами одного сицилийского государства судебный процесс должен был проводиться в этом штате местным судьей и в соответствии с местными законами — возможно, с правом апелляции римскому губернатору. В судебных процессах между римлянами и сицилийцами судья должен был быть уроженцем штата ответчика. До сих пор римское владычество было самой мягкой, самой благожелательной системой правления, которая когда-либо была навязана империей покоренным подданным. Следует помнить, что Афины разбогатели и стали красивыми благодаря неправильному использованию взносов союзников, которые она превратила в дань подданных. Спарта разместила гарнизоны в каждом завоеванном городе. Как и Карфаген. Ни одна современная держава не предоставляет завоеванным территориям такой местной автономии, какую предоставил ей Рим.

Но на каждой завоеванной территории необходимо было иметь вооруженные силы, большие или малые, в зависимости от обстоятельств, а для солдат - генерала. Поскольку все римские магистраты были в первую очередь военными, но также судебными и исполнительными — поскольку, фактически, природа римских представлений о *империи* подразумевала неограниченную компетенцию во всех сферах управления, генерал провинции также, по необходимости, был провинциальным судьей и администратором, свободным от всякого контроля в течение года своего пребывания в должности. Несомненно, римляне, если бы они обладали мудростью и дальновидностью, столь щедро демонстрируемыми их современными критиками, отправляя офицеров в отдаленные части, пересмотрели бы свои представления об *империи* и определили сферы ответственности, которые они доверили своим генералам. Если бы они изучали политологию, они могли бы понять, что разумно отделять юридические функции от административных, а обе эти функции - от военных. Или, если бы они провели исторические исследования, они могли бы обнаружить, что персидская административная система с тремя независимыми чиновниками в каждой сатрапии была лучшей из когда-либо открытых. Но они не сделали ничего из этого: они просто продолжали действовать в старом римском стиле, *more maiorum*. Они не предвидели деморализующего эффекта абсолютной власти в чужой и подвластной стране. Они не предвидели необходимости централизованного контроля в римском колониальном ведомстве; не существовало даже латинского эквивалента франко-греческому термину “бюрократия”. Таким образом, они были вынуждены довериться чести и чувству справедливости, которые, как считалось, на момент начала этого колоссального эксперимента все еще существовали в сердце римского офицера и дворянина, не подозревая, что коррупция уже тогда начала заражать всю их аристократию.

Можно было бы подумать, что они осознали сверхчеловеческие соблазны, подстерегающие римского правителя. Он отправился с компанией своих друзей, в основном честолюбивых

молодых людей, в поисках персонала, с сенаторским легатом, выбранным им самим, и несовершеннолетним квестором в качестве своего подчиненного, чтобы вести бухгалтерию, если он сможет: поскольку конкурсных экзаменов по бухгалтерскому учету не было. Губернатор прожил год только среди людей, чьи традиции, законы и даже язык, вероятно, были ему совершенно неизвестны. Он покинул суровую и варварскую республику, чтобы действовать как монарх среди льстивых греков или пресмыкающихся азиатов. Ни одна сила на земле не могла даже критиковать его, пока он правил *империумом*: впоследствии ему, правда, мог быть объявлен импичмент, но перед судом его собственных друзей. Он только что получил гражданскую магистратуру, и она была завоевана и удерживалась с помощью щедрых взяток и публичных развлечений. Возможности отыгаться были непреодолимы.

Верные *mos maiorum*, римляне не изобрели новой магистратуры для провинций. Уже в период самнитских войн они сочли необходимым иногда нарушать годовую систему, продлевая срок полномочий магистрата, чтобы он мог завершить кампанию. Если он был претором или консулом, он оставался пропретором или проконсулом еще на один год. Когда Сицилия была завоевана, римляне добавили еще одного претора к двум уже существующим должностным лицам, еще одного для Сардинии и еще двух для Испании; но после этого новые провинции были переданы пропреторам и проконсулам или, в случае войны, самим консулам в течение последней части года их полномочий. Сенат решал, какими должны быть судебные провинции, какие из них должны быть консульскими, а затем, как правило, за них голосовали квалифицированные офицеры.

Тот же недостаток гибкости в римской системе сводил на нет их благие намерения в финансовом вопросе. Как мы видели, государство не возлагало непосильного бремени на своих вассалов. Если бы *стипендия* честно собиралась официальными эмиссарами под надлежащим контролем, у провинциалов было бы мало причин для жалоб. Но римляне и здесь не предоставили новых должностных лиц для выполнения новых обязанностей. В некоторых случаях они позволяли подвластным общинам собирать свои собственные налоги и пересылать требуемую сумму в Рим, и в таких случаях на пути было много казнокрадов. Но там, где это было невозможно, сенат передавал сбор налогов по контракту определенным лицам, которые покупали их на аукционе. *Publicani* быстро превратились в обычное учреждение, объединившись в капиталистические синдикаты, которые сочетали сбор налогов с денежным кредитованием. Банки были открыты в каждом провинциальном центре. Этот класс капиталистов вскоре утвердился в качестве политического органа в Риме, где он оказывал мощное и зловещее влияние на государственную политику. Чуть ниже сенаторского сословия находились *всадники*. Раньше это была настоящая кавалерия, поскольку только богатые могли позволить себе содержать лошадь и необходимое снаряжение; теперь это было в основном титулованным отличием, подразумевающим определенный доход. Именно здесь римские банкиры и финансовые круги были объединены в единый могущественный класс. На какое-то время эти “всадники” фактически обеспечили контроль над судами присяжных, которые рассматривали обвинения в вымогательстве. Тогда участь провинциалов была поистине плачевной: чтобы заплатить своим жадным и грабительским сборщикам налогов, им часто приходилось занимать у тех же самых людей в качестве ростовщиков, а затем, если они отваживались отправиться в Рим с жалобой, они встречали тот же самый злой класс в лице тех самых судей, которые выслушивали их жалобы. Вот так “мытарь и грешник” стали подходящим сочетанием.

Коррупция, как мы увидим позже, стала серьезной с приобретением Азии. Поначалу некомпетентность из-за неопытности губернаторов и их штабов была главным недостатком системы. Но когда Азия с ее накопленным капиталом, ее возможностями эксплуатации и

крайней беспомощностью перешла к Риму, торговцы и ростовщики хлынули на нее, так что, когда Митридат приказал устроить свою знаменитую резню, там находилось 80 000 италиков. Таким образом, деньги хлынули в столицу, и началась неприличная борьба за богатство. Но в настоящее время нас интересует только система управления провинциями, какой она была вначале. Я думаю, мы можем заключить, что это началось с наилучшими намерениями, но с двумя неотъемлемыми недостатками, оба из-за консерватизма римского характера. Их конституция была муниципальной, а их мировоззрение ограниченным. Их строительство империи носило именно тот ограниченный, исполненный благих намерений характер, который можно было бы ожидать, если бы городскому совету Марлибоуна внезапно представили Ирландию, Францию и половину Испании и попросили управлять ими.

Имперский город

Бедный человек не может стать миллионером, по крайней мере, не изменив свой образ жизни, а маленький отсталый провинциальный городок не может стать владычицей великой империи, не претерпев очень глубоких изменений. В 208 году до нашей эры Рим боролся за свою жизнь с иностранным врагом, бушевавшим у его ворот. Пятьдесят лет спустя она была хозяйкой Средиземноморья и владелицей большего количества земель, чем могла себе представить.

Одним из последствий перемен стал огромный приток богатства в город. Только в виде военных контрибуций шесть или семь миллионов фунтов стерлингов должны были поступить в казну государства, которое до недавнего времени вело свои дела с помощью кусков меди. Поговаривали, что Рим заработал более двух миллионов в Сирийской войне и примерно столько же в Третьей Македонской. Были приобретены обширные участки общественной земли, и наблюдался постоянный приток даннического зерна и денег: необходимо было добавить государственные рудники, такие как в Испании. В городе никогда не было регулярного прямого налогообложения: римлянин платил свои взносы в форме личной службы, и *дань* была знаком поражения. Но теперь в Риме прекратились все налоги, за исключением косвенного тарифа на соль и портовых таможен. Отныне Рим жил за счет своей империи и жирел на ней. Верно, что расходы также увеличивались. В первые дни государственных финансов не существовало. Войну вела гражданская армия, которая провела несколько дней в кампании по соседству, одетая в свои собственные доспехи и с комиссариатом, предоставленным их женами. Единственным государственным расходом была религиозная обязанность по поставке животных для жертвоприношения, и даже это в значительной степени покрывалось штрафами, уплачиваемыми в казну. Но теперь экспедиции стоят денег, армии, месяцами воюющие в далеких землях, нужно кормить и содержать в исправности, строить корабли, снабжать оборудованием и машинами. Тем не менее, при мудром финансовом управлении казначейство должно было иметь приличный профицит. Но финансовой мудрости не хватало: хотя нас уверяют, что бухгалтерия была одним из пунктов, которым особенно гордились древние римские отцы семейства, все же государственным казначейством Рима, банком которого служил храм Сатурна, управляли квесторы, низшая ступень римской официальной жизни, состоящая из молодых людей, только начинающих государственную карьеру. Один этот факт покажет, насколько важнее римляне считали войну, чем финансы, и насколько неправы те историки, которые ставят величие Рима в зависимость от экономических преимуществ. Поначалу неправильное управление финансами не было вызвано нечестностью: Полибий, греческий историк, который вырос в центре греческой политики при Арате, хитром главе Ахейского союза, и приехал в Рим во втором веке в качестве заложника, был искренне поражен честностью

римлян. Их финансовые ошибки были вызваны явной неопытностью в обращении с большими суммами денег.

Небольшая часть этого огромного притока денег была потрачена на общественные работы. Начнем с того, что в Риме не было вкуса к прекрасной архитектуре, да и вообще к искусству любого рода. Частные дома по-прежнему строились в основном из необожженного кирпича или черепицы, часто с соломенными или дранковыми крышами: интерьеры отличались голой простотой загородного фермерского дома. И потом, римская религия, которая, как мы видели, всегда была несколько холодна по отношению к высшим олимпийским богам, предлагая свою истинную преданность более темным деревенским силам, мало претендовала на храмы и величественные святилища. Храмы были построены под этрусским владычеством в пятом веке до нашей эры, но после этого в течение четырех столетий в анналах римской археологии почти ничего нет. Если что-то и строилось между Тарквинием и Суллой, то, как правило, из дерева, кирпича или щебня без каких-либо архитектурных претензий. Август с презрением смел все это. Конечно, у Катона и сторонников старого Рима было модно говорить, что они предпочитают старые добрые римские храмы с раскрашенными терракотовыми орнаментами всему новомодному безделию Греции; но это всего лишь вздор возмущенного филистера. Эти столетия роста лишены искусства.

На что *нувориши* второго века до нашей эры тратили свои деньги, сказать трудно. В 218 году до н.э. народ принял резолюцию как Закон Клавдия, запрещающую сенаторам заниматься внешней торговлей. Очень маловероятно, что сенат разрешил бы это, если бы они уже были глубоко вовлечены в бизнес. Но этот закон препятствовал единственному плодотворному использованию богатства: он превратил деньги великих домов в спекуляцию землей и, возможно, был предназначен для этого. За этим последовали катастрофические результаты. Пунические войны лишили возделывания миллионы акров земли. Эта земля, принадлежавшая повстанцам, перешла к римскому государству как общественная земля, и борьба за нее стала причиной важнейших политических конфликтов в последующем поколении. Но богатые сенаторы приобретали огромные поместья, не проявляя какой-либо глубокой заинтересованности в их экономической продуктивности. Подобно староанглийскому сквайру, древнеримский сенатор не был ни профессионалом, ни даже очень серьезным землевладельцем, более того, он был отсутствующим. Таким образом, обширные участки Центральной Италии превратились в поместья богатых людей, которые призраивали парк к парку и виллу к вилле скорее для хобби, чем по какой-либо уважительной причине. Общепринятое представление об Италии до Пунических войн как об огромном улыбающемся кукурузном поле, усеянном маленькими фермерскими домиками и загородными коттеджами, полными отважных земледельцев, одновременно неисторично и негеографично. Итальянский фермер жил — подобно средневековому европейскому фермеру — в основном в поселках, которые он называл “городами”, и только равнины в окрестностях города регулярно вспахивались и засеивались. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, как мало в Центральной Италии пригодно для выращивания зерновых. Но, если записи верны, 400 итальянских городков были разрушены во время великих войн, и это означало, что, возможно, 400 000 акров были выведены из-под возделывания. И что стало с их жителями? Тысячи, конечно, оставили свои кости на римских полях сражений, но еще тысячи, когда срок их службы истек, отправились пополнять ряды римского пролетариата. Там они паслись в плохо построенных, плохо осушаемых кварталах на низменности города. Физически и морально они пришли в упадок. Что, возможно, еще хуже, они не смогли сохранить свою породу в новых условиях. Человеку-животному требуются поколения, чтобы приспособиться к новым условиям. Современная Европа стала свидетелем огромного притока населения в города, сопровождающегося снижением рождаемости, и увеличение

численности городского населения поддерживается только за счет постоянного притока из страны. Верно было сказано, что будущее принадлежит расе, которая сможет наиболее легко приспособиться к таким новым условиям. Но римляне никогда не могли. Более скромные кварталы города, хотя и становились все более и более густонаселенными, росли, по-видимому, за счет иммиграции, а не за счет естественного прироста. Таким образом, население Рима становилось все более и более космополитичным, все менее и менее римским. Эти обобщения, по-видимому, хорошо обоснованы, но не следует забывать, что мы почти ничего не знаем о свободной бедноте в Риме. Нация ораторов обычно забывает говорить о мяснике, пекаре и его коллегах. Поверить в то, что вся торговля и промышленность в Риме велись рабами, так же невозможно, как и в то, что городская беднота может жить одним хлебом. “Хлеб и цирк” - респектабельная фраза, правдивая, как эпиграммы, но это не может быть полной правдой.

Карта Италии с изображением земли высотой более 1000 футов

Как мы видели на примере Греции, все древние города-государства выполняли обязанности, которые современное индивидуалистическое сообщество рассматривает, по крайней мере до настоящего времени, как частные, а не публичные. Город-государство рассматривал это как часть своего бизнеса - следить за тем, чтобы его акционеры не голодали, поэтому поставки зерна и цены на него всегда были вопросом государственного надзора. С самых ранних дней римской истории существовали офицеры, на которых возлагалась обязанность обеспечивать снабжение города зерном по разумной цене. Теперь зерно начало поступать в виде дани с Сицилии и Африки. Скоро у нас будут аграрные законы и все беспорядки,

которые из-за них произошли. Но важно отметить, что сокращение численности населения сельской местности Италии было вызвано войной и политикой, а также экономическими причинами. Конечно, экономические причины привели к тому, что она обезлюдела. Природа никогда не предназначала Центральную Италию для выращивания пшеницы; виноградная лоза, оливки и инжир - ее лучшие продукты. Теперь, когда моря были открыты для свободного импорта, пахать и засеивать каменистые нагорные фермы больше не стоило.

Таким образом, земля перестала обрабатываться. Как и в Англии, выпас скота оказался дешевле, проще и прибыльнее сельского хозяйства. Быки использовались для пахоты или предназначались для жертвоприношений. Итальянцы, как и греки, редко ели мясо, да и то немного, кроме копченого бекона, но поскольку все римляне носили шерстяную тогу, овцеводство было прибыльным. Летом овцы паслись на Сабинских холмах, зимой - на латинской равнине среди стерни кукурузных полей или под оливковыми деревьями. За ними ухаживали дикие пастухи-рабы.

Рабство было язвой, лежащей в основе древней цивилизации. В Риме оно приняло более ужасные масштабы, чем в Греции, из-за жесткого материализма римского характера. Конечно, это существовало с древнейших времен как обычная участь военнопленных. Крепкий римский фермер, столь любимый римской риторикой, был, в конце концов, немногим больше, чем крепкий надсмотрщик за рабами. Фактический труд в поле всегда находился в руках рабов. Еще в 367 году до нашей эры, если мы можем верить записям той эпохи, законодательство пыталось установить определенную долю свободного труда в загородных поместьях. С самого начала рабыня тоже была всего лишь движимым имуществом, коллегой собаки, даже немного ниже жены или дочери римского домоправителя. Дешевле было покупать рабов, чем позволять им размножаться, дешевле продавать их за то, что они принесут, когда состарятся, чем содержать их. Вы могли бы уклониться от богов, которые предписывали праздники даже рабам, предоставляя своим рабам работу в помещении в праздничные дни — таковы некоторые из принципов почтенного Катона, который представляет собой тип старого римского оруженосца и который лично бичевал своих рабов после обеда. Теперь рабов стало больше и они стали дешевле, чем когда-либо - возможно, вам придется заплатить до 1000 фунтов стерлингов за симпатичного мальчика или девочку, — но дикий сардинец, галл или испанец стоили очень мало. Отсюда началась действительно пагубная система специализированного рабства. Богатый римлянин не двигал ни рукой, ни ногой для себя. Иметь всего десять рабов было презренной нищетой. Каждый раб был обучен просто для выполнения одной особой задачи — повара, цирюльника, лакея, носильщика, лакея или школьного учителя. Пастухи и гладиаторы могли сохранить свою мужественность, что они действительно и сделали, и показали это в ужасных восстаниях в этом и последующих поколениях. Но у домашних рабов столицы не было иной надежды, кроме как раболепствовать и втираться в доверие, льстя и развращая своих хозяев. Одним из облегчений участи раба было то, что рабу было легче заслужить свою свободу в Риме, чем в Греции. Но этот тип человека после освобождения, а за ним и его дети, превратились в наихудший тип гражданина и имели тенденцию еще больше портить настроение пролетариата. Хуже домашнего рабства была плантационная система, которая на протяжении всего этого периода разрасталась в стране. В худшем случае это означало огромные бараки для рабов, в которых рабы жили в подземельях и днем работали бандами, скованные цепями день и ночь. Это была прибыльная система ведения сельского хозяйства, и она быстро вытеснила свободный труд. В городе тоже, на торговых судах и рудниках, жестокая и порочная система рабства уничтожала свободную промышленность. Поистине, самым вопиющим историческим обманом было представление восемнадцатого века об идеализированной римской республике граждан, свободных,

равных и братских. Это вдохновило Конвент и окрасило эпоху Мирабо, но, насколько свидетельствуют записи, добродетельного и либерального старого римлянина никогда не существовало.

Равенство, выходящее за рамки названия, конечно, было неизвестно в Риме. Вся власть находилась в руках тесного круга аристократов, оплотом которых был сенат. В силу клиентской системы великие дома Клавдиев, Корнелиев, Фабиев, Ливиев, Фламиниев, Юлиев и дюжины других удерживали высшие государственные должности исключительно в своих руках. К этому времени цензоры составили списки сената в основном из числа бывших магистратов, и магистратура стала законченным курсом. Новому человеку требовалась необычайная напористость, или богатство, или покровительство, чтобы проникнуть в этот заколдованный круг. Старый патрициат исчез, по крайней мере политически, и сохранился только для религиозных целей, но Рим все еще оставался рабом аристократии гораздо более опасного типа, аристократии должностных лиц. Одна из бед Рима заключалась в том, что эта аристократия с каждым днем становилась все менее воинственной и компетентной.

Много чепухи было сказано о роскоши римлян как об одной из причин их упадка. Даже Моммзен с потрясением рассказывает, что они импортировали анчоусы с Черного моря и вино из Греции. У них было два горячих блюда в день и “фривольные принадлежности”, включая кушетки в бронзовой оправе. Были профессиональные повара, и фактически пекарни начали появляться примерно в 171 году до н.э. Правда, вся эта роскошь померкла бы перед завтраком современного ремесленника, на котором подают хлеб из России, бекон из Америки, чай с Цейлона или кофе из Бразилии, сахар с Ямайки и яйца из Дании. Катон упал бы в обморок при виде наших картинных рам, покрытых настоящим золотом, потому что он публично заклеил сенатора, у которого было серебряное блюдо стоимостью в 30 фунтов стерлингов. Истина в том, что Рим, разбогатев, только начинал становиться цивилизованным. Вечное несчастье Рима в том, что события происходили именно в таком порядке.

Платекси. PUBLIUS SCIPIO AFRICANUS

Завоевав Македонию, Рим познакомился с цивилизацией. В то время цивилизация означала эллинизм, слегка подкрашенный ориентализмом, культуру, которая, хотя и была все еще жива, все еще оригинальна и созидательна, определенно пережила свой расцвет. Эллинистический период греческого искусства был несправедливо принижен по сравнению с более молодой и мужественной эпохой Перикла. Но он все еще мог похвастаться великими учеными и философами, как в Александрии, так и в Афинах. Феокрит, Бион и Мосх образуют группу оригинальных поэтов, которые действительно велики, и искусство, которое могло бы создать прекрасную Афродиту Мелосскую, нельзя с полным основанием назвать декадентским. В политическом, моральном и физическом плане Греция, без сомнения, давно миновала расцвет своей юности, но интеллектуально она все еще была вполне пригодна для роли школьной учительницы при похотливом молодом варваре Запада. Мы видели, что в очень отдаленные времена Рим находился под этрусским влиянием, которое было тесно сродни греческому. Если верить традиции, произошел некоторый обмен

греческим и этрусским искусством и художниками. Греческие живописцы работали в Риме очень рано. Затем последовали, возможно, два столетия рецидива в культурном смысле, в то время как Рим был занят войнами и завоеваниями. В 300 году до нашей эры она была почти полностью лишена достижений и даже, если можно так выразиться, за исключением права, политики и военного мастерства, цивилизации. Война с Пирром, завоевание Тарента, а затем Сицилии привели к появлению греческих рабов и полугреческих граждан Южной Италии, которые должны были иметь некоторое влияние. Затем начались прямые столкновения с Грецией в трех македонских войнах, и каждый римлянин, сражавшийся с Фламинием или Павлом, возвращался в Рим если не апостолом культуры, то, по крайней мере, человеком, который видел цивилизацию собственными глазами и больше не мог считать старые римские обычаи достаточными для человеческого счастья. Как могли глаза, видевшие Зевса Фидиаса в Олимпии, сияющего слоновой костью и золотом, довольствоваться старым алым Юпитером из его родного храма?

Тем не менее культура просачивалась внутрь очень медленно. На протяжении всего третьего века и первой половины второго Рим все еще был постоянно занят войнами. Это огрубело и деморализовало ее вкусы. Когда начиналась мучительная драма, драматурги печально сетовали, что их зрители покинут театр ради зрелищаканатоходца, или травли зверя, или, что еще лучше, пары гладиаторов. С самого начала было тщетно пытаться создать национальную драму для народа, который жаждал вида крови. Говорят, что гладиаторские бои были этрусского происхождения. Впервые они появились в Риме в начале третьего века в связи с погребальными представлениями. Из каждой африканской экспедиции домой привозили диких зверей, которых забивали в римских амфитеатрах. Эти кровавые представления отражают истинные вкусы римлян с древнейших времен. Они не являются ложным ростом так называемой “вырождающейся империи”. Однажды, когда музыка нескольких греческих флейтистов не понравилась римской публике, председательствующий судья приказал незадачливым артистам сразиться друг с другом, и улюлюканье толпы мгновенно сменилось восторженными аплодисментами.

Ко всем искусствам относились с презрением, все было доверено рабам или беднейшим слоям граждан. Таким образом, эллинская цивилизация была перенесена в Рим в двойном невыгодном положении. Мало того, что сама греческая цивилизация уже пережила свой расцвет, но и интерпретировалась она в основном рабами. Каждый римлянин с высоким положением имел в своей свите греков — конечно, не граждан знаменитых городов вроде Афин или Александрии, которые все еще были свободными, а низших каст, наполовину варваров, несчастных с большого рынка на Делосе или из южных городов Италии — в качестве клерков, счетоводов, писцов, шутов, сводников, врачей, педагогов, флейтистов, философов, поваров, наложниц и школьных учителей. Мы можем быть уверены, что это был не самый благоприятный тип эллинизма, который мог проникнуть в Рим по таким каналам, как эти. Но именно так зародилась римская литература. Благородный полководец М. Ливиус Салинатор привез из Тарента примерно в 275 году до нашей эры греческого раба по имени Андроникос в качестве наставника для своих сыновей. Этот человек получил свободу и, став Ливием Андроником, основал школу. Для своей школы ему требовались книги, и поскольку не было другого учебника на латыни, кроме XII Таблиц, он взялся за перевод “Одиссеи” Гомера на родной итальянский язык сатурнианских стихов. Его работа, конечно, выполнялась очень равнодушно, но она оставалась учебным пособием вплоть до школьных лет Горация. Ободренный этим успехом, он продолжил снабжать римскую сцену переводами греческих трагедий.

Таково было начало; продолжение было не намного более многообещающим. Невий был кампанцем, переводившим греческие комедии и трагедии. В первом он попытался использовать старый греческий обычай политических аллюзий, но быстро обнаружил, что в Риме не было такой свободы слова, какая царила в лучшие дни афинской комедии. Намек на семью Метеллов вызвал известную и насквозь древнеримскую поэтическую реплику:

dabunt malum Metelli Nævio poetæ,

и завершилось заключением драматурга в тюрьму. Таким образом, зарождение литературы в Риме было отнюдь не легким. Драматургам мешали строгие полицейские ограничения, а также варварство публики. Интересно отметить, что оба этих поэта также пытались использовать эпический стиль. Жрецы фактически поручили Ливию Андронику отпраздновать победу при Сене в стихах, а Невий написал отчет о Первой Пунической войне.

К комедии у римлян, по-видимому, был какой-то врожденный вкус. Похоже, что очень грубая и варварская форма драматического диалога, смешанная с шутовством, была родом из Италии в фескеннинских песнях, хотя даже они, как говорят, были изобретены этрусками. Поэтому римляне на своих празднествах довольствовались комедиями, если юмор был достаточно очевиден, если было много шуток. Обстановка была действительно убогой. Вместо великолепных мраморных театров Греции в амфитеатре были временно возведены деревянные кабинки, и шумная беспорядочная публика с добродушным презрением внимала усилиям актеров, пытавшихся их развеселить. Иногда припев исполняли опытные музыканты, в то время как актеры на сцене иллюстрировали неслышимые слова пантомимическими жестами. Это было крайне грубо и нехудожественное действо от начала до конца и представляло прискорбный контраст с зарождением драматургии в Греции. Там это было национальное богослужение. Здесь это было тривиальным развлечением в руках рабов и иностранцев.

Из трех великих комедиантов Плавт, хотя и был настоящим свободным итальянцем из Умбрии, был доведен нищетой почти до положения раба; Цецилий был военнопленным из окрестностей Милана, которого привезли в Рим в качестве раба, а затем освободили; Теренций был карфагенянином по происхождению, принадлежал в качестве раба сенатору Терентию Лукану, а впоследствии, получив освобождение, стал другом младшего Сципиона. Энний, “отец” эпических стихов и трагедий, был клиентом Сципиона старшего и по происхождению грекоязычным калабрийцем. Пакувий, лучший из ранних трагиков, был уроженцем Брундизия и, следовательно, скорее греком, чем римлянином; он тоже принадлежал к кругу Сципионов. Деятельность этих писателей относится в основном к первой половине II века. Ни один из них не был римлянином по происхождению, и уж тем более в их творчестве не было ничего явно римского. Кроме как с лингвистической точки зрения, о них мало что можно сказать. Комические драматурги были заняты переводами произведений греческих комиков третьего этапа, особенно Менандра и Филимона. Чтобы удовлетворить спрос на большее количество сюжета, больше действия, с меньшим количеством диалогов и поэзии, они обычно делали лоскутное одеяло из двух или трех греческих пьес. С художественной точки зрения работа была выполнена неуклюже. Не было никаких претензий на латинизацию персонажей или сцен, в целом они были откровенно греческими со странными примесями из римской жизни. Источником, из которого они черпали, к настоящему времени была стереотипная комедия нравов с типичными персонажами — суровым отцом, либо снисходительным развратником, либо скупым

ворчуном; старухой, как правило, сводницей; веселым и распутным молодым героем; прекрасной героиней, как правило, *меретриксой*, и бэкграундом из паразитов, хулиганов, пандаров, работоторговцев и негодяев-рабов, которые периодически подвергались побоям к великому удовольствию публики. Ситуации также “взяты со склада”: сходство лиц, переодетые незнакомцы, ошибочные личности, женщины в вуалях и так далее. “Любовный интерес”, каким бы он ни был, почти неизменно сосредотачивается вокруг желания молодого распутника к куртизанке. Атмосфера, как правило, жестокая и аморальная. В режиссуре часто наблюдается смехотворный недостаток драматического воображения. И все же комедии Плавта и Теренция сыграли большую роль в монастырях и школьных классах, чем любая другая литература в мире, а через Шекспира и Мольера оказали решающее влияние на историю драмы. Мы не располагаем достаточным количеством оригинальных греческих источников, чтобы со всей определенностью сказать, какой вклад внесли сами римские драматурги. Там, где мы все же берем отрывки для сравнения, латинская версия, как правило, сильно утратила остроумие и аккуратность выражения. Прологи, насколько они подлинны, во всяком случае, у Плавта чрезвычайно лысые и грубые. “Теперь я расскажу вам, почему я пришел сюда и что я намереваюсь сделать, чтобы вы могли узнать название этой пьесы. Поскольку история эта короткая. Теперь я скажу вам то, о чем мне не терпелось сообщить вам: название этой пьесы по-гречески *Онагос* — Демофил (или Дифил?). сочинив его, Маккиус перевел на латынь. Он хочет, чтобы это называлось *Асинария*, если вам угодно.” И поэтому он продолжает раскручивать свой сюжет и рассказывать, как молодой расточитель Аргиррип завоевал благосклонность куртизанки Филении, обманув ее мать, сводницу, и свою мать, мегеру, за двадцать минут при содействии своего безнравственного старого отца, который надеялся заполучить молодую женщину для себя.

Однако было бы неправильно недооценивать литературные достоинства Плавта и Теренция. Эти авторы раскрывают нам кое-что из естественной речи римлян - в частности, Плавта, поскольку Теренций уже гораздо более “классичен” в своем языке. Не всегда легко сказать, насколько веселье, которое мы получаем от них, законно, или насколько это смех за счет их античной безыскусственности и неуклюжести. Но Плавт обладает богатой жилкой простого юмора и непреодолимой лукавой привлекательностью для своей аудитории, которая часто заставляет человека не осознавать, с каким мусором он имеет дело. Теренс обладает лоском, изящной манерой излагать очевидное и чистотой дикции, которая иногда заставляет его молодых людей казаться почти джентльменами, а его молодых женщин - почти добродетельными. В Теренсе много здоровой мирской морали и немного чистых чувств. Но здесь необходимо подчеркнуть тот факт, что литературное искусство Рима никогда не обладало свежей невинностью или даже простой грубостью юности. Возможно, не было ничего плохого в том, что гладиаторы, канатоходцы, травители медведей и колесничие завоевали любовь римской публики.

Отец Энний тоже в своих трагедиях был немногим больше переводчика. Великий Сципион сознательно нанял его для воспитания и расширения вкуса римлян. Он узнал от греческих философов, что они не верят в богов, или, скорее, он узнал о смертоносной эвгемерийской доктрине, согласно которой боги Олимпа - это всего лишь воспоминания о давно умерших человеческих героях, или что они восседают, как также учил Эпикур,

“На холмах ... вместе, не заботясь о человечестве”.

“ego deum genus esse dixi et dicam semper cœlitum,
sed eos non curare opinor quid agat humanum genus,

nam si curent, bene bonis sit, male malis, quod nunc abest.”

В возрасте пятидесяти лет Энний решил изложить всю римскую историю в восемнадцати книгах эпических стихов. Никто не претендует на звание великого поэта, но он сформировал для руки Вергилия этот великолепный инструмент - латинский гекзаметр, и многие ученые полагают, что он оказал жизненно важное влияние на литературный язык Рима, сохранив конечные флексии, которые выпадали из современной речи. Все сохранившиеся фрагменты "Энния", хотя и часто грубые и уродливые, все же обладают собственным огромным достоинством, и часто самым торжественным величием интонации, как в строках, которыми я озаглавил эту главу. Но и здесь мы должны заметить, что суровый отец латинской поэзии уже перенял скептицизм приходящей в упадок религии Греции.

Вот уже на протяжении многих поколений римская религия теряла свой исконный характер и становилась космополитичной и денационализированной. Как мы видели, его подлинно исконными элементами были в основном сельские жители, а теперь римлянин был горожанином с присущим горожанину легким скептицизмом и тягой к новизне и сенсациям. Юпитер, Минерва и другие высшие боги с самого начала были в основном иностранцами; во всяком случае, в культах или личностях этих людей мало заметно латинских идей. Еще в 204 году до нашей эры, то есть в разгар Великой Пунической войны, было введено поклонение Кибеле — Великой Матери фригийских ритуалов — вместе с ее нищенствующими священниками-евнухами. Аполлон с соответствующими спортивными играми прибыл несколькими годами ранее. Множились новые боги, старые боги эллинизировались, римское духовенство становилось все более и более политическим, его просто получали путем всенародных выборов, как и любую другую государственную должность, или в шикарных столовых для аристократии. По мере умножения богов вера приходила в упадок. В 186 году до н.э. Сенат обнаружил целую систему тайных ночных оргий, которые под названием вакхических мистерий с необычайной быстротой распространились по всей Италии. Десять тысяч человек были арестованы и приговорены, в основном к смертной казни, но объединения процветали беспрепятственно.

Мораль, общественная и частная, была одинаково несостоятельна. Публично у нас есть достаточно историй о подкупе кандидатов на пост президента — не говоря уже о систематическом подкупе электората кукурузными дольками и шоу, — чтобы доказать, что политическая нечистоплотность была очень давним явлением в Риме. Что касается частной добродетели, то, возможно, мир сутенеров и проституток, мелькающий на плавтиновой сцене, позаимствован из Афин, но в Риме он, безусловно, был знаком и быстро приручился. Рабство там существовало всегда, а безнравственность неотделима от рабства. Теперь, когда толпа отставных солдат собралась в столице беспорядочно и без работы, безнравственность умножилась во всех классах. Еще в 234 году до нашей эры раздавались публичные жалобы на нежелание римских мужчин из хорошей семьи брать на себя супружеские обязанности. Уже тогда, как и в случае с К. Кальпурнием Пизоном, в великих домах происходили ужасные семейные трагедии. Разводы были обычным явлением. Как обычно, фарисеи того времени стремились бороться с безнравственностью с помощью ханжества. Цензор Катон наказал римского сенатора за то, что тот поцеловал свою жену в присутствии их дочери.

Теперь давайте вспомним, что тот самый век, о котором мы говорим, век завоеваний в Пунических и греческих войнах, является героическим веком римской истории, веком,

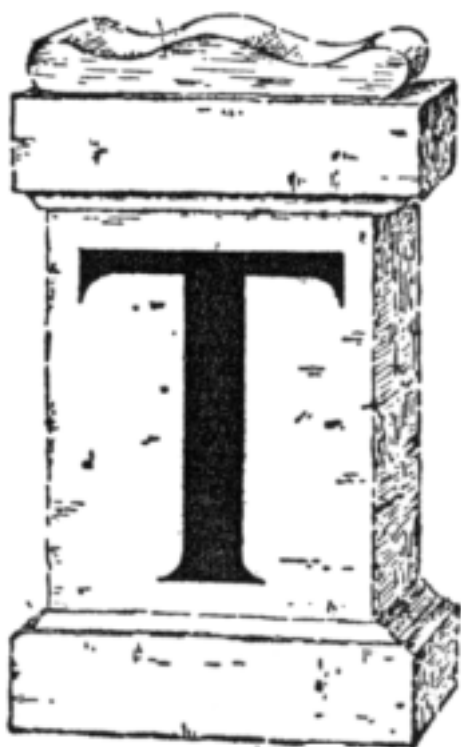
который поэты и историки империи считали золотым. Мы не полагаемся на сатириков или распространителей сплетен в этой мрачной картине Рима в дни его расцвета. Факты, на которых она основана, неоспоримы. Какой вывод мы должны сделать? Рассматривая эти факты и особенно обращая внимание на даты, мы видим, что все порочные черты римского общества, жестокость, праздность, разврат, политическая коррупция, отсутствие художественного вкуса, безнравственность и преступность в благородных домах, несправедливость и угнетение бедных и беспомощных, не являются порождениями Империи, но глубоко укоренились в римском характере и вплетены в корни ее истории. В нашей погоне за древнеримской добродетелью мы можем напрасно заходить за самые дальние пределы исторических записей. Несомненно, до того, как Рим стал городом, и задолго до того, как у него появилась история, на латинских равнинах жили простые трудолюбивые крестьяне, которые за неимением возможности придерживались добродетельного воздержания бедняков. Но явно неверно приписывать вырождение либо падению республиканской системы правления, либо появлению цивилизации. Если для быстрого роста порочных тенденций следует использовать одну причину больше, чем другую, то это истощение, возникающее в результате непрекращающихся войн, и жестокость, порождаемая постоянной жизнью в лагере. Единственное, что могло смягчить последнее, - это, несомненно, образование и культура. Таким образом, вместо того, чтобы считать греческую цивилизацию причиной вырождения Рима, мы можем более правдиво утверждать, что она пришла, чтобы спасти его от гибели в то время, когда ему угрожал внутренний упадок. Если бы это произошло раньше или было принято более охотно, это могло бы сделать больше для того, чтобы осветить темные страницы римской истории. Именно их изголодавшиеся души, лишенные идеалов, лишенные даже разумного занятия для своего досуга или безобидного использования своего богатства, сделали римскую аристократию такой крайне вульгарной и униженной.

III

ПОСЛЕДНИЙ ВЕК РЕСПУБЛИКИ

urbem uenalem et mature perituram si emptorem inuenerit.

Югурта в Саллюстии

Нет никаких сомнений в том, что многие из тревожных симптомов, которые, как мы только что отметили, поражали римское общество во втором веке до нашей эры, могли быть смягчены, а возможно, даже устранены причины, мудрым и дальновидным правительством. Имея дело с союзниками и подданными, которые сформировали ее обширную и растущую империю, любой современный политик мог бы сказать сенату, что они должны выбрать один из двух путей — либо централизацию, либо передачу власти, либо справедливую и жесткую систему контроля, либо либеральное предоставление автономных прав. Но у сената не было политики. Он предоставил событиям формироваться самим. Опять же, аграрную трудность пустынной сельской местности и праздного, беспорядочного городского пролетариата можно было бы легко решить, если бы за нее взялись заблаговременно, до того, как уволенные воины привыкли к городской жизни. И снова сенат ничего не предпринял, пока не стало слишком поздно. Затем, приобретая заморскую империю по всему Средиземноморью, сенат, если бы он не был слеп, должен был бы видеть, что необходимо поддерживать сильный военно-морской флот и охранять моря в интересах торговли. Но правительство снова пренебрегло своим долгом. За эти и многие другие грехи небрежности пришлось жестоко расплачиваться. Не требовалось никакого оракула, чтобы предсказать катастрофу.

В то время как основная масса сената сидела инертно и беспомощно, позволяя рулю государства раскачиваться из стороны в сторону в их ослабевших пальцах, две небольшие партии в штате вели собственную политику. Был Катон (трудно найти партию, которую он мог бы возглавить), который верил, что, повторяя мистические слова *mos maiorum*, он мог бы повернуть время вспять, ко временам Цинцинната, если не Нумы, ошибочно принимая симптомы за болезни и надеясь, подобно многим другим сторонникам возрождения, сделать людей добродетельными, поставив их в неудобное положение, - задача, изначально обреченная на провал.

Им противостояла партия, которую почти можно назвать либералами, поскольку они были готовы с надеждой идти вперед в соответствии с духом своего времени. Их выдающимися представителями были Сципионы, которые были покровителями многих представителей литературного круга, который мы только что описали, и сами стремились принять новую

культуру. К сожалению, среди них было очень мало мудрости или дальновидности, и, прежде всего, была аристократическая гордость, которая сделала бы их невозможными в качестве лидеров, даже если бы у них было хоть какое-то представление о цели. Как семья, Сципионы ни в коем случае не были одинаково компетентны, и большинство из них питались блеском имени, которое само по себе было во многом обусловлено удачей и возможностями Сципиона Африканского, Старшего и Младшего.

Особая черта, отличающая эпоху, которую нам сейчас предстоит рассмотреть, — то есть примерно столетие, начиная со 146 года до н.э. и далее, — заключается в том, что внимание историка теперь начинает сосредоточиваться на серии личных биографий. Можно было бы почти сказать, что уже ясно, что какой-то человек должен доминировать в этом плохо построенном имперском городе, и остается единственный вопрос, кто это будет. В истинном государственном устройстве города-государства влияние личности сведено к минимуму, и различные средства, такие как жребий в Афинах или двойное и ежегодное консульство в Риме, используются для предотвращения того индивидуального преобладания, которое так легко превращается в деспотизм. Печально известно, что республики неблагодарны своим великим людям не столько из-за зависти, сколько из-за инстинкта самосохранения. Но личное превосходство, если оно и опасно для свободы республики, почти необходимо для управления великой империей и контроля над огромными армиями. Некомпетентность генералов, назначаемых ежегодно, теперь, когда военные действия приобрели большой масштаб и велись вдали от бдительного ока администрации, стала более заметной. Уже во время Третьей Македонской войны это стало позорно очевидным. Теперь длительные кампании против Вириата в Испании и Югурты в Африке обнаруживают жалкую некомпетентность республиканских генералов из аристократии в сочетании с бесстыдной нечестностью. Римские армии больше не являются непобедимыми на поле боя, они даже не дисциплинированы.

Гракхи

Но сначала мы должны вспомнить тщетную попытку исправить экономические проблемы имперского города. Нас интересуют не столько фактические планы братьев Гракхов — поскольку сами по себе эти планы были неосуществимы и содержали столько же глупости, сколько и мудрости, — сколько то, каким образом была предложена реформа, но потерпела неудачу. Сами Гракхи, хотя и были плебейского происхождения, принадлежали многочисленными связями к либеральной аристократии. Их знаменитая мать Корнелия — одна из многих римских женщин, которые своим влиянием помогли сделать римскую историю настолько отличной от греческой, — была дочерью Сципиона Африканского. Тиберий, старший брат, был женат на Клавдии; среди его друзей были Сцевола и Красс. Таким образом, со всех сторон он принадлежал к кругу прогрессивной знати. Его образование было таким, какого можно было ожидать в такой обстановке. Поскольку их отец умер в раннем возрасте, задачей Корнелии было сделать так, чтобы два ее “драгоценности” были достойны ее славного имени. Соответственно, она наняла самых выдающихся греков в качестве их наставников. Мальчиков, без сомнения, обучали греческому ораторскому искусству, чтобы они декламировали во славу свободы и тираноубийц, греческой истории и политологии, чтобы они разделяли конституции на монархии, аристократии и демократии и верили, что в последних вся власть принадлежит народу. В то же время их военной подготовкой не пренебрегали; в искусстве верховой езды и ратных подвигах они затмевали всех своих товарищей. Их перспективы были во всех отношениях блестящими и обнадеживающими. Еще будучи шестнадцатилетним юношей, Тиберий был избран авгуром. Гордый аристократ Аппий Клавдий, как рассказывает Плутарх, предложил ему руку своей

дочери и, получив ее, поспешил домой, чтобы объявить о ее помолвке. Как только его жена услышала об этом, она воскликнула: “Зачем такая спешка, если ты не женил Тиберия Гракха на нашей дочери?” Несчастье истории риторики в том, что все ее хорошие персонажи кажутся ханжами, а все плохие - негодяями; но несомненно, что, если бы Тиберий довольствовался легким путем к славе, который простирался перед ним в юности, он мог бы без труда иметь весь мир у своих ног. Он сопровождал своего шурина, младшего Африкана, в последнем походе против Карфагена. В лагере он был самым выдающимся из молодых офицеров и первым, кто взобрался на стены города. Он служил квестором в Испании и там продемонстрировал все дипломатическое мастерство семьи Корнелиан. Он спас армию из 20 000 человек от уничтожения в Нумантии. Испанцы любили его не меньше за его имя, чем за честность. Таким образом, в возрасте тридцати одного года он был уверен в своем будущем. Блестящий оратор, за плечами которого была выдающаяся государственная служба, он, очевидно, был предназначен для консульства в ближайшем будущем, а затем для огромной провинции, для богатства, славы и почестей.

Назовите его педантом и доктринером, если хотите, за то, что его не устраивает такая перспектива. Проезжая через них по пути в Испанию, он видел прекрасные земли Тосканы, лежащие заброшенными и пустынными, скованные банды чужеземных рабов, работающих на полях или пасущих стада отсутствующих римских землевладельцев, в то время как крепкие крестьяне, которым следовало бы быть на их месте, бездельничали на улицах Рима. Общественные земли, завоеванные в ходе войны, иногда были просто присвоены римскими политиками; иногда они предоставлялись ветеранам-солдатам только для того, чтобы попасть в руки спекулянтов. Старое лицинианское земельное законодательство, ограничивавшее количество земли, которой можно было владеть в одних руках, открыто попиралось, и договоры аренды рассматривались как свободные владения.

Видя все это, молодой человек преисполнился страсти к реформированию и сознательно посвятил свою жизнь этой задаче. Современные историки, называющие его педантом и демагогом, не отрицают ужасного зла, которое он вознамерился исправить. Трудно сказать, что он должен был сделать, чтобы доставить им удовольствие. Очевидно, что сенат, к настоящему времени ставший прочным оплотом нечестно приобретенной собственности и нечестно сохраняемых привилегий, никогда не сможет быть преобразован. Проникнутый греческими идеями, Тиберий решил обратиться к *демосу*. Это, конечно, было ошибкой. В Риме не было такого понятия, как *демос*, и никогда не было. Отношения между Сенатом и Комициями ни в малейшей степени не были такими, как между Советом и Ассамблеей в Греции. В Риме Сенат совещался, а Комиции ратифицировали; в Афинах Совет готовил дела для обсуждения и принятия решений Ассамблеей. Дело не в том, что буква конституции действительно имеет значение — когда люди голодны, это не имеет значения, — а в том, что в Риме не хватало самих элементов демократии, четко выраженного общественного мнения, организованной воли народа. В противном случае любая попытка выдать себя за защитника народа должна быть обманом, сознательным или неосознанным. Но было бы крайне несправедливо по отношению к Гракху предполагать, что это было сознательно. Он думал, что живет в демократическом государстве, он думал, что плебейский трибун может справедливо претендовать на то, чтобы быть защитником народа, не подозревая, что плебс теперь стал анахронизмом, а трибунал - всего лишь неуклюжим тормозом на колесах государства. В 133 году до н.э. Тиберий был избран одним из десяти трибунов и немедленно приготовился ввести тысячелетнее царство законодательным путем.

Он предложил ввести в действие старые законы Лициния, по которым ни один отдельный гражданин не мог претендовать на большой участок общественной земли. Затем, в своем

детском неведении о непоколебимости собственности, раздраженный сопротивлением, с которым он столкнулся, он предложил сделать свою меру ретроспективной, чтобы выселить тысячи знатных землепроходцев. Землю, таким образом, переданную государству, он предложил сдавать в аренду на номинальных условиях в виде небольших владений более бедным гражданам Рима. Распределение должно было осуществляться комиссией из трех человек. Очень неразумно, но, вероятно, потому, что в сенате не было авторитетных людей, которым он мог бы доверять, он сделал эту комиссию семейной партией, состоящей из него самого, его тестя и младшего брата. Собственность немедленно восстала против него. Сенаторы-либералы обнаружили, как это свойственно даже либералам, что собственная собственность имеет гораздо большую неприкосновенность, чем собственность других людей. Соответственно, они воспользовались римским конституционным методом назначения другого трибуна, который наложил вето на предложения Тиберия. Вслед за этим Тиберий, с его фантастическими представлениями о народе и правах народа, заявил, что трибун, выступающий против народа, не является трибуном, и таким образом Октавий был низложен. Ответ сената был единственным конституционным ответом, который у них остался, - угрозой судебного преследования по окончании трибуната. Это, конечно, сделало необходимым для Тиберия увековечить свой пост. Он собрал группу последователей, поклявшихся защищать его жизнь, предложил ряд привлекательных мер для обеспечения народной поддержки и баллотировался на второй срок полномочий. Сенат выставил больше трибун, чтобы наложить вето на его избрание. Таким образом, государство оказалось в тупике; ресурсов для такой ситуации в конституционных пределах больше не было, поэтому сенаторы просто повязали свои тоги и во главе со Сципионом отправились на форум, чтобы решить вопрос о реформе в истинно римской манере. Тиберий Гракх был убит, а его последователи ушли, чтобы предстать перед судом.

Десять лет спустя Гай Гракх, придерживавшийся аналогичной программы и добавивший мотив почтения к памяти своего брата, возобновил кампанию. Сенат, действительно, убив автора реформы, был вынужден позволить, во всяком случае, начать сами реформы. Некоторые земли были перераспределены, и когда другой Сципион добился принятия указа о прекращении работы земельной комиссии, он тоже был убит. Ясно, что к этому времени аграрная агитация была в значительной степени утихомирена; то, что следует далее, носит чисто политический характер. Реформаторы изменили конституцию, разрешив переизбрание трибунов, и в 123 году на этот пост был избран Гай; он был гораздо практичнее и, следовательно, гораздо опаснее своего брата, но страсть к мести упрямой и жестокой знати, без сомнения, ослепила его рассудительность. В сочетании с земельными волнениями итальянцы теперь громко требовали политических прав, которые были лишены даже элементарных прав на рынок и браки друг с другом.

Платформа, на которой стоял Гай Гракх, была радикальной. Отныне каждый бедный гражданин должен был получать дешевую кукурузу менее чем за полцены, около 4д. за бушель. Земельная комиссия должна была быть восстановлена. Собрание должно было быть реорганизовано на новой основе, что уничтожило бы преобладающее право голоса дворянства. Предполагалось основать новые колонии, в том числе одну в Карфагене — весьма благотворная мера. Должны были быть предоставлены более легкие условия военной службы, включая бесплатное снаряжение и право на апелляцию. С помощью этих мер, некоторые из которых были мудрыми и справедливыми, а некоторые - просто уловками для получения голосов, Гай завоевал поддержку народа. Затем он обратился ко второму сословию — капиталистическим Равным. Чтобы купить их расположение, он принял их требование о том, чтобы налоги “Азии”, как римляне называли свою новую провинцию, завещанную им царем Атталом III, были выставлены на аукцион не на местном уровне, а в

Риме. Римлянам казалось, что, поскольку азиаты в любом случае должны были подвергнуться разграблению, как, впрочем, всегда подвергались жители Малой Азии, доходы с таким же успехом могли поступать прямо в карманы римских капиталистов. К этому он добавил предложение о том, что отныне списки присяжных должны состояться из состава Всадников, а сенаторы исключаться. Вероятно, было более несправедливо, что ростовщиков и губернаторов судили исключительно присяжные ростовщики, чем то, что они предстали перед присяжными губернаторов прошлого и будущего. Ни то, ни другое не показалось бы ни нам, ни провинциалам идеальным решением.

РИС. 1.
ЭТРУССКИЙ ВОИН:
БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА

Табличка XII.

РИС. 2.
РИМСКИЙ ЛЕГИОНЕР ИМПЕРИИ:
БРОНЗОВАЯ СТАТУЭТКА

Мы должны признать, что большая часть этой политики была чистой демагогией, но прямую ответственность за это несут консервативные дворяне, которые не заботились о благосостоянии государства и были невосприимчивы ни к чему, кроме силы. Гракх добился принятия своих мер через комиции и добился своего переизбрания на следующий год. Чувствуя, что его политика обеспечила ему большую и верную партию сторонников, он теперь готовился ввести меру, которая, как он знал, была необходима для спасения его страны, но которая, как он должен был также хорошо знать, была непопулярна в Риме, а именно предоставление итальянцам гражданских прав. Из этого мы видим, что Гай Гракх, если он иногда и прибегал к искусству демагога, был также способен к настоящей государственной мудрости. Постепенное предоставление прав гражданина, как только

подвластные народы были достаточно романизированы, чтобы быть пригодными для них, было старой римской политикой, которая сделала город великим в прошлом и сохранила его в безопасности во время шока от вторжения. Но теперь римляне стали ревнивыми и замкнутыми. В Риме это предложение вызвало отвращение. Каждая сторона организовала свои банды головорезов; на улицах ежедневно происходили беспорядки, и, наконец, партия сенаторов снова ворвалась на форум и убила второго реформатора так же, как они убили первого. В ходе последовавших судебных разбирательств было казнено не менее 3000 его сторонников.

Из всего этого очевидно, что римская политическая система полностью рухнула. Конституция всегда была невероятно нечеткой. Нет никаких сомнений в том, что суверенитет юридически принадлежал народу, и что сенаторское правление было узурпацией, как называли это Гракхи. Называя граждан Рима толпой или сбродом, вы не меняете сути дела. Во многом это была вина правительства в том, что им позволили стать такими эгоистичными, такими беспорядочными, и такими коррумпированными. Необычный механизм трибуната — десять магистратов, каждый из которых обладал абсолютным правом вето на все действия правительства, — сделал невозможным поиск какого-либо конституционного метода реформы. Политика Гая Гракха была единственно возможной для спасения Рима, и на самом деле это была политика, которую после столетия непрекращающегося кровопролития Рим в конце концов принял. Это должна была быть замаскированная монархия, подобная монархии Перикла в Афинах, действующая на основе трибунских полномочий. Прежнее господство Сената не выдержало испытания; оно не только не опиралось на законный титул, но и утратило все права на уважение, которыми когда-либо обладало из-за патриотизма или государственной мудрости. В аграрном вопросе у нее не было иной политики, кроме как крепко держаться за свои несправедливо нажитые земли; на требования итальянских союзников у нее не было ничего, кроме скупого “нет”. Оно с безразличием наблюдало за разорением Италии, вырождением Рима и угнетением провинциального мира. Политика Гракхов, возможно, включала мечты и кошмары, но она смотрела вперед и вселяла надежды. Теперь Гракхи определенно внедрились партийную систему. Они заложили фундамент демократического движения, и к несчастью Рима, этот фундамент был построен из таких гнилых материалов. Демократия была куплена взятками, но в ней не было и искры бескорыстной государственной мудрости. Если когда-либо государству и нужен был хозяин, то этим государством был Рим. С тех пор, пока не пришел хозяин, положение Рима, Италии и провинций было просто плачевным. В политике ничего нельзя было сделать без наемной банды головорезов.

Мариус

Следующая заметная попытка реформ исходит от подлинного сына народа, одного из очень немногих крестьян, которые появляются на свет истории Рима. Во время чудовищно неумелой югуртской войны Гай Марий проложил себе путь на фронт благодаря чистой храбрости и способности к войне сквозь толпу трусливых и некомпетентных аристократов, которые почти открыто торговали с внешним врагом Рима. Ход этого дела требует краткого описания, если мы хотим понять состояние римского правительства в этот период.

Король подчиненного государства Нумидия, умирая, разделил свое царство между двумя законными сыновьями и одним незаконнорожденным, последним был Югурта. Этот любезный ублюдок тут же убил одного из своих братьев и напал на другого, который бежал в римскую провинцию и обратился к сенату за защитой. Югурта, уже разбивавшийся в тонкостях сенаторской политики, отправил послов с туго набитыми кошельками и легко убедил сенат в своей невиновности и добрых намерениях. Сенат решил направить комиссию

для справедливого раздела королевства между Югуртой и его сводным братом. Результатом его трудов было то, что Адхербал получил пустыню и столицу, а Югурта - всю плодородную часть страны, и комиссия вернулась домой богатой и счастливой. Теперь Югурте оставалось только овладеть столицей, но поскольку Адхербал отказывался сражаться и продолжал взывать к Риму, ему ничего не оставалось, как осадить Цирту. Во время осады к Югурте прибыли многочисленные послы от сената, но он легко заверил их в своих мирных намерениях. Как только он захватил город, он предал своего соперника смерти с помощью пыток и вырезал все мужское население, включая большое количество итальянских и римских граждан.

Сенат не считал, что такой образ действий был полностью оправданным, но потребовался стимул демократической агитации и еще один беспокойный трибун, чтобы побудить их объявить войну. Сенат послал двух своих лучших людей в Бестию и Скавр; последний особенно пользовался репутацией истинного Аристиды, поскольку осмелился протестовать против прежних беззаконий. Когда прибыла римская армия, Югурта знал способы получше, чем сражаться. Он подчинился по своему усмотрению, выдал римских дезертиров, которых, конечно, не хотел оставлять у себя, и нескольких слонов, которых вскоре после этого выкупил частным образом. Взамен ему было разрешено сохранить свое королевство. В Риме снова раздались крики, озвученные тем же демократическим трибуном Меммием, который настаивал на том, чтобы Югурта был вызван в Рим для ответа за свои грехи. Смирено, но с набитыми денежными мешками прибыл Югурта. Как только Меммий начал его перекрестный допрос, другой трибун наложил свое вето. Во время своего визита Югурта смог приобрести сильную партию в сенате; у него также было время организовать убийство несносного соотечественника в самом городе. Это возмущение в сочетании с амбициями нового консула Спурия Альбина привело к очередному объявлению войны, самому Югурте разрешили вернуться домой и подготовиться к ней. Уходя, он произнес знаменитые слова: "Ах, Рим! Продажный город! Она продала бы себя, если бы смогла найти покупателя".

Когда Альбинус повел вторую армию, он обнаружил, что она совершенно неспособна сражаться. Это была банда трусливых разбойников, которые проводили время, грабя свою собственную провинцию; и когда брат консула задумал смелый план захвата царской казны для себя, вместо того чтобы дожидаться более утомительной и неопределенной выгоды от подкупа, он завел римскую армию в засаду. Он с готовностью сдался. Его вынудили пойти под ярмо и согласиться эвакуировать всю Нумидию.

Это было немного чересчур. Другой трибун — на протяжении всего этого периода мы наблюдаем, как трибуны действуют как главы народной оппозиции вполне в манере Гракха — предложил провести специальное расследование, чтобы расследовать это дело и привлечь виновных к ответственности. Трое худших — Спурий Альбин, Бестия и Л. Опимиус, разрушитель Г. Гракха, — были изгнаны, но неподкупный Скавр избежал осуждения, сев на скамью подсудимых. Мирный договор был аннулирован, а его автор — следуя обычаю римлян, когда армии в неудобных местах сдавались, — был выдан врагу.

В третьей кампании сенат действительно старался сделать все возможное. Новый полководец К. Метелл принадлежал к партии либеральной знати, выступавшей за умеренные реформы. Он хорошо начал с того, что подбирал офицеров по воинскому мастерству — своего рода новшество. Среди прочих он выбрал храброго молодого фермера Г. Мариуса. Прибыв в Африку, Метелл должен был сначала привести римскую армию к порядку, а затем, не сумев уничтожить своего врага, выступил навстречу ему. Югурта потерпел поражение в битве (поскольку римская армия все еще могла сражаться под достойным руководством) и с

этого момента был вынужден вести партизанскую войну, в которой он проявил такое замечательное мастерство, что война вскоре остановилась.

В этот момент Г. Марий, добившийся популярности благодаря своей доблести, задумал амбициозный план баллотироваться на пост консула. Трудно догадаться, как такая дерзкая идея могла прийти ему в голову, поскольку подобное заявление от человека без семьи не имело прецедента. Кто-то в Риме, должно быть, шепнул ему эту идею. Когда он попросил у своего консула разрешения отправиться с этой целью в Рим, Метелл был сильно смущен и предположил, что Марию лучше подождать, пока маленький сын его полководца подрастет, чтобы у него мог быть коллега Метелл. Вероятно, у Мария было мало чувства юмора, поскольку он действительно приехал в Рим как раз вовремя и был избран консулом. Более того, специальным указом ему было поручено командование армией в Африке.

Среди его офицеров был молодой легат Л. Корнелий Сулла, и хотя Марий, несомненно, проявил энергию и компетентность, во многом благодаря удаче и дипломатии Суллы удалось захватить и сдать нумидийского царя. Марий, однако, пожинал плоды славы. Югурта украсил свой триумф (104 г. до н.э.) и вскоре после этого погиб в римской темнице.

Одновременно с Югуртской войной римлянам пришлось столкнуться с гораздо более серьезным делом, одним из тех великих народных кочевий с севера, которые периодически происходят в ходе истории Средиземноморья. Кимвры и германцы, среди которых, возможно, были и наши собственные предки, пришли с берегов Балтийского моря, путешествуя со своими домочадцами в веренице фургонов, которым потребовалось шесть дней, чтобы проскользнуть мимо постороннего наблюдателя. Эти варвары были ужасны для римлян своим странным видом, длинными железными мечами и дикими боевыми кличами, своими светлыми волосами и гигантским ростом. Но, конечно, они были дикарями по сравнению с римлянами, и им никогда не следовало наносить больше одного поражения умным генералам дисциплинированных армий. Как бы то ни было, им пришлось столкнуться с мятежными легионами и некомпетентными консулами. Сначала они разбили Карбона и захватили Галлию; затем, продвинувшись на юг в провинцию, они разбили Силана и Скавра; а затем, объединившись с гельветами, они нанесли ужасное поражение Лонгинусу, когда римскому легату пришлось сдаться, и другая римская армия была отправлена под ярмо. В 105 году случилось нечто худшее: крупное поражение при Араузио (Оранжевые) по масштабам потерь казалось даже более фатальным, чем при Каннах. В Италии царила паника, которая, казалось, была беспомощна перед яростью норманнов, но, к счастью, бесцельные варвары ушли на запад и потратили свои силы на воинственные испанские племена.

Как и прежде, народное негодование против Рима, отвлеченное от истинной причины зла, от прогнившей системы клик, которая ими управляла, растратило свою ярость на отдельных людей. Сенаторов окружили толпой и забросали камнями. Проконсул был фактически отстранен от должности. Считался только один человек, способный справиться с этой опасностью, — Мариус, человек из народа, триумфальный завоеватель Югурты. Итак, несмотря на законы, запрещающие переизбрание, Марий стал консулом во второй и в третий раз — пятикратным консулом. Это было симптомом изменившегося Рима. Однако это было необходимо. Генералы-любители прошли долгий судебный процесс. С 104 по 100 год Мариус постоянно был главным судьей государства, а также генералиссимусом его армий. Он делал свою работу. Сначала он должен был взять свою армию в руки и приучить ее к виду ужасных варваров. Затем он нанес два сокрушительных удара тевтонам и кимврам близ Акве Секстии и на равнине Раудин. Несчастьем римской имперской системы было то, что ни один полководец не мог достичь выдающихся успехов на войне, не приобретая в то же время

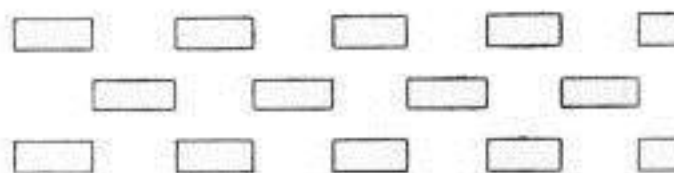
политического значения. Таким образом, Марий в 100 году до нашей эры оказался абсолютно первым в римском государстве, не имея ни образования, ни даже здравого смысла в политике. Он представляет собой жалкую фигуру в беспокойном мире римского государственного управления, израненного войной ветерана, несомненного спасителя Рима, призванного играть роль государственного деятеля, и все же всего лишь марионетку в руках беспринципных интриганов. Сначала он попал в руки двух бесстыдных демагогов — Сатурнина и Главции, — которые использовали его, чтобы возродить революцию Гракхов. Марий стал консулом в шестой раз, и была разработана новая программа реформ, включая аграрный закон о разделе земель, отвоеванных у кимвров, и, между прочим, всей земли, которую они завоевали, на небольшие владения для марианских ветеранов, как латинян, так и италиков. Мариус должен был лично отвечать за распределение, и эта задача сделала бы его хозяином Рима на долгие годы вперед. Во-вторых, должно было произойти дальнейшее удешевление зерна; и, в-третьих, должны были быть основаны новые колонии, в которых итальянские союзники получили бы долю участия. Конечно, было ожесточенное сопротивление. Сенат испробовал все свои старые уловки, трибунское вето, предзнаменования и, наконец, дубинки. Чтобы встретиться с последним, Марий свистом привлек на свою сторону своих солдат-ветеранов, и “Законы Аппулея” были приняты с добавлением очень неприятного пункта о том, что каждый сенатор должен был принести присягу на верность новому законодательству в течение пяти дней под страхом лишения своего места. Вопрос: Только у Метелла хватило мужества предпочесть изгнание.

Затем, похоже, сенат счел необходимым склонить великого полководца на сторону аристократии. Марий был ребенком в их руках. Он действительно испугался, когда принес присягу своим собственным законам, и добавил примечательную оговорку: “В той мере, в какой они действительны”. Сатурнин и Главция, в свою очередь, попытались применить насилие, и Марий повел против них войска сената. На форуме произошла битва, демагоги были убиты, а четверо должностных лиц римского народа казнены без суда. Реакция снова восторжествовала. На какое-то время Мариус перестал существовать с политической точки зрения.

Но одна сторона его деятельности была длительной и чреватой судьбоносными последствиями для римского государства. Именно Марий, первый профессиональный генерал, сформировал первую профессиональную армию. Мы заметили, что Греция еще до конца пятого века уже начала использовать наемных и обученных солдат, отчасти из-за нежелания ее обеспеченных или занятых граждан участвовать в ежегодных кампаниях, но в еще большей степени потому, что было обнаружено, что более хорошо обученные и дисциплинированные наемники гораздо эффективнее справлялись со своим делом. Таким образом, на протяжении многих веков Рим был единственной державой в средиземноморском мире, полагавшейся на гражданское ополчение. Это гражданское ополчение действительно завоевало мир; но, конечно, имея дело с обученными войсками Пирра и Ганнибала, римские войска всегда начинали с поражений и постепенно приучались к своему ремеслу поражением. Так было и сейчас во время Югуртской и Кимбрийской войн: генералам приходилось тренировать свои армии перед лицом врага, и хотя это, без сомнения, лучшая тренировочная площадка, это ужасно опасно и дорого. Это также подразумевает почти неисчерпаемый запас рекрутов, на которые можно опереться. С упадком итальянского сельского хозяйства и ростом городской жизни запас рекрутов перестал быть неисчерпаемым. Более того, военное искусство становилось все более изощренным. Рим счел необходимым назначить настоящего солдата своим полководцем против Югурты ввиду катастрофических неудач аристократов-любителей. Точно так же Марий счел необходимым перестроить римскую боевую машину, и к концу своего

пятилетнего консульства он организовал профессиональную армию, во многом аналогичную нашей. Риму, как и Англии, требовались хорошо обученные экспедиционные силы, а за ними большой резерв. Принципиальное изменение, введенное Марием, поначалу казалось незначительным и не требовало законодательной санкции. До сих пор армия состояла только из имущих классов, пехота - из тех, кто мог позволить себе иметь доспехи, а кавалерия - из самых богатых граждан, которые могли содержать одну из государственных лошадей. Говорят, что минимальная сумма имущества для римского солдата составляла 115 фунтов стерлингов. Самые бедные первоначально составляли легковооруженную опору, три средних класса составляли линейные войска, а самые богатые - кавалерию. Но к настоящему времени три класса шеренги стали формироваться не по имущественному признаку, а по выслуге лет. Это было традиционное боевое построение римской пехоты по правилам:

Принципы
Триары
Гастаты

с кавалерией на флангах. Но социальные перемены меняли армию. По мере того как росло богатство и увеличивалась пропасть между богатыми и бедными, зажиточные горожане больше не были послушными или добровольными солдатами. Плохая дисциплина — чудовищное нарушение старого римского духа — начала проявляться в рядах еще во время македонских войн. В Югуртских войнах она была прискорбно распространена. Сословие всадников, как самое богатое, было также и самым мятежным: еще в третьем веке рыцари отказывались работать в окопах бок о бок с легионерами. К 140 году до н.э. они перестали действовать как военная сила и стали просто почетным званием или, скорее, доходом в государстве, хотя более молодые рыцари продолжали формировать корпус благородной гвардии при генерале. Что касается армии в целом, то вплоть до времен Мария все еще существовала теория ежегодной весенней кампании; каждый консул набирал свою собственную армию для определенной цели. Этот сбор становился все более и более трудным. Простое нововведение, которое ввел Мариус, заключалось в том, что в процессе проведения сбора он начал с поиска добровольцев и зачисления их первыми. Как правило, при увольнении было четко обещано вознаграждение. Таким образом, вместо богатых слоев населения Марий пополнил свои ряды самыми бедными и выносливыми жителями Рима и Италии. Конечно, обязанность служить все еще оставалась частью положения некоторых подвластных народов. Вспомогательные ряды теперь пополнялись иностранными специалистами — кавалерией из нумидийских пустынь или лигурийских холмов, пращниками с Балеарских островов, а в настоящее время и лучниками с Крита. Сделав таким образом свою армию профессиональной, Марий приступил к отмене всех различий в рядах. Все линейные солдаты теперь имели единообразное снаряжение, поставляемое государством, и вместо ошеломляющего разнообразия знаков отличия все легионеры теперь сражались под эмблемой, которой суждено было пронестись с победой по всем уголкам Европы, — серебряным орлом. Орел был знаменем легиона и считался священным. В лагере он покоился в специальном святилище, и ужасен был позор, связанный с его потерей в бою. До сих пор легионы собирались для каждой кампании и распускались по ее окончании. Теперь у легиона было постоянное существование, фиксированная численность, собственные традиции и дух *корпуса*. Теперь это было более крупное подразделение

численностью 6000 человек; в то время как манипула или рота из 120 человек все еще оставалась, манипулы были сгруппированы в когорты или батальоны, которые теперь стали регулярной тактической единицей, и десять когорт сформировали легион.

Помимо бронежилета, состоящего из шлема, кирасы и цилиндрического щита,^[14] в униформу легионера входил пилум, короткое тяжелое копье для метания (интересно отметить, что в то время как у Мария острие было неплотно прикреплено к древку, чтобы отламываться от щита или тела врага, Юлий Цезарь фактически изобрел то, что, по правде говоря, может быть называемый “Дум-Дум пилум” с мягким носиком для остановки натиска варваров), и короткий меч с широким лезвием^[15], который был скопирован у испанских фехтовальщиков времен Второй Пунической войны. Последнее было очень удобным маленьким оружием длиной всего около тридцати дюймов, включая рукоять, с двумя лезвиями, а также острием, хотя колющему всегда отдавалось предпочтение перед рубящим. Мариус ввел новое упражнение, которое включало в себя уроки фехтования, которые в первую очередь давали мастера из гладиаторских школ. Хотя ученым претит кровопролитие, многие ученые хотели бы стать свидетелями боя между римским *гладиусом* и кимврийским клеймором. Следует повторить, что римская манипула, в отличие от сомкнутой греческой фаланги, стояла в открытом строю с квадратным пространством в шесть футов для каждого человека, так что оставалось место для индивидуального мастерства владения мечом. Наконец, Марий еще больше профессионализировал свою армию, введя систему поощрений при увольнении, что сделало армию действительно привлекательной карьерой для бедных граждан. Он пообещал каждому из них по ферме в конце войны, и его примеру последовали другие генералы. Фактически, солдат-ветеран мог рассчитывать на солидную пенсию при выходе на пенсию.

Накладка III: НОЖНЫ ОТ МЕЧА ЛЕГИОНЕРА

Конечно, нет необходимости подчеркивать значение всего этого. Теперь армия представляла собой обученный корпус, против которого ни один набор рекрутов не мог устоять ни на мгновение. До сих пор главной гарантией от узурпации власти генералом было то, что новые армии могли быть вызваны с земли в любое время. Теперь в руках удачливого генерала было оружие, против которого были бессильны слабые гарантии республиканской конституции. Как и в случае с первой обученной армией в истории Англии, генерал таких войск становился вершителем судеб государства до тех пор, пока преданность солдат была личной, а не патриотической. Преданность римского солдата всегда была личной, а теперь она стала еще более личной. Более того, римская конституция никогда не стремилась провести различие между военной и гражданской властью. Следовательно, тот день в 100 году до нашей эры, когда кодекс Аппулея был приведен в исполнение под угрозой легионов Мария, был дурным предзнаменованием для конституции. Прошло менее двадцати лет, прежде чем римская армия с триумфом вошла в Рим, чтобы поддержать политические постановления Суллы. В действительности отныне это одно длительное состояние гражданской войны, открытой или скрытой, между соперничающими генералами, пока,

наконец, не будет установлена постоянная военная монархия. Требовался только смелый свободный дух, подобный духу Юлия Цезаря, чтобы разглядеть реальные факты этого дела. Марий, как мы уже видели, не обладал достаточным интеллектом, чтобы успешно играть политическую роль; Сулла достиг того, что на самом деле было монархическим положением, но ушел в отставку, когда завоевал его. Помпею никогда не хватало мужества взглянуть правде в лицо. У Цезаря хватило, но он был принесен в жертву республиканским традициям. Наконец дипломатичный Август осознал давно неизбежный факт.

Таким образом, отныне это всего лишь вопрос о том, кто будет императором Рима. Причины конца бессвязной конституционной системы Рима, которую мы называем Республикой, уже ясны. Существуют конституционные причины — прежде всего, неэластичность римской системы, которая делала невозможными законные реформы, не предоставляла механизма для выражения воли народа и делала неизбежными беспорядки, сопровождающие каждое изменение. Это была конституция, по существу, муниципальная, и трибунат был центром беспорядков. Кроме того, существуют экономические причины, которые сейчас действуют более пагубно, чем когда-либо, и вызывают упадок сельскохозяйственного населения, подъем опасного необразованного городского пролетариата и коррумпированность правящей аристократии. Политическим фактом было то, что правительство огромной плохо организованной империи разрушило республиканский дух и еще больше усилило коррупцию, в то время как оно денационализировало римский характер. Наконец, есть военное дело, а именно профессионализация армии, передача чрезмерной власти в руки генералов и замена патриотизма *корпоративным духом*.

Стороннему наблюдателю бросается в глаза, что ни одно из этих зол, ни даже их накопление, не обязательно были бы фатальными для республиканской системы, если бы существовал подлинный дух патриотического энтузиазма, преисполненный решимости преодолеть их. Например, если бы великие люди Рима были лояльны и патриотичны, то нет никаких причин, по которым чрезмерная власть полководцев должна была привести к государственной измене. И снова, хотя провинциальная система была незаконнорожденной, ее можно было исправить и реформировать. Но подвел дух. Не было ли это просто потому, что римская власть опередила римскую цивилизацию? Для римлянина высшего класса вера была мертва или умирала, и не было никаких высоких интересов разума, которые могли бы заменить ее. Борьба была их единственным унаследованным интересом, и их вкусы были соответственно жестокими и кровавыми. Последняя агония Республики в период, который мы сейчас рассматриваем, достаточно болезненна, но мудрые люди, несомненно, сочтут это периодом, когда постепенно сформировался новый и гораздо более обнадеживающий порядок вещей.

Sulla

После смерти Мария возник Сулла. Сулла был талантливым аристократом, почти гением, который пытался спасти государство с помощью реакции. Он пытался, достаточно тщетно и глупо, укрепить шаткую структуру сенаторского господства, но у него не хватило терпения или мудрости, чтобы предпринять даже это с какой-либо тщательностью. Л. Корнелий Сулла принадлежал к тому классу людей, к которому принадлежат Алкивиад и Александр, но был низшим представителем этого класса. Несмотря на благородное происхождение, он выбрался из бедности и безвестности благодаря своим собственным талантам. Он был умен — и совершал самые глупые поступки в истории. Он был красив, и его лицо в дальнейшей жизни описывается как “шелковица, усыпанная мукой”. Он был храбр и преуспевал на войне; говорили, что наполовину лев, наполовину лиса, и лиса была более опасной из них двоих. Он завоевал расположение своих солдат, предоставив им полную свободу грабить

или убивать непопулярных офицеров. Он был повес и азартный игрок, безрассудный к кровопролитию, так же как безразличный к похвале или порицанию, и у него была та фатальная вера в звезду, которая побуждала людей лучше его следовать за блуждающими огоньками. Он мог бы стоять там, где стоит Цезарь. Из него получился бы очень типичный плохой император, и что бы ни заставляло его отказываться быть таковым, это был не патриотизм. Он был таким же образованным, как Нерон, и продемонстрировал это, разграбив Афины, разграбив Дельфы и разграбив знаменитую библиотеку. Как и Неро, но в отличие от большинства своих соотечественников, он обладал чувством юмора.

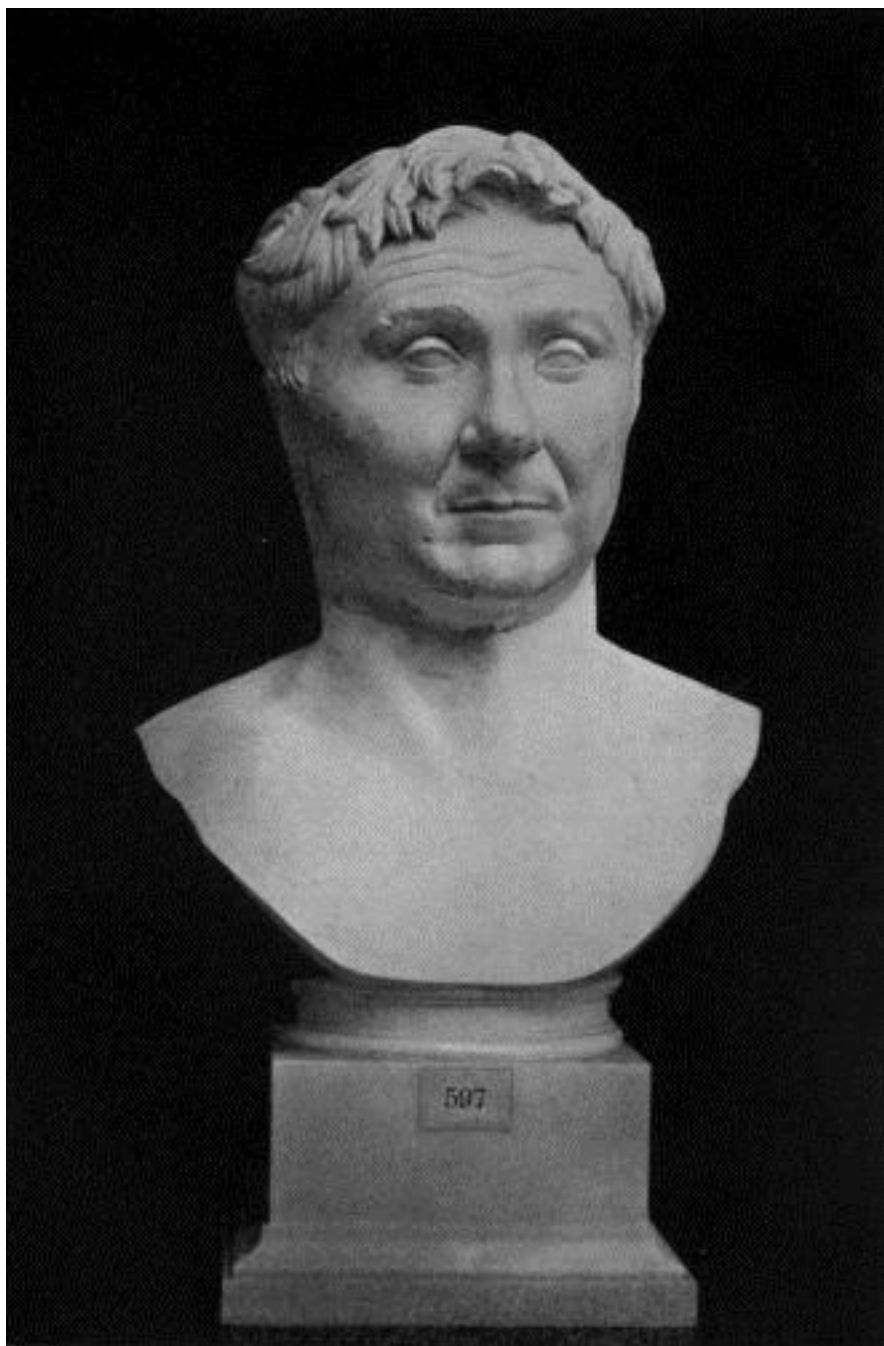
После смещения Мария и уничтожения его демократических партнеров правящая клика продолжила свой старый курс на безрассудство. Во-первых, аристократы вскоре поссорились с капиталистами, что для аристократов всегда неразумно. Всаднические суды присяжных, учрежденные Гракхом, действовали с жестокой простотой от имени своих братьев по сбору налогов против любых честных губернаторов, исходивших от сената. В те дни мужчин осуждали за честное управление. С другой стороны, горький вопль итальянских “союзников”, которые вынесли все тяготы римской службы, а взамен не получили ничего, кроме рабства, упорно и презрительно игнорировался. В 95 году консульский закон категорически запретил им когда-либо претендовать на избирательное право. Но вскоре появился новый реформатор в лице М. Ливиуса Друзаса. Этого замечательного человека можно было бы назвать третьим Гракхом, если бы не то, что он видел тщетность так называемой демократии Рима и использовал другие средства для достижения своих целей. С одной стороны, он был защитником сената от рыцарей, а с другой стороны, он был полон решимости предоставить итальянцам их права. Похоже, он способствовал созданию широко распространенной тайной организации среди итальянцев. Затем он предложил четыре меры: неизбежный закон о кукурузе и закон об аграрном праве, которые будут переданы в ведение сената, суды присяжных, которые для этой цели будут расширены за счет включения трехсот рыцарей, и, наконец, предоставление гражданства союзникам. Первых троих унесли, не без насилия, но четвертый стал для него камнем преткновения. Итальянцы к этому времени подняли такой шум, что гражданская война была неизбежна в случае отказа, и никто не отрицал справедливости их притязаний. Но ни справедливость, ни целесообразность не имели силы сдвинуть мертвый груз сенаторского консерватизма. Друзас был убит, а его законы отменены. Это стало сигналом к длительной и ужасной Социальной войне, которая завершила разорение Италии и вызвала серьезную тревогу за само существование Рима. В ходе этой борьбы и в страхе за свое существование Рим фактически, если не открыто, уступил требованию итальянцев. Некоторые штаты получили франшизу в качестве награды за верность, а другие - в качестве приманки для подчинения. По закону 89 года все итальянцы, которые обращались к претору в течение шестидесяти дней, получали гражданство, и эта запоздалая уступка возымела свое действие. Лицо Италии было покрыто трауром, чтобы обезопасить его. Тем не менее правящей клике удалось свести на нет политическую ценность концессии, ограничив италиков вместе с римскими вольноотпущенниками несколькими племенами, так что их голоса были почти бесполезны.

Давление этой войны и великой Митридатовой войны, начавшейся одновременно в Азии, привело к серьезному экономическому кризису в Риме. Долги и ростовщичество были симптомами, и когда претор попытался справиться с ними, возродив старые законы против ростовщичества, он был убит в своем священническом одеянии при жертвоприношении. Теперь мы начинаем слышать зловещий клич “Новой таблицы” — чистого листа для должников. Популярный оратор по имени Сульпиций Руф, чья программа включала исключение из сената всех банкротов, защитил свою ценную персону с помощью телохранителей из 3000 наемных головорезов и организовал имитацию сената из 300

энергичных молодых людей. Затем, поскольку Сулле со своей армией угрожало сопротивление, он издал указ, передающий командование великой армией, предназначенной для борьбы с Митрадатом, старому Марию. Во время Социальной войны оба этих генерала с некоторым успехом удерживали командование, но в целом репутация Мария упала, в то время как репутация Суллы возросла. Без колебаний Сулла ввел свою армию в Рим и выиграл сражение на улицах города. Сульпиций, конечно, был казнен, его голова была прибита гвоздями к ростре, а Марий спасся при обстоятельствах романтического приключения. Таким образом, в 88 году Сулла был полным хозяином Рима.

В этот момент его настоящим стремлением было больше сражаться. Митрадат, царь Понта,^[16] в то время полным ходом шло восстание против римского владычества в Азии, где 80 000 римских торговцев и ростовщиков были убиты во время внезапного мятежа. Сулла видел в Митрадате достойного противника и предпочитал славу на полях Азии римской политике; и кроме того, его армия жаждала добычи. Поэтому он поспешно провел серию конституционных реформ, призванных вернуть сенату нечто большее, чем его древнее господство, а затем отправился на Восток, не обращая внимания или неосведомленный о том факте, что на самом деле он ничего не изменил. Напротив, он оставил в Риме на единоличное попечение нового консула Цинну, худшего и опаснейшего из всех демагогов. Сулла — невиннейший из негодяев — похоже, вообразил, что клятва подчиняться его конституции удержит такого человека в такое время.

Следовательно, как только он отвернулся, вспыхнула новая революция. Цинна также привел армию в Рим и пригласил Мария вернуться. Тогда старый генерал, разъяренный всеми своими разочарованиями, начал ужасный разгул с кровопролитием. Все выдающиеся сенаторы, оставшиеся в Риме, включая государственных деятелей, таких как Л. Цезарь, солдат, таких как Катулл, ораторов, таких как Антоний и Красс, были зарезаны его рабами, а их головы выставлены на форуме. В 86 году Марий достиг цели своих амбиций - седьмого консульства, которое давным-давно было обещано ему пророком. В том же году он умер. Вот уже четыре года Цинна правил Римом как монарх. Год за годом он занимал должность консула и назначал других магистратов по своему собственному выбору без формальности избрания. Он отменил законы Суллы, уравнил всех граждан в племенах и сократил все долги на 75 процентов. Это последняя мера, которая действительно типична для римской демократии. Тем временем, конечно, за морями готовилась расплата. Сулла одерживал славные победы в Греции и Азии и, наконец, в 84 году вынудил Митрадата временно капитулировать. Цинна, который, похоже, не понимал, что римская армия принадлежала не республике, а ее генералу, дерзко вознамерился свергнуть Суллу и был убит войсками.

Табличка XIV. ГН. ПОМПЕЙ МАГНУС

Сулла, предложив условия, которые правительство весьма глупо отклонило, вернулся домой в 83 году после пятилетнего отсутствия, неся не мир, а меч. У него было пять собственных легионов ветеранов, к нему присоединились изгнанные аристократы, и среди них молодой человек по имени Помпей с еще тремя легионами. Руководство демократической партией теперь перешло в руки молодого Мария, и он, не имея войск, чтобы противостоять возвращающимся ветеранам, решил присоединиться к самнитским повстанцам, которые остались непокоренными в Социальной войне. Прежде чем покинуть город, они приказали устроить последнюю и еще более кровавую резню оставшихся в живых аристократов; практически все знатные люди, оставшиеся в городе, были убиты. Сулле пришлось сразиться с 40 000 самнитами у Коллинских ворот Рима, и после отчаянной борьбы он одержал победу. Молодой Марий покончил жизнь самоубийством. Таким образом, Сулла снова стал хозяином Рима. Его 8000 пленников-самнитов были убиты в Цирке. Из римских демократов 80 сенаторов, 3600 всадников и более 2000 частных лиц были объявлены вне

закона, а их головы были прибиты гвоздями на форуме. В Испании Серторий, честный и доблестный демократ, вел доблестную борьбу с помощью чудесного оленя и местной испанской армии, обученной по римскому образцу, пока, наконец, не пал в результате предательства.

В течение двух лет Сулла был монархом Рима. С этой целью он изобрел своего рода возрождение устаревшей диктатуры, без ограничения по времени и без коллеги. Если нам важен этот термин, то Сулла был в то время таким же “императором”, как и Август. Он принял целую собственную конституцию — которую вряд ли нужно пересказывать, поскольку от нее почти ничего не сохранилось, — предназначенную для того, чтобы снова посадить сенат на трон, а затем просто отрекся от престола и удалился в частную жизнь. Я думаю, ему наскучили Рим и политика. Все признают, что у него было чувство юмора. Это был очень глупый поступок. Но звезда Суллы была с ним, и он умер в своей постели. Его предсмертные минуты были утешены появлением его покойной жены (у него их было пятеро) и сына, которые пригласили его присоединиться к ним в стране мира и блаженства за гробом.

Сулла едва успел умереть, как другой консул выступил против Рима со своей армией и потерпел поражение в городе. Но это были всего лишь эпизоды. Улицы священного города находились в состоянии постоянной войны: каждый серьезный политик должен был организовать свою банду головорезов, и когда само здание сената было сожжено дотла в ходе одной из таких стычек, это казалось лишь чрезмерным проявлением политического рвения. На конституционное правление было мало претендовать. Моря кишели пиратами, уже не разрозненными бродягами, промышлявшими торговлей, а организованным пиратским государством со штаб-квартирой в Киликии и огромным флотом, состоящим из всех сломленных людей и отчаявшихся преступников несчастного средиземноморского мира. Они бороздили открытое море на флотах под командованием адмиралов, которые путешествовали по государству, как принцы. Вместо своих домов у них были неприступные цитадели среди ручьев Киликийского и Далматинского побережий, где они хранили свои семьи и награбленное добро. Они не побоялись отправиться вглубь страны, чтобы разграбить город или богатый храм. Торговля на море была разрушена, даже снабжение столицы продовольствием иногда прекращалось. На суше и даже в Италии дела обстояли ненамного лучше. На протяжении всей республиканской истории (но редко впоследствии) мы слышим о восстаниях среди рабов Италии. Теперь, при системе плантаций, недоступные Апеннинские нагорья кишели отчаявшимися беглецами, которые постоянно совершали мелкие разбойничьи нападения. В 73 году они нашли лидера в лице Спартака, гладиатора, который, как говорили, имел царское происхождение во Фракии. Начав с небольшой горстки, группа выросла в течение нескольких месяцев до 40 000 человек. Римские армии одна за другой, всего десять, безуспешно выступили против них. Два консула потерпели поражение, много орлов было захвачено в плен, Италия оказалась в их власти. Респектабельные города, такие как Турия и Нола, были захвачены, их пленников распяли, как рабов, или с мрачной иронией заставили сражаться друг с другом насмерть, как гладиаторов. Таким образом, самая страшная форма гражданской войны опустошила Италию. Необходимо было собрать армию из восьми легионов, чтобы сокрушить рабов, и командование было поручено Марку Крассу, которому даже тогда пришлось уничтожить легион, прежде чем он смог заставить свои трусливые войска встать и сражаться. После нескольких упорных сражений, чему способствовало отсутствие дисциплины, которое было еще более заметным среди рабов, чем среди римлян, Красс выполнил свою задачу. Шесть тысяч распятых рабов, выстроившихся вдоль дороги из Капуи в Рим, свидетельствовали о восстановлении порядка.

За границей дела обстояли немногим лучше. Война против Митрадата, обеспечившая столько римских триумфов и так часто объявлявшаяся завершённой, на самом деле длилась двадцать пять лет, и её продолжительность была обусловлена скорее неумелостью правительства, чем доблестью невоенных азиатов. В Испании потребовалось десять лет, чтобы победить Сертория с его местными войсками, и даже тогда результат был достигнут только путем убийства. Если бы Ганнибал вступил в Италию в эти последние дни, государство не смогло бы выжить. Но в те дни в мире оставалась только одна сколько-нибудь значимая военная держава - парфяне. Здесь были наполовину эллинизированные деспоты, правившие племенами воинов, лишь недавно спустившихся с Кавказского и Армянского нагорья и все еще сохранявших свирепый горный дух, хотя они и занимали богатые равнины Месопотамии. Красс, победитель над рабами, был послан сражаться с ними с огромной армией, но миллионер проявил вопиющее невежество в стратегии и особенно в опасностях войны на Востоке. Он наугад углубился в пустыню и попытался со своими легионами встретиться со страшными конными лучниками и закованными в кольчуги уланами Востока в пустом каре. Результатом стала великая катастрофа при Карре в 53 году, поражение, которое среди всех позорных событий этого периода постоянно терзало из-за потери орлов и трагической судьбы лидера. Сам Марк Красс был почти совершенно отталкивающей личностью, сколотившей состояние, колоссальное даже в те времена миллионеров, самым позорным способом. Фундамент его миллионов был заложен путем спекуляций имуществом жертв проскрипций Суллы. Он был крупномасштабным дрессировщиком рабов и одно время организовал частную пожарную команду, которую использовал для дешевого приобретения недвижимости путем шантажа. Одалживая деньги молодым расточителям аристократии, он приобрел большое влияние в Риме и действительно фигурировал в жалкой политике своего времени как государственный деятель наравне с действительно великими людьми, такими как Цезарь и Помпей. Но у него не было политики, и он был важен только благодаря своему богатству и влиянию.

Помпей и Цезарь

Итак, мы подходим к заключительной фазе Республики — великой борьбе между гигантами Цезарем и Помпеем, на заднем плане которой такие фигуры, как Цицерон, Катон и Клодий. Я не предлагаю задерживаться на этом периоде, потому что, с одной стороны, он так хорошо известен как период наиболее полных свидетельств во всей римской истории, и поэтому для адекватного рассмотрения потребовался бы целый том, а с другой стороны, потому что он был таким полем битвы для пристрастных историков всех времен, что в таком кратком изложении, как это, трудно отдать должное без подробной аргументации.

Гней Помпей Великий^[17] впервые получил известность как сторонник Суллы. Он происходил из семьи высокопоставленных чиновников и был прирожденным солдатом. В этом действительно секрет его карьеры. Как и Мариус, он был генералом, а не государственным деятелем, но он был очень великим генералом и одним из немногих честных людей, можно почти сказать, одним из немногих джентльменов своего времени. Трагедия его жизни заключалась в том, что он родился в такой период. Он презирал второстепенные государственные должности и, полагаясь на свою военную славу, но вопреки закону, баллотировался на пост консула в 70 году до н.э. Поскольку официальная аристократия возражала, он перешел на сторону демократов и вступил в союз с Крассом. Эти двое, избранные под угрозой армии Помпея, сразу же отменили большую часть сулланской конституции и восстановили баланс сил между рыцарями и собранием. В конце года Помпей удалился в частную жизнь. Это было характерно для него; он был способен на грандиозные замыслы, но жил в страхе перед общественным мнением и был по-настоящему

тронут, когда ораторы говорили о незаконности. Тем временем раздались громкие требования разработать какой-нибудь комплексный план нападения на пиратов. Необычный

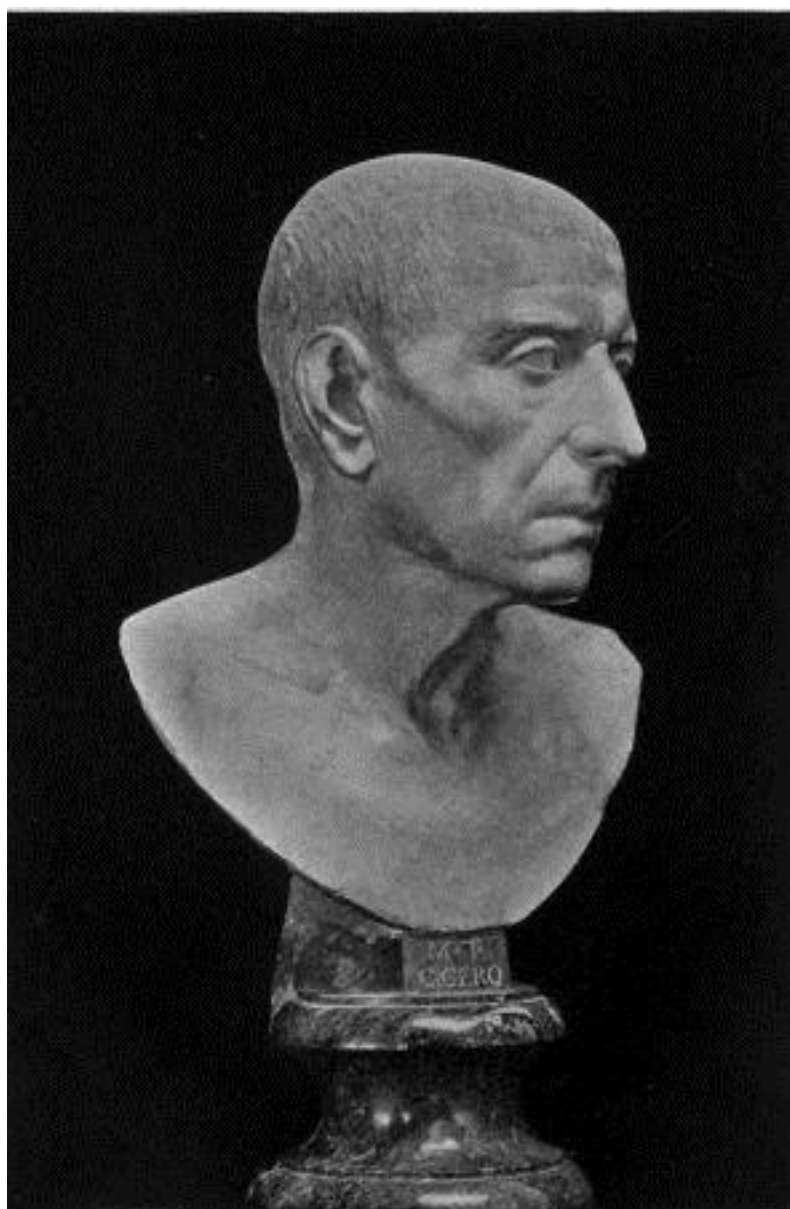

Фото XV. БЮСТ ЦИЦЕРОНА

консульское командование подошло бы. Даже римский сенат к этому времени убедился, что бесполезно посылать легионы и кавалерию против пиратских кораблей. Соответственно, Габинианский закон от 67 года наделил Помпея полномочиями беспрецедентного масштаба. Ему были выделены миллионы денег, он должен был в течение трех лет управлять всеми морями и всеми побережьями на пятьдесят миль вглубь страны со штатом из двадцати пяти легатов, и все губернаторы должны были подчиняться его приказам. Цена на кукурузу сразу упала: Помпей обнаружил ее в изобилии в зернохранилищах сицилийского кукурузного фонда. Затем он начал систематический обход морей и примерно за три месяца очистил их. Тысячи пиратов были пойманы и распяты. Все это сделало Помпея самым могущественным и опасным человеком в Риме.

Затем трибун Манилий, в пользу которого выступил с речью восходящий *новый человек*, друг нашей юности Марк Туллий Цицерон, дал Помпею еще одно крупное поручение против Митрадата, неудержимого мятежника Азии. Помпей преуспел там, где потерпели неудачу все

его предшественники, от Суллы до Лукулла, и порочный старый царь был доведен до самоубийства. Затем Помпей приступил к организации Востока подобно Александру, но всегда в совершенной лояльности Риму.

Пока Помпей отсутствовал, на улицах города правила так называемая демократия, которая в основном состояла из наемных головорезов, получавших жалованье от недовольной знати. Среди молодых дворян, принявших эту сторону, был один, более распутный и щеголеватый, чем остальные, печально известный прелюбодей и расточитель, Гай Юлий Цезарь. Хотя он был самого высокого происхождения — среди его предков была богиня Венера, вышедшая замуж за отца Энея, — он также был по происхождению связан с демократией. Его тетя была женой Мария, а его жена была дочерью Цинны. Он начал свою общественную карьеру достаточно необычно в качестве *верховного понтифекса*. Когда умерла Юлия, вдова Мария, юный цезарь имел наглость выставить напоказ изображения и произнести речь во славу Мария. Это, как и было задумано, заставило заговорить всех сплетников, и его удивительная экстравагантность привлекла к нему внимание общественности. Однажды он выставил три сотни гладиаторов в серебряных доспехах, хотя было известно, что у него нет ни гроша. Вероятно, Красс все это время был его финансистом.

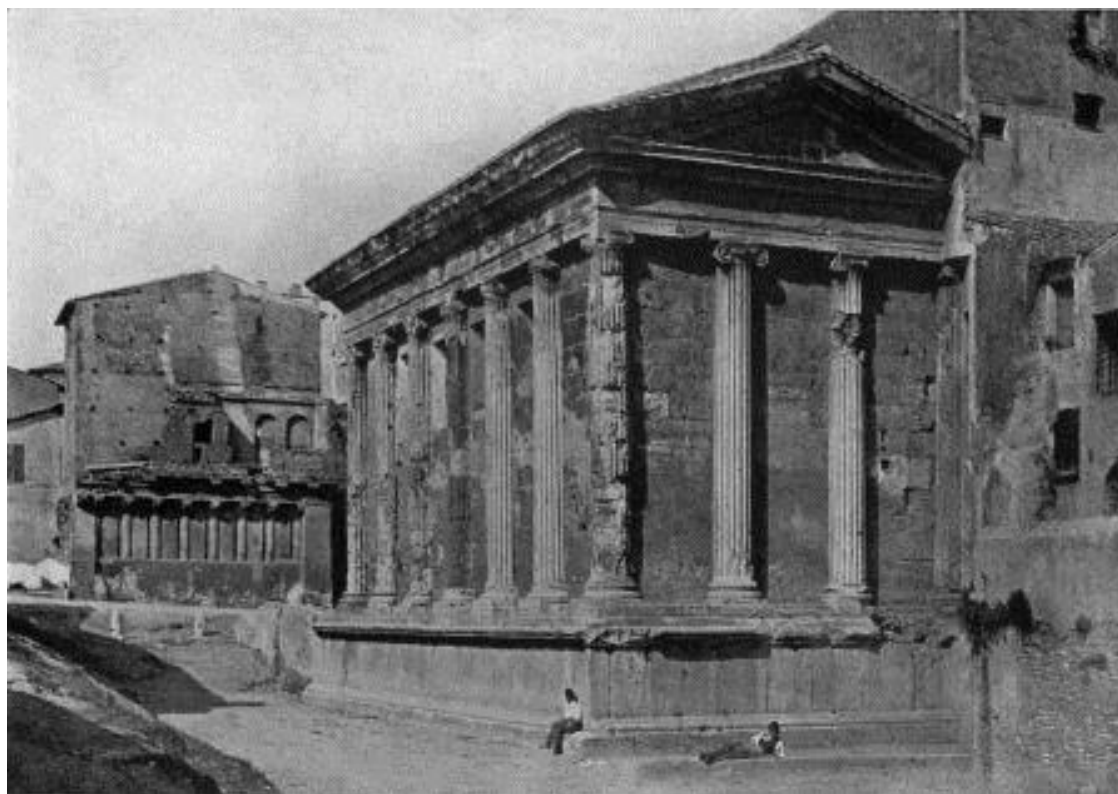
В это время в Риме разразился еще один из часто повторяющихся финансовых кризисов. Все были по уши в долгах, и громко раздавались призывы начать с чистого листа, как часть демократической программы — единственной внятной части. Это послужило причиной знаменитого заговора Катилины, который, если верить Цицерону, предлагал захватить и сжечь Рим с помощью недовольных сулланских колонистов в Этрурии. Говорят, что и цезарь, и Красс одобряли этот заговор, но чрезвычайно трудно понять, что должен был получить от этого крупный владелец римской домашней собственности. Цицерон был консулом 63 года, и хотя сейчас вошло в моду насмехаться над Цицероном, он, похоже, проявил смелость и расторопность в борьбе с заговорщиками. К сожалению, его арест и казнь Катилины были технически незаконны. Сам Цицерон, будучи парвеню, по природе своей был аристократом, и его политика, хотя и тщетная, была понятной. Вкратце, это должно было объединить сенат с классом капиталистов в том, что он назвал “союзом орденов” против демократических элементов беспорядка. Помпей вернулся домой с Востока и обнаружил, что заговор разгромлен. Он и его легионы были никому не нужны. С невероятной глупостью и неблагодарностью сенат во главе с Цицероном отказался даже предоставить земли, которые он обещал своим ветеранам.

Цезарь отправился претором в Испанию и там начал завоевывать военную славу — к большому удивлению своих друзей — и деньги. Он хотел получить консульство на следующий год и поэтому нуждался в поддержке Помпея, который теперь был изгнан из аристократической партии, к которой он принадлежал по симпатии. Красс пришел как кредитор цезаря и необходимый миллионер. Так был сформирован Триумвират 60 года, и в 59 году Цезарь стал консулом. К этому времени у него возникли высокие, возможно, высочайшие амбиции. Марий и Сулла, не говоря уже об Александре и Энее, всегда занимали его мысли. В настоящее время его целью было занять прочный пост и заручиться верностью обученной армии. Коллегой цезаря по консульству был некий Бибул, который пытался остановить опасные действия демократа, каждый день видя знамения на небесах, но никто, и меньше всего цезарь, не обращал на него никакого внимания. Единственная серьезная оппозиция исходила от Катона Младшего, который представлял настоящую и респектабельную аристократию. Этот Катон был странным анахронизмом в Риме, честным человеком. Кроме того, если верить биографии, он был фанатиком и педантичным чудаком. Он был из тех людей, которые разъезжают по Африке без шляпы или сидят на судейской

скамье без обуви, потому что таков был *mos maiorum*. Он пытался возродить старомодные обычаи своего деда. Тем не менее он был честным и храбрым, хорошим солдатом и человеком с четкой, хотя и невыполнимой политикой. И снова история риторики виновата в том, что все хорошие люди Рима предстают ханжами и эксцентричными. Этот человек самым мужественным образом воспротивился своему вето на действия цезаря, хотя его теснили и избивали наемники-демократы, организованные затем самым отъявленным негодяем Клодием. Но результатом было то, что, хотя законы цезаря могли быть приняты, впоследствии они могли быть объявлены незаконными, и цезарь подлежал судебному преследованию, как только становился частным лицом. Однако у него не было немедленного намерения становиться частным лицом. Он удерживал провинцию Галлия в течение пяти лет с четырьмя легионами.

Теперь Галлия не считалась важной провинцией. Это была всего лишь мирная равнина Верхней Италии, к которой сенат добавил Нарбоннскую Галлию, южную полосу Франции, рассматривавшуюся главным образом как шаг на пути в Испанию. Четыре легиона были небольшой консульской армией по тем временам; никто не предполагал, что ему придется много сражаться. Но либо цезарь получил секретные сведения, либо ему очень повезло. Вначале его призвали разобраться с большой иммиграцией варваров-гельветов, которые переселялись из Швейцарии в Галлию и угрожали провинции.

Консерваторы в Риме утверждали, что завоевания Цезаря в Галлии были результатом бессмысленной агрессии —дешевых побед над безобидными дикарями, совершенно неоправданных и несанкционированных. На этом этапе едва ли возможно избежать обсуждения широко обсуждаемого вопроса о реальном характере Цезаря. Для ортодоксальных римлян Цезарь был основателем империи, человеком не только божественного происхождения, но и сам божественным. Все императоры брали его имя, пока фамилия Цезарь, когда-то бывшая простым прозвищем, не стала в половине языков Европы синонимом слова “Император”. В Средние века он стоял рядом с Константином, который обратил Империю в христианство, и Карлом Великим, который возродил ее, как основатель того богоустановленного государства, которое разделяло с Церковью наместничество Бога на земле. В глазах Данте Цезарь стоял очень близко к Христу, ибо поэт населяет замерзшее сердце своего Ада тремя измученными фигурами, которые корчатся в самых челюстях Коцита. Вместе с Иудой Искаротом находятся двое убийц Юлия Цезаря. Хотя эпоха Возрождения лишила его большей части легендарного величия, Цезарь оставался для людей шекспировских времен воплощением имперской гордости. Сам Шекспир был слишком великим художником, чтобы сделать кого-либо из своих персонажей более или менее человеческим, но, очевидно, именно Бруту симпатизирует драматург. Во время Французской революции, опять же, Брут и Кассий были героями и славными тираноубийцами. Реакция против либерализма начала девятнадцатого века вновь прославила Цезаря, и Моммзен, пророк цезаризма, делает его героем своей великой истории. Для Моммзена Цезарь был почти богом, прозорливым и великодушным “спасителем”, который единственный видел истинный выход из беспорядков в своем городе. С этой точки зрения мы, по-видимому, снова находимся в состоянии реакции. Новейшим критикам величие Цезаря и Моммзена одинаково отвратительно, и синьор Ферреро изображает своего величайшего соотечественника беспринципным демагогом, который приобрел известность благодаря предательству и кровопролитию.

Табличка XVI. ХРАМ ФОРТУНЫ ВИРИЛИС, РИМ

Исторический принцип, с помощью которого достигается этот результат, довольно типичен для некоторых современных критических методов. Поскольку отчет о Галльских войнах был написан в основном самим Цезарем, а Цезарь, по гипотезе, негодяй, историю этих войн следует искать, читая между строк отчета Цезаря, который все строит самым неблагоприятным образом и предпочитает любые свидетельства своим, даже если это свидетельства двух столетий спустя. Если будут замечены какие-либо пробелы или несоответствия, их следует рассматривать как сокрытие поражений или актов предательства. Написанная в таком духе история Галльских войн очень мрачна для цезаря и Рима. И все же непредвзятые читатели должны в целом признать, что Цезарь был очень осторожным и в целом честным историком. Обвинение в том, что он был способен на безжалостную жестокость, проистекает из его собственных признаний. В характере римлянина было презирать жизнь, и когда цезарь думал, что мятежное племя нуждается в уроке, он, не колеблясь, убивал беззащитных женщин и детей или опустошал огнем и мечом мили территории. Но, с другой стороны, он предпочитал милосердие и справедливость.

Не превращая его в полубога, мы должны быть способны увидеть его величие. В молодости его душевный пыл, работа в развращенном обществе без идеалов, сделали его просто более экстравагантным и щеголеватым, чем окружавшие его расточители и повесы. Несомненно, скандальный Светоний приукрасил историю своих ранних безумств. Многие из его юношеских выходок, как подозревают, были тщательно спланированы, чтобы привлечь к нему внимание. Вероятно, с самого раннего возраста он был честолюбив, и его семейные связи четко определили его карьеру демократа. У него перед глазами был провал Суллы. Величие его характера заключалось главным образом в инстинктивной ненависти к неразберихе и притворству. Он не мог не видеть безнадежного замешательства, в которое впало римское государство. Я думаю, что с самого начала он стремился к власти для себя, чтобы навести порядок. Трудно, а может быть, и невозможно решить, что стояло на первом месте в его расчетах - я сам или страна; но историк не обязательно циник, когда он требует

убедительных доказательств альтруизма в мире политики. Получить власть демократическая сторона была единственно возможной, поскольку дворяне выступали за господство только своего класса. Красс был необходим цезарю как его банкир и кредитор до тех пор, пока он не нажил себе состояние путем завоеваний. Помпей был выдающимся солдатом того времени, и вполне вероятно, что цезарь намеренно стремился перелезть через плечи Помпея к монархии. Он видел — он не мог не видеть, ибо это было ясно написано в истории прошлого столетия, — что для власти необходимы две вещи: поддержка толпы на форуме и поддержка армии ветеранов. В то время, когда Цезарь получил Галлию в качестве своей провинции, произошло новое движение к имперской экспансии. Иностранные завоевания принесли некоторое облегчение от огорчений внутренней политики. Благодаря этому Марий, Сулла и Помпей стали могущественными. Если Цезарь хотел затмить их всех, он должен был подарить Риму новую провинцию - самую могущественную из всех взяток. Именно в таком духе он отправился в Галлию. Если его скрытый мотив был эгоистичным, то несомненно, что он отдался сердцем и душой, со всей жгучей энергией, на которую был способен его неутомимый дух, делу завоевания и цивилизации.

Галльская керамика

И что это была за работа! Археология сейчас начинает доказывать истории, что так называемые варвары отнюдь не всегда были дикарями. Даже у “голых, запачканных ватой” бриттов были свои искусства, промышленность и политические системы. Галлы, когда на них напал Цезарь, были далеко на пути к цивилизации. Друидизм приходил в упадок, начиналась городская жизнь, и даже появилась довольно художественная чеканка монет. Галльская керамика ни в коем случае не лишена красоты. Как солдаты, галлы проявили многие качества своих потомков, преданную стремительность в атаке в сочетании с отсутствием упорства в сопротивлении, что всегда дорого им обходилось. Во многом успех цезаря был обусловлен его умением настраивать их против себя, но многие из его трудностей возникали из-за их непостоянного характера. Моммзен, как истинный бисмарковец-немец, проводит поразительное сравнение древнего галльского кельта с современным ирландцем.

Галльская керамика

“Накануне расставания с этим замечательным народом, - говорит он, - нам будет позволено привлечь внимание к тому факту, что в рассказах древних о кельтах на Луаре и Сене мы находим почти все характерные черты, которые мы привыкли признавать отличительными для ирландцев. Все черты проявляются вновь: лень в возделывании полей; удовольствие от выпивки и драк; хвастовство ... забавный юмор ... искренний восторг от пения и пересказа деяний прошлых веков и несомненный талант к риторике и поэзии; любопытство — ни одному торговцу не разрешалось проходить мимо, пока он не расскажет на улице все, что он знал или не знал, в форме новостей, — и экстравагантная доверчивость, которая проявлялась в таких рассказах ... детское благочестие, которое видит в священнике отца и спрашивает у него совета во всем” (это, кстати, было, по-видимому, характерно и для современных немцев), “непревзойденный пыл национальных чувств и близость, с которой соотечественники держатся вместе, почти как одна семья, в противовес чужаку; склонность поднимать восстание под руководством первого попавшегося лидера, который представляется, но в то же время полная неспособность сохранять самостоятельное мужество, столь же далекое от самонадеянности и малодушия, чтобы уловить подходящий момент". за выжидание и нанесение удара, за то, чтобы добиться или даже едва терпеть какую-либо организацию, какую-либо фиксированную военную или политическую дисциплину. Это была и остается во все времена и везде одной и той же ленивой и поэтичной, нерешительной и пылкой, любознательной, доверчивой, дружелюбной, умной, но — с политической точки зрения — совершенно бесполезной нацией; и поэтому ее судьба всегда и везде была одинаковой.”

Внутренняя политика Галлии, по-видимому, была отмечена расколом между двумя партиями: одной - консервативной партией рыцарей-аристократов, другой - националистической и популярной фракцией. Цезарь использовал эти подразделения для осуществления своего завоевательного плана. Он был не только непревзойденным генералом с чутьем на стратегические моменты и грандиозные комбинации, но и превосходным полковым офицером в воспитании солдат. К концу своих десяти лет он сколотил небольшую, но непобедимую армию, преданную его интересам и полностью уверенную в своем руководстве. Более того, лично римский развратник был лучшим солдатом в армии. Физически ему была чужда усталость. Он мог преодолевать огромные расстояния с невероятной скоростью, в одиночку верхом на лошади или с горсткой сопровождающих. Он казался вездесущим. В битве, когда его люди колебались, он прыгал в строй с мечом в руке или выхватывал знамя из рук центуриона и сражался в первых рядах. От него не ускользнула ни одна деталь фортификации или комиссариата, и он больше, чем кто-либо другой, продемонстрировал инженерную мощь на войне. В решающей битве против Помпея он даже превысил разумные пределы своей преданности лопате, когда попытался обойти гораздо более многочисленный лагерь своих врагов. Одним из его самых удивительных подвигов было то, что половина Галлии, которая, как предполагалось, была умиротворена, внезапно подняла восстание под предводительством Верцингеторикса. С гораздо меньшей армией он загнал повстанцев в крепость Алезия, пренебрегая на время всякой связью со своей базой и полностью осознавая, что еще более многочисленная армия вскоре выдвинется на помощь осажденным. Поэтому он окопался за воротами города и одной рукой сдерживал подоспевшие силы, в то время как другой продолжал осаду. Но хотя он был способен на подобные блестящие и дерзкие удары, он также был холодным и осторожным организатором победы, готовым встретить своих врагов на их собственной земле и их собственным оружием.

Табличка XVII. ХРАМ ВЕСТЫ, ТИВОЛИ

В этой великой войне, закончившейся завоеванием Галлии, походы Цезаря в Британию были всего лишь эпизодами, которые были сильно преувеличены в традиционной истории наших школ. Это были летние рейды, подобные его переправе через Рейн, предназначенные для предупреждения варварам из внутренних земель; похоже, что сообщение через ла-манш туда и обратно было непрерывным. Вполне вероятно, что свое влияние оказали и убеждения римских торговцев, которые толпились в погоне за орлами по всей Галлии. Несомненно, римляне того поколения живо реагировали на коммерческие открытия и всегда были в поиске рудников, реальных или воображаемых. Далее, мы не можем отрицать, что Цезарь во всех своих начинаниях одним глазом следил за своим политическим положением в самом Риме, и “завоевание Британии”, этого почти легендарного уголка земли, скрытого в северных туманах и окруженного вечно текущей океанской рекой, было бы сенсационным достижением, призванным затмить восточные триумфы Помпея. Нельзя не отнести к числу экстравагантных проявлений культа героя веру Моммзена в то, что Цезарь имел пророческое представление об истинной природе “Германской угрозы” для Рима. Когда Цезарь захватил Галльскую провинцию, огромной немецкой угрозы не было. Всегда происходили случайные вторжения варваров из-за Рейна и неуклонное немецкое проникновение в Нидерланды. Цезарь не установил никакой внятной пограничной политики: это было одним из

достижений Августа. И в Галлии, и в Британии это было просто движение вперед смелого и неутомимого полководца, поддержанного непобедимой армией. Два похода в Британию, как и те, что были за Рейном, носили исключительно разведывательный характер, а завоевание острова было одним из наследий, которое цезарь намеревался приберечь на будущее. Его преемник очень мудро отказался от этого. Непосредственной прибыли там было мало, а галльские завоевания перенасытили римский рынок рабами.

Галлия легко покорилась войску римлян численностью менее сорока тысяч человек; затем она безуспешно подняла восстание. В конце концов, вся страна признала поражение и быстро начала ассимилироваться с латинской цивилизацией. Тем временем в имперском городе Республика медленно умирала естественной смертью. Каждую зиму Цезарь возвращался в Цизальпинскую часть своей провинции, чтобы получить разведданные из Рима и укрепить там свое положение. Клодий, самый злобный из главарей мафии, был его агентом при демократии. Клодию удалось отправить уважаемого Цицерона в изгнание за его участие в подавлении Катилины, и когда Цицерон, который был действительно популярен в Риме, наконец убедил Помпея разрешить его возвращение, великий оратор с тех пор оставался робким и неохотным слугой триумvirата, защищая их друзей или преследуя их врагов, без сомнения, с внутренней неохотой, но с неизменным красноречием. Благодаря его поразительным победам в Галлии звезда Юлия взошла на политическом небосклоне. Простые жители Рима были не только ослеплены его успехами, но и очарованы его щедростью. Тем временем Помпей жил за счет своей военной репутации и медленно растрачивал ее из-за своей политической неспособности. Он продолжал занимать различные высокие должности, не предусмотренные конституцией; он стал единоличным консулом, что было отвратительно римской системе; он владел провинцией Испания и управлял ею из Италии через своих легатов, и в то же время продолжал осуществлять общий надзор за поставками зерна в Рим. На самом деле в будущем положении римского императора едва ли было что-либо, что не имело прецедента в карьере Помпея. Если бы он захотел этого или, что более вероятно, если бы знал, как этого добиться, он, а не Август, легко мог бы стать первым римским императором. По вкусу и природным симпатиям он был аристократом, но сила обстоятельств загнала его в неудобное положение союза с демократом Цезарем и плутократом Крассом. В этом во многом и заключался секрет его политической беспомощности. Он, завоеватель Востока, часто оказывался открыто отвергнутым, более того, фактически подвергался давлению и угрозам на улицах со стороны организованных хулиганов. Тем временем существовала небольшая, но упорная оппозиционная партия аристократов, у которых не было дисциплины и, следовательно, лидеров, но среди которых Катон и Марцелл были наиболее заметными. У них не было сил, чтобы оказать какое-либо последовательное сопротивление продвижению Цезаря, за которым они наблюдали с растущей завистью и тревогой. У них не хватило ума привлечь на свою сторону респектабельные элементы государства. И Цицерон, и Помпей с готовностью присоединились бы к ним, если бы это было возможно. Вместо этого они довольствовались придирками к достижениям цезаря и угрожали ему судебным преследованием, как только он вернется к частной жизни. Это была глупейшая ошибка, поскольку она заставила цезаря принять решение любой ценой сохранить свое командование и в конечном итоге ускорила гражданскую войну.

Как легко видеть, коалиция между Цезарем и Помпеем не была естественной: психологически у них не было ничего общего, и вскоре их интересы начали расходиться. Помпей не мог не понимать, что цезарь поднимался по карьерной лестнице с его помощью и за его счет. Старый генерал увидел, что память о его великих подвигах затмила новая, и не было недостатка в озорниках, которые расширяли брешь. Альянс был укреплен

поразительным образом на конференции в Лукке в 56 году до н.э., когда консерваторы угрожали аннулировать действия цезаря в Галлии. Цезарь ответил, пригласив Помпея встретиться с ним в своей южной провинции; он также пригласил тех сенаторов, которые были его друзьями, появиться в то же время. Двести сенаторов откликнулись на приглашение, и на какое-то время оппозиция перешла в ропот.

Но теперь брешь открывалась взорам всех людей. Очаровательная дочь цезаря, Юлия, которая была выдана замуж за Помпея в качестве залога союза и много сделала для того, чтобы два вождя были вместе, умерла в раннем возрасте в 54 году. В следующем году Красс, третья сторона “триумвирата”-посредник, встретил свою судьбу при Каррах. В следующем году из-за выборов произошли более чем обычные беспорядки, кульминацией которых стала ожесточенная битва на форуме между соперничающими бандами Клодия за триумвират и Милона за сенат. Здание сената было сожжено, а Клодий убит. Затем Помпей стал единоличным консулом и под угрозой нападения своей армии принял ряд законов, почти открыто направленных против цезаря. По помпеевскому закону о магистратуре Цезарь был бы вынужден появиться в Риме как частное лицо на несколько месяцев в 49 году, отданный на милость своих врагов, в то время как сам Помпей, продлив свое титульное командование в Испании, все еще был бы командующим армией. Эти законы были приняты в критический момент судьбы цезаря в Галлии, когда весь народ поднялся против него с оружием в руках. Но Цезарь вышел победителем и теперь, в 50 году, был волен обдумать свою позицию по отношению к Помпею и сенату. Сам Цезарь утверждает, что не хотел прибегать к насилию, и я думаю, мы можем ему поверить. Хотя девять легионов все еще находились под его командованием, он вряд ли мог рискнуть лишиться недавно завоеванную провинцию ее гарнизонов, в то время как Помпей командовал равным количеством легионов, включая испанские ветераны, и мог набрать любое количество рекрутов или резервистов в Италии. Цезарь не мог бы смотреть в лицо перспективе гражданской войны с какой-либо уверенностью в результате, даже если бы он был из тех людей, которые без зазрения совести провоцируют ее. Есть еще одно доказательство: еще в 50 году до нашей эры он передал два легиона Помпею, что было бы безумием, если бы он тогда намеревался путем кровопролития пробраться к трону. Во время всех безуспешных переговоров, предшествовавших началу великой гражданской войны, цезарь был готов отказаться от всего, кроме одного условия, от которого зависела сама его жизнь, а именно, что ему не придется возвращаться в Рим в качестве беззащитного частного лица. Гражданская война разразилась из-за безумной глупости консерваторов во главе с Марцеллом, которые убедили себя, что цезарь намеревался разграбить Рим своей галльской кавалерией и воцариться как тиран на его пепелищах. В конце концов им удалось сообщить о своей панике Помпею.

Уступчивый до последнего, Цезарь был вынужден показать, что он настроен серьезно. Вынужденный распустить свою армию и объявленный врагом общества, в январе 49 года до н.э. он предпринял решающий шаг, перейдя небольшую реку Рубикон, которая отмечала границу Италии. Даже тогда это была всего лишь демонстрация силы. Только 1500 человек последовали за Цезарем в Римини и Ареццо, и он все еще предлагал мир на самых умеренных условиях. Но охваченные паникой и мучимые совестью сенаторы, все еще верившие в неминуемое разграбление Рима, решили оставить там своих жен и детей, пока те спасали свои драгоценные шеи, и опрометью бежать в Капую, а затем в Бриндизи, а затем в Грецию. Великий Помпей выказал не меньшую панику. Очевидно, деморализованный быстрыми и решительными действиями цезаря, он решил оставить Италию без борьбы и удалиться на Восток, где были одержаны все его победы. Оттуда он будет бороться за господство над миром.

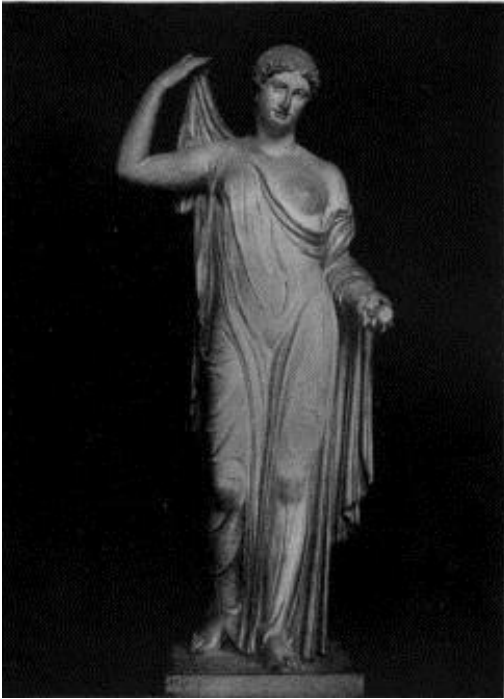

РИС. 1.
ВЕНЕРА-ГЕНЕТРИКС
Плита XVIII

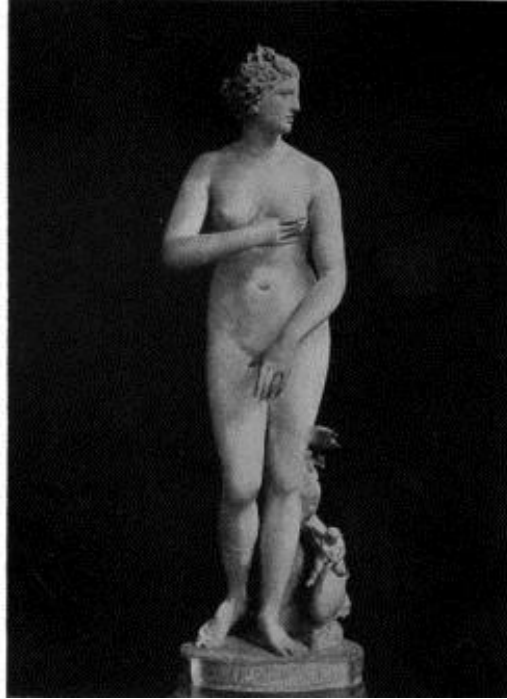

РИС. 2.
ВЕНЕРА МЕДИЧИ,

Но тем временем цезарь, как своим милосердием, так и смелой решимостью, привлекал на свою сторону всю Италию. Только один член его армии — его старый генерал-лейтенант Лабие — дезертировал из него, в то время как к нему ежедневно присоединялись новые рекруты даже из сенаторской партии. Хладнокровный и методичный, как всегда, он покинул Рим, чтобы оправиться от охватившей его паники, а Восток — чтобы подождать, пока он не закрепит свою власть над Западом. Он знал цену армии ветеранов и поэтому сначала направил свой поход в Испанию. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы добиться капитуляции наместников Помпея в этой провинции, и затем, наконец, он вернулся в Рим. Он пробыл в городе всего одиннадцать дней, но за это время ему удалось устранить царившие там панику и беспорядок. Он восстановил кредит, обеспечил поставки зерна и добился предоставления гражданских прав своим верным жителям провинций Цизальпинской Галлии.

Тем временем армия Помпея собиралась в северной Греции, и сенаторы дышали смертью и проклятиями в адрес Цезаря. Последняя битва на албанском побережье и в Фессалии, кульминацией которой стала великая битва при Фарсале (48 год до н.э.), решила судьбу мира. Войска были примерно равны, если принимать во внимание численность и выучку; только в численности Цезарь намного уступал. Но люди цезаря были необычайно преданы своему генералу, как и он сам своим любимым легионам. Никогда еще между армией и ее лидером не было такого полного доверия, как между цезарем и его ветеранами. Он мог быть беспощаден в дисциплине. Однажды ему пришлось уничтожить Девятый легион, но он мог довести своих мрачных легионеров до слез одним упреком. Он разделял все их труды, он голодал вместе с ними и совершал вместе с ними эти чудовищные форсированные переходы. Они верили в его командование и не были разочарованы. Помпей, когда наконец пришел в себя, показал, что он тоже не забыл военного искусства. Это была битва гигантов;

Помпей был более ортодоксальным тактиком, Цезарь - невероятно смелым, быстрым и дальновидным. Не раз дело доходило до рукопашной. Цезарю пришлось столкнуться с ужасными трудностями, прежде всего из-за необходимости переправлять свою армию через зимнюю Адриатику перед лицом врага, когда у него не было флота. Подвиг был совершен благодаря чистой дерзости, а затем ему пришлось столкнуться с более многочисленной армией, тщательно подготовленной и снабженной, без базы и коммуникаций для его собственных людей и сдерживать ее. Он действительно пытался окружить армию Помпея линией земляных валов, в то время как его собственные люди умирали с голоду. И все же именно благодаря полководческому мастерству была выиграна битва при Фарсале.

Помпей бежал в Египет в поисках убежища и был убит там вероломными александрийцами и римлянами-ренегатами. Цезарь, которому покорился весь провинциальный мир, за исключением африканских владений царя Джубы, последовал за Помпеем в Египет и по прибытии был представлен головой своего соперника. В самой Александрии Цезарю пришлось столкнуться с одним из самых серьезных кризисов в своей жизни. В течение шести месяцев он удерживал царский дворец от множества разъяренных жителей Востока. Во дворце находилась Клеопатра, жена и сестра правящего Птолемея, а затем блестящая и обворожительная молодая женщина двадцати лет. Давайте поверим, что она была красива и что художники-портретисты и граверы по монетам ее времени были некомпетентны или нелояльны.^[18] Но, если верить слухам, Цезарь ни в коем случае не был исключительным в своей преданности женским чарам. Ее сына звали Цезарион.

Когда, наконец, Юлий Цезарь вырвался из двойных пут любви и битвы в Александрии, ему предстояло еще много сражений, прежде чем он смог сделать землю своей подножием. Он провел несколько дней в Сирии, чтобы уладить дела на Востоке, и среди прочего отдал приказ возвести Иерусалимскую стену, которая была разрушена по приказу Помпея. Затем он перешел в Малую Азию и при Зеле подавил восстание понтийского преемника Митридата. Итак, вернувшись на несколько недель в Италию, он обнаружил, что там все в беспорядке, а его легионы, включая верный Десятый, взбунтовались из-за жалованья. Он уладил беспорядки в Риме одним своим присутствием, издал законы, призванные облегчить тамошнее экономическое бедствие, и, не имея денег, чтобы заплатить своим солдатам, подавил их мятеж одной лишь ловкостью речи. Тем временем разбитые помпейцы тысячами собрались при дворе царя Джубы, у которого самого было грозное войско. Как только у него появилось время, неутомимый завоеватель отправился напрямик в Африку с таким количеством солдат, сколько смог собрать, оставив основные силы следовать за собой. Так всегда поступал цезарь — бросаться прямо на место опасности было его первым инстинктом. При его появлении мозг вытекал из самых костей его врага. Против него выступили Сципион и Катон, а также множество знатных римлян. При Тапсе, в апреле 46 года, он разбил их и убил (как говорят) пятьдесят тысяч человек — четырнадцать римских легионов. Там, в Утике, Катон умер своей знаменитой смертью Стоика, что, безусловно, стало самой благородной сценой его ошибочной жизни и стало темой для прославления стоического республиканизма на все времена. Умерли также Афраний, Сципион, царь Юба, Фауст Сулла и многие другие. Несколько отставших добрались до Испании, чтобы продолжить борьбу там под командованием двух сыновей Помпея. Туда на следующий год, как только у него выдался досуг, Цезарь последовал за ними и в последней великой битве при Мунде покончил с сопротивлением. Из помпейской партии остался только Секст Помпей, и он на время сбежал, чтобы начать интересную карьеру джентльмена-пирата.

Таким образом удивительный цезарь покорил мир. Теперь он, несомненно, принадлежал ему. Что он должен был с этим делать? Эта история была бы рассказана напрасно, если бы

она не показала, что город Рим прогнал насквозь, в нем не осталось никаких здоровых элементов. Сам Цезарь был вундеркиндом-одиночкой; у него не было сторонников, достойных его доверия. Лабиен дезертировал от него, Квинт Цицерон, другой его легат в Галлии, также сражался против него. Марк Антоний, возможно, был его правой рукой, но Антоний был всего лишь блестящим оратором и честным солдатом; ни характера, ни репутации у него не было ни капли. Брут, которому Цезарь был лично предан, сражался против него и был — вопреки Шекспиру и республиканским традициям — тщеславным и мелким эгоистом. У Цезаря не было ни брата, ни законного сына. Напротив, в Аполлонии, его маленький внучатый племянник Октавий все еще ходил в школу. Юлию Цезарю пришлось в одиночку восстанавливать разрушенный мир. В течение ста лет в Риме не было мира, а в империи — надлежащего правительства. С каждым годом своей затянувшейся агонии Республика приближалась к неизбежной проблеме монархии. Даже Цицерон, когда он пытался утешиться ужасными беспорядками римской жизни, изображая идеальное государство, был вынужден строить его вокруг *принцепса*, который должен поддерживать порядок и, таким образом, позволять существовать свободе. На практике также в прошлом столетии череда "принцев" — Гракх, Марий, Цинна, Сулла, Помпей — была вынуждена в силу необходимости занять неконституционные позиции. И теперь цезарь добился успеха без соперника. Сулла отказался от власти, и его дело почти сразу же развалилось. Сейчас, даже в большей степени, чем тогда, не было шансов создать сенаторскую партию, и действительно, Цезарь всю жизнь был жертвой сенаторского высокомерия и глупости. Точно так же было невозможно построить римскую демократию из деморализованных бездельников на форуме.

Очевидно, монархия была единственным решением. Цезарю было пятьдесят пять лет, он провел в войнах и трудах и, как я уже сказал, был совершенно одинок. Он был человеком без убеждений, иллюзий и угрызений совести. Неплохой человек: он предпочитал справедливость и милосердие тирании и жестокости, и у него была страсть к логике и порядку. Он был не из тех людей, которые идут на компромиссы. Внезапные успехи научили его презирать своих врагов. Конечно, он не был в неведении о том, что у римлян (если вообще остались настоящие римляне) ненависть к титулу Короля была в крови. Каждый римский школьник был воспитан на декламации, восхваляющей цареубийц. Но, возможно, со временем они могли бы привыкнуть к этой отвратительной идее. В настоящее время было бы достаточно старомодных титулов, таких как диктатор, консул и трибун. Но должность должна быть передана по наследству, а мальчик Октавий уже был отмечен для усыновления и наследования. Титул рекса может подождать. Цезарь мягко нащупает свой путь.

Но терпение не входило в число его добродетелей. На самом деле судьба оставила ему менее двух лет, да и те были потрачены на утомительные кампании в испанских провинциях, направленные на возрождение римского общества. За это время он восстановил финансы, перестроил провинциальную систему, упразднил политические клубы, которые были очагами беспорядков в Риме, реформировал Календарь, посвятил новый форум и новые храмы, восстановил и пересмотрел сенат, основал систему муниципального управления в Италии, поселил своих ветеранов на земле и готовил большую экспедицию для наказания парфян.

Большинство из этих действий были совершены с умом, но в одном цезарь просчитался. Его блестящие успехи и лесть, которой он был окружен, заставили его презирать своих врагов. Он не опустился бы до того, чтобы льстить антикварным предрассудкам или набрасывать приличную вуаль на свое монархическое положение. Вы можете относиться к людям как к рабам, и они будут восхищаться вами за это, но когда вы *назовете* их рабами, они начнут

возмущаться этим. Цезарь не смог подняться со своего кресла, чтобы принять сенаторов. В свой реформированный сенат он включил представителей сословия всадников, провинциалов и даже выдающихся солдат весьма скромного происхождения. Он позволил установить свою статую рядом с Семью римскими царями. Он сел в позолоченное кресло, он навсегда сохранил лавровую корону победоносного генерала, отчасти потому, что был лыс и остро переживал по этому поводу; а затем либо по его приказу, либо из-за собственной официальности его друзья начали подбрасывать *ballons d'essai* в сторону королевской власти. На Луперкалии Антоний предложил ему золотую корону. Повсюду распространился слух, что древнее пророчество Сивиллы предсказывало, что парфян может победить только царь и что Цезарь должен был принять этот титул для цели своего похода на Восток. Именно подобные мелочи, тривиальная ревность, тривиальные просьбы, отклоненные во имя справедливости, привели к великому заговору. Несомненно, влияние риторического патриотизма оказало свое влияние на многих заговорщиков. Неизвестная рука написала “О, если бы ты был жив!” на статуе старого Брута Освободителя. Но ни Брут, ни Кассий не заслуживают нашего восхищения. Их кинжалы заострились из-за досады, а не из-за патриотизма. Шестьдесят сенаторов сговорились, и накануне отъезда в Парфию — в мартовские иды 44 года до н.э. — Юлий Цезарь был убит.

А затем, убив тирана и освободив республику, патриоты оказались беспомощны. Такой доктринер, как Цицерон, мог все еще мечтать о восстановлении содружества; но единственный реальный вопрос заключался в том, кто должен добиться успеха. Люди только взывали к миру. Не столько речь Марка Антония, сколько похороны Цезаря, искусно организованные Кальпурнией, и неподдельная скорбь его ветеранов постепенно настроили народ против заговорщиков. Сенат не рискнул объявить Цезаря тираном, они подтвердили его деяния, но предложения наказать убийц не поступало. Все это заключение было слабым компромиссом.

Человеком, который должен был взяться за штурвал, был Марк Антоний. Он остался единственным консулом, легион и преторианская когорта с оружием в руках ждали только приказа. У заговорщиков на жалованье было всего несколько гладиаторов. Энтони имел полное право арестовать их. Но Энтони не подходил для этой роли. При всех его талантах у него был слабый характер. Он всегда зависел от своего окружения и, как правило, находился под влиянием женщины. Когда-то это была танцовщица Китерис, сейчас это была агрессивная Фульвия; на какое-то время Октавия почти исправила его, но Клеопатра легко заманила его в ловушку. Он был повесой и расточителем, вечно в долгах. Он боялся общественного мнения: как раз сейчас аристократическое общество, в котором он вращался, болтало о тираноубийстве. Антоний хотел быть в моде. Между Антонием и Брутом произошли драматические объятия.

Теперь в завещании цезаря, которое только что было подтверждено сенатом, молодой Гней Октавий был назван наследником трех четвертей его состояния. В конце завещания была приписка о его усыновлении. Отныне, пока он не получит титул Августа, этот молодой цезарь должен называться Октавиан, хотя он никогда не принимал этого имени для себя. “Вторые наследники”, названные на случай, если первый потерпит неудачу или откажется от наследования, включали Д. Брута, одного из убийц, и самого Марка Антония. Всякий, кто примет право наследования, будет обязан, руководствуясь всеми римскими представлениями о чести, взять на себя наказание убийц. Энтони, похоже, предположил, что безвестный молодой человек вряд ли примет наследство. Поэтому он собрал все бумаги цезаря и начал тратить огромное состояние цезаря так, как мог только Антоний. Он также начал манипулировать бумагами цезаря, вставляя все, что ему нравилось, в “деяния” цезаря,

продавая почести, повышая налоги, отзывая изгнанников, чтобы угодить Фульвии. Некоторое время никто не осмеливался жаловаться. Ведущие сенаторы, такие как Цицерон, уехали в страну, заявив, что тиран мертв, но тирания все еще жива. Затем, конечно, Антонию пришлось обзавестись провинцией, чтобы обеспечить свою будущую безопасность. Более того, призывы ветеранов к мести начали подталкивать его к роли цезаря. Таким образом, Антоний был фактически хозяином римского мира, и небо потемнело от угрозы.

На эту опасную арену вступает девятнадцатилетний Октавиан. Его опекун посоветовал ему не иметь ничего общего с его опасным наследством. Историки часто называли его трусом. Но одинокий, без друзей, этот юноша оставил своих наставников в Аполлонии и приехал в Рим, чтобы втереться в доверие. Это означало, во-первых, месть заговорщикам; и, во-вторых, ссору с Антонием. Фактически это означало еще две гражданские войны, а Октавиан ничего не видел в военном деле. Он приступил к работе хладнокровно и осмотрительно. Имя Цезаря все еще обладало магией, и ветераны сплотились вокруг него и умоляли выступить против Брута и Кассия. Частью его обязанностей как душеприказчика было выплатить миллион фунтов стерлингов в качестве пожертвований римскому народу. Он продал свое имущество и начал распределять щедрость, человек за человеком, племя за племенем, пока сумма не была выплачена. Он устроил великолепные игры в честь своего “отца”, публично продемонстрировав счастливую звезду Юлия. Он купил армию из 10 000 человек на заемные деньги. Два легиона Антония полностью перешли на его сторону, и даже ветераны из телохранителей Антония предложили убить своего полководца, если молодой цезарь подаст сигнал.

Но в его методе не было спешки. Антонию следовало сначала использовать, а затем уничтожить. Октавиан какое-то время пытался сотрудничать с сенатом и даже выступил против Антония по их приказу, но невероятная глупость сената, которого Цицерон убедил, что “мальчик” ничтожен, привела его к знаменитому тройственному союзу Антония, Октавиана и Лепида. Эти трое были назначены под угрозой применения своих армий для установления своего рода диктатуры, “триумvirата по реорганизации государства”. Явным мотивом этой лиги была месть. Они начались с обычного ужасного проскрипции всех сенаторских аристократов, которых можно было найти в Риме. В основном это была работа Антония. Его кредиторы, его враги и враги его жены были убиты поголовно, и среди них Цицерон. Восемнадцать городов Италии были разрушены, чтобы предоставить земли ветеранам.

Тем временем тираноубийцы собрались на Востоке, и теперь Антоний и молодой цезарь отправились в погоню за ними. В двух битвах при Филиппах удача Октавиана и мастерство Антония одержали победу над обескураженными противниками. Брут и Кассий пали. Несколько “патриотов” выжили и присоединились к Сексту Помпею, который все еще находился на свободе в Средиземном море. В войне при Филиппах неопытность Октавиана и реальное отсутствие полководческого таланта были очень очевидны в отличие от Антония. Лепид уже был ничтожеством. Антоний отправился на Восток, и пока он вершил свой суд в Киликии, в гавань вошла великолепная царская яхта Клеопатры. Народ покинул судилище, чтобы увидеть знаменитую царицу, и вскоре Антоний тоже оказался у ее ног. Синьор Ферреро хотел бы заставить нас поверить, отчасти опираясь на зрелый возраст Клеопатры, что Антоний задержался в Александрии из-за политики, а не из-за любви. Политика, несомненно, имела место, но все, что мы знаем об Антонии, заставляет нас полагать, что он был именно тем человеком, которого могла пленить знаменитая куртизанка, особенно если она была еще и королевой. Конечно, пребывание на Востоке ухудшило его репутацию и как политика, и как солдата.

Октавиану пришлось столкнуться лицом к лицу с Римом и Западом. Его задача была полна опасностей, но также и возможностей. Солдаты взбунтовались, сам он был тяжело болен, и грозная Фульвия, которая была настоящим агентом своего мужа в Риме, очень скоро поняла, что он враг, с которым нужно бороться. Октавиану пришлось вести еще одну небольшую гражданскую войну в Перудже, прежде чем он смог назвать себя хотя бы хозяином Италии, а затем сразиться с Секстом Помпеем в сицилийских водах. К счастью, рядом с ним был великолепный солдат — поочередно полководец и адмирал, как и все хорошие римские воины, - Марк Випсаний Агриппа.^[19] Его агентом в Риме был также Меценат, проницательный дипломат и деловой человек. Таким образом, хотя он сам часто проявлял слабость и часто подвергался опасности, он выполнил свою задачу и стал хозяином Запада. Таким образом, господство над миром свелось к простой дуэли.

Антоний действительно женился на Клеопатре после смерти Фульвии и развода Октавии и в качестве супруга египетской царицы правил с восточным величием. Он выступил в поход против парфян и потерпел позорную неудачу. Он присваивал провинции и княжества Клеопатре и ее сомнительному отпрыску. Октавиану было легко представить Антония римлянином-ренегатом, угрожающим ввести в Риме восточную монархию. Когда, наконец, дело дошло до последней гражданской войны, Октавиан предстал сражающимся за общественное дело Рима против Египта, а Антоний был простым дезертиром на египетской стороне. Таким образом, великое морское сражение при Акциуме (31 год до н.э.), решившее судьбу господства Октавиана над миром, стало триумфом римского оружия над варварами. На самом деле это был дегенерат Антоний, который уплыл в самый разгар битвы вслед за яхтой царицы. Слава того дня принадлежала Агриппе. Удача, как обычно, улыбнулась молодому цезарю. Он смог начать свое правление в Риме, подарив ей Египет, самую богатую страну в мире. В 29 году до нашей эры он вернулся домой, чтобы отпраздновать славный тройной триумф и открыть новую эру в качестве первого римского императора.

Поздняя республиканская цивилизация

Таков краткий очерк ста четырех лет с того дня, когда Тиберий Гракх впервые выступил против сенаторской олигархии, и до того дня, когда на руинах Республики была основана Империя. Это, пожалуй, самое ужасное столетие в мировой истории. Рим стал центром мира, единственной надеждой цивилизации, и Рим был наполнен кровопролитием и коррупцией. В провинциях не было достойного правительства, только череда лицензированных грабителей. В самом городе шла долгая череда личной борьбы за господство; политика означала организованные беспорядки, устраиваемые бандами головорезов, вопросы решались кинжалом или мечами сенаторов. Через определенные промежутки времени с каждой стороны поочередно поступали смертоносные предписания, в которых каждый человек духа или выдающегося положения на противоположной стороне был отмечен к уничтожению. Часто их сыновья и внуки погибали вместе с ними, и в любом случае их состояние было разрушено. Помимо проскрипций, в последнее время произошла серия крупномасштабных гражданских войн, в которых тысячи храбрейших римлян погибли от мечей друг друга. Успешная внешняя война может иметь некоторый компенсирующий эффект в укреплении моральных устоев нации и возвышении ее духа. Но гражданская война губительна во всех отношениях. Выживают только самые подлые, и злые страсти, которые это вызывает, не имеют компенсации.

В такой период замечательно, что цивилизация вообще смогла добиться каких-либо успехов. Но, несмотря на общественные потрясения, частные граждане сколачивали огромные состояния на разграблении мира и жили, хотя и всегда на краю вулкана, в роскоши, как

короли. Теперь наша задача - увидеть что-нибудь из частной жизни и культуры Рима времен умирающей Республики.

В те дни деньги было легко зарабатывать и расточительно тратить. Даже такой честный человек, как Цицерон, управляя сравнительно бедной провинцией вроде Киликии, заработал за год своего правления по меньшей мере 20 000 фунтов стерлингов, в то время как он перечислил провинциалам миллион, который, по его словам, оставил бы себе любой губернатор средней нравственности. Наследства были очень частым источником дохода, особенно для просителей, и для богатого завещателя в Риме было обычным делом делать крупные завещания своим друзьям. Цицерон заработал 200 000 фунтов стерлингов на таком наследстве. Иностранные короли и государства щедро платили за юридические консультации или поддержку. Хотя предполагалось, что адвокат предоставляет свои услуги бесплатно, от подарков и наследства не отказывались. Для финансиста или делового человека существовало множество каналов для обогащения. По всей империи были рудники, которые нужно было финансировать и эксплуатировать. Хотя в Риме было мало настоящей промышленности, все же обучение и использование рабов для различных предприятий было прибыльным бизнесом. Красс подготовил спасательную бригаду для Рима и выезжал с ними на пожары, чтобы сделать ставки на покупку горящего имущества. Аттик обучил компанию переписчиков и зарабатывал деньги на продаже книг. Он также содержал гладиаторов и нанимал их магистратам для игр. Состояния делались, как и в случае с Крассом, на скупке конфискованного имущества объявленных вне закона. Спекуляция землей стала чрезвычайно прибыльной из-за частой передачи сельскохозяйственных угодий солдатам-ветеранам, которые, как правило, были рады продать их сразу. Расточительность римской знати привела к очень оживленному обороту займов под высокие проценты. Было много подлинных коммерческих спекуляций судами и грузами, как правило, со стороны компаний, и Катон советует инвестору вкладывать свои деньги в пятьдесят различных предприятий, а не в одно за раз. Заморская торговля была, однако, запрещена сенаторам законом Клавдия, и они спекулировали главным образом землей, на которой они получали прибыль с помощью рабского труда. Но самым прибыльным бизнесом из всех было взимание налогов, в котором классы наездников объединялись в капиталистические кольца. Этими и другими способами были накоплены огромные состояния. Накопленный капитал римского мира поражает своими масштабами даже по сравнению с современным. Недвижимость Помпея была продана за 700 000 фунтов стерлингов. Эзоп, популярный актер, оставил 200 000 фунтов стерлингов. После самых щедрых пожертвований публике Красс оставил по завещанию почти два миллиона фунтов стерлингов. После смерти Цезаря в казне оставалось восемь миллионов в слитках, из которых миллион был личной собственностью диктатора.

Но все богатства Римской империи принадлежали очень узкому кругу. Пропасть между богатыми и бедными была гораздо глубже, чем сегодня. Мы слышим о бедных дворянах и богатых выскочках, но от респектабельного среднего класса со своими собственными традициями мало что осталось. Есть аристократия из нескольких тысяч семей, и ничего больше, кроме огромного пролетариата, молчаливого и голодного, зависящего от их щедрости, подкупленного деньгами, подкупленного бесплатным хлебом и подкупленного кровавыми зрелищами. Они жили в нищете в огромных многоквартирных домах или в лачугах на окраинах города. Единственной карьерой, открытой для них, была служба в армии, и ее в основном делали более сильные крестьяне. Им нечего было делать, кроме как бездельничать на улицах, глазеть на гладиаторов и актеров и призывать самых щедрых политиков современности. Несомненно, были честные граждане-сапожники, но римская история умалчивает о них.

Та часть города, которую следует называть Обществом, была такой же гордой и безрассудной, как французская аристократия до революции. Теперь сенат стал почти в буквальном смысле наследственным званием. За ребенком, родившимся в одном из этих княжеских домов, ухаживало множество рабов. К этому времени были предприняты некоторые попытки получить гуманитарное образование. Под присмотром учителя-раба мальчик ежедневно ходил в школу к какому-нибудь изголодавшемуся греку, который учил его буквам и цифрам. Основой образования было искусственное декламирование по образцу Исократы или Демосфена. После этого этапа молодого человека обычно отправляли за границу, в Афины или на Родос, чтобы он завершил свое образование, немного изучив философию или математику, но главным образом ораторское искусство. Вернувшись в Рим, судьба поместила его в круг щегольской молодежи, которая уделяла основное внимание одежде и маникюру. Украшенные драгоценностями и надушенные, они предавались всем порокам, естественным и неестественным. Со временем, без особых усилий, за исключением нескольких взятков из родительского кошелька, они стали жрецами и авгурами, поступив таким образом в то, что на самом деле было аристократическими обеденными клубами. Теперь приготовление пищи стало главным искусством Рима. Макробий сохранил меню одного из таких жреческих обедов Республики, на котором присутствовали жрецы и весталки. Вечеринка началась с пролога, похожего на русскую или шведскую систему закусок, в которой было представлено семнадцать блюд из рыбы и дичи. Сам ужин состоял еще из десяти блюд: «свиное вымя, кабанья голова, рыбные паштеты, паштеты из кабана, утки, вареные чирки, зайцы, жареная птица, крахмальное тесто, понтийское тесто». Такова была государственная религия Рима в первом веке до нашей эры. Время от времени друзья отца молодого дворянина приглашали его поступить к ним на дипломатическую службу. Если бы ему посчастливилось служить с Помпеем или Лукуллом на Востоке или с Цезарем в Галлии, он мог бы почувствовать вкус настоящей мужественности и послужить своей стране в качестве солдатского трибуна. Но чаще всего в мирных провинциях, таких как Сицилия или Африка, он был просто посвящен в искусство вымогательства и пользовался всеми порочными возможностями младших сыновей принцев. Таким образом, подкрепленный опытом, он возвращался в Рим, чтобы добиваться голосования своих сограждан на пост квестора, первую ступеньку на служебной лестнице. Голоса должны были быть получены путем подкупа, прямого или косвенного. Один кандидат устраивал пир для целого племени; другой стремился затмить своих соперников, поставляя диких животных из Африки — среди писем Цицерона есть настоятельный призыв убивать киликийских пантер на арене — или наряжая своих гладиаторов в серебряные доспехи. Аналогичные требования сопровождали его продвижение по всем ступеням служебной деятельности во все возрастающих масштабах. В качестве квестора он должен был быть судьей или контролером казначейства в течение одного года. Затем в качестве эдила он проводил общественные празднества, председательствовал при дворе эдила, контролировал рынки и улицы Рима. Так он стал консулом, командующим легионами и президентом государства, а затем, в свое время, губернатором огромной провинции. Начиная с его квесторства, ему было обеспечено место в сенате.

В своем доме благородный римлянин жил как король, ему прислуживала огромная свита. Было много роскоши и мало комфорта. Дома римлян были гораздо более роскошными, чем у греков. Единственным подлинно римским вкусом, который можно назвать либеральным, было хобби коллекционировать красивые городские дома и загородные места. Цицерон, который был человеком со скромным достатком и вкусами, по-видимому, владел примерно восемнадцатью различными поместьями и отдал за свой городской дом почти 30 000 фунтов стерлингов. При выборе особняка ценились такие качества, как простор и прохлада, и римляне того века ни в коем случае не были нечувствительны к очарованию пейзажа.

Побережье вокруг Неаполя и Байи было усеяно роскошными виллами, и веселый мир проводил там лето почти так же, как космополитические толпы в Биаррице. Помимо его большого городского дома и семейного особняка в Арпине, а также загородных домов в Тускулуме и других местах, у Цицерона были морские виллы по всему побережью в Анции, Формии, Кумах, Путеолах и Помпеях, а вдоль кампанской дороги были его личные "постоялые дворы", где он останавливался во время своих путешествий. Его любимой виллой была вилла в Тускулуме, место многих его литературных трудов и, среди прочего, знаменитых тускуланских диспутов. Ранее он принадлежал Сулле и был украшен росписями в память о победах Суллы. Он был расположен на вершине холма вместе со многими другими виллами аристократии, и из него открывался восхитительный вид на город, расположенный примерно в двенадцати милях отсюда. Пристроенный к нему парк был обширным, и через него протекал широкий канал. У него повсюду были книги, но его основная библиотека находилась в Антиуме. В Путеолах он построил монастырь и рощу по образцу Академии Платона.

Главной особенностью римского дома был его большой зал с колоннадой, с открытой крышей посередине, пропускающей свет и воздух. Эта крыша наклонялась внутрь и позволяла дождю попадать в центральный резервуар, без сомнения, приятный из-за прохлады, но, вероятно, очень вредный для здоровья. В старые времена атриум был общей комнатой римской семьи. Здесь все еще хранились символическое брачное ложе, символическая прялка, портреты предков и церемониальный алтарь семейным богам, которые теперь хранились в шкафу под рукой. Большинство комнат выходило прямо из атриума. Поскольку их можно увидеть на руинах римских вилл, они, по-видимому, были сравнительно маленькими и плохо освещенными. Сами дома побольше обычно строились из местного известняка с облицовкой из штукатурки, хотя в первом веке до нашей эры большая часть Рима все еще была построена из обожженного на солнце кирпича. Это считалось неслыханной роскошью, когда Мамурра облицовал свои стены мраморными плитами. Полы, как правило, были выложены мозаикой. Это было новшеством римского архитектора - строить дома в три и более этажей, но, вероятно, только умирающий с голоду поэт мог жить на четвертом этаже. Дом дворянина располагался на земле, независимо от площади, но спальни, а иногда и столовая находились наверху. Внешне римский дом был немного красивее греческого, его фасад был украшен колоннами и жилым помещением для консьержа. Сзади атриум переходил в сад с колоннадой, фонтаном, цветочными клумбами и кустарником.

Поскольку дом римлянина был построен в основном с расчетом на прохладу, то и его повседневная жизнь была жизнью южанина. Летом Рим никогда не был здоровым городом, и все, кто мог себе это позволить, бежали за город или к морю. Почти каждый римлянин, известный нам по литературе, был либо инвалидом, либо валетудинарием. Малярийная лихорадка в ее периодической форме была очень широко распространена, и большинство наших уважаемых друзей придерживались медицинского режима. Цезарь был подвержен приступам эпилепсии, Цицерон был слабого телосложения, Гораций стал мучеником офтальмии, а также малярии, Август постоянно болел и часто был на пороге смерти. Самой приятной особенностью римлянина была его привязанность к бане. В каждом значительном доме было тщательно продуманное купальное отделение, по крайней мере, с горячей комнатой, построенной над печью, и холодной комнатой с бассейном. Но были и общественные бани, которые отличались все возрастающим масштабом великолепия. Один только Агриппа построил 170 из них в Риме. Как богатые, так и бедные взяли за правило ежедневно мыться после тренировки, непосредственно перед основным приемом пищи во второй половине дня. Обычай полуденной сиесты с отливом был повсеместным, за

исключением таких вундеркиндов промышленности, как Цицерон. Много времени они проводили, бездельничая на улицах или под тенистыми колоннадами. Улицы Рима, как и всех древних городов, были чрезвычайно узкими, но в оживленных частях города движение на колесах было запрещено.

Богатые римляне получили название за отвратительную роскошь и обжорство. Что касается общего вопроса о его влиянии на разрушение нравственности Рима, я уже осмелился выразить недоверие популярному мнению. Из всего, что мы прочитали, не следует, что обычный римлянин от природы был склонен к невоздержанности ни в еде, ни в питье. Восхваление вина для Горация - литературная поза; лично у него была плохая голова и плохой желудок. Итальянец не является и, вероятно, никогда не был прирожденным едоком или пьяницей, если судить по северным стандартам. Но риторы и сатирики с удовольствием останавливались на необъятности римских званых обедов, которые часто длились весь день и включали в себя отвратительную серию любопытных и экзотических лакомств. Это была форма, которую, за неимением каких-либо более благородных идеалов, богатство Рима выбрало для своего проявления. Время сильно зависело от этой аристократии, за которой ухаживали рабы: обедать с рассвета до рассвета было одним из способов убить его. Итак, гости возлежали на своих кушетках, танцоры танцевали перед ними джигу, музыканты играли, время от времени появлялся акробат или канатоходец, в домах литераторов раб читал философию; и все это время мягконогие рабы приходили и уходили с блюдами, полными диковинных блюд, собранных со всех концов света, и редких вин со всех уголков земного шара. Блюдо из соловьиных язычков - это не то, что может понравиться тому, кто является *гурманом* по убежденности или натуральному вкусу. Еда была для большинства из этих бедных изголодавшихся существ единственной формой культуры, которую они понимали. Однако она проводилась с потрясающей церемонией. Там был "триклиниарх", который распоряжался своим "количеством" рабов, когда каждое блюдо поступало в комнату. Существовал специальный "конструктор" для расстановки блюд, специальная "аналекта" для подбора осколков, которые роняли посетители. Резьба по дереву была наукой с различными разделами, как в старой Англии, и у искусного резчика была своя схема жестикюляции для каждого вида блюда. Был еще один раб, специально назначенный выкрикивать название и качество каждого *блюда*. В дополнение к этому у каждого гостя был свой лакей, стоявший за кушеткой. Самой характерной и самой неприятной чертой римского банкета была манера, с помощью которой обедающие обеспечивали аппетит природе. Даже Юлий Цезарь "блевал" как до, так и после званого обеда с Цицероном.

Таблица XIX ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ

Публичные представления, которые были главным развлечением как богатых, так и бедных, с каждым годом становились все более жестокими и кровавыми. Поскольку они были средством, с помощью которого амбициозные кандидаты на пост президента стремились завоевать популярность, главной целью было представить что-то новое и поразительное. Без сомнения, более утонченные зрители с отвращением смотрели на бойню диких зверей или платных гладиаторов, но население в целом лишь требовало еще больше крови. Пятьсот львов были убиты в один день на триумфальных играх, устроенных Помпеем. Цицерон пишет, что массовое истребление слонов на арене на самом деле вызвало у людей жалость. В Риме все еще проводились настоящие театральные представления. Актеры и мимики, действительно, если они были красивы и грациозны, сколачивали большие состояния. Большинство римской знати с литературными наклонностями развлекались написанием трагедий. Брат-солдат Цицерона сочинил четыре сочинения во время двухнедельного путешествия в Галлию. Но они использовались только для того, чтобы наскучить друзьям за ужином. Оригинальные литературные драмы в Риме ставились даже реже, чем в Лондоне.

Плавт и Теренций для комедии и Пакувий, Аттий и Энний для трагедии уже стали классикой и по-прежнему регулярно исполнялись. Драма умерла мертворожденной в Риме.

Историки Рима, подкрепленные Ювеналом и Петронием, любят описывать пороки императоров и имперский период. Поздняя Республика может показать нам мораль, не более возвышенную. Фрагменты сатир Варрона, написанных в период расцвета Республики, проникнуты точно таким же унынием, как и сатиры Ювенала. Для него тоже добродетель ушла в прошлое. Трезвый факт заставляет нас видеть, что аристократическое общество республиканского Рима было отвратительно аморальным. Добровольное безбрачие и “расовое самоубийство” уже были широко распространены. Семья была разлагающимся институтом, разводы были обычным явлением, а бесплодие зла уже давно подтачивало ряды знати. Даже Цицерон развелся со своей женой Терентией под тривиальным предлогом после долгого периода счастливой супружеской жизни, чтобы жениться на богатой наследнице. У Цезаря самого было четыре жены, не говоря уже о Клеопатре, и он не произвел на свет ни одного законного сына. Катон, строгий цензор морали, будучи брошенным в юности, женился на жене, развелся с ней за прелюбодеяние после того, как она родила ему двух сыновей, женился на другой, одолжил ее на шесть лет оратору Гортензию, а после его смерти вернул ее себе снова. Марк Антоний женился на Фадии, затем на Антонии, затем развелся с ней и публично жил с актрисой Ките́рис, затем женился на Фульвии, которая уже дважды овдовела, затем женился на Октавии, затем на Клеопатре. Эти браки заключались и расторгались свободно по политическим причинам. Большая часть римской политики велась в салонах римских дам, и если хотя бы половина того, что утверждает Цицерон, соответствует действительности, то сама Мессалина имела своих республиканских прототипов в таких женщинах, как Клодия и Фульвия. Помимо почти беспорядочных связей между полами, темные формы восточного порока были чрезвычайно модны среди золотой молодежи Рима.

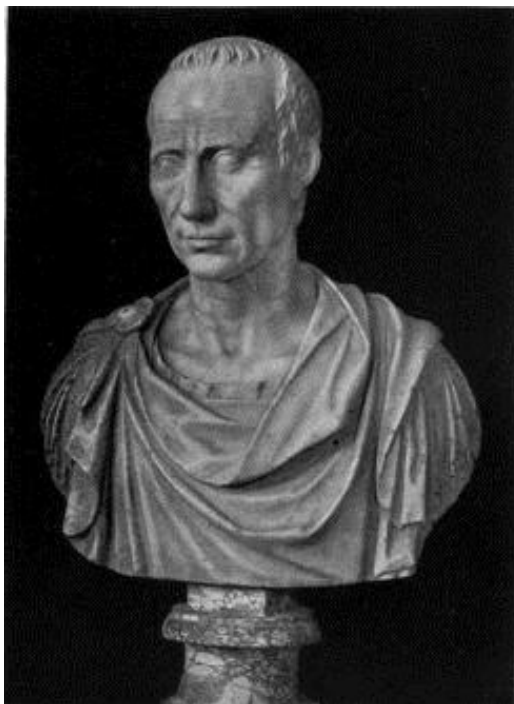

РИС. 1.
БЮСТ ЮЛИЯ ЦЕЗАРЯ
Пластина XX

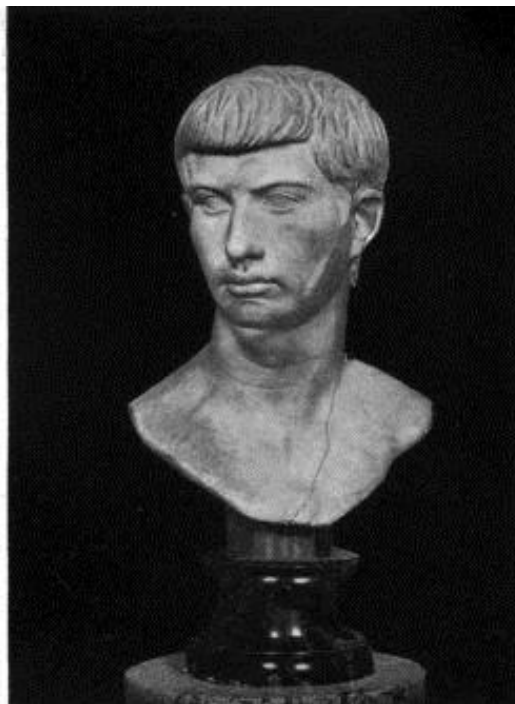

РИС. 2.
БЮСТ БРУТА

Религия была почти чисто формальной или политической. Авгуры и жречество все еще существовали как привилегия аристократических семей. Люди все еще произносили формулы клятв и обетов. Все еще существовала некоторая вера в предзнаменования и чудеса, алтари все еще дымились от жертвоприношений, когда победоносные полководцы поднимались к Капитолию, но лишь немногие искренние молитвы возносились к Юпитеру. Вместо этого импорт странных божеств продолжался. Снова и снова в этом первом столетии до Рождества Христова сенат пытался изгнать поклонение Исиде из пределов Рима, но оно всегда возвращалось, и в конце концов триумвиры построили храм Исиде и Серапису в качестве меры снискать расположение народа. Великая материя фригийских корибантов давно и прочно утвердилась в Риме.

Я думаю, что именно всеобщий материализм и безнравственность убили старую государственную религию в Риме. Греческая философия, как правило, могла мирно существовать рядом с религией. Теперь это пришло, чтобы заполнить пробел, оставленный отсутствием настоящего религиозного чувства. Но в Риме, хотя впоследствии стоицизм стал мощной силой вдохновения для самых благородных умов, философия была в основном формой литературной деятельности для дилетантов. Катон Утикийский был стоиком по темпераменту, прежде чем стал стоиком по доктрине. Цицерон развлекал свой досуг, перерабатывая и комбинируя доктрины ведущих греческих школ в римской форме диалога, в подражание Платону; но для него это было скорее литературным упражнением, чем чем-либо другим, и Цицерон мало или вообще ничего не добавил к мировому запасу философских идей. Только в поэте Лукреции огонь философии горит с подлинным пылом. Перед Лукрецием стояла задача проповедовать в Риме доктрины Эпикура и Демокрита. Люди, привыкшие к современным ассоциациям, связанным со словом “гастрономия”, могут задаться вопросом, что же в философии Эпикура могло вызвать энтузиазм поэта. Это кредо предлагало рациональное объяснение вселенной. Со своей теорией спонтанного создания атома и своим удивительным предвидением, по крайней мере, некоторых идей естественного отбора и эволюции, она претендовала на то, чтобы удовлетворить интеллект человечества и изгнать все пресмыкающиеся суеверия и пустые обряды, которые узурпировали в Риме, как они склонны делать всегда и везде, трон религии. Весь энтузиазм, с которым девятнадцатый век подходил к новым открытиям науки, пылал в сердце этого сурового поэта первого века до Рождества Христова. “Сладострастница” была его единственной богиней, но это не было вульгарным наслаждением тела на земле. Это был дух, парящий к свободе и знанию. Этот эпикурейский атеист в истинном смысле этого слова является самым религиозным из всех поэтов. Он объясняет природу молнии, чтобы его собратья не жили в страхе перед ударами молнии. С той же уверенной логикой он объясняет природу смерти, чтобы они могли не бояться естественного распада тела и души на их изначальные атомы. Он почти до слез тронут безумием и печалью своих братьев-людей и умоляет их позволить священному светильнику философии воссиять над их помраченными умами:

at nisi purgatum est pectus, quæ prælia nobis
atque pericula sunt ingratis insinuandum?
quantæ tum scindunt hominem cupedinis acres
sollicitum curæ? quantique perinde timores?
quidue superbia, spurcitia ac petulantia, quantas
efficiunt cladeis? quid luxus, desidiæque?
hæc igitur qui cuncta subegerit, ex animoque
expulerit dictis, non armis, nonne decebit

hunc hominem numero diuom dignarier esse?[20]

Его доктрина - лекарство от лихорадочного беспокойства дня:

exit sæpe foras magnis ex ædibus ille
esse domi quem pertæsum est, subitoque reuentat;
quippe foris nihilo melius qui sentiat esse.
currit agens mannos ad uillam præcipitanter
auxilium tectis quasi ferre ardentibus instans:
oscitat extemplo tetigit quom limina uillæ
aut abit in somnum grauis, atque obliuia quærit,
aut etiam properans urbem petit atque reuisit.
hoc se quisque modo fugit ...[21]

Он с сострадательным презрением относится к скорбящему:

Тарелка XXI АРРЕТИНСКОЙ КЕРАМИКИ

aufer abhinc lacrimas, barathre, et compesce querelas ...
cedit enim rerum nouitate extrusa uetustas
semper et ex aliis aliud reparare necesse est;
nec quisquam in barathrum, nec Tartara deditur alta.
materies opus est ut crescant postera sæcla;
quæ tamen omnia te, uita perfuncta, sequentur:
nec minus ergo ante hæc quam tu cecidere cadentque.
sic alid ex alio nunquam desistet oriri;

uitaque manciplo nulli datur, omnibus usu.[22]

У смерти нет для него жала:

num quid ibi horribile apparet? num triste uidetur
quidquam? non omni somno securius exstat?[23]

Цицерон, конечно, назвал Лукреция, как и Шекспира Драйденом, грубым и неотесанным. Его стихотворение действительно представляет собой чисто дидактический аргумент со случайными отступлениями, и он связывает свои доводы воедино простыми переходными словами и фразами аргументирующей прозы. Но в мужественности мысли и выражения, даже в величии звука и силе ярких образов он, когда хочет, находится на уровне, значительно превышающем обычную сферу классической латинской поэзии. Почти единственный среди римских писателей, у которого есть собственное послание. Его соотечественники были невысокого мнения о нем и не сохранили никаких подробностей его биографии. Средневековые монахи отправили его в ад, который он презирал, а Иероним через пятьсот лет после своей смерти поставил перед ним цель, поучительную для благочестия, но совершенно невероятную для любого, кто с сочувствием читал его труд. Говорили, что он умер от любовного зелья и сочинил свое стихотворение в перерывах между бредом. По-видимому, он жил между 100 и 50 годами до нашей эры

В дополнение к трагедиям и эпосам, которыми аристократы баловались в качестве изысканного времяпрепровождения в часы излишнего досуга, любовная поэзия, пасквинады и *светские хроники* весело путешествовали из салона в салон. Если Лукреций обладает самым тяжелым металлом из латинских поэтов, то у Катулла, безусловно, самый легкий штрих. Он пишет с легкостью, по сравнению с которой Гораций кажется натруженным, и с простотой, по сравнению с которой Проперций и даже Овидий выглядят педантами, хотя сам Катулл, как и все римляне, считал нужным иногда принимать классическую позу и наполнять свои стихи учеными аллюзиями. Если бы не влияние школьной аудитории, которой большая часть работ Катулла по самым лучшим причинам неизвестна, он был бы признан обладателем гораздо большей жизненной искры поэзии, чем Гораций. Римская культура, будучи в основном подержанной, почти полностью лишена того качества свежей молодости, которым мы наслаждаемся в таких писателях, как Чосер, и ранних певцах елизаветинской эпохи. Таким образом, Катулл, самый ранний крупный римский поэт-лирик, отнюдь не бесхитростен. Напротив, он умный сын *форума*— можно сказать, бульварщик — с милым, но жестоким остроумием поносит таких демократов, как Цезарь и Мамурра. Но с его истинно итальянской грубоватостью он сочетает в себе квинтэссенцию итальянского обаяния. Когда на него находит вдохновение, он прост, непосредствен и естественен. Действительно, более короткие стихотворения Катулла, как мне кажется, раскрывают больше

Пластина XXII МОНЕТНАЯ ПЛАСТИНА I

более важный роман, чем вся остальная римская литература, вместе взятая. У нас есть невинная просьба апрельского любовника в:

soles occidere et redire possunt:
 nobis cum semel occidit brevis lux
 nox est perpetua una dormienda.
 da mi basia mille, deinde centum,
 dein mille altera, dein secunda centum,
 deinde usque altera mille, deinde centum.[\[24\]](#)

и ужасающая простота его гнева на предательство:

Cæli, Lesbia nostra, Lesbia illa,
 illa Lesbia, quam Catullus unam
 plus quam se atque suos amavit omnes,
 nunc in quadriuiis et angiporis

glubit magnanimi Remi nepotes.

В его восхвалениях Сирмио звучит более искренняя любовь к природе, а в знаменитом "плаче по его брату" больше естественного пафоса, чем может передать нам любой другой латинский поэт. В одном из видов композиции, в *эпиталамии*, он является высшим. Например:

flere desine, non tibi Au-
runculeia, periculum est
nequa femina pulchrior
clarum ab Oceano diem
uiderit uenientem.

talis in uario solet
diuitis domini hortulo
stare flos hyacinthinus.
sed moraris, abit dies:
prodeas, noua nupta.

prodeas, noua nupta, si
iam uidetur, et audias
nostra uerba. uiden? faces
aureas quatiunt comas:
prodeas noua nupta.[\[25\]](#)

Музыка этого произведения, с его прекрасными образами и припевами, без сомнения, основана на александрийском фундаменте. В нем отчетливо слышится отголосок Теокрита. Но это также и исконно итальянский язык, и величайший из современных итальянских поэтов Кардуччи пишет как законный потомок Катулла. Биография Катулла столь же скудна, как и у Лукреция. Должно быть, он умер в раннем возрасте в пятидесятых годах до нашей эры. Он был бедным человеком. У него были только городской дом и две виллы, одна на озере Гарда и одна в Тиволи. Он ненавидел Цезаря и любил Цицерона. Обычно утверждается, что его "Лесбией" была печально известная Клодия. Я в это не верю.

Таким образом, эти два поэта, Лукреций и Катулл, стоят почти особняком как представители республиканской римской литературы в поэтическом плане. Оба являются латинизацией различных александрийских греческих модусов, но в обоих есть что-то подлинно римское, качество, которое мы могли бы лучше всего описать как мужественность, добавляющуюся к их оригиналам. Это была точка, с которой могла бы начать свое существование подлинная римская литература. Вместо этого следующая эпоха - эпоха придворной школы классицистов, писавших в основном на заказ, которые придали латыни ее отчетливо классический уклон.

Фотография XXIII. АВГУСТ: КАМЕЯ БЛАКАСА

Цицерон, самый классический из всех классиков, является, однако, величайшим литературным произведением Республики. Он, действительно, слишком крупная фигура для этих скромных страниц. Благодаря его колоссальному трудолюбию и огромной плодовитости гения его влияние доминирует во всей области латинской прозаической литературы. Он не только величайший из всех ораторов, но и олицетворяет тип оратора как в жизни, так и в литературе. Нам, представителям этого поколения, живущим в затмении риторике, нелегко быть справедливыми по отношению к нему. Обладая таким даром красноречия, такой способностью произносить потрясающие фразы о долге и патриотизме, мы не можем не чувствовать себя оскорбленными его политической некомпетентностью. Моммзен, который полностью за действие, одаривает его презрительными выражениями— “государственный деятель без проницательности, мнения или цели”; “близорукий эгоист”; “журналист худшего сорта”; “его адвокатский талант находить оправдания — или, во всяком случае, слова — для всего”. И действительно, среди таких людей, как Цезарь с легионами за спиной, или таких созданий, как Клодий с их шайками хулиганов, человек золотых слов и честных принципов действительно остается жалкой фигурой на страницах истории — тем хуже для истории! У него, как мы видели, была политика, его таланты сделали его лидером среди умеренных

членов сената, а его характер сделал его по-настоящему популярным среди всех наиболее уважаемых классов общества. Но риторика - одна из женских Муз, а натура Цицерона была мягкой и отзывчивой, как у женщины. Поэтому он отворачивается от Помпея по первому слову, в один прекрасный день произносит смелые слова, а на следующий съедает их, публикует великолепные разоблачения, выступить с которыми у него не хватило смелости. Более того, мы видим, как его сокровенные мысли раскрываются со всей откровенностью неизданной частной переписки — и мало найдется государственных деятелей, уж точно очень мало ораторов, чья репутация может выдержать такое испытание. Таким образом, золотые слова часто звучат пусто. Его тщеславие часто бывает смехотворным, например, когда он пишет Луккею, умоляя занять видное место в его истории, даже если для этого правду приходится искажать; или когда он слоняется без дела в Брундизии, постоянно увивая свои ликторские жезлы лавровыми венками в тщетной надежде на триумф. Конечно, он был эгоистом. Вероятно, в их личной переписке все мужчины такие. Но он также был джентльменом, одним из немногих римлян своего времени, с которыми хотелось пожать руку в Элизуме.

Для Моммзена Цезарь - “единственный творческий гений” римской истории. Мы вполне можем спросить, что он создал. Конечно, не империя, поскольку она развалилась на куски после его смерти, и его преемнику пришлось воссоздавать ее по новому плану. Даже не галльская провинция, ибо, хотя он и завоевал ее, он оставил проблему ее организации Августу. Возможно, *Lex Julia municipalis*. Но Цицерон[26] создал латинскую прозу практически из ничего и оставил ее миру как величайшую форму литературного выражения. Великолепный латинский период с его четким логическим порядком, цепочкой зависимых предложений, каждое на своем месте с абсолютной точностью, мыслью, построенной из слов, как храм построен из мрамора, является лучшим выражением римского величия, таким же типичным и долговечным, как римская дорога или стена. Это было не просто искусство. Это было естественное выражение римского ума, обученного юриспруденции и риторике. Возможно, это было лучшее, что когда-либо создавали римляне, и латинский период является истинным оправданием сохранения латыни вместо нее для воспитания юных варваров, привыкших нанизывать свои случайные идеи друг на друга, как тарелки на веревку. Хотя это был результат длительного обучения у всех самых выдающихся мастеров Рима и Греции и был доведен до совершенства бесконечным трудом, стиль Цицерона, когда он был однажды достигнут, был необычайно быстрым и плавным, о чем может свидетельствовать количество его работ. Это правда, что, подобно многим великим стилистам — Драйдену, например, — он пришел к убеждению, что стиль - это все. Он был готов написать географию мира или историю Рима. Ему нужно было всего лишь несколько заметок от своего брата Квинта, чтобы написать рассказ о Британии. Его многочисленные философские труды были, как мы видели, скорее стилем, чем философией, и он отказался от них за несколько месяцев, чтобы скоротать время на своей тускуланской вилле в те периоды, когда температура в Риме, буквально или политически, была слишком высокой, чтобы соответствовать его здоровью. В такой работе его справедливо можно назвать журналистом, хотя и очень великим. Когда он пишет о предмете, который он действительно понимает, например, о риторике, он проявляет себя наилучшим образом. Опять же, в своих судебных выступлениях или трудах он гораздо лучше проявляет себя как защитник, чем как юрист. Его ум не способен к юридической точности, он не отличается ни глубиной, ни утонченностью, и до сих пор его влияние на историю римского права было совершенно пагубным. Он, вероятно, привел бы в ярость опытного судью; но дайте ему присяжных, и, если возможно, многочисленное итальянское жюри, и он неотразим, то прозрачным быстрым повествованием, то искусной мистификацией, переходящей в громоподобные призывы к совести или небесам, или снова страстным осуждением своего оппонента или

величественным восхвалением своего клиента. В сенате он не в лучшей форме. Нам говорят, что несколько резких слов Катона оказали большее влияние на это собрание практичных людей, чем все речи катилинариев. Но если бы Римом управляли, как Грецией, с помощью речей на рыночной площади, Цицерон был бы на месте цезаря в качестве диктатора мира. Представьте себе римскую толпу, собравшуюся в 63 году до нашей эры, чтобы услышать отчет своего консула о бегстве Катилины —

tandem aliquando, Quirites, L. Catilinam, furem audacia, scelus anhelantem, pestem patriæ nefarie molientem, uobis atque huic urbi ferrum flammamque minitantem, ex urbe uel eiecimus, uel emisimus, uel ipsum egredientem uerbis prosecuti sumus. abiit, excessit, euasit, erupit. nulla iam perniciosius a monstro illo atque prodigio mœnibus ipsis intra mœnia comparabitur. non enim iam inter latera nostra sica illa uersabitur: не в Кампо, не в форо, не в Курии, не по закону внутри домашних парietов, своевременно[27]

— его голос кричит от страсти или переходит в пафос; вскоре он переходит на тон спокойного рассуждения или беглого повествования; когда он приближается к своей речи, его глаза сверкают, руки жестикулируют, тело раскачивается из стороны в сторону, нога топает по земле, у него, кажется, идет пена изо рта:

dolebam, dolebam, patres conscripti, rempublicam uestris quondam meisque consiliis conseruatam, breui tempore esse perituram ... audite, audite, patres conscripti, et cognoscite reipublicæ uolnera....[28]

“Да ведь вы даже не топнули ногой!” - восклицает он, упрекая хладнокровие адвоката противоположной стороны. Это правда, что были пуристы более суровой школы римского ораторского искусства, которые считали подобную горячность надуманной и недостойной. Истинное римское красноречие старой школы можно найти в том после, который прибыл в карфагенский сенат с вопросом “мир или война”, собрал все в складки своей мантии и кратко приказал им выбирать; или в том другом, который очертил в пыли круг вокруг Великого царя и потребовал ответа, прежде чем покинуть круг. Цицерон изучал свое искусство как в цветистой азиатской, так и в более суровой аттической школах. Критики по-прежнему жаловались, что в его стиле слишком много Азии. Но это было частью тенденции его эпохи. Суровость Катона с его простыми формулами исчезла навсегда. Римляне этого века более эмоциональны, более сентиментальны, более характерны для южан.

Если мы упрекаем Цицерона в слабости и трусости в его политической жизни, история его гибели может искупить это. После убийства Цезаря, когда хозяином Рима стал Антоний, человек совершенно беспринципный и женатый на еще более беспринципной жене, Цицерон отбросил всю свою робость и колебания. Убеденный, что консул пытается восстановить монархию, старый оратор явился в сенат и обрушил на него серию свирепых, но наиболее красноречивых филиппик. Некоторые из них были произнесены, некоторые просто написаны и опубликованы. Это было искание смерти во имя свободы. Цицерон не был слеп к опасности, которой подвергался. Но он, вероятно, искренен, когда говорит, что в жизни для него больше нет ничего привлекательного.

Фотография XXIV. АВГУСТ: СТАТУЯ “ПРИМАПОРТА”

defendi rempublicam adolescens; non deseram senex: contempsī Catilinæ gladios; non pertimescam tuos. quin etiam corpus libenter obtulerim, si repræsentari morte mea libertas ciuitatis potest; ut aliquando dolor populi Romani pariat quod iamdiu parturit. etenim si, abhinc prope annos uiginti, hoc ipso in templo, negaui posse mortem immaturam esse consulari, quanto uerius nunc negabo seni! mihi uero, iam etiam optanda mors est, perfuncto rebus iis quas adeptus sum quasque gessi. duo modo hæc opto: unum, ut moriens populum Romanum liberum relinquam; hoc mihi maius a dis immortalibus dari nihil potest: alterum ui ita cuique eueniat, ut de republica quisque mereatur.[29]

Как он и предвидел так ясно, филиппики стали причиной его гибели. Когда триумвират составлял свои проскрипционные списки, Октавиан, как говорят, умолял сохранить ему жизнь. Но гнев Антония был неумолим. Голова и руки Цицерона были прибиты гвоздями к трибуне, с которой он так часто изливал свою риторику, а мегера Фульвия, как гласит история, проткнула иглой его красноречивый ядовитый язык.

Юлий Цезарь, это чудо энергии, помимо того, что был компетентным грамматиком и неплохим поэтом, слыл вторым из римских ораторов. Об этом у нас мало возможностей судить. Конечно, он мог подавить мятеж одной речью, и его комментарии были не самым замечательным из его достижений. По общему признанию, это всего лишь заметки для настоящего историка — под “историком” римляне всегда подразумевали ”оратора” — приодеться для литературы. Это всего лишь депеши, предназначенные для информирования сената и всего мира о ходе его кампании. Они были написаны в самые неожиданные моменты его чрезвычайно активной жизни. Их стиль настолько прост и корректен, что мы бросаем их, как жемчужины, перед четвероклассником. И все же на самом деле они являются триумфальным продуктом риторического искусства; такие простые, они должны быть честными; такие скромные, они должны быть откровенными. Едва ли можно подумать, что это защита или оправдание. В том же легком течении повествования скрываются затаившие дыхание побег. Кто помнит со школьных времен, как Цезарь описывал тот момент, столь насыщенный человеческой судьбой, когда орел впервые опустил на наши берега в руках доблестного центуриона Десятого легиона? Цезарь больше похож на грека, чем на римлянина, как в своей прямоте, так и в своей скрытности. К счастью для истории, Цезарь обладал гораздо большим природным любопытством, чем большинство римлян. Удивительно, как мало Цицерон на самом деле рассказывает нам о жизни Рима или киликии во всей своей объемистой переписке. Но Цезарь отправился не только завоевывать, но и исследовать. Возможно даже, что его визит в Великобританию был, как он утверждает, отчасти вызван любопытством. Он отмечает наши маленькие островные особенности — наш обычай делиться женами, нашу привычку держать зайца, курицу и гуся в качестве домашних животных, потому что наша религия запрещает нам есть их. Он видит превосходящую цивилизацию Кента. Он наблюдает за нашей одеждой из шкур, за тем, как мы красимся в синий цвет с помощью шерсти, за нашими длинными волосами и усами, за нашими всадниками и возничими, за нашим бесчисленным населением и переполненными зданиями, за нашими обильными запасами скота, за нашими металлами — бронзой, железом и оловом. Он одинаково наблюдателен в Галлии и Германии. Долг истории перед ним за эти записи неисчислим.

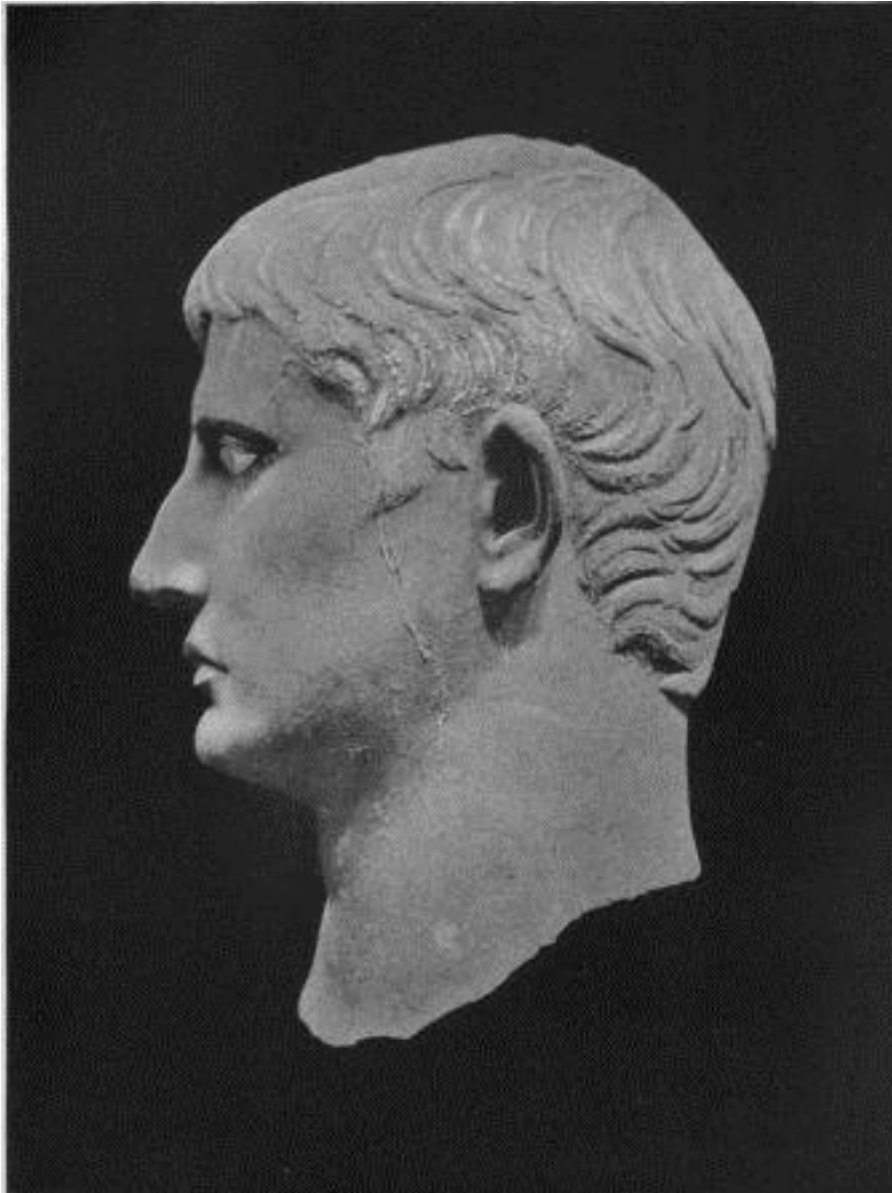
Светила поменьше, такие как Саллюстий и Непот, увлекались историей, и им посчастливилось выжить. Ливий, хотя и писал при Августе, является истинным республиканцем по уму и симпатиям. Его величественная история Рима - это работа ритора, вознамерившегося превознести славу Республики. Хотя иногда он проявляет рудиментарный критический инстинкт при сравнении своих авторитетов, его главной задачей было латинизировать Полибия и украсить стилем первого века сухие анналы Фабия Пиктора и Лициния Мацера. Это не последняя из наших многочисленных обид на монахов за то, что они позволили исчезнуть столь значительной части Ливи.

Фотография XXV. АВГУСТ В ЮНОСТИ

Золотой век классической литературы охватывает последние полвека Республики и первые полвека Империи. В целом, существует мало следов разделения между общим характером республиканской и императорской литературы, за исключением того, что при Августе основные авторы определенно выступали под знаменем императорской реформы. Главной характеристикой обоих является риторика и условности. Именно Александрии и ее поддерживаемому государством писательскому клубу мир обязан условностями в литературе. Римляне черпали свое вдохновение в Греции, но в основном в Александрии, и поскольку литература в Риме теперь находилась в основном в руках клики знати, там мог укрепиться классический стиль. Цицерон и его друзья выработали стиль не только литературы, но даже мышления, который мог называться “цивилизованным”, а все остальное - варварским или деревенским. В римской литературе первых веков до и после Христа в такой же степени преобладали такие эпитеты, как “вежливый” и “гуманный”, в какой в литературе восемнадцатого века “элегантный” и “изобретательный”. Даже Ливия как аутсайдера подозревали в смешении “патавинности” со своей латиноамериканщиной. Это литературная аристократия, такая как двор Людовика XIV. или Карла II, или таких, как кофейни времен Аддисона или джонсонианские клубы, которые создают и поддерживают наши классические традиции.

Литература, как мы уже имели случай заметить, поскольку она работает в наиболее пластичной среде, обычно развивается первым из искусств; и литература только начинается. Но затем Рим полностью позаимствовал свое искусство у Греции, и, таким образом, ее культура не имеет настоящего младенчества. Жгучую проблему римской оригинальности в искусстве следует отложить до эпохи Августа. В настоящее время мы все еще должны отрицать существование какого-либо действительно спонтанного роста искусства в Риме во времена Республики. Где с наибольшей вероятностью можно искать местное искусство, так это в архитектуре, портретной скульптуре и живописи; в архитектуре отчасти потому, что у римлян была естественная страсть к строительству, а отчасти потому, что их религиозные и социальные привычки требовали совершенно разных типов строительства дворцов, залов, амфитеатров, триумфальных арок, *форумов* других светских зданий, на которые греки не тратили много своего внимания; в портретной живописи потому, что в Риме был особый обычай создавать и демонстрировать изображения своих предков, тогда как греки в своей любви к идеалу до недавнего времени ограничивались из представления случайных человеческих черт и все еще идеализировал их, насколько это было возможно, а также потому, что этруски, которые были первыми воспитателями римской культуры, разработали портретную живопись для себя; и в живописи, отчасти из-за того же этрусского влияния, а отчасти потому, что римлян, использовавших некачественные строительные материалы, такие как кирпич, известняк и терракота, покрытые штукатуркой, естественно, тянуло к настенной живописи ради украшения. Но если мы ищем здесь оригинальности, то нас ждет разочарование. Несомненно, сотни великолепных вилл строились по всей Италии от Комо до Сорренто, но римская вилла была скорее делом ландшафтного дизайна, чем архитектуры. Он состоял в основном из ряда дворов и колоннад, широко раскинувшихся над землей. Стены были сложены из грубого туфа или пеперино; их только начинали инкрустировать мраморными плитами. Как город Рим все еще вызывал презрение — скученная масса узких извилистых переулков. Август смел с лица земли столько, сколько мог позволить себе снести, и его историки отмечают, что “он нашел Рим построенным из кирпича, а оставил его построенным из мрамора”. Конечно, там были древние храмы, достойные уважения, и, без сомнения, нам они показались бы прекрасными с живописностью древности. Но из-за того, что гракханы, марианцы и клодианцы разгулялись по городу, многие из этих почтенных святынь были уничтожены пожаром. Римские руины, которые видит современный путешественник, почти все относятся к имперским временам. Великий храм Юпитера на Капитолии перестраивался четыре раза. Круглый храм Весты часто разрушался и восстанавливался. Хотя по религиозным соображениям первоначальный план в целом был сохранен при этих перестройках, детали соответствовали стилю того времени. Тем не менее планы интересны. Круглые святилища Весты и Матери Матуты[30] явно являются архитектурным развитием круглой хижины, построенной из дерева с соломенной крышей. Действительно, говорят, что храм Весты был построен по образцу хижины Ромула. Возможно, первоначально это был царский дом, в котором принцессы поддерживали священный огонь. Храм Юпитера Капитолийского также был, если мы можем доверять монетам, построен по негреческому плану с тремя нефами вместо единственного нефа с проходами.

Табличка XXVI АВГУСТА: БРОНЗОВАЯ ГОЛОВА ИЗ МЕРОЭ

Единственными значительными памятниками республиканской архитектуры являются Табуларий и Храм Фортуны Вирилис, оба датируемые периодом правления Суллы. В тот период, когда Рим только открывал для себя греческую культуру, когда армии Суллы и Лукулла возвращались домой, нагруженные греческой добычей, в Риме произошел временный всплеск художественной активности. Однако это было полностью в руках иностранных художников. В 143 году Метелл, победитель Македонии, построил первый мраморный храм в Риме на Марсовом поле. Сулла лично унес огромные колонны из недостроенного храма Зевса Олимпийского в Афинах, чтобы украсить римский Капитолий. Кипрский грек Гермодор был нанят для строительства храмов и доков. У римлян действительно были свои исконные принципы строительства, которые с чисто конструктивной точки зрения опережали все, что греки разработали для себя сами. Греческая архитектура лучшего периода была почти исключительно посвящена служению религии. Их усилия были почти ограничены совершенствованием дорического и ионического храмов, и когда им пришлось построить светское здание, подобное воротам Акрополя, они все еще довольствовались простой адаптацией дорического храма к их новому назначению. Их строительным материалом был мрамор, и со своей особой

художественной проницательностью греки увидели, что мрамор лучше всего подходит для строгих линий фронтонов и колонн. Но римляне, прежде чем завезти мрамор, начали с кирпича и цемента, которые требуют совершенно других методов архитектуры. В доисторические “сербские” времена они открыли или научились у этрусков использованию свода и арки, во всяком случае, для туннелей, но характерно для их художественной бедности то, что они мало использовали в архитектуре эти важные принципы. Триумфальная арка, по-видимому, была римским изобретением, и несколько триумфальных арок были построены во времена республики, но, к сожалению, у нас нет информации об их стиле. Сулланское возрождение искусства было чисто импортом иностранных образцов. В храме Фортуны Вирилис, построенном в 78 году до н.э., мы видим, как римляне использовали свою импортную архитектуру.[31] Изящные ионные колонки ничего не поддерживают. Они используются для украшения, как уроженец Западной Африки использует свою европейскую одежду. Греки действительно использовали зацепленные колонны, как в Эрехтеуме, для завершения дизайна там, где не было места для свободной колоннады, но римляне встроили их в свои стены ради украшения. Это типично. Культура была для греков жизненно важной частью их существования, для римлян она была украшением.

Но римская архитектура, предприняв это усилие, снова пришла в упадок, пока не наступили времена Цезарей. В злые дни расцвета Цицерона было больше разрушений, чем созидания. Эгоистичные плутократы были слишком заняты строительством своих вилл, чтобы думать о богатах или украшении города.

То же самое было и с другими видами искусства. Возьмем, к примеру, монеты. Неуклюжий медный Асс головой Януса на аверсе и носом корабля на реверсе,[32] в старину весил 12 унций. На протяжении всей истории республики он постепенно сокращался; в 217 году до н.э. он был установлен на уровне одной унции, в 89 году до н.э. - на уровне половины унции. Однако задолго до этого его место заняло серебро. Как мы уже отмечали, серебро не чеканилось, хотя, без сомнения, находилось в обращении, в Риме до 268 г. до н.э. Начиная с 217 г. серебро стало реальным стандартом стоимости, и примерно в 80 г. до н.э. чеканка медных монет на некоторое время вообще прекратилась. Оригинальный дизайн “тяжелой меди” был не только заимствован из Греции, но и в римской чеканке нет ни малейшего признака какого-либо художественного развития с течением времени. Просто, как замечает Хед, “степень совершенства, достигнутая в том или ином конкретном районе, зависела от близости его связей, прямых или косвенных, с каким-нибудь греческим городом или, по крайней мере, с населением, проникнутым духом греческого искусства”. Есть монеты Суллы, как серебряные, так и золотые, несомненно, греческой работы, на которых изображен довольно художественный рисунок.[33] Но монеты Антония и Клеопатры, интересные с исторической точки зрения и созданные, конечно, на эллинизированном Востоке, намного хуже.[33] Мы замечаем попытку портретной живописи, но поразительное сходство между римским триумвиром и египетской царицей наводит на вопрос, кто из пары был оригиналом.

Табличка XXVII. М. ВИПСАНИЙ АГРИППА

И в скульптуре самые ярые сторонники римской самобытности тоже мало что могут найти утешительного в заключительном столетии Республики. Мы видели, как победы Муммия и его преемников сформировали вкус и рынок для греческих произведений искусства. Вместе с Суллой и Лукуллом огромное количество награбленного пересекло Адриатику, и Рим стал тем же, чем сейчас является Нью-Йорк, - домом знатоков и коллекционеров. Как это обычно делают знатоки, римские миллионеры больше интересовались коммерческими ценностями, чем художественными качествами. Несомненно, со временем их вкус улучшился по сравнению с теми днями, когда Муммий предупреждал своих людей, что любой из греческих шедевров, уничтоженных при транспортировке, придется заменить новыми. Но они по-прежнему в значительной степени определялись именами художников: подлинный Пракситель или Скопас стоили огромных сумм. Теперь каждая вилла нуждалась в украшении статуями — греческими оригиналами, если это было возможно; если нет, то копиями. По большей части они считались исключительно ценными предметами наряду с красивыми столами, вазами, чашами и перстнями-печатками. Когда Цицерон покупает греческие статуи, он предпочитает муз вакханкам, поскольку они больше подходят для его занятий. Вопрос художественной ценности едва ли приходит ему в голову. Самым известным именованным скульптором этого периода является итало-грек Паситель, который посетил Рим около 90 года до нашей эры и там создал оригинальные статуи для римских храмов. Паситель, конечно, принадлежал к эпохе эллинского упадка. По образованию он был

мастером по металлу, и его работы похожи на работы Челлини, скорее декоративные, чем творческие. Это ювелирное изделие большого масштаба. Он не выработал своего собственного нового стиля, но принялся копировать и дорабатывать древние шрифты, чтобы удовлетворить искусственный спрос на предметы старины. Многие “архаические” произведения в наших музеях относятся к этому периоду создания, и в качестве украшения многие из них чрезвычайно очаровательны. У нас есть и другие имена пасителевской школы, полностью греческие, такие как Стефан и Менелай, но в них очень мало оригинальности или интереса. Венера Генетрикс в Лувре, несомненно, прекрасная статуя и, вероятно, точная копия оригинала работы Аркесилая первого века до н.э. [34] Но лицо, во всяком случае, вполне очевидно восходит к греческой скульптуре пятого века и, возможно, как было высказано предположение, к Алкаменесу. Именно в обработке прозрачных драпировок нынешний художник демонстрирует свое мастерство. Мастерство греческих резцов первого века было в избытке; даже Геркулес Фарнезе из Гликона и Венера Медичи [35] поражают усилия резца, какими бы низменными они ни были.

РИС. 1. РИМСКИЙ МОСТ В РИМИНИ

РИС. 2. РИМСКИЙ АМФИТЕАТР В ВЕРОНЕ

Фото XXVIII.

Мы знаем из истории, что портретные статуи долгое время были обычным явлением в Риме. Форум был полон ими. В предыдущей главе мы видели, как древние этруски помещали терракотовые портреты умерших на свои могилы и как древние римляне сохраняли восковые изображения своих предков для использования на похоронах. Большинство примитивных народов инстинктивно боятся портретной живописи как своего рода богохульства. Возможно, раннему развитию портретной живописи в Риме способствовало преклонение перед *гением* человека, его удачей, его духом, его ангелом-хранителем. Гений, естественно, был изображен по подобию самого человека. Таким образом, *изображения* в римском атриуме были не просто портретами умерших предков. Скорее, они были видимыми проявлениями невидимого присутствия. К сожалению, сохранилось очень мало бесспорно подлинных образцов портретной живописи республиканцев. Портреты знаменитостей

древности создавались свободно во все времена, и датировать их непросто. В Риме, как в Греции, нет четкой линии художественного развития, которая позволяет опытному археологу датировать любое случайное произведение искусства с точностью до полувека практически с первого взгляда. Теперь речь идет о том, чтобы нанять более или менее умелых греков. Вполне вероятно, что большинство портретов, уже проиллюстрированных в этой книге, были выполнены при цезарях, но они вполне могут восходить к более ранним, хотя и более грубым сходствам, и в любом случае портреты интересны сами по себе. Портреты Юлия Цезаря, оба бюста из белого мрамора в Музее Ватикана[36] и еще более яркий образец из черного базальта в музее Барракко в Риме, однако, почти наверняка принадлежат современности или, самое позднее, эпохе Августа, настолько реалистичен и ярок портрет. В Берлине есть еще одна очень красивая голова Юлиуса из черного базальта,[37] но ее подлинность была поставлена под сомнение. Это, безусловно, очень близко соответствует профилю диктатора на его монетах.[38] Бюст М. Брута также может быть идентифицирован путем сравнения с монетами. Бюст Цицерона вероятен, но не настолько уверен.

Таким образом, это искусство реалистичного портрета считается великим вкладом древнего Рима в художественный прогресс. Еще предстоит доказать, что какая-либо часть работы была выполнена местными художниками. В настоящее время все свидетельства свидетельствуют в пользу греческого авторства. Но римляне могут претендовать на заслугу требовательного или даже вдохновляющего реализма. Римские археологи, особенно те, кто, подобно Уикхоффу и миссис Стронг, отстаивают причину римской оригинальности в искусстве, часто, кажется, предполагают, что греки лучшего периода не могли выразить индивидуальность, фактически, что идеальная тенденция их статуй, включая портреты, обусловлена условностями, если не явными ограничениями их мастерства. В другом месте мы видели, что большая часть кажущейся простоты греческих работ лучшего периода на самом деле является тщательно продуманным самоограничением. Все их религиозные представления запрещали им выражать божественность с помощью каких-либо отметин времени или места на лице или чертах лица. Поэтому, когда дело дошло — а доходило это медленно — до изображения государственного деятеля, подобного Периклу, или монарха, подобного Александру, они намеренно отдавали им должное, идеализируя их и сглаживая случайности. Таким образом, они скрыли чрезмерно длинный череп Перикла, изобразив его в шлеме. Они могли быть достаточно реалистичными, когда хотели, но этого никогда не было в украшении храмов, за исключением тех случаев, когда это указывало на варварство кентавров или гигантов в противовес совершенству греков. Корова Мирона умерла, не оставив потомства, но мальчики-рабы на надгробиях достаточно реалистичны, не говоря уже о рельефах Людовизи. Реализм не был новым открытием римлян. Напротив, поскольку это было новшеством, это был акт снисхождения, разрушение самоустранившихся барьеров. Даже тогда было ли это вдохновлено какой-либо абстрактной страстью к голой правде, например, побудившей Кромвеля приказать своему художнику-портретисту включить бородавки? Не совсем. Римляне были риторическим, а не реалистичным народом. Я считаю, что римский реализм в портретной живописи в основном обусловлен национальным обычаем сохранять *образы*, снятые с посмертных масок знаменитых покойников. На греческой земле греческие художники все еще идеализировали свои портреты — посмотрите на прекрасную голову Митрадата на монетах Понта;[39] но когда их римские натурщики просили реализма, они давали его — иногда с неожиданной тщательностью мистера Сарджента. Помимо монет и статуй, здесь есть очень прекрасные портреты на драгоценных камнях первого века до нашей эры

В отношении живописи мы также увидели, что римляне унаследовали некоторые традиционные наклонности. Мы слышим о греческих художниках, высоко ценимых в Риме в

этот период, а также о импортированных греческих картинах, которые стоили огромные цены. Римляне любили цвет, и стены их вилл обычно были оштукатурены и раскрашены, если не инкрустированы мрамором, а полы начали покрывать живописной мозаикой. Но у нас почти ничего нет об этой дате, чтобы показать. Следует, однако, отметить, что графический вкус римлян вместе с их привычкой относиться к искусству просто как к украшению теперь привели к новой фазе живописной скульптуры, которая будет иметь важные последствия в барельефных работах периода Августа. В отместку Италия теперь разрабатывала систему пластикового оформления ваз из аретинской керамики[40], которая была новой и полной возможностей.

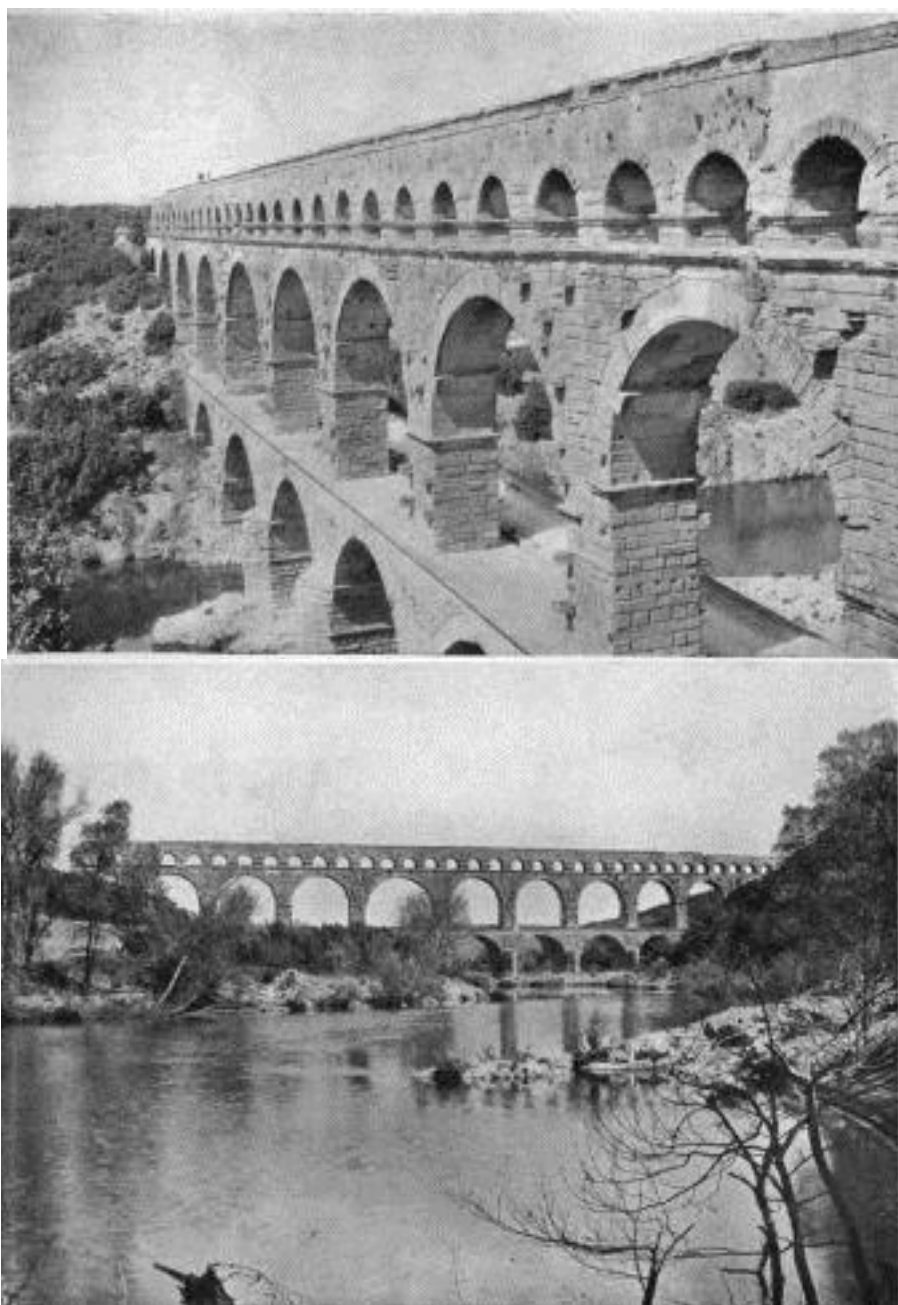

Фото XXIX. ДВА ВИДА НА ПОН-ДЮ-ГАР

В целом вердикт должен быть вынесен не в пользу Рима — во всяком случае, республиканского Рима — в том, что касается художественной оригинальности. Рим времен Цицерона был удивительно богат и ужасно беден. В некоторых отношениях у него была высокая культура, но он был слишком коррумпирован морально и политически, чтобы

производить собственную хорошую работу. Если бы на этом поле был какой-либо возможный соперник, Рим, несомненно, погиб бы в течение того безумного столетия. Если бы он погиб тогда, что бы он оставил миру? Несколько подержанных комедий Лукреция, Катутла и Цицерона; небольшой эквивалент всей пролитой ею крови и всех стонов ее провинциалов.

IV

AUGUSTUS

ultima Cumæi uenit iam carminis ætas;
magnus ab integro sæclorum nascitur ordo.
iam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna,
iam noua progenies cælo demittitur alto.
Вергилий.

Четвертую эклогу ВиЭРГИЛА, из которой цитируется мой текст, часто называют “Мессианской эклогой”. Это странное стихотворение. Посреди сборника пасторальных эклог, очень похожих на Идиллии Феокрита, молодой поэт из Мантуи вставляет одну, в которой он приглашает сицилийских муз, то есть муз Феокрита, помочь ему в более возвышенном, чем обычно, настроении. Его стихотворение - это видение, пророчество о возвращении золотого века, которое будет сопровождать рождение ребенка. Нелегко определить, какого ребенка. Стихотворение было написано в честь консульства Поллиона, который помог Вергилию вернуть отцовскую ферму. Таким образом, весьма вероятно, что стихотворение на самом деле было очень грубой лестью, направленной в адрес покровителя. Тем не менее пророчества о мире на земле, которые оно предвещает, так странно перекликаются с мессианским языком Исаяи, что ученые Средневековья либо причисляли Вергилия к пророкам, либо осуждали его как волшебника. Но помимо этого приближающегося события, свидетелем которого должна была стать малоизвестная деревня княжества-клиента Иудеи, даже в светской истории существовало общее ожидание наступления лучших дней. Девственное Правосудие действительно вернулось в римский мир, когда Октавиан в 29 году до нашей эры вернулся домой, чтобы отпраздновать свой триумф над тремя континентами.

РИС. 1.
ИНТЕРЬЕР РИМСКОГО ХРАМА, НИЗМ

РИС. 2.
НИЖНИЙ КОРИДОР АРЕНЫ, НИЗМ

Фото ХХХ.

Я предъявляю высокие претензии к Октавиану[41]— или, как его теперь могут называть в ожидании, “Август” — в истории. Юлий Цезарь присвоил себе заслугу изобретения этой замечательной системы - Римской империи. Заслуга действительно принадлежит Августу. Монархия, действительно, по крайней мере на два поколения стала неизбежной в Риме, что вынуждены были признать все, от Катилины до Цицерона. В борьбе за его реализацию Юлий Цезарь одержал победу и после этого приступил к представлению своей концепции его надлежащей формы. Он умер до того, как его планы были доведены до совершенства, и у нас нет возможности узнать его внутреннюю цель. Но мы знаем, что он пренебрег достоинством сената, взял некоторые атрибуты королевской власти и установил свою статую рядом со старыми римскими королями. Его план неприкрытого деспотизма провалился, потому что он не учел тираноубийственных настроений римской знати. Его убийство не было простым эпизодом или случайностью. Невозможно было жить как восточный деспот в республиканском городе без телохранителя-азиата. Юлий Цезарь потерпел неудачу из-за гордыни. Когда он пал, весь унылый цикл проскрипций, триумвиратов и гражданских войн должен был начаться снова. Неизбежная монархия должна была быть создана заново на другой основе: такова была задача Августа. Он разработал его таким образом, что оно просуществовало на Западе всего пять столетий, а на Востоке почти пятнадцать. Действительно, вряд ли можно сказать, что оно полностью вымерло сейчас, в двадцатом веке. Судя по тогдашним результатам, работа Августа, несомненно, была непревзойденным образцом государственной мудрости. Когда мы рассмотрим методы, с помощью которых был достигнут этот результат, мы, я думаю, будем считать Августа величайшим государственным деятелем в мировой истории.

Август никогда не был популярным героем. Чистый государственный деятель, на счету которого нет лихих ратных подвигов и который не оставил нам свидетельств о страстном красноречии, не поддается идеализации. У Августа не было ни современного биографа, ни

даже какого-либо очень великого историка древности или современности. Ранняя империя находится в промежутке между концом Моммзена и началом Гиббона. Доктор Гардтхаузен собрал весь доступный материал об Августе, но ему едва ли удалось сделать его понятным или реальным для нас как человека. Тацит в нескольких сатирических эпиграммах охарактеризовал его как коварного тирана, который “подкупал армию подарками, население - дешевым зерном, а мир - благословениями мира, и таким образом постепенно становился все более могущественным, сосредоточив в своих руках функции сената, магистратов и законов”. За биографическими подробностями мы должны обратиться к *"Жизнеописаниям двенадцати цезарей"* Светония, самому неудовлетворительному источнику. Страницы Светония полны человеческого интереса, но для целей истории они провоцируют и ставят в тупик. Он терпеливый книжный червь, который составляет систематические небольшие биографии без малейшего проблеска биографического смысла. Как имперский библиотекарь, он имел доступ к большинству ценных источников информации, но у него не было критического инстинкта в их использовании. Он просто собирал обрывки из различных источников и группировал их по заголовкам. За перечнем добродетелей он обращался к панегирикам придворного, а затем к бунтарскому памфлету за перечнем пороков. Поскольку он инстинктивно предпочитал скандал, он не прикасался ни к чему, чего бы не осквернил. Главным образом благодаря Светонию Август предстает как эгоистичный лицемер, Тиберий - как похотливый тиран, Гай - как маньяк, Клавдий - как педантичный клоун, а Нерон - как порочное чудовище. И все же при этих пяти правлениях Империя неуклонно росла в мире и процветании. Всомогущие правители не могли быть полностью такими, какими их описывают. Мятежным сенаторам, которые все еще мечтали о нереальной республиканской славе и по-прежнему дорожили воспоминаниями о Катоне как святом и Бруте как мученике, конечно, не разрешалось свободно критиковать своих монархов. Они отомстили, написав тайные пасквилы, многие, но не все из которых логика и здравый смысл могут легко опровергнуть. Когда дело доходило до народных правлений, подобных правлениям Веспасиана или Адриана, цензура прессы на время отменялась, и тогда республиканцы-сенаторы, такие как Тацит и Ювенал, вовсе мстили мертвым. Непристойные памфлеты были обнаружены и превознесены в исторические документы и, таким образом, переданы нашим историкам как история. Пытаться реабилитировать этих императоров - подозрительная и неблагодарная задача. Мир справедливо скептически относится к процессу, который он называет “отбеливанием”. Более того, отсутствуют необходимые данные. Мы можем только позволить нашему воображению подсказать, насколько иначе выглядела бы эта история, если бы она была рассказана с сочувственной точки зрения.

Фото XXXI. АРЕНА, НИЗМЕС

Очень трудно составить какое-либо полное представление о характере Августа как человека. Он проявил смелость и честолюбие, когда безвестным юношей отправился в Италию в 44 году до нашей эры, чтобы принять свое опасное наследство в качестве наследника цезаря. Он был хладнокровен и дипломатичен даже в те первые дни, когда интриговал с сенатом против Антония, а затем с Антонием и Лепидом против сената. Ему необычайно повезло, когда оба консула погибли в боях под Моденой и оставили его, претора, во главе огромной армии. Затем мы имеем дело с печально известными деяниями триумvirата, когда несчастные сенаторы и всадники были объявлены вне закона сотнями, а Цицерон, с которым молодой цезарь был в близких отношениях, без видимых угрызений совести был отдан на растерзание мести Антония. Поклонники говорили, что в этом он уступил своему старшему коллеге и неохотно подчинился суровой необходимости уничтожить партию тираноубийц. Враги заявляли, что, даже если он не хотел начинать кровопролитие, он был самым жестоким из преследователей, когда оно началось. За последовавшие четырнадцать лет гражданской войны ему удалось проложить себе путь к победе скорее благодаря хладнокровию и удаче, чем какому-либо проявлению полководческого мастерства. Я не думаю, что мы можем справедливо обвинить его в трусости. Это был смелый поступок, когда он в одиночку и безоружным въехал в лагерь мятежного и враждебного Лепида и без единого удара отобрал у него его легионы. У него не было ни лихой галантности Антония, ни огненной энергии Юлия, но он, должно быть, обладал даром выдержки и хладнокровия. Он, несомненно, прошел через самые ужасные трудности и опасности со стороны открытых врагов и мятежных армий на суше и на море. В последнем поединке с Антонием удача снова была на его стороне. Как повеса и игрок, каким он и был, Энтони отказался от своей игры ради восточных амбиций и восточного флирта. Затем была последняя сцена трагедии Клеопатры, когда завоеватель пришел в ее дворец после того, как Антоний покончил с собой. Она пыталась завоевать его тем же искусством, которым покорила его "отца" и его соперника. Одета в свои лучшие одежды, она, плача, подошла к нему и показала фотографию и письма Юлия, мокрые от ее

слез. Он холодно оценил ее великолепие как будущее украшение своего триумфа в Риме, и когда она разочаровала его в этом самоубийством, инсценированным, как вся ее жизнь была для театрального эффекта, он выследил двух ее старших детей с той же холодной свирепостью, что и раньше. Политика запрещала им выживать. Это было все, о чем он думал.

И вот теперь, в возрасте тридцати четырех лет, с этим послужным списком позади, он вернулся в Рим, чтобы отпраздновать свои многочисленные триумфы. Несомненно, немногие оставшиеся в Риме аристократы трепетали при его появлении. Вспоминая о проскрипциях, некоторые из них вполне могли задрожать, особенно те, кто был на стороне его врагов, Секста Помпея или Л. Антонием или с Марком. С другой стороны, некоторые, возможно, помнят милосердие, проявленное Юлием Цезарем в час своего триумфа.

РИС. 1.
ТРИУМФАЛЬНАЯ АРКА, СЕН-РЕМИ, АРЛЬ
Табличка XXXII.

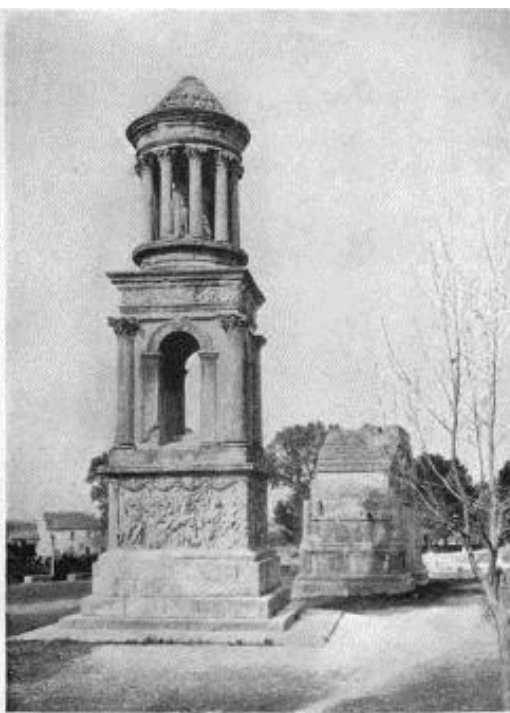

РИС. 2.
МАВЗОЛЕЙ ЮЛИЯ, СЕН-РЕМИ, АРЛЬ

Августу пришлось восстанавливать доверие и порядок в разрушенном мире. Ему приходилось иметь дело с разоренными и опустошенными провинциями, с формой правления, явно устаревшей, с аристократией с огромными традициями гордости и могущества, ныне полностью коррумпированной и изнеженной, с римской чернью, которая все еще называла себя владыкой мира, но которая была безнадежна в политическом смысле, с армиями, опасными для государства, сознающими свою мощь и лишенными настоящего патриотизма. Рядом с ним был надежный полководец в лице Агриппы,^[42] который выиграл для него много сражений, хотя само по себе это, как правило, было опасным обстоятельством, и проницательный дипломат в лице Мецената, который последние десять лет управлял Римом от имени цезаря, не занимая какой-либо четкой официальной должности. Но кроме этих двоих, было трудно понять, к кому обратиться за поддержкой. Гражданские войны и проскрипции почти уничтожили род Брута, но все, что осталось от аристократии, все еще было завистливым и враждебным под прикрытием жалкого подхалимажа, готовым проткнуть его своими языками, если у них не хватит смелости

пустить в ход стилет. Тем не менее, у Августа было одно большое преимущество. Римский мир, измученный гражданской войной целого поколения, жаждал покоя. Он был готов пасть ниц и поклоняться человеку, который дал бы ему это. Таким образом, общие контуры его политики были ясны перед ним. Он должен предпринять работу по исцелению. Падение Юлия предупредило его, что он не должен открыто быть монархом, но неудача Суллы и фактическое состояние Рима столь же красноречиво доказывали, что он должен сохранить власть в своих собственных руках. В апатии, последовавшей за тяжелой болезнью, — поскольку опасности и незащищенность гражданских войн подорвали его здоровье, — он, возможно, время от времени лелеял мысли о настоящем отречении. Но в глубине души он, должно быть, понимал, что это невозможно. Конечно, для него было также невозможно управлять всем миром напрямую, без посторонней помощи. Для этой цели механизм всей конституции с ее сенатом и магистратурами должен был быть сохранен, по крайней мере, в настоящее время. Таковы были общие принципы, на которых строилась его политика.

Великолепие триумфа Цезаря, должно быть, подтвердило впечатление римлян о том, что теперь у них есть царь. В течение трех дней они видели непрерывную процессию пленников, гербы захваченных городов и покоренных принцев. Некоторые из выживших детей Клеопатры были в его свите. Эти три дня были распределены по трем континентам: первый — для Иллирийской войны 34 года, второй — для Акциума и третий — для Египта. Тележки с деньгами из египетского казначейства покатались по улицам, и банковский курс в Риме мгновенно упал с одиннадцати до четырех. Произошло одно существенное изменение. В старые республиканские времена победителя вели в город его коллеги и сенаторы, теперь они смиренно следовали в арьергарде. Были розданы щедрые триумфальные подарки: около 11 фунтов стерлингов каждому солдату и около 4 фунтов стерлингов каждому гражданину. Даже мальчики получили подарок от имени дорогого юного племянника цезаря Марцелла. Так проходил цезарь в своей расшитой золотом пурпурной тоге, с лавровой ветвью в руке, в то время как раб стоял позади, держа над его головой золотую корону победы. Из лошадей, тянувших колесницу, на одной сидел четырнадцатилетний Марцелл, известный своей ранней смертью и прекрасными строками Вергилия о нем, а на другой — его еще более молодой пасынок Тиберий. Таким образом, он был привлечен к Капитолию, чтобы сложить свои лавры и дорогие подношения к ногам Юпитера.

В последующие дни часто проводились празднества. Были посвящены храмы: один обожествленному Юлию, а другой Венере, богине-матери дома Юлиев. Были игры, в которых пленники-чужеземцы сражались насмерть. В другой день мальчики из знати участвовали в битве за Трою в цирке. На другом была большая охота на диких животных из Египта, когда носорог и гиппопотам впервые появились в Европе. И тогда впервые за почти двести лет, то есть впервые со времен Пунических войн, храм бога войны Януса был торжественно закрыт. *L'Empire c'est la paix*. Есть много признаков искреннего стремления к Миру в римском мире. “Пакс” и “Ирина” стали обычными именами на Западе и Востоке; “Пакс” была надписью на монетах. В Риме это было в новинку. До сих пор война была желанным и нормальным состоянием. Но даже римляне теперь насытились кровопролитием в тех мрачных гражданских войнах. Именно на этом новом положении вещей Августу хватило мудрости построить свою монархию. Армия сразу же была значительно сокращена. К счастью, казначейство Египта позволило уволить их без недовольства. Иностранные наемники, которые служили телохранителями, были заменены местными солдатами. Изменение в *форме обращения* императора к своим войскам указывало на то, что теперь они подчинялись гражданскому правлению конституционного государства: отныне они были не “товарищами по оружию”, а “солдатами”.

РИС. 1. АРКА МАРИЯ, ОРАНЖЕВАЯ

РИС. 2. С. ЛОРЕНЦО, МИЛАН

Табличка XXXIII.

И вот теперь работы по реконструкции начались всерьез. Действуя всего лишь как один из двух консулов и повинаясь закону, принятому через сенат и комиции, Август восстановил поредевшие ряды патрицианского сословия. Это правда, что патриции не имели политических привилегий, но они по-прежнему имели большое значение в области религии, и их восстановление в качестве первого официального акта нового режима ознаменовало осознанное желание примирить аристократию и заручиться ее услугами для поддержания порядка. Затем впервые за сорок лет была проведена перепись римских граждан. Обнаруженное число составило 4 063 000 голов, которое должно было увеличиться на 170 000 в течение следующих двадцати лет. Перепись и очищение народа сопровождались

пересмотром списков сената. Здесь Август уже продемонстрировал свое намерение отойти от политики Юлия. В то время как Юлий вызвал самое ожесточенное негодование, вводя в ряды сената провинциалов и простых солдат, а Антоний также добился назначения всевозможных своих друзей с сомнительной репутацией, Август с бесконечной осторожностью и тактом сократил, усилил и очистил список. Затем, поскольку число участников было сокращено и было необходимо обеспечить приличный кворум для ведения дел, сенат был вынужден принять постоянное постановление о том, что его члены не должны выезжать за границу, даже в провинции, без разрешения его президента. Поскольку Цезарь был президентом, это означало сосредоточение всех возможных лидеров оппозиции в Риме и под его присмотром. В том же 28 году до н.э. на первый план вышла другая сторона правления Августа - великолепная щедрость, которая превратила Рим из разлагающегося кирпичного города в город мрамора и выделила эту эпоху рядом с эпохой Перикла как эпоху блестящей культуры. В тот год было построено или отреставрировано не менее восьмидесяти двух храмов. Среди прочего, на Палатине был возведен великолепный мраморный храм Аполлона с пристроенной к нему публичной библиотекой. Библиотеки были новым и значительным явлением в Риме. Первая была построена покровителем Вергилия Азинием Поллионом всего девятью годами ранее.

Теперь настало время для важнейшего принятия конституции, которое историки согласились назвать созданием Империи. На данном этапе важно рассказать о реальных событиях несколько подробнее, чем это обычно позволяет объем данной работы. Создание Империи было настолько деликатным и двусмысленным актом, что с тех пор он был открыт для различных толкований. Вероятно, в умном уме Августа с самого начала предполагалось, что это будет двусмысленно, чтобы республиканские аристократы в Риме все еще могли считать себя свободными, в то время как у населения был принц, в котором они могли искать своего покровителя, а жители провинций, особенно восточных, могли иметь великолепного монарха для своего инстинктивного преклонения.

Ближе к концу года 28 Августа было издано воззвание, формально отменяющее все незаконные действия его самого и его коллег во время Триумvirата. Это не вернет мертвых к жизни, это не вернет Цицерона в сенат, это даже не вернет землю бюргерам тех восемнадцати конфискованных поселков. Но это означало раскаяние, и за ним должна была последовать какая-то компенсация. В начале своего седьмого консульства, 13 января 27 года до н.э., Цезарь созвал заседание сената и произнес на нем длинную речь, в которой с гордостью говорил о своих собственных благодеяниях государству и о благодеяниях своего "обожествленного отца". В конце, с истинно итальянским чутьем к театру, он повернулся к изумленным отцам и воскликнул: "А теперь я возвращаю Республику в ваше ведение. Законы, войска, казначейство, провинции - все возвращено вам. Желаю вам достойно охранять их". Дион Кассий, который произнес перед нами длинную речь, несомненно, собственного сочинения, описывает смешанные чувства аудитории,

Фото XXXIV. ЖЕНЩИНА-ВАРВАР, ИЗВЕСТНАЯ КАК “ТУСНЕЛЬДА”

безразличие тех, кто был посвящен в тайну, беспокойство тех, кто боялся, что это еще одна ловушка для неосторожных, и радость тех, кто верил и надеялся. Немедленным ответом сената, по-видимому, было предоставление ему дополнительных почестей — "гражданской короны" из дубовых листьев, вручаемой тому, кто спас жизнь согражданину, в знак того, что Август спас жизни всех своих соотечественников, и лавровых деревьев, которые будут посажены у его ворот в знак вечной победы.^[43] Затем они провели долгие и торжественные дебаты о том, какое *прозвище* следует присвоить их спасителю, и, наконец, остановились на имени "Август". В этих разбирательствах мы имеем дело с мерами сената времен Августа. У них уже был инстинкт придворных. Август знал это и, следовательно, знал, чего добивался в этом драматическом "восстановлении Республики". Монеты того периода имеют надпись "Respublica restituta", и Овидий, хотя и был придворным, был волен так говорить

redditaque est omnis populo prouincia nostro
et tuus Augusto nomine dictus auus.

Сам Август зафиксировал это событие в большой надписи, в которой впоследствии описал свои достижения: “В мое шестое и седьмое консульство, когда по всеобщему согласию я приобрел полную власть над всем, как на суше, так и на море, я вернул государство из-под моего собственного контроля в руки сената и народа”.

Несколькими заседаниями позже, но все еще в начале 27 года, сенат определился со своим реальным ответом, без сомнения, состряпанным по предложению Августа. Сенат согласился на реституцию большинства провинций и обязался управлять ими в будущем с помощью магистратов-сенаторов точно так же, как они управлялись в старину. Но три провинции, которые все еще оставались неустроенными и требовали солдат, денег и генерала, требовали особого отношения. Поэтому Цезаря попросили взять в качестве своих провинций Сирию, Галлию и Испанию. Галлия еще не была полностью организована; к тому же Юлий публично возложил задачу присоединения к ней Британии на своего преемника. Сирия имела первостепенное значение, потому что парфяне все еще были “не отмщены”, разгоряченные новыми победами над Антонием. Это было еще одно наследие Юлия. Испания все еще была в основном непокоренной и пребывала в большом беспорядке. Я думаю, в противовес Ферреро, что военные нужды были более весомыми, чем экономические мотивы при выборе этих провинций. Следует отметить, что не было вопроса о возвращении Египта. Цезарь никогда полностью не передавал это царство государству. Он по-прежнему сохранял его ради его сокровищ, как частное владение, и управлял им через агента, простого рыцаря, даже не сенатора. Над этими тремя великими провинциями Август получил консульскую власть — во многом такую же, как Помпей получил ее за войну с пиратами, — на десять лет. Но в то же время он пообещал восстановить и эти провинции, как только они будут полностью умиротворены. Хитроумный характер всего компромисса станет очевидным, если учесть, что при таком расположении провинций сенат остался едва ли с одним легионом под командованием, в то время как основная часть римской армии была сосредоточена в провинциях Цезаря.

Теперь давайте рассмотрим конституционное положение Августа в период с 27 по 23 год, когда была произведена небольшая перестановка. Август продолжал каждый год избираться консулом вместе со своим коллегой на один год, пока не превзошел даже рекорд Мария. В дополнение к этому он обладал “консульской властью” над своей огромной провинцией, которая включала в себя все армии государства. Эта власть якобы была предоставлена на десять лет, но на самом деле она возобновлялась с определенной церемонией с интервалом в десять или пять лет на протяжении всего правления. По конституции он ни в коем случае не был властелином мира, хотя, конечно, был таковым на самом деле. Он сам говорит: “Я превосходил всех по престижу, но авторитета у меня было не больше, чем у моих коллег в каждом офисе”. Для поддержания своего внутреннего достоинства он имел в дополнение к консульству различные привилегии трибунской власти. Его личность была защищена святостью этого поста, и вполне вероятно, что все судебные преследования за государственную измену были возбуждены именно по этому пункту. Он также был первосвященником. Он также был президентом сената, *принцепсом сената*, но это просто означало, что его имя стояло первым в списке, так что он имел право говорить первым. Только когда Цезарь говорил “да”, только смелый человек мог сказать “нет”.

Для юриста это исчерпывает его права на власть, но на самом деле он был чем-то гораздо большим, чем консул с трибунскими полномочиями. Единственное слово, которое

охватывает всю его власть, как конституционную, так и реальную, - это слово “принцепс”. “Принцепс” - это не название какой-либо должности, оно просто выражает достоинство. Он “вождь”, он “Цезарь Августейший, сын Бога Юлия, десять раз провозглашенный полководцем”. Исторически ошибочно говорить об этих ранних *принцессах* как об “императорах”, поскольку это слово подразумевает представления о пурпуре и коронах, действительно чуждых их положению. Любой убежденный республиканец, решивший быть обманутым, все еще мог похвастаться, что им правят сенат и комиции, консулы, преторы, эдилы, трибуны и все остальные. Даже исторически неверно полагать, что сенат и магистраты прекратили свое существование для практических целей. У них, как мы сейчас увидим, была вполне реальная функция в государстве, особенно когда цезарь находился за границей, как это было постоянно в первые годы его правления. Один человек не мог управлять всей империей. Постепенно, когда сформировалась полноценная имперская бюрократия, сенат действительно отошел на второй план, но в настоящее время цезарь и сенат были в какой-то степени коллегами в правительстве империи.

Столь же неисторично утверждать, как это делает выдающийся из ныне живущих историков Германии доктор Эдуард Мейер, что эта “Рестаурация” была подлинным отречением от престола и что цезарь продолжал действовать только как исполнительный чиновник сената. Иногда он действительно действовал в этом качестве, часто притворялся, что действует так. Особенно когда предстояло сделать что-то неприятное, он любил, чтобы это было санкционировано указом сената. Но ни один разумный римлянин не мог не понимать, что между цезарем и Сенатом не было реального равновесия. Цезарь не только командовал почти всеми легионами, но и у самых ворот Рима в его распоряжении были единственные войска в Италии - преторианская гвардия. У римских полководцев всегда была своя лейб-гвардия. Закон запрещал присутствие армии в Риме, но Цезарь проявил свою обычную изобретательность в обхождении с духом закона, уважая при этом его букву. Армия означала легион, а легион состоял из десяти когорт, обычно по триста человек в каждой. Очень хорошо, у Цезаря было бы только девять когорт. Но поскольку каждый из них состоял из тысячи человек, он оказался командующим силами, равными трем легионам, расположенным на постоянной основе у ворот Рима. Таким образом, если у него были люди, то у него были и деньги. Сенаторские провинции теперь, благодаря длительному режиму губернаторов-сенаторов, были в основном бедными. У цезаря в кармане была огромная египетская казна, Испания была богата неосвоенными рудниками, а Галлия обладала огромными возможностями, которые еще не были использованы. Более того, Август унаследовал от Юлия огромное наследство, и наследие восхищенных друзей также увеличило его богатство. Так получилось, что сенаторская казна просто не могла существовать без помощи императорского кошелька. Его личное богатство также позволяло ему радовать римскую чернь дешевым или бесплатным хлебом, публичными зрелищами и красивыми зданиями, а также удовлетворять войска щедрыми подачами. Настоящего равновесия не было.

С другой стороны, Август был очень осторожен, чтобы не задеть чувства республиканцев. Сам он придерживался явно исторического и антикварного склада ума. Он никогда не выполнял никаких функций и не вступал в должность, не убедившись, что это не является чем-то новым для конституции. Таким образом, когда его попросили взять на себя обязанности цензора, он отказался от “цензурных полномочий”, которыми его наделил сенат, но выполнял обязанности в силу своих полномочий консула, убедив себя, что в старину обязанности цензора выполняли консулы. Он также был очень скрупулезен в использовании форм. Позже мы увидим кое-что о республиканской простоте его образа жизни. Он никогда не упускал случая, как это делал его “божественный отец” Юлий,

обращаться с сенатом с внешними знаками уважения. Назовите его “коварным тираном”, если хотите. Гораздо справедливее было бы назвать его дипломатическим реформатором, занятым необходимой ремонтной работой, выполняющим ее с бесконечным терпением, тактом и тонкостью, используя самую хитроумную систему компромиссов, известную истории.

РИС. 1. АЛТАРЬ ЛАРОВ АВГУСТА

РИС. 2. СЦЕНА ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ИЗ “АРА ПАЦИС”

Табличка XXXV.

В 23 году до нашей эры произошло небольшое и не очень важное изменение конституционной ситуации. После своего возвращения с тяжелой войны в Испании и после очень серьезной болезни, которая поставила его на грань смерти, он официально отрекся от консульства, сославшись в качестве мотива на плохое самочувствие. Это было, действительно, больше, чем притворство. Постоянное пребывание на посту консула включало в себя непрерывный ряд церемониальных обязанностей, которые усугубляли огромное бремя его положения. Но были и политические мотивы. Сейчас шел его одиннадцатый консульский срок, и для нации антикваров было явно неприятно, что какой-то человек составляет список такого масштаба. Более того, консулу требовался коллега, по видимости равный ему, а в Риме больше не было неограниченного количества знати, достойной быть коллегами цезаря. Кроме того, это преграждало дорогу к чести, было трудно найти людей консульского ранга для консульских провинций. Более того, в этом не было необходимости. Поэтому, чтобы его не донимали упреками, он удалился на свою Альбанскую виллу и отправил в сенат письмо, в котором не только отказался от консульства, но и предложил в качестве своего преемника печально известного республиканца, который сражался за Брута против него и все еще чтит память Брута как мученика за свободу.

Совершенно ясно, что это был еще один торжественный фарс или, скорее, еще один глубокий ход государственного управления. Сенат ответил, предложив ему те самые полномочия, которые были ему необходимы для сохранения его реального положения в неприкосновенности. Консульская власть над провинциями была сохранена без какого-либо нового постановления в качестве “проконсула”. Он получил определенные дополнительные полномочия, присущие трибунату, и отныне датирует годы своего правления не консульствами, а годами трибунской власти. Его власть над провинциями была определена как “превосходящая” власть других магистратов, и он получил особое право, принадлежавшее консулам, вносить предложения на любом заседании сената. Таким образом, практически он был освобожден от некоторых утомительных обязанностей, его положение стало выглядеть более республиканским, и в то же время он скорее увеличил, чем уменьшил свой авторитет.

К этому времени принципат принял свою постоянную форму. Его полномочия значительно варьируются в зависимости от силы отдельных императоров, и с годами он имеет тенденцию к простому предписанию, а также к развитию административной иерархии должностных лиц, становясь все более абсолютным. Но в течение следующих трех столетий в конституцию было внесено очень мало изменений. Она всегда оставалась компромиссом, и в ней всегда присутствовало что-то нелегитимное. Время от времени сенат действительно вспоминал, что он является руководящим советом. С этим всегда приходилось считаться. Что касается римских комиций *Populus Romanus*, то они продолжали существовать как для принятия законов, так и для проведения выборов до тех пор, пока был жив Август. Но на самом деле принцепс занял место народа в правительстве Рима. Тиберий, следующий преемник Августа, упразднил комиции за ненадобностью, и хотя один или два раза в более поздние времена император-антиквар мог добиться проведения плебисцита в память о старых временах, *Populus Romanus* вымер. Он погиб без единого стога.

Фото XXXVI. ГРУППА "ТЕЛЛУС"; АРА ПАЦИС

Личность монарха была почти тайно введена в рамки республиканской конституции. Как бы умело это ни было сделано, незаконность разбирательства повлекла за собой определенные неудобные последствия. Открытого разговора о преемстве быть не могло. Таким образом, когда Август оправился от своей тяжелой болезни в 23 году до н.э., он предложил зачитать свое завещание сенату, чтобы доказать, что он не назначал преемника. Напротив, он официально вручил Пизону, другому консулу, письменное заявление о расположении войск и денежных средствах в казне. Это было правдой, но он передал свой перстень с печатью, перстень, благодаря которому Меценат правил Римом в течение десяти лет, Агриппе, человеку, который несомненно занял бы его место, если бы он умер в то время. На самом деле нет никаких сомнений в том, что Август сам планировал сделать юного Марцелла, блестящего отпрыска своей любимой сестры Октавии, своим наследником и преемницей. О том, что это конечное намерение было ясно Агриппе, когда Цезарь выздоровел, свидетельствует угрюмый уход Агриппы в частную жизнь. Хотя Август не мог прямо или законно назначить преемника, он мог подготовить молодого принца к наследованию престола и при своей жизни возвысить его до такой степени, что он, естественно, занял бы вакантное место. Новорожденной империи очень повезло, что Август, несмотря на свое слабое здоровье, дожил до зрелого возраста и занимал принципат сорок один год. Но, к несчастью, страной управляла бесплодная раса. За сто лет до Тита сын не сменил своего отца. У Августа были племянники, пасынки и внуки, но от трех его жен у него был только один ребенок, и она была аморальной Джулией. Всю свою жизнь его мучили утомительные династические проблемы, и каждый юноша, которого он выбирал своим преемником, казалось, был обречен на преждевременную смерть. В конце концов, он был вынужден против своей воли выдвинуть кандидатуру своего пасынка Тиберия. Этот факт упоминается здесь, потому что он, несомненно, имеет жизненно важное значение для определения будущего принципата. Если бы каждый из первых полудюжины обладателей этого поста был окружен цветущей семьей на уровне современной королевской семьи, весьма вероятно, что принципат спокойно превратился бы в наследственную монархию. Как бы то ни было, вся система была расстроена постоянными интригами за престолонаследие,

часто приводившими к настоящей гражданской войне. Таким образом, армия и преторианская гвардия обрели свое фатальное господство над римской политикой.

Сенат

При всей своей умеренности Август успешно взял все нити политики в свои руки. В ходе трех пересмотров списка сенаторов ему удалось получить орган, полностью подчиняющийся его желаниям, и единственная проблема, которую это причинило ему, заключалась в чрезмерном рвении к его достоинству. Как правило, он просто регистрировал его указы, оказывал почести родственникам, которых он с удовольствием чтит, а иногда брал на себя ответственность за непопулярное предложение. Это был в какой-то степени предохранительный клапан для выражения общественного мнения, но более деспотичные императоры (а Август, несомненно, становился все более абсолютным по мере развития своей системы) очень крепко держали его в узде. Когда посольство прибывало из независимой иностранной державы, такой как Парфия, оно направлялось сначала к влиятельному сенатору, точно так же, как в республиканские времена искали *патронуса* или защитника. Теперь этим защитником был, конечно, не кто иной, как принцепс. Он представил послов сенату, который выслушал их доводы и обсудил их. Как и в старые времена, они обязательно доверили бы урегулирование вопроса комиссару, избранному от их собственного органа. Опять же, комиссаром, конечно же, был принцепс. Сенат иногда проводил государственные процедуры импичмента в качестве высшего суда справедливости, но теперь они привлекали к ответственности только врагов цезаря, а в одном случае — префекта Египта — они проявили чрезмерное рвение в деле Цезаря, что навлекло на их головы порицание. Сенат часто использовался как средство публикации. Цезарь спускался в палату представителей и зачитывал им речь, когда намеревался охватить более широкую общественность. Находясь за границей, он регулярно отправлял им отчеты и депеши. У Цезаря, как и у всех римских магистратов, был свой консилиум, или совет советников. Теперь он был организован так, чтобы состоять из стольких представительных сенаторов, которые заседали вместе с молодыми принцами императорского дома и любыми другими важными людьми, которых цезарь мог выбрать в свой тайный совет. Ближе к концу, когда Август состарился и стал немощным, комитет сенаторов, заседавший во дворце, был компетентен вести дела. Но, как правило, он был очень осторожен в соблюдении сенаторских традиций. Постановления сената и законы принимались со всеми старыми формальностями, но теперь все они на самом деле были законами и указами цезаря. Однако в целом мы вполне можем полагать, что падение сената до бессилия во многом произошло по его собственной вине. Насколько показывают записи, сенат времен Августа никогда не проявлял ни малейшего следа духа или, если этого слишком много ожидать, даже инициативы или эффективности. Был ропот и небольшие слабые заговоры, но если бы сенат решил ловить Августа на слове всякий раз, когда он говорил об отречении, они могли бы легко вернуть себе реальную власть, хотя на самом деле они не смогли бы обойтись без принцепса. Во-первых, толпа этого бы не потерпела. Цезарь был и оставался покровителем невнятных общин, и это было не только источником принципата, но и главной опорой его власти во всем мире. Когда мы говорим о непопулярных императорах, таких как Нерон или Домициан, мы обычно имеем в виду только то, что они были непопулярны среди знати сената. Если им не удавалось сохранить уважение простых людей и простых солдат, их правлению быстро приходил конец. За притворным отречением Цезаря в 23 году до н.э. вскоре последовал голод в Риме, и население осадило здание сената, угрожая ему пожаром, если их защитнику не будут предоставлены новые полномочия.

Фото XXXVII. РЕЛЬЕФ С “АРА ПАЦИС”

Немецкие историки изобрели термин "Двоевластие" для описания баланса сил между цезарем и сенатом. Правительство Рима всегда было в некоторой степени двоевластием сената и народа, как показывает его название — “Римский народный сенат”. Во многих отношениях принцепс занял место народа. Но такое описание упускает из виду реальность. За весь этот период вы не можете показать армию, приведенную в движение губернатором-сенатором без полномочий Августа, за исключением единственного случая с м. Примусом, когда за этим немедленно последовало судебное преследование; ни единого введенного налога, ни закона, хотя бы предложенного без полномочий цезаря, ни кандидата, избранного без его согласия, ни договора, заключенного иначе, чем в соответствии с его предложением. Истинные отношения между ними - это практически отношения монарха и его совета. Цезарь трижды пересматривал список сената, сокращая его с более чем тысячи членов до шестисот и, несмотря на весь свой такт и изобретательность, вызывая сильнейшее негодование. В доме происходили сцены насилия, Август надел кольчугу и отправился туда в сопровождении десяти дюжих сенаторов. Ясно, что он очищал палату представителей от своих противников точно так же, как это делал Кромвель. В других случаях он дарил своим друзьям сумму имущества, необходимую для прохождения их квалификации в сенат. Таким образом, не будет преувеличением назвать сенат его государственным советом. Если кто-то возразит, что сенат по-прежнему управлял богатыми и важными провинциями, это скорее очевидно, чем верно. Губернатор сенаторской провинции больше не выходил на улицу, опоясанный мечом, символизирующим *империю*, или в военном плаще. Теперь он ходит в своей тоге как простой гражданский чиновник. Это небольшое изменение, должно быть, сильно задело гордую аристократию. Август убедил их издать указ, запрещающий им выезжать за границу без его разрешения. Он заставил их оштрафовать своих членов за неявку, и весьма показательно, что было трудно сохранить кворум в сенате для

общественных дел. Он выбрал свой собственный орден, чтобы спрашивать их мнения, и таким образом делал им почет или унижал их, как ему заблагорассудится. В основном на их долю выпали бедные и неважные провинции. Азия была самой богатой и важной страной, но почти на протяжении всего периода существовал какой-то отпрыск императорского дома, который осуществлял общий контроль над делами Востока. На Кипре есть надпись, которая доказывает, что даже когда этот остров находился под сенаторским управлением, проконсул был послан "властью цезаря и указом сената" для восстановления порядка. Наконец, к концу правления сенат стал настолько слабым и нереальным, что двадцать его членов, заседавших в доме цезаря, смогли издавать указы, которые имели полную силу старого верховного совета Рима.

Тарелка XXXVIII. СЕРЕБРЯНАЯ ТАРЕЛКА ИЗ БОСКОРЕАЛЕ

Этих соображений достаточно, чтобы доказать, что монархия - единственный термин, который может должным образом описать реальную природу нового правительства. Тем не менее, здесь, как и везде в этой системе компромиссов и домов на полпути, мы должны осторожно выбирать между двумя ошибками. Сенат есть и всегда будет там. Когда Константин построил новый Рим, он создал новый сенат. Изучая последующий прогресс империи, мы иногда обнаруживаем, что сенат действительно главенствует. Он выбрал Гальбу и Нерву. Он осмелился сместить Максимиана. Он действительно правил через Тацита и Проба. Его постоянной целью было добиться объявления своих членов неувязимыми для судебного преследования, и иногда это удавалось; но чаще это служило поводом для взбучки, когда цезарь был в плохом настроении. Только в этом смысле термин "Диархия" имеет какое-то значение: если мы возьмем весь период принципата от Августа до Диоклетиана, то обнаружим некоторый след равновесия, каким бы слабым он ни был. И мы не должны впадать в ошибку, пренебрегая буквой конституции ради ее духа. Хотя король Англии никогда не отклоняет законопроект на практике, тем не менее важно, чтобы он мог это сделать. Буква всегда находится здесь для справки, если не для использования, и дух всегда может быть привлечен к суду перед ней. Практика зависит от личных сил, которые переходящи, теория всегда здесь, ожидая своей возможности.

Народ и магистраты

Тем не менее, если кто-то апеллирует к букве конституции, мы не должны забывать о существовании третьего элемента в конституции Августа — Народа. Как мы видели, плебисцит и закон все еще формально проходили через комиции. В последние годы республиканской партии плебисцит стал оружием оппозиции сенату. Тем не менее, даже при Августе мы можем указать на несколько мер, принятых в такой форме. Ни одна из них не имела большого значения — одной из них было просто присвоение цезарю нового титула “Отца своей страны”. Другой касался акведуков. Судебные функции *populus* были полностью отменены Августом, и оставалось только то, что, в конце концов, всегда было его самой важной функцией, - выборы. Всенародные выборы в комиции все еще проводились при Августе, это был единственный путь в сенат и магистратуры. Это правда, что все магистратуры побледили перед новой и могущественной должностью принцепса. Возможно, по этой причине Август не лишил их того, что они считали не только древним правом, но и в большей степени источником дохода. Здесь также могло быть эффективное противодействие. Популус мог бы вернуться к своим обязанностям, а значит, и в сенат, с целой серией поборников свободы. Но, за исключением Эгнатия Руфа, таких поборников не было. Покровителем народа, человеком, чья щедрость кормила его и давала представления, ради которых он жил, был Цезарь. Никто не мог дать взятку сверх его кошелька. Более того, у него было два прямых способа добиться возвращения своих кандидатов. В силу своих трибунских полномочий он имел право составлять список кандидатов, и, во-вторых, кандидаты всегда называли имена своих главных сторонников. Август в первые дни своего строгого соблюдения конституционного этикета имел обыкновение спускаться на форум и лично агитировать своих друзей, однако впоследствии он вернулся к бесцеремонным методам Юлия и просто раздал избирателям форзац с именами своих кандидатов. Таким образом, выборы становились все более и более формальными, и Тиберий передал их сенату, не вызвав особого сопротивления. За весь период правления Августа у нас есть только один случай, когда ему не удалось принять закон, которого он желал, и то из-за организованной оппозиции рыцарей, которые публично потребовали его отмены в театре.

Конный орден по-прежнему оставался оплотом богатой буржуазии. Из-за своего богатства и отсутствия политического признания они всегда представляли некоторую опасность для

республиканской конституции. Для искусной государственной мудрости Августа типично то, что он увидел это и предоставил достойный выход их амбициям, а также использовал их услуги от имени государства. Он начал свой период правления с того, что посадил простого коня в резиденцию Птолемеев в качестве своего префекта Египта. Впоследствии императорские легаты и прокураторы, которые управляли имперскими провинциями от его имени, часто избирались из этого ордена. В финансовой сфере он широко использовал их, и вместе с некоторым количеством умных греческих вольноотпущенников они заполнили большую часть новой бюрократии, которую он постепенно создал. Сам Мecenат, который, вероятно, стоял во главе всей великой системы и который действовал почти как премьер-министр Августа, пока не впал в немилость, довольствовался званием всадника. Общественные почести, которые любят богатые люди, оказывались им безвозмездно. Молодые принцы императорского дома ехали во главе рыцарей с серебряными копьями как “Принцы молодежи”. Иногда Август относился к ордену всадников так, как будто это была третья часть конституции о равенстве с сенатом и народом.

РИС. 1.
ГЕРМАНИК: КАМЕЯ

РИС.

2. ДРАГОЦЕННЫЙ КАМЕНЬ АВГУСТА

Табличка XXXIX.

Таким образом, частью системы Августа было обеспечение карьеры талантливым представителям каждого класса. Даже рабы и вольноотпущенники имели огромные возможности в бюро цезаря. Для вольноотпущенников в провинциальных городах, где они часто были самыми богатыми жителями, он изобрел особое титулованное звание “августалов”, их главной обязанностью было давать обеды и празднества в его честь, именно такого рода обязанность льстить их самолюбию, не причиняя при этом никакого вреда.

Что касается древних магистратур римского народа, то, хотя они строго сохранялись, они были полностью разоружены. Консульства по-прежнему важны только как ведущие к последующему посту проконсула провинции. Преторы по-прежнему заседали в своих судах, но действительно важные дела рассматривались цезарем в порядке апелляции. Трибуны не имели никакого значения рядом со своим могущественным коллегой. Должности магистратов даровались в знак императорской милости. Часто консулы сменяли друг друга в течение одного года. Сам цезарь иногда соизволил бы занять консульский пост, когда хотел оказать честь коллеге или родственнику. Однако и здесь бессилие магистратур было в значительной степени вызвано интеллектуальным банкротством римской знати. Они не могли выполнить простейшую задачу, такую как закупка зерна, не допустив ошибок и не прибегнув к помощи цезаря. Но однажды, когда некий эдил организовал собственную пожарную команду и стал очень усердно тушить пожары, он получил намек на то, что его усердие нежелательно в высших кругах. Таким образом, магистратуры мало-помалу превратились в простые украшения или снова стали тем, чем они были вначале, - муниципальными чиновниками города Рима. Но даже там они были вытеснены организующей деятельностью принцепса. Он реанимировал древнюю должность городского префекта и поставил его во главе новой полиции и новой пожарной команды, в то время как два других новых префекта командовали преторианской гвардией. Эти два офицера вскоре начали затмевать старые магистратуры.

Армия и казна

Дион Кассий справедливо утверждает, что реальная власть Августа основывалась на двух вещах — контроле над армией и финансами. Мы уже видели, что в так называемых отречениях Августа не было отказа от них и никаких намеков на их капитуляцию. Ввиду нынешней тенденции историков придавать реальное значение восстановлению Республики в 27 году до н.э. и снова в 23 году до н.э. тем более важно помнить, что двадцать три легиона, которые со своими вспомогательными войсками и резервами составляли всю военную силу Римской империи, присягнули исключительно Августу и, за одним исключением, были размещены исключительно в его провинциях, сражались под его покровительством и подчинялись приказам только Цезаря и его легатов. Помимо этого, у него был преторианский корпус из 9000 человек, постоянно расквартированный в непосредственной близости от Рима, а также натренированная охрана из рабов в его собственном доме. Ввиду этих фактов абсурдно ограничивать наше представление о власти цезаря обзором конституционных должностей, которые он занимал. Только на языке юристов и педантов его авторитет основывался на консульских и трибунальских полномочиях. Все знали, что письмо, запечатанное сфинксом Цезаря, было подкреплено мечами 140 000 легионеров. Таким образом, военное положение Августа имеет первостепенное значение.

Фотография XL. АВГУСТ И СЕМЕЙСТВО ЦЕЗАРЕЙ КАМЕЯ

Август был, как мы видели, государственным деятелем, а не солдатом. Истории о его трусости, повторяемые Светонием, по общему признанию, взяты из ядовитых писем его врага Антония. Август успешно пережил пять гражданских войн, пересекал бурные моря на маленьких лодках, сталкивался с мятежными армиями и всевозможными трудностями. Но все его инстинкты были направлены на мир и управление государством. Мы видели, что именно потребность в постоянной армии в Риме привела к потребности в постоянных генералах, а это привело к падению старой римской конституции. Когда Цезарь построил свой трон на руинах Республики, очевидным фактом было то, что полководец стал монархом. Таким образом, несмотря на то, что Август не был военным человеком, и несмотря на все его усилия предотвратить это, монархия Римской империи в конечном итоге проявилась как военный деспотизм. Ирония судьбы заключалась в том, что такой человек, как Август, основал такую монархию.

Но в настоящее время тот уродливый факт, что армия пожаловала пурпур, был благопристойно скрыт. Август с самого начала своей власти делал все возможное, чтобы уменьшить военный элемент в государстве. Во время гражданских войн, да и за пятьдесят лет до их начала, войска назначали и смещали консулов, в армии постоянно происходили мятежи и шантаж. Таким образом было получено первое консульство самого Цезаря. Центурион вошел в здание сената и крикнул: “Если вы не сделаете его консулом, то *это*” - и он постучал по рукояти своего меча, — “это будет сделано”. Но теперь старая дисциплина была возрождена. Агриппа, в частности, был суровым сторонником дисциплины старой школы. Солдатам больше не льстили. Легионерские монеты больше не выпускались. Ради чести легиону было разрешено называть себя Августой, в качестве наказания титул был аннулирован. Высшая военная награда, триумф, постепенно была зарезервирована только за принцепсом и членами его дома. Даже когда титул императора получал победоносный генерал, он переходил к нему. Но его целью было следить за тем, чтобы ни у одного частного лица не было возможности добиться высоких воинских почестей. Агриппа мог быть опасен, и соответственно, он вошел в семью благодаря браку с дочерью Цезаря. Но в остальном проведение важных операций почти всегда поручалось одному из молодых принцев — Тиберию, Друзу или Германику. И они всегда побеждали. Когда Квинтилию Вару, полководцу более скромного происхождения, было позволено возглавить великую армию, он удобно указал на мораль сигнальной неудачей. Теперь ни один губернатор-сенатор не может набирать войска или объявлять войну по собственному желанию.

Единственная помощь, которую сенат все еще оказывал в военных делах, заключалась в том, что к “консультанту сената” обычно обращались с просьбой о новом наборе войск. Вероятно, это было связано с тем, что это касалось государственной казны, но отчасти также и потому, что это помогло переложить неприятную ответственность с плеч принцепса. Маловероятно, что Август отказался от права взимать налоги.

Служба в армии по-прежнему оставалась юридической обязанностью каждого римского гражданина. Но со времен Мария эта обязанность устарела, и никто не хотел, чтобы городской сброд служил в легионах. Служба в армии стала профессией, и теперь никогда не существовало какого-либо общего сбора, подобного тому, который предусмотрен современной воинской повинностью. Должно быть, высшие классы были каким-то образом принуждены служить офицерами, поскольку Светоний рассказывает о римском рыцаре, которого продали в рабство за то, что он отрубил своему сыну большие пальцы рук, чтобы уклониться от военной службы. При Акциуме сражался “Городской легион”, но теперь армия

в основном набиралась из Италии и имперских провинций. Союзные князья, такие как Ирод Великий, имели свои собственные ополчения, но их также могли попросить предоставить обученных вспомогательных войск для императорской армии. От провинций требовались войска пропорционально их воинственной активности. Голландские всадники были знамениты, и батавы предоставили большую часть кавалерии. Единственными людьми на Востоке, зачисленными в легионы, были галаты, которые, конечно же, были галлами по происхождению. У самого Августа была телохранительница из германских рабов. Как правило, в легионы зачислялись только свободные люди, но во время кризиса великих паннонских и германских восстаний,

РИС. 1
ЛЕПНОЙ РЕЛЬЕФ ПОБЕДЫ

ИЛЛ. 2
ДЕКОРАТИВНЫЙ ОРНАМЕНТ,
“ARA PACIS”

РИС. 3. ЛЕПНОЙ РЕЛЬЕФ: ВАКХИЧЕСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ
Табличка XLI.

на богатых граждан была возложена обязанность снаряжать и содержать в течение шести месяцев определенное количество вольноотпущенников и рабов, которым по истечении шести месяцев была обещана свобода и гражданство. Вероятно, они состояли в основном из гладиаторов. Этот факт свидетельствует о серьезной военной слабости Римской империи. Хотя насчитывалось более четырех миллионов полноправных римских граждан, в рядах легионов насчитывалось всего около 140 000 человек, а поскольку срок службы был очень длительным, двадцать пять лет и более, из этого следует, что ежегодно требовалось лишь небольшое количество новобранцев. Кажется, что армия слишком мала, чтобы удерживать такие обширные границы.

Августу удалось снизить огромную норму оплаты труда, существовавшую во время гражданских войн. После смерти Августа войска взбунтовались и потребовали увеличения своего жалованья до динария (менее франка) в день. Август учредил специальный военный фонд для выплаты пенсий своим ветеранам вместо ферм, на которые они все еще привыкли рассчитывать.

Насколько сильно — насколько опасно — Август сократил численность армии, видно из того факта, что во время гражданских войн в ней насчитывалось по меньшей мере пятьдесят легионов, а после смерти Августа - только двадцать пять. Эти войска по большей части были дислоцированы вдоль северной и восточной границ.

В Испании	3	легиона
Нижней Германии	4	”
Верхней Германии	4	”
Паннонии	3	”
Далмации	2	”
Мессии	2	”
Сирии	3	”
Египта	3	”
Африки	1	”

К ним следует добавить 9000 человек преторианской гвардии, которые имели более короткую службу (шестнадцать лет) и двойное жалованье. Преторианцы должны были быть настоящими итальянцами и, находясь внутри стен Рима, носить гражданскую одежду. Существовали также три “городских когорты” в качестве полиции — новое и наиболее полезное изобретение - и “когорта сторожей” для предотвращения пожаров. Очевидно, что при двадцатипятилетней службе резерва быть не могло. Но некоторые ветераны преторианской гвардии использовались в качестве казначеев или инженеров. Были также колонии солдат с истекшим сроком службы, размещенные в качестве гарнизонов в опасной стране.

Сами легионы были размещены в огромных укрепленных лагерях вдоль границ своих различных провинций. Таким образом, огромные пространства страны были полностью лишены вооруженных сил. Для ведения боевых действий на берегах Черного моря войска пришлось вызывать из Сирии. В Италии не было такого понятия, как легко мобилизуемая ударная сила. Это было неудобством и опасностью, но Август не собирался организовывать военную монархию. Профессор Гардтхаузен остроумно сравнивает проблемы, стоящие

перед римской армией, с теми, что стоят перед Британской империей. Проблемы были удивительно схожи, поскольку большая скорость транспорта компенсирует большие расстояния. Оба народа широко использовали систему обучения местных войск и ожидали, что провинции сами будут защищать себя. Но римляне были бы избавлены от многих проблем, если бы смогли перенять нашу систему компактных и хорошо обученных экспедиционных сил, поддерживаемых гражданской армией для внутренней обороны. Безусловно, римляне сейчас жили в состоянии мира, гораздо более глубокого, чем любое другое, которым мир наслаждался до или после. Их войны были делом их собственных рук. Внутри круга вооруженных границ безраздельно царил Римский мир. Римские граждане навеки опустили свои мечи.

Создание постоянного флота было не последним достижением цезаря. Средиземноморье теперь контролировалось должным образом, и торговля могла свободно циркулировать. Военно-морской флот Италии был разделен на две флотилии: одну для Западного Средиземноморья и одну для Адриатики. Для них были построены большие искусственные доки, один для средиземноморского флота в Мизене, открыв сообщение между Авернианским и Лукринским озерами и морем и, таким образом, создав небольшую, не имеющую выхода к морю гавань, которая использовалась для упражнений гребцов в плохую погоду. Строительство этого Порта Юлия, которое было осуществлено Агриппой с высокомерным пренебрежением как к гастрономической славе лукринских устриц, так и к мифологической известности Авернского озера как ворот в подземный мир, вызвало удивление, которое было отражено как Горацием, так и Вергилием.

Аналогичным образом, в результате масштабных инженерных работ в Равенне была построена база для Адриатического флота. Третья гавань была создана на побережье Галлии во Фрежюсе (Форум Юлия). Тибр был углублен и восстановлено судоходство. На Рейне сохранялись флотилии небольших судов.

Однако военно-морской флот даже в те дни не достиг ничего похожего на статус армии. Это был “мой флот” — частная собственность императора, снаряженная и содержавшаяся за счет его собственного кармана и укомплектованная в основном его рабами. Даже “префекты флота”, как правило, были вольноотпущенниками и иностранцами. Римский адмирал, как отмечает Моммзен, занимал положение ниже прокуратора или сборщика налогов. Таким образом, римляне до конца своих дней так и не осознали значения морской мощи. Их военно-морской флот предназначался только для полицейской работы, и в нескольких случаях, как, например, во время войны в Далмации, они не понимали, что военно-морские операции могли бы оказать наибольшую помощь их армии. Это правда, что в мире не было враждебных военно-морских сил, но империя была настолько распределена, что морские коммуникации могли представлять очень большую ценность.

Контроль над финансами был необходимым следствием контроля над войсками. Республика потерпела финансовое крушение почти в той же степени, что и военная система, и в эпиграмме Моммзена есть доля правды: “Римляне обменяли свою свободу на египетские суда с зерном”. Возможно, самый зловещий образ, в котором мы можем рассматривать государственную мудрость Августа, предложен Тацитом. Он систематически покупал поддержку всех классов в государстве. Но к этому Республика их уже приучила.

Мы должны очистить наши умы от современной идеи бюджета и согласованной государственной финансовой системы. Римляне никогда не платили налогов, и управление их финансами находилось в руках молодых людей, только начинающих свою государственную карьеру в качестве квесторов. Это было связано с тем, что финансы были

сравнительно недавней идеей в Риме. Проведение финансовой политики не входило в *mos maiorum* Рима, и Рим всегда был военным, а не коммерческим государством. Даже сейчас это была дешевая империя. Если не считать поставок зерна, единственной крупной статьей расходов было жалование армии. В целом, одна за другой, провинции были более чем самообеспечивающимися, и со временем разумная политика развития сделала их чрезвычайно прибыльными. Как мы увидим позже, поощрение использования природных ресурсов и разработка полезных ископаемых по всей империи значительно увеличили богатство Рима. От чиновников и магистратов, как правило, ожидалось, что они не только будут оказывать свои услуги бесплатно, но даже щедро оплачивать оказанные им почести общественными работами и развлечениями. Общественные работы, проводимые государством, обычно выполнялись рабами или солдатами. Когда требовался мрамор, его обычно реквизировали из Греции или Нумидии. Но человек, контролировавший армию, неизбежно должен был владеть и доходами. Юлий Цезарь просто присвоил казну. Август, как обычно, достиг той же цели более окольным путем.

Огромные сокровища, которые он тратил, были его любимым оружием управления государством. Если бы у него был друг, способный попасть в сенат, он просто подарил бы ему необходимый доход. Чтобы сохранить добрую волю общины, он раздал те огромные пожертвования, которые записал на памятнике Анкира. Римскому плебсу он раздал более шести миллионов фунтов стерлингов в виде восьми пожертвований. В другой раз, испытывая финансовые трудности, он одолжил более полумиллиона долларов без процентов. Когда солдат нужно было наградить после Акции, он смог спастись от непопулярной конфискации, найдя шесть миллионов наличными, чтобы купить им землю. Едва ли в империи был город, в котором не было бы какого-нибудь великолепного здания, свидетельствующего о его долге великодушию цезаря, и мы увидим, как он преобразил весь облик столицы. В дополнение ко всему этому он часто пополнял государственную казну из собственного кармана. Таким образом, было переведено более полутора миллионов. Неудивительно, что человек, который мог таким образом пополнить свою казну золотом, стал считать ее своей собственностью.

РИС. 1.
ФРАГМЕНТ АЛТАРЯ АВГУСТА

РИС. 2.
РИМСКИЙ РЕЛЬЕФ

Табличка XLII.

По мнению римлян, свободному джентльмену не подобало, когда его просили платить налоги в свободной стране. Они считали, что *дань* должны были платить только рабы. Более того, одним из ограничений власти Августа было то, что он не имел конституционного права взимать налоги с Италии. Действительно, он дважды предлагал обложить римских граждан налогом на собственность. В 4 и 13 годах нашей эры он провел перепись всего имущества стоимостью свыше 2000 фунтов стерлингов в качестве предварительной меры, но, по крайней мере, во втором случае историк объясняет это как хитрый дипломатический ход, направленный на то, чтобы заставить людей смириться с существующими налогами на смерть. Серьезные финансовые затруднения тех лет были вызваны расходами на чаевые, выплачиваемые солдатам с истекшим сроком службы. Ежедневное жалование солдата в размере около шести пенсов было всего лишь карманными деньгами, он всегда рассчитывал обзавестись фермой после увольнения. При Августе это земельное наделение было заменено вознаграждением в размере около 125 фунтов стерлингов для легионера или 185 фунтов стерлингов для преторианской гвардии. Конечно, при более чем двадцатилетней службе и постоянных боевых действиях число ветеранов, увольняемых каждый год, должно было быть значительно ниже 20 000 зачисленных новобранцев, но все равно это были большие расходы. В некоторых случаях ветераны оставались под знаменами, а в некоторых случаях по-прежнему предоставлялись земли в новых странах. Но это бремя привело к созданию новой военной казны в 6 году нашей эры. В первую очередь она была заполнена за счет пожертвований в размере почти двух миллионов от Августа и Тиберия, но поддерживалась за счет двух косвенных налогов, которые падали на римских граждан — к их большому неудовольствию. Один из них был налогом в размере одного процента на все купленные и проданные объекты, другой - в размере пяти процентов на наследство. Последний вводился не только для получения дохода. Он был призван, наряду с другими

законами, препятствовать безбрачию, поскольку оно распространялось только на тех, кто умер, не оставив наследников. То, что кажется отдельным налогом, является другим налогом на продажу рабов.

Другой крупной статьей расходов были поставки кукурузы в Рим. Двести тысяч человек получали кукурузу бесплатно, а остальные граждане всегда рассчитывали купить ее очень дешево. Большая часть этой кукурузы поступала из Египта и Сицилии в качестве налогов, уплаченных натурой. Контроль за поставками находился в руках нового ведомства, *ciga annonæ*, но из-за его бесхозяйственности было несколько периодов голода, когда либо самому Августу, либо кому-то из членов его семьи приходилось вмешиваться и наводить порядок.

Общие расходы на управление империей были не так велики, как можно предположить по современным аналогиям. Несомненно, императорские легаты и прокураторы получали жалование из имперского бюджета. Обычно утверждается, что все провинциальные магистраты теперь получали фиксированную зарплату вместо того, чтобы быть брошенными грабить провинциалов. Правда заключается в том, что высшие магистраты Рима никогда не получали и еще долгое время не получали жалованья. Но они всегда требовали надбавку на свои дорожные расходы, технически называемую “деньгами на мула и палатку”, и она была установлена в щедрой шкале, которая на практике действительно равнялась зарплате. Единственное изменение заключалось в том, что вместо того, чтобы разрешать заключать эти сборы по обычной контрактной системе республиканского казначейства, губернаторы теперь получали фиксированную субсидию, рассчитываемую в соответствии с необходимым масштабом расходов в различных провинциях. Для провинций таким образом была достигнута огромная экономия, но для центральной казны это, должно быть, обошлось дороже.

Табличка XLIII. АЛТАРЬ АМПТУСА

Финансы провинций были постепенно приведены в порядок и организованы с непревзойденным мастерством. Та скудная информация, которой мы располагаем, как правило, показывает, что нигде реформация Августа не была более благотворной или более блестяще успешной. В Галлии земельный налог и налог на имущество были установлены в 26 году в довольно высоких масштабах, это правда, но развитие торговли и сельского хозяйства, поощряемое римлянами, сделало их легким бременем по сравнению с быстро растущим богатством провинции. К этому времени государство приняло теорию дани, которую римские юристы разработали на ложных принципах. Дань теперь рассматривалась не как замена повинности военной службой, что было ее истинным источником, а как арендная плата, выплачиваемая Риму за дальнейшее пользование землями, перешедшими к нему по праву завоевания. Дань повсеместно пересматривалась в результате систематически проводимой новой оценки. Обычно она составляла десятину урожая кукурузы и 20% жидких продуктов, таких как масло и вино. В сенаторских провинциях какое-то время сохранялась старая система взимания налогов подрядчиками, но в своих

собственных провинциях Август учредил имперское налоговое управление, которым управляли римские рыцари или греческие рабы и вольноотпущенники в качестве его финансовых прокураторов. У нас действительно есть три известных случая хищения средств местными агентами. Один из них, Эрос, продемонстрировал свою наглую ненасытность в Египте, купив знаменитого бойцового перепела за огромную сумму денег, а затем приготовив его себе на ужин. Другой, Лициний, уроженец Галлии, которому было поручено собирать налоги в своей стране, обезоружил гнев цезаря, подобно слуге из притчи, показав комнаты, полные серебра и золота, которые, по его словам, он хранил в интересах своего господина. В данном случае ему инкриминируется рьяное вымогательство. Одним из его методов было вымогательство налогов за четырнадцать месяцев в году, указывая ни в чем не повинным туземцам, что, поскольку декабрь по самому своему названию является десятым месяцем, им нужно заплатить еще два ежемесячных взноса до конца года. Казначей, также раб, умерший во времена правления Тиберия, был печально известен свитой из четырнадцати человек, сопровождавших его в путешествиях. У него были свои личные повара и врачи. Но это единичные случаи. В целом ясно, что провинции радовались своему освобождению от гнета Республики. Они всегда стремились перейти от сената к цезарю. Если сборщик налогов все еще стоял у их дверей, то теперь он был человеком, находящимся под независимой властью, у которого был хозяин, который выслушивал петиции и апелляции. Более того, теперь у них было правительство, которое помогало им платить, разумно развивая их ресурсы.

Государственная казна сената больше не была доверена простым квесторам. Август сначала назначил префектов и для этого. Но недостаток административных возможностей в Риме вынудил его передать полномочия преторам. Однако он сам следил за его управлением, о чем свидетельствует тот факт, что, умирая, он оставил государству отчет о состоянии казны.

Еще слишком рано говорить об определенной системе разделения между общественным "эзариумом" и личным "фискусом" императора. Но бюджет сената будет включать:

Доходы	Расходы
Пошлина на наследство в размере 5%.	„Армия и полиция.
2% или 4% пошлина на продажу рабов.	Религия.
1% на товар.	Поставка кукурузы.
Таможенные и портовые сборы.	Водоснабжение.
Конфискации у государственных преступников.	Пожарная команда.
Наследственное имущество.	Администрация.
Общественные земли.	
Дань уважения провинции.	
Государственные рудники и комбинаты.	
Чеканка из меди.	

Бюджет фискуса будет включать:

Доходы	Расходы
, взимаемые с провинций Цезаря, особенно Египта и Галлии.	Администрация провинции и зарплаты.
Наследие (15 000 000 фунтов стерлингов за последние двадцать лет).	Щедрость.

Частные владения.

Семейное наследство.

Augur coronarium (бесплатный подарок при вступлении).

Частные шахты и заводы.

Чеканка из серебра и золота.

Храмы и общественные здания.

Займы и подарки.

Флот.

Игры и представления.

РИС. 1.
ХРАМ САТУРНА, ФОРУМ, РИМ

РИС. 2. ХРАМ МАТЕРИ МАТУТЫ, РИМ

Табличка XLIV.

Провинции

Обратившись теперь к краткому обзору римского мира с географической точки зрения, мы увидим работу по реставрации, проводимую с той же методичной тщательностью, которая делает этот режим одним из самых благотворных в истории цивилизации. Мы уже кое-что видели о провинциальной системе в том виде, в каком она была реорганизована в 27 году до н.э. На долю сената достались следующие провинции:

- *Азия.*
- *Африка.*
- *Галлия Нарбоннская* (передана сенату в 22 году до н. э.)
- *Латинская Испания.*
- *Крит* с Киренаикой.
- *Македония* с Ахайей.
- *Вифиния* с Понтом.
- *Кипр* (также передан сенату в 22 году до н.э.).
- *Далмация* (до восстания 11 г. до н.э.).
- *Сардиния* с Корсикой.
- *Сицилия.*

Ими управляли ежегодные магистраты, избираемые по жребию из списка, составляемого сенатом — первые два проконсулами консульского ранга, остальные также губернаторами, называемыми проконсулами, но фактически только преторианского ранга, то есть бывшими преторами. Африка была единственной из этих провинций, в которой были войска, и губернаторы-сенаторы выходили в гражданской одежде только в качестве администраторов. Провинциями цезаря были:

- *Испания.*
- *Галлия.*
- *Сирия* с Киликией и, до 22 г. до н.э., Кипр.

К ним постепенно добавлялись:

- *Germania.*
- *Иллирия*, включая Далмацию и Паннонию.
- *Галатия*, включая Ликаонию, Памфилию, Писидию и часть Киликии, с добавлением Пафлагонии в 5 году до н.э.

Всеми ими управляли легаты Цезаря, обычно избираемые из рядов сената, с титулом пропретора. Они занимали свои посты столько, сколько хотел цезарь, и были обеспечены штатом, отобранным им самим из подготовленных финансистов. В дополнение к ним постепенно накапливались другие округа, подчинявшиеся префектам:

- *Египет.*
- *Мессия* и Трибаллия.

- *Alpes Cottiae*.
- *Приморские Альпы*.

И другие снова при прокураторах:

- *Иудея* (после 6 г. н. э.).
- *Rhætia*.
- *Noricum*.

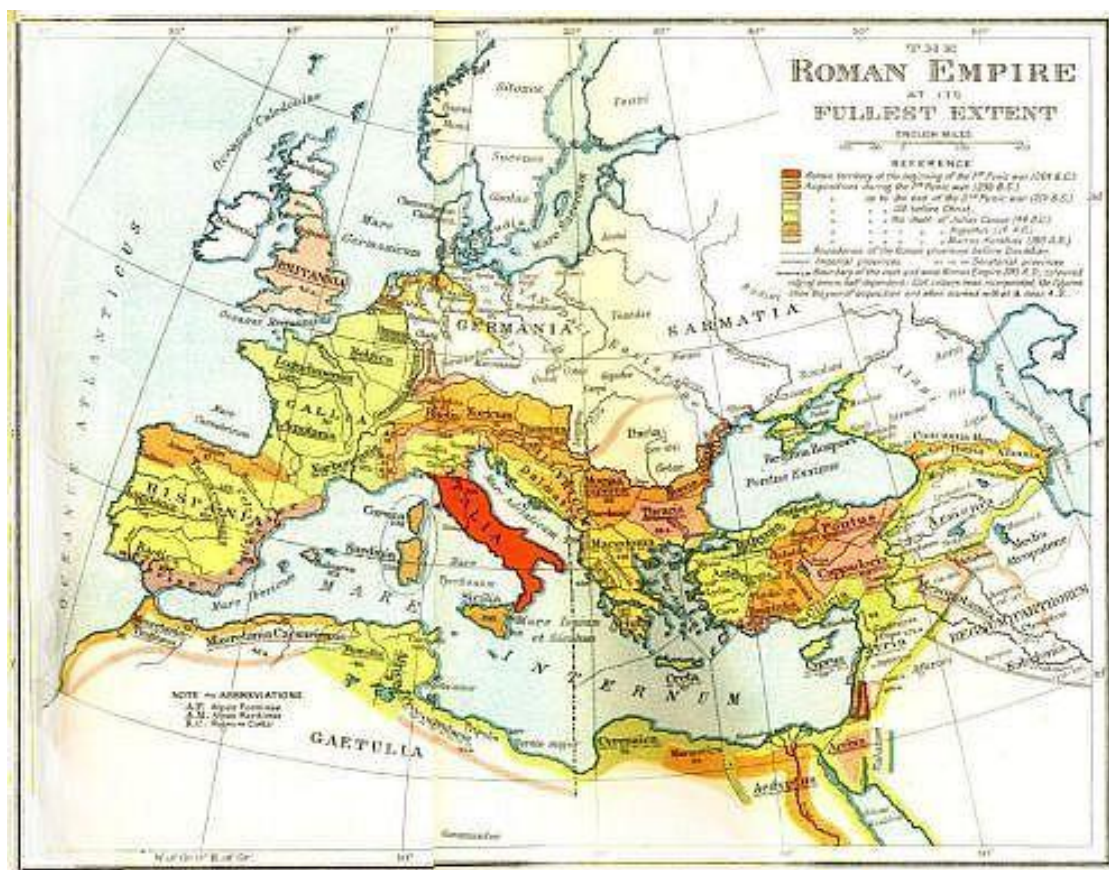
Кроме того, существовало большое количество “союзных” или “клиентских” королевств и республик:

Фракия.	Абитена.
Понт с Босфором.	Эмеса.
Иудея (до 6 г. н. э.).	Галилея и Перея.
Коммагена.	Nabatæa.
Syria.	Batanaea.
Армения.	Мавритания.
Аравия.	

И союзные государства:

- *Ликия*.
- Афины, Спарта, Родос и другие греческие города.

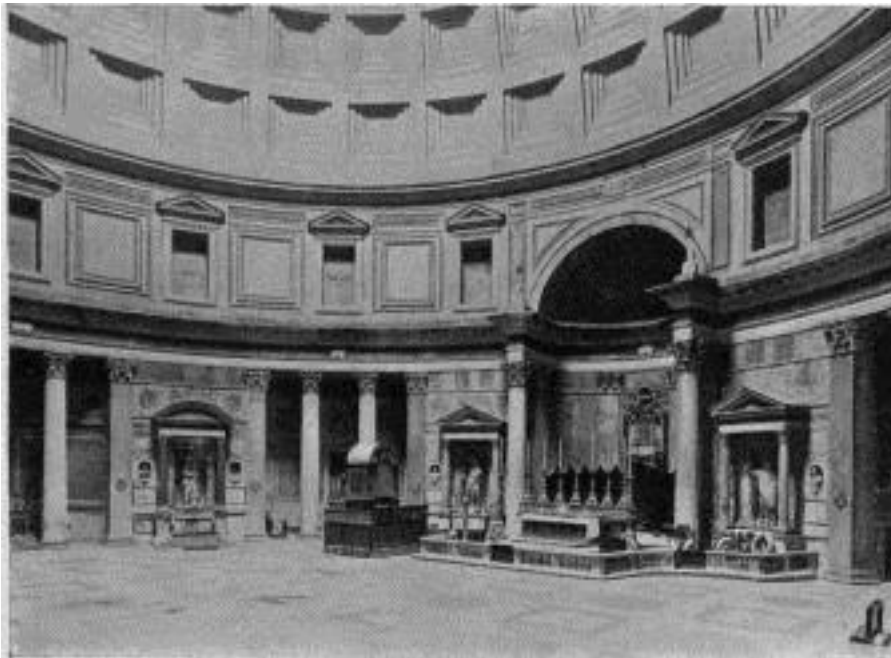
В своих собственных провинциях цезарь был верховен во всем; он имел право заключать мир, войну и союзы, не консультируясь с сенатом. Хотя он управлял страной через легатов или прокураторов, римское право всегда предоставляло право обжалования решения нижестоящего магистрата вышестоящему. Это было источником “обращения Павла к кесарю” от прокуратора Иудеи. В сенаторских провинциях его империя, которая была специально определена как “высшая” (*maius*), давала ему преимущество, когда он действительно присутствовал. И у нас есть много случаев его вмешательства в дела сенаторских провинций. Легаты Цезаря, такие как Агриппа, Тиберий и Гай, постоянно действуют в качестве правителей в Азии, хотя для этого требуется постановление сената. Мы слышим об основании Августом колоний на Сицилии. Более того, принцепс обладал единоличной властью над армией, и для любых военных операций было бы необходимо позаимствовать его войска.

Римская империя во всей ее полноте

Основы этой великой империи не были заложены поспешно или небрежно. Несмотря на слабое телосложение и миролюбивый характер, Август провел первую половину своего долгого правления больше за границей, чем дома, с неослабевающей энергией сражаясь с мятежниками и организуя реформы. Этой части его работы мы не можем уделить достаточного внимания из-за нехватки материала. Древние историки предпочитают фиксировать небольшие победы над варварскими племенами или мелкие сплетни римских улиц, в то время как им нечего сказать о неустанном управлении, которое за одно поколение превратило римский мир из ужасающего хаоса в картину мира и процветания, показанную нам на страницах Страбона и Плиния. Итак, пока наши взоры прикованы к грехам и безумствам римских императоров и придворных, пока у нас не сложится впечатление прогнившей тирании, управляемой по прихоти монстров и глупцов, все это время большая часть Европы мирно продвигалась к состоянию общей культуры и цивилизации, какого она никогда не знала прежде, и такого, какого она не знала снова вплоть до девятнадцатого века. Случайный взгляд на надписи провинциального городка, вероятно, производит на нас более верное впечатление, чем вся риторика историков. Например, в Помпеях, маленьком и неважном пригороде Неаполя, который едва ли попадает в поле зрения истории, мы видим оживленную и полезную муниципальную жизнь, протекающую в абсолютной безопасности. Было десять советников (*decuriones*), которые соответствовали римскому сенату, и было два местных консула, носивших титул “дуумвири”. В большинстве случаев небольшой муниципалитет также имел бы своего “патронуса”, возможно, местного сквайра, который в какой-то мере соответствовал принцепсу и который представлял бы интересы города в Риме или у римского претора. Однако его главным занятием было оборудовать свой город банями, храмами и колоннадами или устраивать в нем публичные банкеты. Для богатых вольноотпущенников, в руках которых находилась большая часть местной торговли, Август предоставил новый офис *Seviri Augustales*, который мы уже описывали. Ставок не было, их

место заняла частная щедрость. В Италии не было прямого налогообложения, а косвенные налоги были незначительными. Внутренняя торговля была свободной. Обязанность нести военную службу была настолько широко распространена, что на Италию она легла очень легко, и местные жители, соответственно, становились все менее и менее воинственными. Теперь все итальянские народы были римскими гражданами. Торговле в значительной степени способствовало улучшение коммуникаций, произошедшее в этот период. Забота о дорогах должным образом была возложена на сенат, но поскольку они проявили свою обычную некомпетентность в этом вопросе, принцепсу пришлось вмешаться и организовать специальный Дорожный совет с куратором для каждой из магистральных линий связи. Август также учредил имперскую почту с системой перегонов и ретрансляторов, которая просуществовала до появления железных дорог. Транспортные средства и лошади содержались придорожными общинами, и императорским посланникам, имевшим при себе *диплом* или паспорт, разрешалось путешествовать экспресс-транспортом этим способом. Великая дорога в Римини, Путь Фламинияна, была отремонтирована первой, и Август украсил город-терминал красивым мраморным мостом^[44] и триумфальной аркой, возможно, в качестве компенсации за неприятности, которые он сам причинил городу во время гражданских войн. Процветающие исторические города, такие как Турин и Брешиа, обязаны своим происхождением колониям, основанным Августом. Такие города, как Перуджа, которые были почти разрушены во время гражданских войн, теперь выросли снова и процветали. В общей сложности Август основал двадцать восемь колоний в Италии и предоставил 90 000 ветеранов гражданских войн землю, которую он купил и за которую заплатил. То, что море теперь стало безопасным для торговли и рыболовства, должно быть, очень много значило для прибрежных городов. Август сам написал отчет о состоянии Италии, и Плиний признается, что использовал его как свой авторитет. За всю долгую и важную историю Италии сомнительно, наслаждалась ли она когда-либо таким миром и процветанием, какие начались для нее в правление Августа.

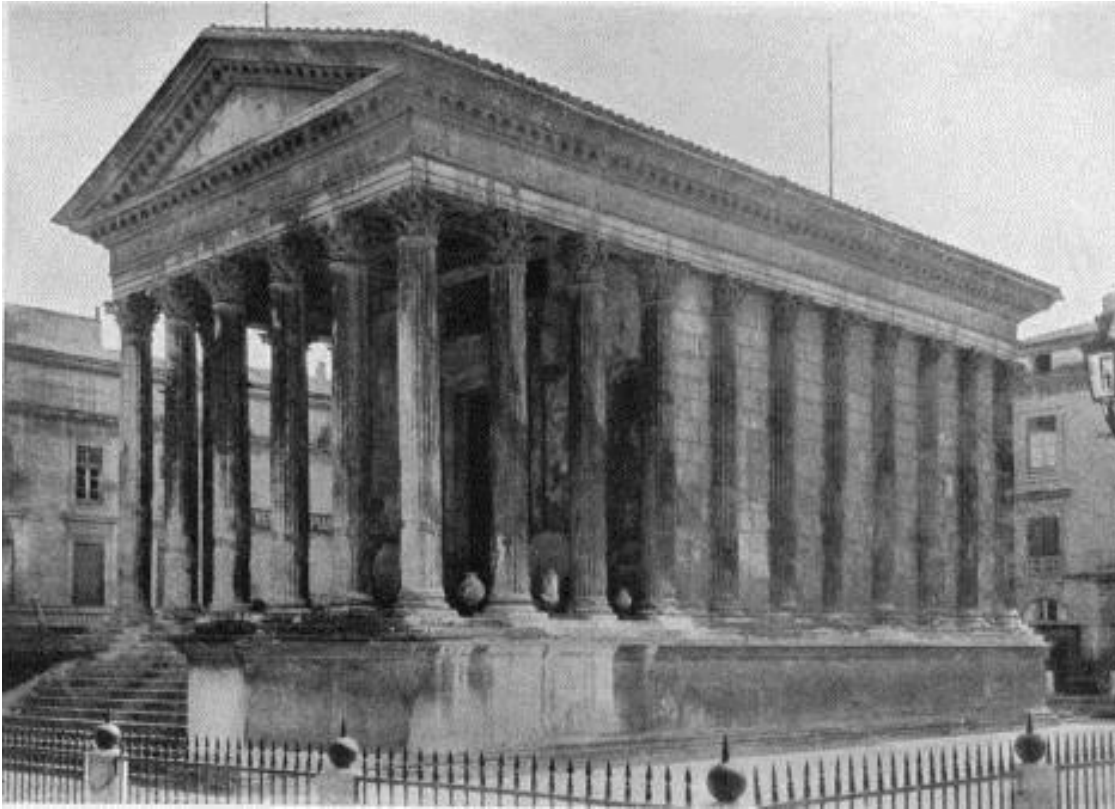
Табличка XLV. КРЫЛЬЦО И ИНТЕРЬЕР ПАНТЕОНА, РИМ

Широкий взгляд на внешнюю политику показал Августу две жизненно важные точки опасности — Север и Восток. На севере свирепые и воинственные варвары Германии действительно были сдержаны Юлием, но также и разгневаны. Племена, более или менее родственные им, распространились на юг через Дунай и даже в австрийский Тироль, где они находились чуть более чем в неделю пути от ворот Рима. Здесь требовалась жесткая пограничная политика. На Востоке были парфяне, единственная возможная соперничающая с Римом держава. Римляне в Карре заметили, что в то время как вожди носили волосы с пробором и завивали их, а лица раскрашивали по персидской моде, у воинов были растрепанные локоны варваров Фракии. Вполне вероятно, что эти парфянские лучники пришли с берегов Черного моря из Фракии или Южной России. У них были все характерные черты северных кочевников, но их цари обладали значительной долей эллинской культуры. Они могли похвастаться отборной коллекцией римских орлов, захваченных не только у Красса при Каррах, но и у двух армий, посланных против них Антонием. Тысячи римских

пленников все еще работали в качестве рабов на берегах Евфрата. Задача наказать их определенно была возложена на Августа в наследство от Юлия, который был убит в тот момент, когда собирался взяться за это сам. Более того, римляне очень остро ощущали потерю этих стандартов, и не последним мотивом их согласия с монархией была надежда на то, что монарх восстановит их честь в этом квартале. Более ранние стихи Горация постоянно выражают надежду на отмщение.

Способ, которым Август удовлетворял эти горячие стремления национальной гордости, характерен для него. Вместо армий и кровопролитных сражений, которых историки требуют от своих фаворитов, Август достиг своей цели благодаря удаче и стратегии. Когда он организовывал дела Востока в 29 году до н.э., после завоевания Египта, он оставил парфянский вопрос нерешенным. За это Моммзен отчитывает его, но нет никаких сомнений в том, что было бы безумием затевать большую и опасную войну в тот момент, когда дела Рима все еще были в беспорядке. Более того, отношение армии вынудило его вернуться домой. Вместо того, чтобы сражаться, он довольствовался созданием соперничающих держав на парфянской границе. Парфяне ненавидели своего царя Фраата, и у них был свергнутый соперник на поле боя, Тиридат, которому Август теперь предоставил убежище в провинции Сирия, надеясь, как это действительно произошло, что его присутствие по соседству поддержит вежливость Фраата. В то же время Август основал буферное царство Малая Армения на границе с Парфянией, а на юге укрепил и восстановил власть Ирода Великого. Для охраны Сирии было оставлено четыре или пять легионов.

В 23 году до н.э. случилось так, что Тиридату удалось похитить ребенка Фраата и держать его под стражей в римской провинции. Показательным для изменившихся отношений между Парфией и Римом является то, что вместо того, чтобы отправиться в Сирию за ребенком, Фраат отправил посольство в Рим, куда также прибыл лично Тиридат. Конечно, сенат поставил восстановление ребенка в зависимость от возвращения стандартов и заключенных. Фраат согласился, но с выполнением контракта произошла некоторая задержка, и это, возможно, было тайно организовано для того, чтобы Август мог провести дело более эффектным образом. Август выступил с армией, и при одном его приближении знамена и пленники были отданы с соблюдением надлежащих формальностей. Это был действительно римский триумф, почти такой же великий, как если бы он был достигнут кровопролитием, ибо весь мир мог видеть унижение Парфии. Август, этот проницательный тактик, позаботился о том, чтобы мероприятие не утратило своей впечатляющей из-за простого отсутствия кровопролития. Возвращение штандартов рассматривалось как римский триумф. Они были со всей торжественностью помещены в храм Марса-Мстителя. Были отчеканены монеты, изображающие парфянина-просителя, стоящего на коленях, и та же сцена рельефно изображена в центре нагрудника цезаря на знаменитой статуе. Поэты разразились исполненными долга пениями.

Табличка XLVI. MAISON CARRÉE, NISMES

nunc petit Armenius pacem, nunc porrigit arcum
Parthus eques timida captaque signa manu

- восклицает Овидий. Вергилий, в своей манере, говорит о том, что в будущем Евфрат будет течь спокойнее. Оды Горация и элегии Проперция содержат аналогичные лояльные аллюзии. Ферреро, который считает Августа жалким обманщиком точно так же, как Юлия - жалким авантюристом, не испытывает к этому эпизоду ничего, кроме презрения. Но, видя, что парфяне теперь были совершенно ослаблены своими внутренними распрями и совершенно покорны Риму, было бы безрассудством начинать их завоевание. То, что они доставили много хлопот в будущем, достаточно верно, но с этим вполне можно было бы оставить разбираться на будущее. Истребление могло бы успокоить их навсегда, но у Августа действительно не было повода для войны с ними.

Сдача штандартов

Во время того же визита на Восток была организована еще более сложная система буферных государств, образующих двойной полукруг вокруг Парфии. Армения уступила Риму и получила из рук Тиберия нового царя, получившего образование в Риме. Сам Август объясняет, что, хотя он мог бы превратить Армению в римскую провинцию, он предпочел последовать примеру “наших предков” и передать корону местному царю. Август никогда не претендовал на роль завоевателя мира. Точно так же Мидийская Атропатена получила

нового короля с римским образованием, как и Коммагена и Эмеса. Они образовали внешнее кольцо буферных состояний.

Центральным государством, стоявшим за ними, была Галатия, засушливый горный район, населенный потомками тех галлов, которые ворвались в греческий мир при Бренне. Хотя они приобрели некоторый привкус греческой цивилизации и имели довольно важную столицу в Анкире, они все еще говорили на галльском языке и по-прежнему были воинственной расой. По этим причинам после смерти их короля Август предпочел превратить их страну в провинцию. На севере находилось очень дружественное королевство Полемо в Понте, а на юге - другие дружественные княжества, а также римские провинции Киликия, Сирия и Кипр.

Несмотря на всю эту изоцированную оборону, парфянский вопрос на самом деле так и не был решен. Они продолжали оказывать чрезмерное влияние в Армении, и в 1 году нашей эры была предпринята еще одна торжественная миссия на Восток и состоялась конференция между парфянским царем Фраатом и Гаем, внуком Августа. И снова парфяне заявили о покорности, и снова придворные поэты заиграли на своих подобострастных лирах. Когда Фраат умер, его дядя Ород, который наследовал ему, правил с такой жестокостью, что был убит. Вслед за этим парфяне послали в Рим за царем, и Август дал им племянника убитого тирана, юношу, также получившего римское образование. Мы отмечаем, что это обычное явление во внешней политике Августа. Должно быть, у него в Риме было что-то вроде школы для молодых варварских принцев, но были ли уроки, которые они усвоили в римском обществе, в целом полезными, сомнительно.

За этой стеной великие провинции Азии, Сирии и Вифинии были окутаны глубокой безопасностью. Здесь греческая культура продолжала процветать благодаря периодическим вторжениям восточной религии и философии. В каждом значительном городе евреи составляли значительную и растущую часть населения, но даже они были наполовину греками по своему образу жизни. Страна была богатой, ленивой и совершенно невоинственной. Цивилизация достигла высокого расцвета, и, вероятно, именно эта часть мира послала в Рим тех художников, которые внесли свой вклад в возрождение скульптуры. Симпатичные маленькие эпиграммы в греческих элегиях, похоже, были их главным литературным достижением. У этих провинций очень мало истории — к счастью для них — в этот период. Лучше всего мы знаем их из Деяний Апостолов, где мы получаем представление об их суевериях, об их стремлении принять новые религии. Мы видим фанатизм Эфеса с его великолепным храмом Дианы и величественным богослужением, религией восточного характера, наложенной на греческую культуру и соперничающей по своей привлекательности только с римским амфитеатром. Для этих людей, как и для всего остального мира, у Августа была своя политика. Поскольку богослужение было их назидательной потребностью, а эвгемеризм приучил их поклоняться людям, он установил тщательно продуманный культ самого себя, или, скорее, с помощью тонкого различия без различия, культ “гения Августа”. Были построены храмы в честь “Рима и Августа” и тщательно продуманной иерархии “Первосвященников”, “Асиархов” и “Вифиниархов”, которые стали высшими социальными знаками отличия в обществе того времени. Это был его метод заручиться преданностью народов, преданных религии и лести. Здесь в ближайшем будущем должен был развернуться важный конфликт между этой Государственной религией и христианством, когда другие восточные религии, такие как митраизм, также заявили о своих приверженцах.

Фотография XLVII. ТЕАТР МАРЦЕЛЛА, РИМ

Что касается древней Греции, то римляне никогда не отрицали своего духовного долга перед ней и, соответственно, относились к Греции с некоторым почтением, которое человек испытывает к своему университету. Сам Август получил образование в Аполлонии, он отправил своих наследников в различные греческие города для получения образования. Образованным римлянам показалось бы святотатством поставить легата во главе Афин. Таким образом, мы находим Грецию занимающей совершенно исключительное положение в империи, действительно, без исключения самой свободной и привилегированной ее частью. Такие города, как Афины, Лакедемон, Теспия, Танагра, Платея, Дельфы и Олимпия, были свободными и почти суверенными. Афины продолжали чеканить свои серебряные драхмы со старым изображением Паллады и совы, избирали своих собственных архонтов и генералов, проводили ассамблеи и даже создали своего рода империю, простиравшуюся на всю Аттику, часть Бокотии и пять островов Кикладского архипелага. Некий Юлий Никанор, ее “новый Фемистокл”, купил остров Саламин и подарил его своему городу в цивилизованном стиле строительства империи. Спарта тоже, хотя теперь и уменьшилась до размеров деревни, правила Северной Лаконией, в то время как на юге существовала свободная конфедерация, поддерживавшая в ней порядок. Рядом с этими городами с древней славой

стояло новое и великолепное творение Августа — Никополь, город победы, основанный на мысе Акциум в ознаменование великой победы 31 года. В Никополе был свой великий спортивный праздник, подобный Олимпии, и он правил значительной территорией. В дополнение к этим свободным городам существовало несколько римских колоний. Коринф вновь восстал из своего пепла как важный торговый город, основанный Юлием Цезарем. Патры, расположенные на берегу Коринфского залива, недавно основанные Августом, стали одним из самых важных городов Греции, каким они являются и сегодня. Остальная часть Южной Греции, состоящая в основном из малоизвестных деревень, образовала новую сенаторскую провинцию Ахайя и управлялась проконсулом в Коринфе. Это была бедная невоенная провинция. Северная часть образовывала сенаторскую провинцию Македония. Фессалоники и Аполлония были главными центрами управления и цивилизации в этом регионе. В Греции, как и везде, Август поставил своей целью сосредоточить национальное единство на религии. Старая ахейская лига была возрождена как религиозное собрание с центром в Аргосе, а Дельфийский Амфикиний, старейшее сохранившееся учреждение в Европе, стал основой панэллинской конфедерации, которая ежегодно собиралась для религиозных целей под патронажем Рима, своего рода Eisteddfod, сочетающий религию с культурой. Он приносил жертвы цезарю, и здесь мы также находим президента по имени “Элладарх”. Но хотя в Греции были свобода и мир, с ней что-то было не так. Ее уменьшившееся население продолжало сокращаться. В Географии Страбона Фивы - обычная деревня.

Фотография XLVIII. ВНУТРЕННИЙ ДВОР, ДВОРЕЦ ФАРНЕЗЕ, РИМ

Пересекая реку, мы обнаруживаем, что недавно завоеванное египетское царство было ключом ко всему положению Августа. Именно богатство Египта примирило Рим с монархией, и именно с помощью этого богатства он продолжал сохранять верность своих подданных. Как и Греция, она обладала древней цивилизацией, которая произвела впечатление на римлян как нечто, находящееся за пределами их понимания. Александрия, в частности, как

ворота к богатствам Египта и как величайший из существующих центров греческой культуры, не говоря уже о ее огромном населении и коммерческих преимуществах, казалась римлянам действительно опасным соперником. Страх перед этим соперничеством очень остро ощутили в Риме, когда пришли известия об амбициозных планах Клеопатры и раболепии Антония. Август действительно возглавлял что-то вроде национального крестового похода, когда объявил им войну. Те же опасения теперь побудили его урегулировать обращение с Египтом как с провинцией. Хотя он пишет: "Я присоединил Египет к Римской империи", он относился к нему скорее как к имперским владениям под управлением префекта или вице-короля, тесно связанного с его интересами. Его первым префектом был Корнелий Галл, рыцарь из галльской колонии Фрежус, сам поэт и друг Вергилия. Корнелий Галл на самом деле был героем знаменитой эклоги "*кто такая кармина Галло?*" Было специально предписано, чтобы ни один сенатор не посещал Египет без специального разрешения цезаря. Коренные египтяне уже были вытеснены греческой аристократией времен завоевания Александра. У них не было никаких прав, и для них не было предусмотрено никакого гражданства, как это было в других местах. Август принял сложную бюрократическую систему, которая, как он обнаружил, существовала, когда он приехал. Греческая аристократия жила почти исключительно в Александрии, обладая собственной муниципальной конституцией, магистратурой и священством. *Экклезия* была остановлена, но в остальном попыток романизации Египта не было. Древнеегипетский культ Исиды и Осириса покорил всех своих завоевателей и продолжал вторгаться даже в сам Рим, где Август был вынужден признать его непреодолимым. Все, что произошло в Египте, заключалось в том, что Август занял место Птолемеев в официальной религии. Именно страх привел к назначению простого рыцаря вице-королем, хотя под его командованием было три легиона. Чиновниками при нем были рыцари или вольноотпущенники. Налоги оставались очень высокими, как и было необходимо, но теперь египтяне оказались в лучшем положении, чтобы платить их. Еще до того, как гражданская война полностью закончилась в 29 году до н.э., Август нанял своих солдат для расчистки каналов и повышения уровня дамб, которые обеспечивали Египет урожаем. Этот процесс продолжался, и Египет больше никогда не достигал такого процветания, пока не приехал лорд Кромер, чтобы возобновить работу Августа. Урожай зависел просто от высоты, на которую поднимался Нил. Древний нилометр на Элефантине показывает, что в последние дни правления Августа уровень Нила поднялся до беспрецедентной высоты. Раньше уровень в восемь локтей означал голод, теперь он гарантировал сносный урожай. Другая надпись, найденная в Коптосе, сообщает нам имена римских солдат, которые построили резервуары с водой вдоль больших дорог. Тогда торговля с Индией вдоль Красного моря впервые начала набирать обороты. Если во времена Клеопатры в Индию за год приплывало едва ли двадцать кораблей, то во времена Страбона (около 18 г. н.э.) уже существовал огромный индийский флот. Налоги на экспорт и импорт приносили огромный доход в императорский кошелек.

Префект, представлявший своего хозяина на троне Птолемеев, находился в трудном положении. Для Рима он был простым слугой, для египтян чем-то вроде бога. У поэта Галла не было сил сопротивляться этому льстивому влиянию. Он позволил воздвигнуть себе статуи и даже выгравировал свои достижения на пирамидах. Друг-предатель сообщил об этих неблагоразумных действиях в Рим. Август удовлетворился тем, что отозвал его и запретил жить в провинции или появляться в его присутствии. Но назойливый сенат заменил его приговор изгнанием и конфисковал все его имущество у Августа, в результате чего Галл был доведен до самоубийства. Тогда Август извинился и пожаловался, что трудно не иметь возможности ругать своих друзей, как подобает закрытому человеку. Это был первый случай заболевания, известного как *delatio* (информирование), которое впоследствии стало таким опасным заболеванием в Империи. Отрадно узнать, что в римском обществе с доносчиком

обращались очень грубо. Во времена Августа из Египта, служившего базой, были совершены экспедиции в Аравию и Судан. Аравия Феликс была для римлян своего рода Эльдorado безграничных богатств, как пишет Гораций другу, присоединившемуся к кампании. Арабы привозили свои благовония на сирийские рынки и уже торговали с Индией из Адена, но национальное богатство страны было преувеличено, а ее трудности неизвестны. Эта экспедиция 25 года до н.э., имевшая очень большой масштаб и включавшая контингенты из Иудеи, была одной из немногих преднамеренных завоевательных войн, когда-либо запланированных Августом. Он усвоил урок, потерпев неудачу в выжженных и безжизненных пустынях. Другая кампания против черных эфиопов Судана под предводительством их воинственной, но одноглазой королевы Кандакии была более успешной. Легат Петроний проник до Второго водопада и отправил в Рим тысячу пленных, но Август, похоже, удовлетворился тем, что сделал Первый водопад своей южной границей.

РИС. 1.
КОЛОННАДА ОКТАВИИ

РИС. 2. РИМСКИЙ БАРЕЛЬЕФ

Табличка XLIX.

Соседнее с ним Иудейское царство имеет значение не только потому, что во времена Августа в Вифлееме родился Ребенок, которому было суждено завоевать Рим, а через Рим и весь мир, но и потому, что его трон занимал самый способный и выдающийся человек после Августа во всей Империи. Ирод Великий, араб-эдомит по происхождению, унаследовал трон Маккавеев в 37 году до н.э. Он был не только отважным воином, но и исключительно искусным дипломатом, который всегда умел прикрывать свои преступления искусной лестью и очаровательными манерами. Он был очень успешен в борьбе между соперниками на протяжении гражданских войн и даже делил благосклонность Клеопатры со своими римскими хозяевами. Таким образом, он увеличил свои владения, добавив Гадару, Самарию и прибрежные города Филистимлян. В знак уважения к Августу он с большим блеском восстановил Самарию как греческий город Севастию и построил греческие театры, римские амфитеатры и бани в самом Иерусалиме. Он даже учредил там пятилетние игры, на которых выступали обнаженные атлеты, к бесконечному отвращению евреев. Он отвез своих сыновей в Рим для получения образования и там познакомился с Августом и Агриппой и очаровал их. Он даже убедил Агриппу посетить Иерусалим на открытие его великолепного нового храма в 15 году до н.э. Агриппа пришел и принес в жертву Иегове целую гекатомбу, к явному удовольствию народа. Позже Ирод совершил грандиозное путешествие по Малой Азии, разбрасывая повсюду щедрые подарки и получая взамен комплиментарные надписи. Ему удалось добиться ценных привилегий для своих братьев-евреев, рассеянных за границей в этих регионах. Отныне их не принуждали нести военную службу и они имели специальное разрешение соблюдать субботу.

Однако в 9 и 8 годах до н.э. у него возникли проблемы с Августом из-за проведения военной экспедиции против арабов без разрешения. Это было величайшее преступление, которое мог совершить царь-клиент, и Август заявил, что отныне он будет относиться к Ироду не как к другу, а как к подданному. Но в следующем году в Рим было отправлено скромное посольство во главе с историком Николаусом в качестве его представителя. Ирод получил милостивое разрешение поступить со своими непокорными сыновьями так, как он считал нужным, и соответственно задушил двоих из них. Семейная история Ирода представляет собой прискорбную летопись преступлений и интриг. Кажется, у него было десять жен, и после своей смерти в 4 году до нашей эры он оставил три завещания, решение по которым должен был принять Август. Видя, что Иудея настолько богата и могущественна, что может стать возможным источником опасности, он решил разделить ее на три части. Затем началась целая серия смут, в ходе которых иерусалимские евреи фактически напали на римский легион. В отместку легат Сирии Квинтилий Вар распял 2000 жителей. В конечном итоге Иудея досталась Архелаю, Галилея - Ироду Антипе. Однако десять лет спустя печально известный Архелай был низложен по ходатайству своих подданных, и Иудея была передана в подчинение провинции Сирия с собственным прокуратором. Ирод Антипа продолжал править своим маленьким царством примерно до 34 года н.э., когда оно также было объединено с провинцией. Он - Ирод, которого Христос назвал "этой лисицей", и он - Ирод Суда Христова, когда он случайно оказался в Иерусалиме с визитом к Понтию Пилату, римскому прокуратору. Пилат был римским рыцарем, но Феликс, один из его преемников, был всего лишь вольноотпущенником. Резиденция римского правительства находилась не в Иерусалиме, а в Кесарии, так что *преториум*, в котором происходил суд над Иисусом,

должно быть, был временной резиденцией Пилата во дворце, построенном Иродом Великим.

Пластина L. МОНЕТНАЯ ПЛАСТИНА II

Прокуратор командовал только вспомогательными войсками, и почти все “римские солдаты”, упомянутые в Евангелиях, должно быть, были еврейского происхождения. Как только Иудея стала провинцией, но не раньше, она должна была платить дань Кесарю. Отсюда и существование такого “вождя мытарей”, как Закхей. Как обычно, римляне сохранили, что могли, от местных институтов, и Синедрион продолжал действовать как национальный совет, насколько это было возможно. Таким образом, суд мог судить Иисуса, но не мог вынести смертный приговор. С другой стороны, другой прокуратор, Фест, передал Павла Синедриону для суда. Дело в том, что еврейский закон был настолько своеобразно национальным, что сбитый с толку и исполненный благих намерений римский рыцарь вроде Пилата часто мог сказать: “Возьмите вы Его и судите по вашему закону”. Римское правительство было настолько терпимо к религии своих подданных, что даже римский гражданин, отважившийся войти в Свята Святых, был наказан смертью. Еврейская религия находилась под особой защитой Рима. Агриппа, как мы видели, приносил жертвы Иегове, но

позже мы находим, что Август хвалит своего внука Гая за то, что тот не поклонялся Иегове. На самом деле, с распространением новых форм эллинской философии религиозное мировосприятие, которое давным-давно отказалось от своей веры в олимпийскую мифологию, все больше и больше обращалось к монотеизму и мистической системе этики. Высшее фарисейство, которому Павел научился у ног Гамалиила, находилось под явным влиянием стоицизма. Следовательно, еврейская религия еще до ее христианского развития была чрезвычайно привлекательна для римского сознания, и ее пришлось запретить в столице. Даже в Иерусалиме от евреев ожидали ежедневных жертвоприношений не *для*, а *для* “цезаря и римского народа”. Август оплатил этот ритуал из своего собственного кармана. Из уважения к чувствам евреев на монетах, отчеканенных для Иудеи, не было портрета Цезаря, и даже штандарты, поскольку на них были портреты, было приказано не вносить в Святой Город. Это правда, что сирийский серебряный динарий в некоторой степени имел хождение в Иудее, и именно о такой монете говорил Христос, когда спрашивал: “Чье это изображение и надпись?”

Провинция Африка вместе с Нумидией была передана сенату как мирная в 27 году до н.э., и это была одна из двух единственных римских провинций, которые Август никогда не посещал. Номинально она простиралась от границы королевства Мавритания у реки Ампсага на западе до границ Киренаики на востоке. Но на самом деле он состоял из островов плодородия на побережье Туниса. Карфаген был колонизирован Юлием Цезарем, а теперь вновь основан Августом. Внутренней границы не было. В пустыне за горами все еще процветали дикие гетулийские кочевники, которые время от времени налетали на мирную провинцию и приносили римлянам триумф. Это было причиной, по которой в Африке все еще содержался легион. Соседнее королевство Мавритания было закреплено за интересной молодой королевской парой. Мужем был Джуба, потомок Масиниссы, который получил римское образование, служил в римской армии и был настолько глубоким знатоком греческого языка, что написал среди многих других работ историю Драмы. Жена была дочерью Клеопатры от Антония, участвовавшего в триумфе Цезаря в Риме. И Мавритания, и ее восточная соседка Нумидия, которые были присоединены к римской провинции, теперь обрели богатство и счастье под властью Рима. Великолепные руины, которые сохранились до сих пор, указывают на процветание, которое еще не было полностью восстановлено.

Кирена, где потомки римлян сейчас выделяют для себя провинцию, хотя географически и является частью Африканского континента, исторически считалась греческим островом и была объединена в одну провинцию с Критом. Он состоял из группы из пяти греческих городов с большим количеством евреев. Кирена не имеет истории в этот период, но после осады Иерусалима произошла ужасная вспышка еврейского фанатизма. Тысячи римских граждан были замучены и убиты.

Пожалуй, ни у одной страны в мире не было такой пестрой и печальной истории, как у приятного острова Сицилия с его богатой вулканической почвой. В течение четырехсот лет он был преимущественно греческим. Восточная оконечность, по крайней мере, была разбросана по важным городам-государствам, которые под предводительством Сиракуз вели непрекращающийся конфликт с карфагенскими захватчиками в своих западных твердынях. Мы видели, как римляне в конце концов изгнали семитский элемент и покорили греков. На протяжении последней части республиканской истории остров имел жизненно важное значение для Рима, поскольку обеспечивал за счет своей дани основную часть поставок зерна. В то же время он подвергался жестокой эксплуатации и угнетению со стороны римских правителей, таких как Веррес. Затем, во время гражданских войн, Секст Помпей сделал его своей штаб-квартирой, и обе стороны заложили его за счет крупных

контрибуций. Мессина, его самый богатый город, была ареной разграбления и резни. Ни одна страна не могла больше надеяться на Pax Augusta, и теперь она начала наслаждаться одним из своих коротких периодов отдыха. Август провел зиму 22-го года на Сицилии в начале своего турне по Греции. Он основал колонии в шести знаменитых городах древности. Пока он был на острове, сицилийцы подали ему своего рода повторную жалобу на вымогательство его прокуратора. Август немедленно уволил преступника и заменил его своим собственным ценным наставником, философом Ареусом. Назначение греческого философа во главе греческого острова полностью соответствовало его политике.

До сих пор мы рассматривали отношение к той части римского мира, которая уже была достаточно цивилизованной и в основном греческой. Теперь мы обратимся к варварскому Западу и Северу, состоящим в основном из недавно завоеванных провинций Цезаря. В этих кварталах ближние районы Испании и Нарбоннская провинция Галлия были единственными регионами, которые можно было назвать цивилизованными. Как только в 27 году до н.э. было заключено временное соглашение, Август поспешил в Галлию. Обычно считалось, что он был на пути к завоеванию Британии, поскольку это была вторая из двух задач, которые Юлий оставил своему преемнику. Соответственно, верный Гораций покорно молится:

serues iturum Cæsarem in ultimos
orbis Britannos.[45]

Но сейчас было не время, и Август не был подходящим человеком для ослепительных завоеваний. Его любимым девизом было "Спеши медленно", и политика его империи основывалась на том же принципе. В настоящее время Океан, тогда называвшийся Британским, был достаточной границей. Август сокращал армию, и Британии потребовался бы по меньшей мере легион, чтобы сохранять спокойствие. Таким образом, Британии пришлось отложить свои перспективы развития цивилизации до тех пор, пока не будут организованы Галлия и Испания и не будет установлена граница с Германией. У нас есть записи о том, что британские вожди приезжали в Рим с неизвестными петициями в течение этого периода, но за исключением этого на нашем острове царит тишина. Что касается Галлии, то Юлий достаточно тщательно выполнил завоевательную работу, и галлы, как легко приспособляющийся народ, с жадностью восприняли римскую цивилизацию. Действительно, в нем были еще не освещенные уголки, и все правительство нуждалось в организации. Август отправился напрямик в столицу старой провинции Нарбонну и там организовал перепись населения и земельную книгу, не из простого статистического любопытства, как замечает Ферреро. Вероятно, во время гражданских войн из Галлии не поступало никакой дани, и Август был сильно озабочен финансами. На данный момент вспышка в Испании отозвала императора, но пять лет спустя он вернулся, чтобы завершить свою работу. Старая провинция, вошедшая в историю как Прованс, теперь была возвращена сенату как полностью умиротворенная, а остальная Галлия в конечном итоге была разделена на три части: Аквитанию, наполовину испанский юго-запад; Лугдуненсис (восток и центр, простирающиеся прямо через Францию со столицей Лион или Лугдунум на восточной границе); и Бельгика (северная часть с еще не основанным Триром -Augusta Treverorum - и Реймсом в качестве его главных городов). Это разделение было в основном, хотя и не полностью, основано на расовых соображениях. Вместе эти трое образовали одну из провинций цезаря под названием Галлия Комата.

Табличка LI. СТЕНА АДРИАНА: РЯДОМ С ХАУССТЕДЗ, НОРТУМБЕРЛЕНД

Обращение с завоеванной землей было мудрым и гуманным. Религии друидов, сила которой уже пошла на убыль, было разрешено существовать, хотя она включала человеческие жертвоприношения и была враждебна римлянам. В правление Клавдия это было запрещено. Но другие местные божества фактически поощрялись государством, и сам Август построил алтарь каким-то странным галльским духам. Но бок о бок с местной религией он насаждал новый культ, как и в Азии, "Рима и Августа". Всегда проводились племенные советы, которые завершались большим национальным собранием в Лугдунуме раз в год. По-видимому, председательствующие жрецы избирались из числа местных уроженцев высокого происхождения и находились в оппозиции к друидам. Август умело использовал эту организацию и поощрял ее, чтобы превратить в центр римского патриотизма. Он установил в Лугдунуме огромный алтарь с надписью "Риму и Августу". Он был построен в священной роще и окружен статуями, символизирующими шестьдесят галльских племен. Избранный священник должен был быть римским гражданином галльского происхождения. Вскоре это стало отличием, которого жаждали внуки тех, кто сражался против Юлия. Это очень характерно для систематического строительства империи, которое продолжалось во времена Августа. Лугдунум превратился в великий имперский город, единственный город в Галлии, который обладал полным римским гражданством и имел собственный монетный двор. От него большая и сложная дорожная система расходилась во все части Франции почти в тех же направлениях, что и современные железные дороги. Были основаны школы, и изучение латыни поощрялось, хотя и не навязывалось. Галлы очень рьяно взялись за свои новые занятия, проявив, в частности, замечательные способности к риторике. Вступил в силу принцип, согласно которому, когда город или район мог доказать, что он говорит на латыни, он получал важные права гражданства, включая такую великую привилегию, как использование римского права. Земельная система Галлии существенно отличалась от Итальянской тем, что она была основана на племенах и кантонах, а не на городах. Уже тогда города росли как центры племен, но по сей день многие названия французских городов являются названиями племен, а не городов: так, Лютеция из Паризии - это Париж, Дурокорторм из Реми - это Реймс, Диводуром из Медиоматрицы - это Мец, а Агединкум из Сенонов - это Сенс. Установленная в конечном итоге дань была высокой, но в целом

регулировалась справедливо. Вероятно, что неприглядная история Лициния и его поборов рассказывается как исключительный случай. В любом случае, Галлию учили, как разбогатеть и преуспеть. Были успешно эксплуатированы серебряные и золотые рудники, поощрялось выращивание льна, а почва оказалась превосходно подходящей для выращивания зерновых культур. Галлия превратилась в промышленный центр и источник постоянно растущего богатства. Она закупала масло и вино в Италии, а также предметы восточной роскоши, которые проходили через руки римских купцов. 2½ процента. На границе взималась пошлина как на импорт, так и на экспорт. Таковы были некоторые из методов, с помощью которых была осуществлена романизация Галлии, и основы были заложены настолько хорошо и верно, что, несмотря на все вторжения франков и бургундов, Галлия оставалась римской в речи и мыслях и остается таковой по сей день.[46]

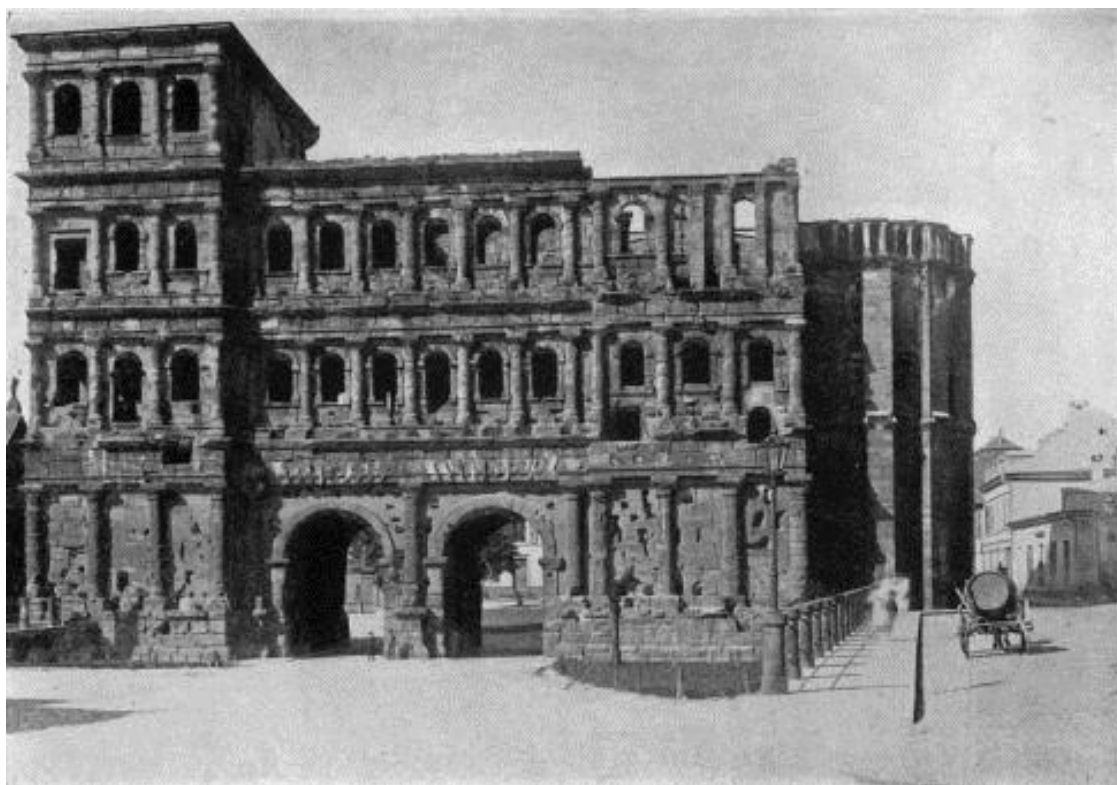
Из всех важнейших проблем, с которыми пришлось столкнуться Августу, делимитация северной границы была самой серьезной. Одним из спорных вопросов римской истории всегда был вопрос о том, почему Август, который в целом был таким осторожным и так не желал пускаться в авантюры, сознательно решил пересечь Рейн и углубиться в те непроходимые леса, об опасностях и трудностях которых Юлий Цезарь оставил столь ясное предупреждение. Была ли его цель предотвратить опасность германского вторжения в Галлию? С другой стороны, Рейн вполне мог казаться достаточной границей, как, собственно, и было на протяжении многих веков. Было ли его целью поупражнять свои войска в трудных боевых действиях и, возможно, обеспечить военную славу молодым людям, которых он предназначил для наследования престола? Вряд ли это адекватные мотивы для такого человека, как Август. Надеялся ли он приобрести богатство в Германии, как он это сделал в Галлии? Он должен был знать, что девственные леса и неосушенные болота Германии едва ли уравновесят трудности и опасности кампании там, и что немцы сильно отстали в цивилизации от своих галльских кузенов. Проблема кажется мне неразрешимой, если мы не примем теорию о том, что весь этот план был частью поиска естественной стратегической границы, предпринятого с ложными представлениями о географии. Несомненно, что многие древние верили, что они снова найдут Океан там, где находится Россия, и что Каспийское море было его частью. В таком случае римляне, возможно, надеялись удовлетворительно завершить свою империю в этом направлении. Это объяснило бы любопытную тактику, с помощью которой римские экспедиции, переправляясь через Рейн и углубляясь в сердце Германии, приказывали своим флотам двигаться вдоль берегов Голландии и Дании.

По каким бы мотивам оно ни было предпринято, это проникновение в Германию и его окончательный крах стали фактом, имевшим огромное значение в истории Европы. С одной точки зрения, историю Европы можно описать как летопись различных взаимоотношений между римскими и германскими элементами, со случайными вторжениями с кельтских или туранских окраин. Это одно долгое соперничество между латинской и тевтонской расами, религией, языком, законом и идеями политическими и экономическими. Следовательно, невозможно переоценить важность момента, когда был разыгран и решен первый раунд этого векового состязания. Среди лесов, в этих таинственных дебрях за Рейном, были спрятаны многочисленные племена, которым суждено было однажды образовать нации Европы. Здесь были саксы Саксонии и Англии, швабы, франки, вандалы, бургунды, готы, лангобарды и многие другие, пока безымянные, зародыши наций.

Это было отнюдь не первое их появление на сцене истории. Мы полагаем, что доминирующие расы исторической Греции и, возможно, исторического Рима вели свою родословную от центральных регионов Европы. С тех пор история зафиксировала несколько

тревожных вторжений северных варваров, и в общем смысле история народов Средиземноморья показывает, как волна за волной сильные воины с Севера обрушивались на плодородные полуострова Юга, которые всегда поглощали и ассимилировали их, пока, наконец, они не стали жертвой изнуряющего влияния климата, растворились в туземном народе и им пришлось освободить место для новой волны неукротимых северян. Прочитанный в этом свете, необычайный интерес представляет момент, когда всепобеждающий Рим попытался покорить дикие земли, которые приютили эти могущественные племена. Если бы ей удалось также приручить и романизировать германцев, как это было с испанцами и галлами, ход истории мог бы быть совсем другим. Но даже тогда, хотя она и не знала этого, за тевтонскими народами стояли славяне, а за ними татары и гунны. Задача цивилизовать мир из единого центра была невыполнимой. Августу было бы разумнее сначала выбрать прочную границу, а затем постепенно перейти к мирному проникновению. Вероятно, Август рассудил, что политика буферных государств, которую он применял на Востоке, неприменима к варварам. Как бы то ни было, завоевание было методом, который он выбрал вопреки своим обычным привычкам и вопреки своей естественной склонности. Здесь успех привел к чрезмерной самоуверенности, а значит, и к катастрофе.

Мы всегда называем людей по ту сторону стены “варварами”, но у германцев были свои различные политические и социальные системы, и некоторые из их племен были более цивилизованными, чем другие. Сравнивая *Комментарии* Цезаря с *"Германией"* Тацита, мы получаем довольно полное представление о немецких институтах, которые, следует помнить, принадлежали нашим собственным предкам. У них не было городов. Подобно галлам, они были объединены в племена, племена были разделены на кантоны, кантоны - на деревни. Они жили продуктами своего стада, охотой и примитивным типом “экстенсивного” земледелия, которое каждый год включало свежие пахотные земли и, таким образом, вызывало постоянные волнения и столкновения племени с племенем. Именно это сделало их такими беспокойными соседями галлов и привело к тем гигантским “походам”, которые время от времени встречаются нам в истории. Их единственной политической системой была боевая организация; наследственные вожди и князья вели их в бой, а полководец в большом движении избирался из числа князей свободными членами племени. В мирное время не было общей магистратуры, но старейшины и священники вершили правосудие в деревнях. Среди воинов царили грубая свобода и равенство. Свободный воин имел очень значительные права, но только как воин. У свевов, по словам Цезаря, было сто кантонов, каждый из которых поставлял в армию по тысяче человек на годовую службу, в то время как остальные оставались дома, чтобы заниматься сельским хозяйством и охотой. Но это, по-видимому, если быть точным, исключительная степень организованности. Целомудрие, патриотизм, честность этих варваров, а также их мужество и гигантский рост были излюбленными темами римского красноречия. Вполне вероятно, что Тацит усилил их добродетели своим сатирическим чутьем, чтобы показать мораль своим соотечественникам.

Табличка LII. PORTA NIGRA, TRIER, GERMANY

Юлий Цезарь оставил Рейн границей своих галльских провинций, хотя дважды пересекал его в целях разведки. В самом начале президентства Августа свевов пришлось загнать обратно за Рейн, а тревери - за Мозель. В то время Германия все еще была в административных целях частью галльских провинций, и, как правило, во главе обеих стоял какой-нибудь высокопоставленный офицер. Рейн не был непроходимым для варваров, и, более того, по обе стороны от него жили германские племена, такие как тревери из Трира и убии из Кельна, которые часто общались со своими соседями на другом берегу. Это делало реку несколько недостаточной границей. Набеги германских варваров происходили в 29, 25, 20 и 16 годах до н.э. В последнем случае римский легат был застигнут врасплох и разбит, а орел Пятого легиона с триумфом унесен прочь.

Это привело Августа в нужное положение, и он потратил два года на изучение проблем Галлии и Германии. В 12 году до н.э. была предпринята первая кампания под командованием Друза, его младшего пасынка. Друзас, которому еще не исполнилось двадцати пяти, был самой блестящей фигурой своего времени, храбрым, красивым, добродетельным, обожаемым солдатами и вполне способным генералом. По этому случаю он пересек Рейн и вторгся на территорию Нидерландов, опустошая земли сигамбри и других враждебных племен, которые спровоцировали эти карательные меры. Он принял подчинение фризов, живших на побережье Северной Голландии. Зимой его войска, по-видимому, были заняты прокладыванием канала от Рейна до Зюйдер-Зее. В следующем году он снова переправился, двинулся дальше и перебросил мост через Липпе, пересек территорию херусков — самого воинственного из всех племен - и остановился на берегах Везера. Он построил большой форт на слиянии рек Липпе и Альме, или Эмс, и проложил шоссе вдоль берегов Липпе, чтобы соединить новый форт Алисо с большим лагерем на Рейне близ Ксантины. В следующем году продолжалось строительство и заселение, а в 9 году до нашей эры начались большие работы. Друз выступил в Швабию и Херускию, переправился через Везер, повсюду опустошая страну, и достиг Эльбы. Эту реку он пытался пересечь, но не смог, и, как

выразились историки, появились предзнаменования, запрещающие дальнейшее продвижение. Тогда это был римский предел. Где-то между Заале и Везером Друзас упал с лошади и получил травмы, которые привели к его смерти. Август, хотя и был сильно опечален, решил продолжать свои операции. Тиберий был послан продолжить работу, и 40 000 сигамбрийцев были перевезены на римскую территорию.

Плита LIII. РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА. I.

Мы мало что знаем о работе следующих десяти лет. Еще один легат достиг Эльбы. Между Эмсом и Рейном был построен большой виадук. В этот период умиротворение, по-видимому, шло быстрыми темпами. Многие молодые германцы пришли в римский лагерь и выучили римские обычаи и латинскую речь. Штаб-квартиры по-прежнему находились в Ветера-Кастре близ Ксанта и в Могонтиакуме (Майнц), а летние - в Алисо. В 4 году нашей эры Тиберий предпринял новые кампании. Многим из этих походов римские историки не предлагают никаких оправданий. Они с гордостью описывают огромную резню и опустошение, которые сопровождали их. Трудно удержаться от вывода, что большая часть этих боевых действий велась ради них самих или для тренировки легионов. В 5 году нашей эры была предпринята величайшая экспедиция из всех. Был большой "дурбар", на котором дикие чауки и херуски сдали свое оружие и поклонились римскому полководцу. Лангобарды, позже известные как лангобарды, подчинились, и Тиберий пересек саму Эльбу, в то время как флот, "совершивший кругосветное плавание по океанским просторам", поплыл вверх по реке, чтобы встретить армию с припасами. Казалось, все шло хорошо: Германия была почти завоевана. Оставалось только могущественное королевство маркоманнов под властью короля Марбоды, который жил в крепостях Богемии. Марбод был способным правителем, который единственный в Германии преуспел в установлении сильного трона и собрал мощную армию в 70 000 пеших и 4000 конных. Как отмечает историк Веллейус, его альпийские границы находились всего в двухстах милях от Италии, и эта грозная держава представляла реальную угрозу безопасности империи. Соответственно, были разработаны тщательно продуманные планы его уничтожения путем вторжения сразу с трех сторон. К несчастью, как раз в тот момент, когда армии приближались к своей добыче, вспыхнуло великое паннонское и иллирийское восстание 6 года н.э., в результате которого все племена Австрии обрушились на римлян. Это был один из самых опасных моментов в истории Рима. Против них было задействовано пятнадцать легионов, и военные ресурсы Империи были истощены почти до предела. К счастью для Рима, Марбод не предпринял попытки

присоединиться к восстанию, и варвары оказались под раздельным руководством. Германик, сын Друза, помог Тиберию сокрушить их, но на это ушло три или четыре года.

Портрет Вара

Тем временем самой Германии приходилось довольствоваться низшими легатами. Квинтилий Вар был одним из тех дружелюбных людей, которые добротой вызывают мятежи. Он воображал, что в Германии царит спокойствие. Он основывал города, проводил судебные заседания, собирал дань и вершил правосудие в точном соответствии с римским правом, “как если бы он был городским претором на Римском форуме, а не полководцем в германских лесах”. Соответственно, в 9 году н.э. против него был составлен заговор. Его заманили в укромные уголки Тевтобургского залива и зарезали. Затем херускская армия обрушилась на три римских легиона и уничтожила их.

Сама по себе катастрофа не была ошеломляющей. Погибло три легиона, но еще пятнадцать, воодушевленные недавней победой над иллирийцами, были готовы отомстить за них.

Херуски немедленно подчинились, и Германик не встретил серьезного сопротивления, когда вторгся в Германию с карательным поручением. Но для Августа решающее значение имело обратное. Теперь он был старым, немощным человеком. Когда он услышал о катастрофе, он бился головой о стену, и часто было слышно, как он кричал: “Вар, верни мне мои легионы”. Он видел, что этим приключениям в лесу нет конца и никакой пользы от них нет. В качестве границы Эльба была ничем не лучше Рейна. Поэтому у него хватило в высшей степени здравого смысла признать Рейн своей границей. Отныне Рейн и Дунай с дорогами и фортами вдоль них, а также со специальными приспособлениями для укрепления угла, где реки впадают в мелководье, — на данный момент этого должно быть достаточно. Так оно и было.

Патриотизм немецких историков придал этому поражению Вара гораздо большее значение, чем оно того заслуживает. Арминий, молодой херуск, возглавивший атаку, был патриотом, хотя и предателем. По словам Веллея, он был верным союзником в предыдущих кампаниях и даже получил римское гражданство и звание всадника. Он бегло говорил по-латыни. Само его имя, скорее всего, является латинским *когноменом*, хотя патристичные немцы будут называть его “Германн”. Итак, современный немецкий студент поет за кружкой пива:

Dann zieh'n wir aus zur Hermannschlacht
Und wollen Rache haben.

Табличка LIV. РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА. II.

Это был и вполнину не такой галантный акт восстания, как акт нашей британской леди Боадицеи, но он имел преимущество в виде успеха. Немцы смогли наращивать свои силы за искусственными валами Рейна и Дуная, пока не пришло время для их завоевательного прорыва.

Обычно говорят, что Август сразу после 9 г. н.э. образовал две провинции, названные Верхней и Нижней Германией, вдоль Рейна, как будто для того, чтобы скрыть свою потерю настоящей Германии. Это не точно. В "войне времен Тиберия" историки говорят только о Высшей или Низшей армии в Германии, а Август в своем памятнике говорит о Германии в единственном числе. При Тиберии был взят реванш за поражение, и Германик снова и снова пересекал Германию. Катастрофа при Варе была лишь одним из эпизодов, которые заставили римлян остановиться на Рейне. Алисо долгое время сохранялся как форпост, и на германской земле были основаны колонии римских ветеранов. Херуски и Арминий потерпели поражение в грандиозном сражении при Идистависусе близ Миндена на Везере в 16 году нашей эры. Но на обратном пути римский флот потерпел кораблекрушение, и огромное количество пленных попало в руки германцев. Некоторые из них были проданы в рабство бриттам, и многие в конце концов вернулись в Рим, привезя с собой удивительные истории о своих приключениях. Что касается Марбоды, то он потерпел поражение в битве с херусками и укрылся на римской земле, где прожил восемнадцать лет в Равенне. Арминий, его победитель, начал разыгрывать из себя тирана в своем родном племени и был убит предательством своих сородичей в возрасте тридцати семи лет. Его жена Туснельда и сын давным-давно попали в руки римлян, и мальчик вырос римским гражданином.

Штаб-квартиры рейнских легионов по-прежнему находились в Майнце и Ксантине, а летние квартиры - в новой колонии, которая стала Кельном. Четыре легиона Высшей армии были размещены в первом, а четыре легиона Низшей армии - во втором. Со временем, мы не можем сказать когда, они стали центрами двух отдельных провинций. На Дунае стояли три легиона в Паннонии, великой новой австрийской провинции. Вдоль этой границы теперь проходила двойная линия провинций Цезаря. Реция и Норикум были завоеваны в 15 году до н.э. Затем последовали утомительные и безрезультатные кампании в долинах южной Швейцарии, в результате которых был создан ряд небольших альпийских префектур. На высотах над Монако до сих пор стоит прекрасный памятник Августу, перечисляющий сорок шесть альпийских племен, подчинившихся Риму. Он был возведен благодаря благодарности

итальянских фермеров, поскольку альпийские племена всегда бороздили равнины. Здесь и там через Альпы были проложены дороги. Главный проход в Германию лежал через Турин и Сен-Бернар, который охраняла Августа (Аоста). В Паннонии был восстановлен старый маршрут из Аквилегии через Юлийские Альпы и построена новая *Виа Клавдия* вверх по долине Адидже от Тридента (Трент) до Августы (Аугсбург). Чтобы завершить дунайскую границу, Мсия или Мисия была завоевана в самом начале этого периода и присоединена как имперская провинция, вероятно, в 6 году нашей эры, под руководством префекта. Она простиралась вдоль южного берега Дуная, вплоть до Черного моря, и охватывала часть Балканских возвышенностей. Таким образом, с сильными легионами, размещенными постоянными лагерями вдоль Рейна и Дуная, Рим теперь имел удовлетворительную северную границу, охрана которой требовалась только для обеспечения безопасности Рима и Италии.

Испания никогда не была полностью покорена, хотя находилась во владении Республики почти два столетия. Ее части действительно были почти такими же римскими, как Рим. Гадес и Кордуба, например, были центрами образования и литературы, вскоре породившими известных граждан в лице Лукана, Сенеки, Марциала, Квинтилиана и императора в лице Траяна - наиболее выдающуюся плеяду. Но большая часть Испании все еще находилась в руках диких и благородных варваров. Особенно на северо-западе кантабрийцы и астурийцы представляли угрозу для мирной провинции. В течение восьми с лишним лет римляне продолжали сражаться с ними с короткими перерывами, называемыми "победами". Сам Август прибыл в 26 г. до н.э. и руководил операциями с комфортом из Таррако. Лидером повстанцев был герой-вождь по имени Корокотта, который настолько разозлил римлян, что

Табличка LV. РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА. III.

Август предложил 10 000 фунтов стерлингов за его поимку. Эту сумму разбойник заработал, войдя в римский лагерь, чтобы сдаться, и Август, очарованный этой идеей, даровал ему свободу, а также награду. Он женился на римлянке и умер римским гражданином как Гай Юлий Каракут. Сам Цезарь серьезно заболел в ходе длительной кампании. Свирепость обеих сторон возросла. Римляне распинали своих пленников, а испанцы издевались над ними на кресте. В конце концов Августу пришлось послать за Агриппой, чтобы завершить

дело, что он и сделал в 19 году до н.э. Теперь Испания была действительно завоевана навсегда, и даже северные горцы сложили оружие и приняли цивилизацию. Бетика, южная часть полуострова, была передана в управление сенату, а северная половина разделена на две имперские провинции, Тарраконенсис и Лузитанию, последняя примерно соответствует современной Португалии. В Испании также были воздвигнуты алтари Риму и Августу. От Таррако расходились дороги. Было основано множество городов, таких как Сезар Аугуста (Сарагоса), Аугуста Эмерита (Мерида), Пакс Джулия (Бежа), Легионес (Леон), Астурика Аугуста (Асторга). Кельтская религия и, вероятно, сам язык быстро вымерли. Даже во времена Августа существовало пятьдесят общин с полным римским гражданством. Были открыты и энергично разрабатывались новые рудники, тщательно развивались новые отрасли промышленности, особенно металлургической.

Этот краткий и несовершенный очерк Римской империи, как она формировалась под всевидящим оком Августа, должен указывать больше, чем все триумфы, одержанные ею в битвах, даже больше, чем история Пунических войн, на истинное “Величие, которым был Рим”. Истинное величие римлянина заключается в его неукротимой энергии и практическом здравом смысле, которые не должны быть затемнены поверхностной риторической культурой, наложившейся на него в этих последних поколениях. Теперь, когда Рим, наконец, обеспечил себе достаточно надежную и разумную форму правления, он смог реализовать свои природные способности к ведению дел и сыграть отведенную ему судьбой роль в распространении цивилизации по всей Европе. Если бы историки позволили нам, мы бы с радостью отвернулись от войн и проскрипций, чтобы изучить тихую полезную работу, которую она выполняла сейчас и впредь в каждом уголке своей империи. Мотивом, без сомнения, был личный интерес, но это был тот широкий и дальновидный эгоизм, который в сфере общественных дел является ближайшим приближением к альтруизму. Республика, высосавшая кровь из своих провинций, отвратительна всем здравомыслящим людям. Автократия, которая расчистила каналы в Египте, посадила лен и поощряла гончарное дело в Галлии, орошала Африку и научила мавританских кочевников земледелию, приучила диких иберийцев к добыче полезных ископаемых и ткачеству, повсюду строила акведуки и дороги, учредила почтовую систему и охраняла сушу и море настолько эффективно, что человек мог бы проехать от Йорка до Пальмиры или от Трира до Марокко “с полной грудью золота”, может быть тиранией, правящей в своих собственных интересах, но это институт, за который у мира есть все основания быть благодарным.

Плита LVI. РЕЛЬЕФ С КОЛОННЫ ТРАЯНА. IV.

V

РИМ ВРЕМЕН АВГУСТА

Pater argentarius, ego Corintharius.

Анонимная сатира на Августа, цитируемая Светонием

ВЫПОЛНЯЯ свою великую задачу по восстановлению мира, который развалился на куски, Август ни в коем случае не оставался в неведении о том факте, что именно “дух оживляет”. На самом деле это было его постоянное стремление изменить факты, не меняя их названий. Он прекрасно понимал, что Сулла с треском провалился, когда предложил римлянам конституцию и не оставил ничего, кроме клятвы в ее поддержку. Установление границ и организация новых провинций с помощью своих верных и непобедимых маленьких легионеров было, вероятно, самой приятной и легкой частью задачи цезаря. Реформировать древний имперский город с его многовековыми гордыми и жестокими традициями было столь же важно, но это была отчаянная работа. Ибо Империя Августа родилась в мире, страдающем сердечным вырождением. Дворянство, от которого зависело все великое и славное в римской истории, было морально испорченным, интеллектуально инертным, духовно ничтожным и даже физически дряхлым и бесплодным. Гражданские войны и проскрипции систематически уничтожали все мужественное и энергичное в его рядах. Выжили обрезчики и ничтожества. Женщины, давным-давно лишённые железного контроля, который поддерживал их в порядке при старой системе римской семьи, доминировали в обществе с влиянием, которое в целом было злым. Римский будуар с его толпой рабов и паразитов был не только расточительным, но и уже начал производить на свет тот тип кровожадных интриганов, который мы наиболее отчетливо встречаем в Мессалинах и Фаустинах имперской истории. Но как среди женщин были добродетельные исключения вроде Октавии и Агриппины, так и среди мужчин было несколько честных дворян, которые каким-то образом, вероятно, скрывшись в своих загородных поместьях, пережили все конфликты прошлого поколения. Но те, кто читал римскую историю в том же свете, что и Ливий, были приверженцами старого режима, подозрительными и горько завидующими

новому. Мы видели, что одним из первых официальных актов Августа было восстановление патрициата. Но легче стать пэрами, чем патрициями, и мы можем быть уверены, что между старой аристократией и новой было мало любви. Сам Август, хотя и был “сыном бога Юлия” и происходил по материнской линии от Венеры и Анхиза, по отцовской линии был всего лишь респектабельным человеком. Однако по природе и инстинкту он был аристократом. Всю свою жизнь он стремился склонить аристократию на сторону своего режима. Но он потерпел неудачу, и потерпел катастрофическое поражение. Отсюда на протяжении всей истории Империи мы имеем более или менее заметную консервативную оппозицию старой знати, подлинную или мнимую, иногда мужественно замышляющую заговор и благородно умирающую, но чаще насмехающуюся и тайно пишушую против императоров.

Но у большей части старой аристократии не хватило духу выступить против Августа. Те немногие заговоры, которые стали известны, были делами презренными. Некоторые из знати пришли в сенат и посвятили свой разум выбору нового *псевдонима* для нового цезаря или соперничали друг с другом, предлагая для него новые почетные титулы. Но вскоре они обнаружили, что лезть не очень прибыльно перед лицом их холодного и величественного хозяина. Политика в Риме потеряла свой вкус, когда не было возможности пролить кровь. Благородных сенаторов приходилось принуждать посещать заседания курии; они тратили свои дары на салонные баталии, они коллекционировали *предметы роскоши*, они писали плохие стихи, а иногда и плохие истории, и они практиковали все пороки. У них не было религии и очень мало философии. Прежде всего, старая римская семья, на которой покоились устои римского общества, теперь лежала в руинах. Быть мужем одной жены от брака до смерти было, насколько позволяют записи, редким исключением. Это не было новшеством Империи. На протяжении столетия или более мужчины меняли своих жен каждые несколько лет ради состояния или политического союза.

РИС. 1.
РЕЛЬЕФ ИЗ САРКОФАГА

РИС. 2.
РИМЛЯНЕ И ДАКИ

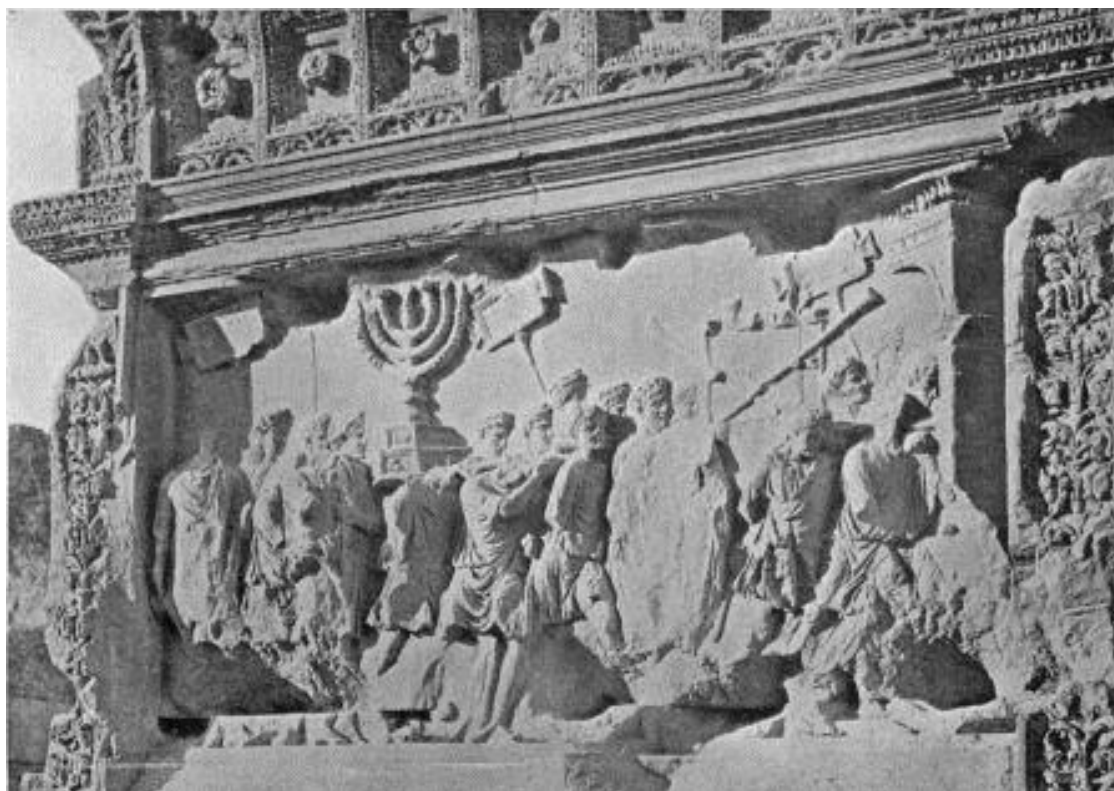
Табличка LVII.

Август поставил перед собой в качестве одного из важнейших этапов своей задачи возрождения моральное очищение этого общества. Он дал провинциям новую религию, которая предполагала новую социальную организацию. Но покров республиканизма, в который он решил облачить свою автократию, не позволял ему провозгласить себя богом в Риме. Напротив, он строго запрещал чрезмерную лесть. Его даже нельзя было называть “господин”. Это правда, что мэрам новых районов, на которые он разделил Рим, было разрешено устанавливать алтари Ларам и гению Августа.^[47] За пределами города по всей Италии были храмы Августа и священники, состоявшие у него на службе. Как обычно, это была простая уловка, когда он отказался от божественных почестей в Риме. Вергилий прямо назвал его богом в тот самый момент, когда он обагрят свои руки римской кровью. Юлий Цезарь был официально обожествлен, и Август регулярно называл себя “divi filius”. Сам титул “август” нес в себе понятие трансцендентной власти. Таким образом, император стоял на пороге рая, во всяком случае, для беднейших слоев населения, даже в самом Риме. Но аристократии требовалось кое-что еще: в обществе атеистов мало пользы претендовать на божественность. Для римского общества, образцом которого является Овидий, боги были не более чем литературной условностью, и респектабельному человеку было бы мало чести попасть в их компанию.

Для реформирования римского общества Август прибегал к трем методам — законодательству, культуре и личному примеру. Законодательство состояло из целого ряда законов, торжественно принятых через сенат и комиции в 18 и 17 годах до н.э. Для придания

им дополнительной святости они были названы законами Юлиана. Был один, предусматривающий более суровые наказания за супружескую измену, другой, разрешающий браки между гражданами и вольноотпущенницами, разработанный с учетом того обстоятельства, что мужчин в рядах аристократии было больше, чем женщин. Существовали также законы о роскоши, призванные обуздать расточительность. Существовали законы, налагающие наказание за безбрачие и препятствующие охотникам за приданым, которые подстерегали наследство богатого холостяка. Отцам семейств были предоставлены налоговые льготы, и Август сам спустился в палату представителей и зачитал сенату старую речь Метелла об увеличении населения. К сожалению, сам император не подавал хорошего примера в вопросе происхождения. У него было три жены, но только один ребенок, дочь. И все же он выступал в театре в качестве отца, собирая детей Германика у себя на коленях. Конечно, законодательство оказалось совершенно беспомощным в этом вопросе, к тому же вызвало немало неприязни, которая проявлялась главным образом в рядах рыцарей.

Август был в очень трудном положении, когда дело доходило до того, чтобы подавать пример. Главными пороками, которые его социальный кодекс был призван исправить, были распространенность супружеской неверности, частота разводов, добровольное безбрачие и официальные браки, заключаемые без намерения произвести потомство, и, наконец, как следствие безбрачия, распространенность регулярной профессии охотника за состоянием. Едва ли была хоть одна из этих необходимых реформ, к которой сам цезарь подошел бы с чистыми руками. Он начал свою матримониальную карьеру с отказа от своей юной нареченной; затем он женился на незрелой девственнице и развелся с ней по политическим причинам до того, как брак был заключен; в-третьих, он женился на Скрибонии, у которой уже было два мужа, и чей сын уже был мужчиной на момент ее замужества с Августом. Она была на много лет старше его, и этот брак был заключен для того, чтобы обеспечить примирение с Секстом Помпеем. Это третье брачное предприятие было прекращено способом, который потряс даже римское общество.

Плита LVIII. РЕЛЬЕФ С АРКИ ТИТА

В тот самый день, когда Скрибония от него стала матерью, Август прогнал ее, обвинив в безнравственности, хотя держал ее малютку Юлию как своего собственного и единственного ребенка. Похоже, он был очарован прекрасным лицом и блестящими способностями Ливии Друзиллы. Ливия имела самое высокое происхождение в Риме, была потомком Аппия Клавдия и была усыновлена другой очень знатной семьей, Ливиями. Кроме того, она вышла замуж за другого отпрыска знаменитого дома Клавдиев, самого гордого в Риме, и в возрасте пятнадцати лет стала матерью Тиберия. Ее отец выбрал проигравшую сторону при Филиппах и покончил с собой после битвы. Ее муж, Клавдий Нерон, поднял оружие против Августа — или Октавиана, как он тогда звался, — во время Перузинской войны, и его жизнь была поплатилась за это. Его прекрасная жена подала в суд на завоевателя с просьбой о пощаде, и пощада была дарована на определенных условиях. Нерон был вынужден не только развестись со своей женой, но и сыграть роль отца и выдать ее замуж за Августа. Тогда она была не только матерью Тиберия, но и вот-вот должна была стать матерью Друза, который родился в доме Августа через три месяца после женитьбы. Таким образом, это была образцовая семья на Палатине, которая должна была подать пример римской аристократии — дочь, с матерью которой развелись в день ее рождения, мать, которую продал муж, и двое пасынков, с отцом которых развелись. Продолжение едва ли улучшило положение. Юлия выросла и вышла замуж сначала за мальчика Марцелла, затем за Агриппу, от которого у нее была большая семья, а когда Агриппа умер, Тиберий был вынужден расстаться со своей женой, дочерью Агриппы Випсанией, которую он действительно любил, и жениться на вдове Юлии, безнравственность которой он знал и ненавидел. Наконец распутство Юлии стало настолько явным и печально известным, что Августу сообщили об этом, и он был вынужден изгнать ее вместе с ее матерью Скрибонией, которая выжила и видела ее позор. Позже вторую Джулию, дочь первого, постигла точно такая же участь.

Что касается императрицы Ливии, если мы решим называть ее этим титулом, то нет никаких сомнений в том, что она была исключительно красивой и умной женщиной, которой удавалось сохранять расположение Августа более сорока лет, что само по себе является выдающимся достижением в римском обществе. История свидетельствует в ее пользу о многих актах королевской милости и милосердия. Она поддерживала усилия своего мужа по проведению реформ и установила мощное влияние над ним и над Тиберием. Никто не покушался на ее целомудрие, когда однажды она вошла в дом Августа. Но, с другой стороны, существуют очень серьезные обвинения в совершении преступления, выдвинутые современниками и зафиксированные Тацитом, обвинения, которые подтверждаются сильнейшими косвенными доказательствами. Есть подозрение, что она всю свою жизнь боролась без угрызений совести за престолонаследие своего сына Тиберия. Август не собирался, чтобы ему наследовал Клавдий. Это он демонстрировал снова и снова самым публичным образом. Его целью, как только он узнал, что ему суждено не оставить потомства мужского пола в своем собственном теле, было оставить преемственность в священной линии Юлиев, семье, происходящей от Венеры, звездного дома. Но этого можно было добиться только по женской линии. Его первым избранником был блестящий молодой Марцелл, сын его сестры Октавии. Марцелл, который был первым мужем Юлии, умер от загадочной болезни, едва достигнув совершеннолетия. Затем Август выдал Юлию замуж за Агриппу, и двое из ее сыновей, Гай и Луций, были следующими выбраны для наследования престола. Они выросли и достигли совершеннолетия. Как раз в тот момент, когда они начинали общественную жизнь, Тиберий был изгнан, чтобы освободить им дорогу, они тоже умерли в том же году: Луций на борту корабля, когда плыл в Марсель, Гай - как продолжение удара убийцы, нанесенного ему в Армении. В первом случае у нас нет никаких подробностей.

Во втором Гай оправлялся от раны, но он отправился в безвестный городок на южном побережье Малой Азии, отказался от военного корабля, который был послан, чтобы доставить его домой, и умолял позволить ему жить там в безвестности. Это обстоятельство полно подозрительности и загадочности. Более того, прежде чем его соперники были мертвы, Тиберий получил известие от хорошо информированного пророка об их приближающейся кончине и вернулся в Рим. Сам он, живущий в изгнании, должен быть оправдан за активное соучастие в преступлении. Джулию сослали на уединенный остров. Ее третий сын также был пропущен без вести без каких-либо преступлений, кроме угрюмости и ворчания на свою мачеху. Лишенный всех своих надежд, Август с весьма заметной неохотой усыновил Тиберия, но в преклонном возрасте он все еще лелеял идею примирения с третьим сыном Юлии, Агриппой Постумом, и действительно тайно посетил отдаленный остров, где был интернирован. Но как только Август умер — а его смерть тщательно скрывали, насколько это было возможно, — Агриппа Постум был убит, и на этот раз у нас есть прямые доказательства того, что преступление совершила Ливия. Такого рода внутренние интриги, отмеченные отвратительными убийствами, являются одной из самых мрачных черт имперской истории Рима. Это произошло в значительной степени из-за незаконного характера императорского трона и отсутствия какой-либо узаконенной системы наследования.

Тем не менее, из этих неперспективных материалов Август попытался создать образцовую римскую семью в старом стиле. Ливию и Юлию отправили заниматься прядением и ткачеством. Август не носил плащей, кроме сшитых на заказ. Джулии был дан серьезный совет никогда не делать и не говорить ничего такого, о чем ей было бы стыдно написать в своем дневнике. Однажды, когда она построила для себя дворец, Август приказал его снести. Дом на Палатине был самого простого вида, со скромным портиком из местного туфа из Альбы и без украшенных тротуаров. В еде и питье он был крайне воздержан, и действительно, огромное трудолюбие в его жизни оставляло мало времени для банкетов. Ломтик хлеба из муки высшего сорта, сдобренный маринованной рыбой, финиками или оливками, часто служил ему блюдом на весь день. Он никогда не выпивал больше пинты вина. Он спал зимой и летом в одной комнате и большую часть года проводил в городе, если только не путешествовал. Его любимым загородным местом был остров Капри, где он мог быть уверен в свободе. Его удовольствия были простыми и почти детскими. Ему нравились небольшие азартные игры, он любил играть в кости с маленькими мальчиками-рабами. Он посещал цирк по долгу службы и был очень строг в обеспечении приличного поведения там. Он решительно выступал против изменений моды и настаивал на том, чтобы римские граждане носили старомодную тогу на публике. Все его инстинкты, похоже, были направлены на простоту и милосердие. Он никогда не позволял вольноотпущеннику появляться за его обеденным столом, но когда однажды его раб толкнул своего хозяина на пути атакующего дикого кабана, чтобы защитить себя, Август отмахнулся от этого вопроса шуткой. С другой стороны, когда наставник и слуги Гая показали себя тиранами и властолюбивыми по отношению к провинциалам после смерти их молодого господина, цезарь приказал утопить их, как крыс. К личному насилию над собой он был на редкость равнодушен. По-прежнему трудно представить характер Августа. Изначально он был типичным римлянином, таким же черствым к кровопролитию и страданиям, как и все остальные, и совершенно беспринципным в своем продвижении к власти. Но когда он достиг этого, у него хватило величия ума понять, что его работа по исправлению положения может быть выполнена только путем подачи примера добродетельной жизни и умеренности. Самоконтроль, пожалуй, был его самым сильным качеством.

Дважды его самообладание давало сбой. Один раз, когда он услышал о поражении Вара в Германии с потерей трех его легионов, и еще раз, когда кто-то, вероятно, Ливия, рассказала ему о скандале, связанном с Юлией. Помимо удара по его чести как человека, это привело к краху всех его реформаторских мер и открытой публикации об их тщетности. “Ее оргии, - говорили люди, - проводились на той самой *ростре* с которой были провозглашены законы ее отца против супружеской измены”. Среди ее сообщников были цвет старой аристократии, Сципион и Гракх. Август спрятался от людских глаз, сослал свою дочь на отдаленный остров и официально уведомил сенат письмом о ее позоре. Было слышно, как он кричал, что завидует отцу Фиби, одной из рабынь Юлии, которая повесилась, когда скандал распространился по всему миру. Он процитировал греческий стих:

“О, если бы я была незамужней и умерла, не оставив ребенка”,

и он говорил о своей порочной дочери как о раковой опухоли своей жизни.

Табличка LIX. РУИНЫ ПАЛЬМИРЫ: ВИД НА ВЕЛИКУЮ АРКУ С ВОСТОКА

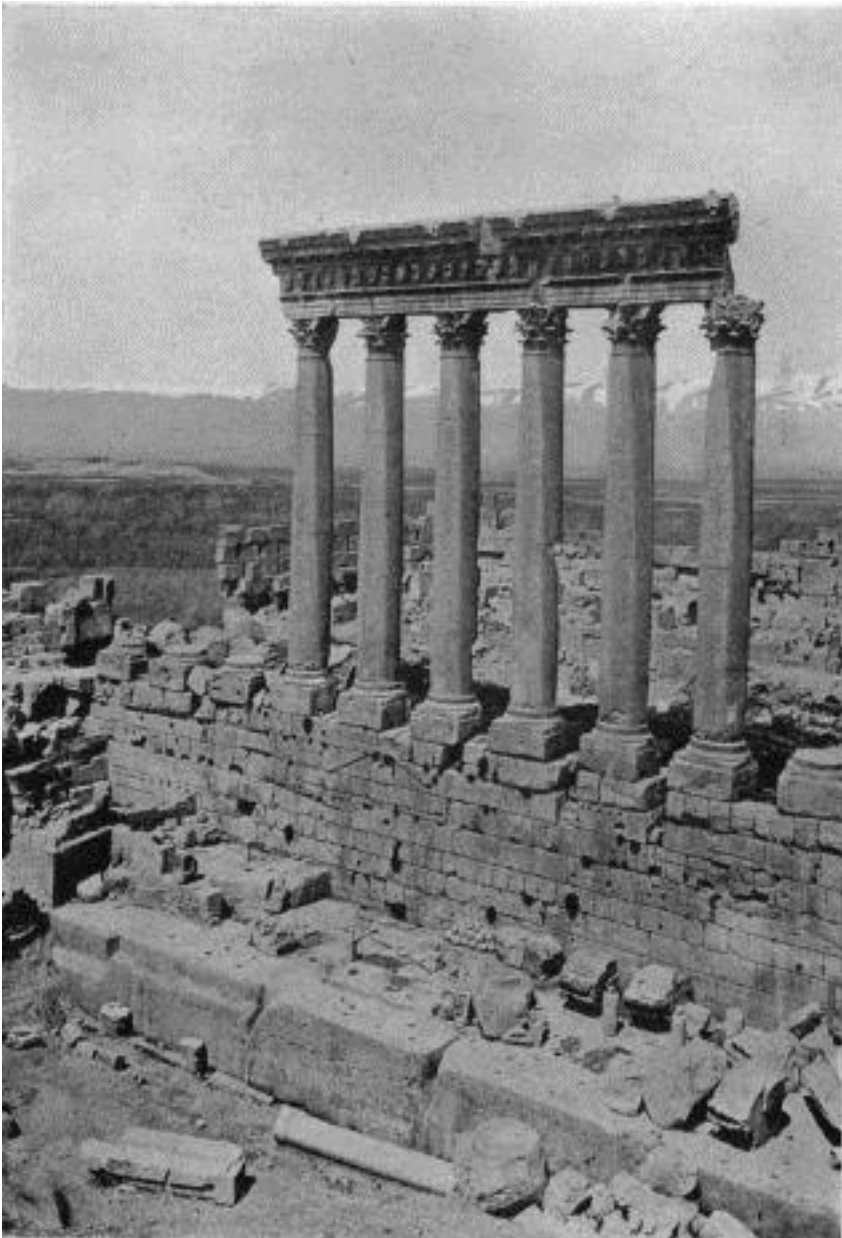
Законодательство было явно бесполезным, и пример не сработал. Реформировать римское общество можно было только изнутри, только оказывая духовное влияние, способное противодействовать материализму и безнравственности того времени. Август пытался в провинциях воздвигнуть новую религию верности и патриотизма, сосредоточенную вокруг алтаря “Риму и Августу”. Но это, очевидно, было невозможно в самом Риме. Единственным вдохновляющим мотивом — в дополнение к стоицизму, который никогда не мог стать популярным вероучением, — на протяжении последних двух-трех столетий был патриотизм, преклонение перед священным городом и его славной судьбой. Но даже это было разрушено гражданскими войнами. Теперь Август сознательно поставил перед собой задачу создания нового Рима и новой римской культуры. Сам он, как и большинство дворян того времени, получил греческое образование. Это было то, что мы могли бы назвать хорошим классическим образованием в философии, литературе и риторике. Кроме того, он был

посвящен в элевсинские мистерии в Афинах, и они, вероятно, были самым мощным источником вдохновения в средиземноморском мире, поскольку даже такие эклектики, как Цицерон, признавали, что они несли с собой надежду на бессмертие. Сам Август был глубоко проникнут греческой культурой и, как большинство римских аристократов, увлекался литературой. Поэтому неудивительно, что тип цивилизации, который он насаждал в новом Риме, был в такой же степени греческим, как и итальянским. Эпоха Августа была фактически кульминацией греко-римской культуры как в искусстве, так и в литературе, потому что слияние двух рас теперь было полным.

В другом месте я осмеливался восставать против существующей в истории практики подчинения искусства политике и заявлять, что художественное творчество зависит от политических фактов. Это не так. Литературные и художественные результаты обусловлены литературными и художественными причинами. Римский литературный язык только что достиг совершенства. Цицерон усовершенствовал его для прозы, и поэзии оставалось только создать Вергилия. Каждый в Риме, начиная с Августа, в свободное время усердно сочинял гексаметры, и сольные концерты, которые давались на каждом званом обеде, составляли одно из общественных развлечений того времени. Точно так же, как Юлий Цезарь и Цицерон отказались от своих эпосов, так и великие люди следующего века были поэтами — Август, Поллион, Меценат, Галл, и все они, кроме Агриппы. Но наряду с этими выдающимися любителями на первый план теперь выходили профессиональные литераторы скромного происхождения. Вергилий и Гораций изначально не были порождениями эпохи Августа, поскольку оба они были признанными поэтами еще до ее начала. Но условия развития искусства в Риме были таковы, что профессиональный литератор очень сильно зависел от покровителя. Такова была традиция, унаследованная со времен Плавта, когда писатели почти всегда были иностранными рабами или клиентами. Цицерон, Цезарь, Лукреций и Катулл не принадлежали к классу клиентов. Они процветали в тот короткий промежуток времени, когда Риму еще казалось возможным создать свою собственную подлинно свободную литературу. Но эта возможность, как и многие другие надежды, была убита гражданскими войнами, и теперь выбор лежал в основном между выдающимися писателями или подбострастными литературными мастерами. Таким образом, мы получаем второй придворный период литературы, подобный периоду Птолемеев в Александрии, подобному периоду Людовика XIV. или нашей эпохи Стюартов, когда поэты писали, чтобы угодить отдельным покровителям. Покровитель, если он человек со вкусом, обычно требует очень высокой степени отделки, и, таким образом, именно придворные эпохи создают законченное мастерство. Можно отметить, что эпохи частного покровительства дали миру большую часть его величайшей литературы.

В эпоху Августа не существовало такой цензуры писем, какая обычно царила при более строгих императорах более поздних времен. Ливию было разрешено опубликовать свою великую историю без ущерба для ее сильной республиканской тенденции. Когда против цезаря появились клеветы и пасквилады, он удовлетворился опровержением их в прокламации. Тем не менее, его влияние ощутимо ощущалось в мире литературы. Он пожертвовал Вариусу более 10 000 фунтов стерлингов на трагедию, которую потомки не сочли достойной сохранения. Сам он был добрым и терпеливым слушателем при чтении стихов и истории, речей и диалогов, которые были обычным способом первой публикации в те дни. Он лишь настаивал на том, что его собственные деяния не должны быть предметом тривиального сочинения низших авторов. Поначалу Горация, похоже, предостерегали от рассмотрения имперской политики. Вергилий тоже в молодости получил намек не воспевать войны и королей. Но позже оба этих писателя были явно зачислены на службу государству. В этой части работы Меценат был главным агентом императора. Меценат, чье имя стало

символизировать литературное покровительство, был богатым аристократом из старинного этрусского рода, который, подобно другу Цицерона Аттику, довольствовался тем, что управлял государством, сохраняя щедрое гостеприимство и зная всех важных персонажей своего времени. Роскошный и женоподобный в своих вкусах, он собрал за своим столом группу талантливых авторов и очень четко предложил им те направления, над которыми он хотел, чтобы они работали. Вергилий, Варий, Гораций и Проперций были посетителями его салона. Другой аристократ высокого происхождения, М. Валериус Мессалла, поддерживал соперничающий кружок, самым выдающимся членом которого был элегический поэт Тибулл. Вергилий, наполовину итальянец, уроженец Мантуи, который даже не был гражданином по происхождению, прославился своими *Буколиками*, серией пасторальных идиллий в стиле Феокрита. Но хотя он был провинциалом по происхождению, хотя он пишет о пастухах и трогательно воспекает ферму своих предков, нет ничего более неправдивого, чем считать его сыном земли или вдохновенным пахарем на манер Роберта Бернса. Напротив, он получил сложное образование в стиле того времени у греческих мастеров в Кремоне, Милане и Риме. Он был погружен в греческую философию и литературу. Его пастухи - не бесхитростные крестьяне Мантуанской равнины. Это пастухи “а-ля Ватто”, заимствованные со страниц Феокрита, и хотя многие блестящие эпитеты отражают любовное наблюдение итальянца за природой, фон произведения скорее искусственный и литературный, чем деревенский или естественный. Его пастухи, как и пастухи Сидни, говорят о политике под прозрачной маской, которая часто крайне неуместна.

Табличка LX. БААЛЬБЕК: ХРАМ ЗЕВСА

Они часто восхваляют Галла, Вара или Поллиона, покровителей молодого поэта. Именно успех *Буколики* побудил Мецената выбрать Вергилия для осуществления важного литературного проекта. От поэта требовалось воспевать сельскую жизнь таким образом, чтобы поощрять движение “назад к земле”, которое пытался развить Август. В своих *Георгиках* Вергилий откровенно признает, что выполняет “жесткие повеления” Мецената. *Георгики* - это трактат о земледелии, но и здесь это не работа из первых рук. Нам сообщили, что поэзия Вергилия вернула ему отцовскую ферму в Мантуе. Но *георгики* были написаны не на ферме. Они были старательно составлены в библиотеке в Неаполе. Они возникли из изучения Арата и Гесиода, а не из воспоминаний об итальянской жизни, и даже в тех великолепных отрывках, где Вергилий восхваляет сельскую жизнь, он думает не об итальянской ферме, а о литературных холмах и лощинах Греции. Я думаю, ясно, что поэт не получал особого удовольствия от своей работы. Он с удовольствием отвлекается от описания почв и мотыг, чтобы рассказать нам очаровательный фрагмент греческой мифологии или дать литературную ссылку. Октавиан был “могущественным богом” уже в *Эклогах*, прежде чем стал Августом. Теперь единственный вопрос заключается в том, какая из звезд примет

его после смерти. “Пылающий Скорпион уже сжимает свои объятия и оставляет тебе более чем изрядную долю небес”. Вергилий делает паузу, чтобы изобразить триумф Августа — Нил полон крови, Азия укрощена, Нифаты отброшены назад, парфяне покорены. Ни один литературный лозунг никогда не был более абсурдным, чем фраза “деревенский гений” применительно к Вергилию. Как только у него появились средства, он с радостью повернулся спиной к ферме своих предков, чтобы стать студентом и придворным. Тем не менее, Месену подали великолепно. Вергилий уже выковал оружие несравненной музыки и красноречия в своих стремительных гекзаметрах, и он использовал его, чтобы изобразить честные радости деревенского труда, кропотливое спокойствие фермы, красоту и интерес природы. Он был мгновенно признан Августом как будущий лауреат премии “Новый Рим”.

Табличка LXI. БААЛЬБЕК: ХРАМ ВАКХА, ИНТЕРЬЕР

The *Энеида* была торжественно посвящена алтарю Рима и Августа. Гомер был здесь греческим образцом, как Феокрит был для *буколиков*, а Гесиод - для *георгиков*. Происхождение Рима должно было быть связано с троянской историей, как это уже было сделано изобретательными греками. Эней бежал из Трои в Италию и оставил своего сына Юла (одноименного героя из дома Юлиев) основать героическое королевство в Италии задолго до появления настоящих римских героев. Таким образом, скромная местная история о Ромуле была вытеснена. Благочестие должно было стать великой добродетелью, воспетой в этом стихотворении, ибо благочестие к памяти Юлия Цезаря было главным титулом, на котором Август основывал свои притязания на почитание. Возможно, были и другие аналогии. Дидона, скорее всего, предложила римскому читателю Клеопатру. Но именно восхвалению Рима, тому чувству сыновнего долга, которое римляне называли “благочестием”, в основном посвящен великий эпос. И здесь, хотя красноречие столь великолепно, а стихосложение столь величественно, “*Энеида*”, как и ее предшественники,

является учебным произведением, написанным явно на заказ. Сюжет небрежно построен. Сам Эней, при всем его благочестии, не живет ни минуты. Религиозные мотивы, которые привели к его бегству от Дидоны, едва ли удовлетворяют нас. Эней произносит речи, и боги постоянно вмешиваются, когда ему угрожает опасность. Наши симпатии обычно на стороне врага, Турна или Камиллы. Эней такой же холодный и величественный, как сам Август.

Именно в знаменитой Шестой книге, повествующей о сошествии в Ад, восхваление Рима наиболее изящно и недвусмысленно. Здесь нам показаны герои римской истории бок о бок с героями греков, и здесь молодой Марцелл, недавно умерший, представлен в тех бессмертных и трогательных строках, которые заставили его мать Октавию упасть в обморок, когда поэт декламировал их. Здесь поэт также очень выразительно излагает римскую идею о судьбе своего народа.

excudent alii spirantia mollius æra,
credo equidem, uiuos ducent de marmore uoltus,
orabunt causas melius, cælique meatus
describent radio, et surgentia sidera dicent:
tu regere imperio populos, Romane, memento;
hæ tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
parcere subiectis, et debellare superbos.

Я не сомневаюсь, что другие будут лепить из дышащей бронзы более изящно и вырисовывать живые черты из мрамора, другие будут более красноречиво отстаивать свои права, отмечать жезлом странствия по небу и рассказывать о восходе звезд. Ты, римлянин, не забывай управлять подвластными тебе народами. Таково будет твоё искусство: устанавливать правила мира, щадить подданных и побеждать гордецов". В этих строках мы слышим гордое филистерство имперского народа. Это подлинно римское (смею ли я добавить "британское"?) отношение к искусствам и наукам. Их должны обеспечивать другие, греки и египтяне. Таким образом, даже ораторское искусство, высшее достижение римского гения в литературе, презрительно приписывается иностранцу. Римляне знали, что они могут купить или захватить статуи получше, чем умеют вырезать: их задачей было завоевывать и управлять, а не низменное искусство.

"Энеида" явно является поэмой-лауреатом национальной премии. Поэт стремится запечатлеть на своих страницах всю римскую жизнь, воплотить римскую историю и ввести аллюзии на характерные фрагменты мифов и ритуалов. Он вставляет целые строки Энния или Лукреция, когда они ему нравятся. Их вытесняют и заменяют. Точно так же, как Драйден, он чувствует себя наследником веков. Необычайная популярность, которой Вергилий достиг еще при жизни, за несколько столетий превратилась почти в культ. Его могила стала объектом паломничества; во времена раннего христианства он стал пророком, а в средние века - волшебником. Мягкость и чистота его личной жизни сыграли свою роль в создании этой странной вергилианской легенды.

Фото LXII. БААЛЬБЕК: ХРАМ ВАКХА, ВОСТОЧНЫЙ ПОРТИК

Гораций обладал меньшей гибкостью придворного и требовал победы в пользу императорского дела. Меценату потребовались две попытки заполучить его, и у нас сохранились письма, в которых Август очень добродушно признается в своем разочаровании тем, что Гораций отказался от должности секретаря. Гораций был сыном вольноотпущенника, в чем ему нисколько не стыдно было признаться. Но его отец сумел обеспечить Квинту образование джентльмена под руководством учителей-греков в Риме, сам посещая школу мальчика вместо негодяев-рабов-педагогов, которые обычно брались за эту работу. Далее Гораций получил университетское образование в Афинах, где попал под чары Брута, за которого сражался при Филиппах. Он был и оставался республиканцем по инстинкту, но Меценат привлек его на сторону цезаризма. Он заработал свою репутацию благодаря *Сатирам*, разновидности сочинения, которое можно назвать истинно итальянским. Сатира представляет собой разговорное поурри, написанное на языке прозы в ритме поэзии. В этом Гораций подражал староримскому мастеру Луцилию. Во многом

заслуга его критической проницательности в том, что Меценат смог раскрыть блестящие способности Горация в этой весьма скучной среде. Ибо, хотя его *сатиры* иногда были горько-сатирическими в современном смысле этого слова, главным литературным достоянием Горация было очарование солнечного, добродушного персонажа. Вдобавок у него был композиторский дар и трудолюбие, которые почти, но не совсем, вывели его на уровень подлинного гения. Похоже, именно Меценат подтолкнул его к написанию лирических од. Едкая сатира, возможно, была самым эффективным литературным оружием во времена республиканцев, но прославление нового режима требовало более высокого напряжения. Вергилий работал над эпосом, Горацию было поручено написать отдельные стихи. Греческие лирики более раннего периода еще не были сведущи в латыни. Соответственно, точно так же, как когда молодой Вергилий хотел воспеть королей и битвы, “Аполлон ущипнул его за ухо и предупредил, что пастух должен пасти жирных овец и петь стройные песни”, так и Горацию намеренно поручили воспевать новый Рим в стиле Сафо, Алкея и Анакреонта. То, что он так великолепно справился со своей задачей, является доказательством его энергии и разносторонности. Сам он, кроткий валетудинарец, чье представление о пиршестве сводилось к каше из капусты и приправ, должен был ударить по лире разгула и воспеть вино и любовь. Он пел без убежденности, без искры сапфического огня или ноты естественной музыки, но благородная риторика римских школ золотого века поддерживала его. Он никогда не напрасно искал нужное слово. Ни один писатель никогда не мог сравниться с его несравненным даром заставлять прописные истины звучать правдиво. Ни один другой писатель не смог бы с такой же искренней мудростью утверждать, что “умереть за отечество сладко и привлекательно” или что “жизнь коротка”. Латынь с ее лаконичной точностью - идеальный язык для выражения банальностей. Его патриотическое красноречие - лучшая римская риторика. Но, возможно, его настоящая сила заключается в драматизме. Странно, что латынь классического периода потерпела такую полную неудачу в создании местной драмы, как это было раньше. Возможно, это было из-за того, что писатели той эпохи были настолько полностью под греческим влиянием, что их природный итальянский театральный гений был подавлен под грузом классических условностей. Несомненно, Гораций обладал даром, и в таких отрывках, как драматический дуолог (Ода ix из книги III) “*Прощающий эрам тебе*”, или Эпопея с ведьмами (v.) В “*o deorum*”, или еще более знаменитое Послание о зануде, он проявляет себя, подобно Браунингу, как сбившийся с пути драматург. Рассматриваемый с чисто лирической точки зрения, “Гимн столетия”, который он написал на заказ как лауреат премии Рима после Вергилия, является, пожалуй, его величайшим достижением. Светские игры 17 года до н.э. были предназначены для того, чтобы наглядно показать людям величие новой монархии и, попутно, продолжить благотворные, но непопулярные меры Юлианской моральной реформы. Итак, хор благородных юношей и дев был научен петь в своей молитве Диане:

diua, producas subolem patrumque
prosperes decreta super iugandis
feminis prolisque nouæ feraci
lege marita,[48]

Табличка LXIII. БААЛЬБЕК: КРУГЛЫЙ ХРАМ

где богиню умоляют увеличить население Рима и одобрить *постановления* сената о браке. Четвертая книга *Од* была добавлена после длительного перерыва по прямой просьбе Августа. Он призван привести достижения Августа и его семьи, особенно триумфы Тиберия и Друза, в выгодное сравнение с героическими историями республиканской истории. Весьма печально наблюдать, что Меценат, к которому Гораций был искренне привязан и чье имя постоянно встречается в его ранних произведениях, здесь выпадает из стихов поэта, потому что он впал в немилость цезаря.

Хотя Гораций в своих *Одах* столь же классичен и условен, как и все римские писатели его эпохи, его *Сатиры* и *Послания* более интимны, чем любое другое латинское произведение великого периода. В них мы получаем реальное представление о жизни в Риме или в загородном поместье. Мы не можем не поражаться ее праздности и пустоте. В городе он неторопливо идет от форума к баням, от бань к обеденному столу, уделяя время и скуку своим единственным врагам. В деревне он, правда, иногда возится с сельским хозяйством, или проявляет слабый интерес к ландшафтному дизайну, или бездельничает над своими книгами, но его жизнь до последней степени сверхцивилизована и нереальна. Сами идеи надежды и прогресса были чужды древнему миру. Глаза римлян всегда были обращены

назад, так что они не могли видеть величия перспективы, которая теперь открывалась перед ними.

Элегисты — такие, как изящный меланхоличный Тибулл или Проперций, педант, который часто спотыкался о поэзию, и множество других, для нас это просто имена, — вряд ли заслуживали бы серьезного внимания, если бы не их известность в школьных классах. Образцом для них был Каллимах Александрийский, которого самого вряд ли можно было назвать первоклассным поэтом. Сама идея писать любовные стихи абсолютно правильным гекзаметром и пентаметром была нехудожественной и нереальной. Их беглая болтовня делает их невыносимо утомительными вне школы. Трудно поддерживать интерес к отношениям между бардами и замужними дамами с греческими псевдонимами, которым адресованы их стихи. С нашей точки зрения, главный интерес к этим писателям заключается в том факте, что почти всех их в то или иное время приглашали восхвалять новый режим. Тибулл, действительно, обладавший скромными способностями, ограничивает свои восхваления своим непосредственным покровителем Мессаллой и откровенно признает, что война и сражения вызывают у него отвращение. Но Проперций делает попытку выполнить свое поручение и описывает битву при Акциуме через пятнадцать лет после ее начала. Но хотя он приглашает Бахуса помочь своей Музе, это отвратительная вещь, и сам поэт с отвращением отворачивается от нее. Знаменитая элегия на Корнелию, дочь пострадавшей Скрибонии, начинающаяся с *"десин, Пауль, слезный зов могилы"*, однако, является достаточным доказательством того, что только отсутствие действительно вдохновляющей темы и подходящего носителя помешало Проперцию занять первое место среди поэтов мира.

Овидий, "этот неисправимо аморальный, но невыразимо изящный поэт", как назвал его мистер Краттуэлл, - гораздо более интересная личность. Я думаю, его по праву можно назвать самым порочным писателем на книжных полках мира. Другие могут быть злыми по невежеству, или случайно, или из-за высокого животного духа, но Овидий аморален в принципе, добросовестный и трудолюбивый извращенец. Его величайший труд "Искусство любить", откровенно говоря, является руководством по борьбе с супружеской неверностью, содержащиеся в нем рекомендации совершенно практичны и, очевидно, основаны на экспертных знаниях. В его *любви, метаморфозы Фасты* он взял на своем поле в области религии и выставлены небесного греха в самых пленительных свет. Мы уже видели, как любовь богов заняла свое место в олимпийской мифологии и как относились к ней мыслящие язычники, такие как Платон. Для таких людей они уже были пережитками варварства, но Овидий снова извлекает их на свет божий, позолачивает своим остроумием и делает совершенно очаровательными для римской гостини. Станный и неотесанный старый ритуал итальянского поклонения природе пикантно приукрашен для современного богохульника. Никто, кто читал Овидия, не мог сколько-нибудь поклоняться Юпитеру

РИС. 1
КАПИТОЛИЙ

РИС. 2
ДЕКУМАНУС МАКСИМ
И АРКА ТРАЯНА

Плита LXIV ТИМГАДА

Еще. Все это было сделано с непревзойденным искусством и неприкрытой наглостью. Когда печальная Ниоба лишается своих семерых прекрасных детей из-за стрел ревнивых богов, наш поэт, остроумно пародируя Вергилия, замечает:

heu quantum hæc Niobe, Niobe distabat ab illa.

Рассказывая об ужасной трагедии, в которой греки объяснили горе Филомелы, соловейки, наш поэт весело описывает истребление детей, добавляя:

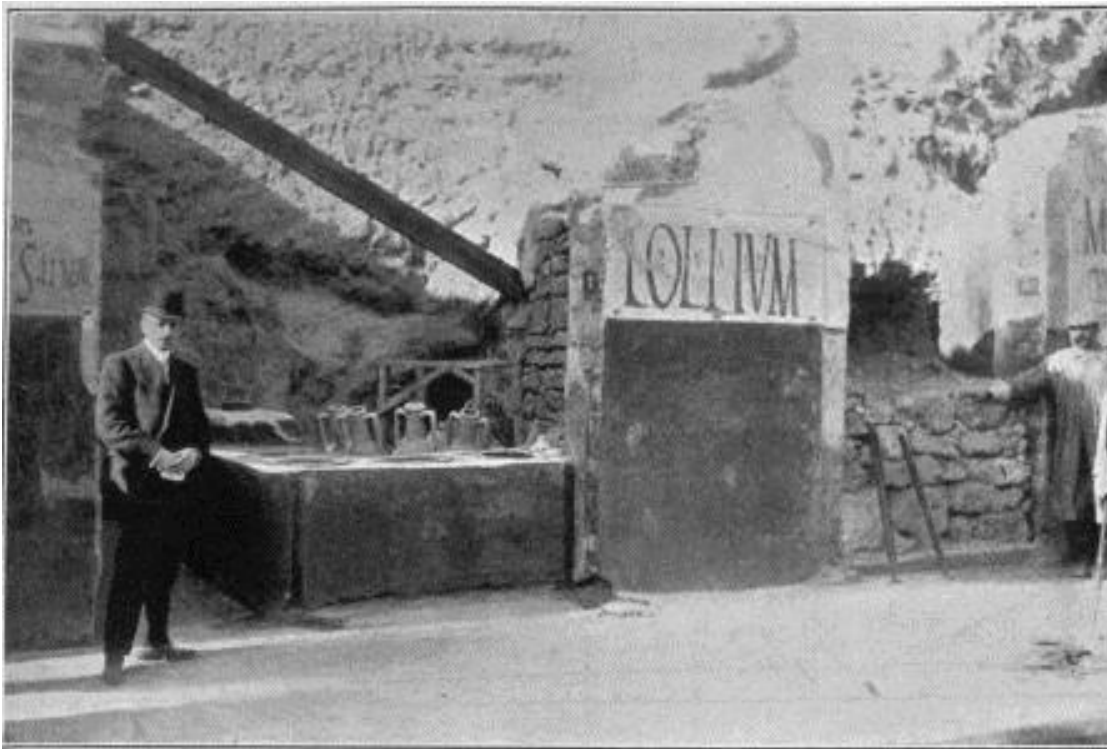
*pars inde cauis exultat aënis,
pars ueribus stridunt.*

И вот он переходит от одного прекрасного мифа к другому, действительно сохраняя их для наших археологов, но деликатно оскверняя их дыханием своей ненормативной лексики навсегда.

Итак, Овидий гораздо более типичен для цивилизации своего времени, чем Вергилий или Гораций. Ибо Овидий был римским аристократом, богатым и одаренным, который в прежние времена с честью переходил бы с одного высокого поста в государстве на другой, с юмором разграбив одну-две провинции, изящно собирая предметы искусства в Азии и, возможно, проиграв пару битв по небрежности. На самом деле он начал общественную карьеру как блестящий адвокат и пользовался древней должностью *децемвира stlitibus iudicandis*, что-то вроде наших Магистров судебной юстиции. Но римские гостиные вскоре поглотили его в своих шелковых переплетениях, и он провел большую часть своей жизни, нашептывая свои ядовитые пентаметры дамам вроде Юлии. Конечно, один-единственный поэт со зловещими

способностями Овидия сделал гораздо больше для развращения Рима, чем все законодательство Юлия могло сделать для его реформирования, и мы можем справедливо заключить, что Овидий с его нападка на традиционную римскую мораль и религию вместе с женоподобными бардами вроде Тибулла, воспевавшими ужасы войны, были более чем сведены на нет патриотические труды Вергилия и Горация. Очевидный факт заключается в том, что, хотя вы можете нанять писателей, вы не можете купить дух народа, и так обнаружили Август и Мecenат, к великому несчастью Римской империи. Они потерпели неудачу в своей попытке захватить литературу. Угнетение потерпело неудачу даже более заметную, чем коррупция. Отныне все литературные таланты Рима на стороне оппозиции. Лукан превозносит республиканизм, Тацит нападает на императоров сатирической историей, Петроний позорит Нерона сатирическим романом, Ювенал - сатирической поэзией. Лоялен только Плиний младший, и заслужить похвалу Плиния - весьма сомнительная рекомендация. Римская литература впитала республиканские идеалы от своей приемной матери-греки. Римские школьные учителя продолжали учить своих учеников выступать с речами против тиранов.

Но самому Овидию не было позволено процветать в своем нечестии. Внезапный указ цезаря Августа обрушился на него подобно удару грома. Он был навсегда изгнан и ему было приказано вернуться в Томи, на берегу Черного моря, недалеко от устья Дуная. Из этого негостеприимного региона он продолжал изливать элегии, *Послания* и *Tristia*, в которых он заявляет о своей невиновности, отрекается от всего, что когда-либо говорил, и оплакивает ужасы арктического существования среди варваров. Действительная причина его изгнания - одна из самых пикантных загадок в истории литературы. Он *увидел* то, чего ему не следовало видеть: его уничтожили глаза. Совершенно ясно, что его изгнание совпало по времени с изгнанием младшей Юлии, и мы вполне можем поверить, что старый император, потрясенный этим вторым скандалом в своем собственном доме, приписал его тлетворному влиянию этого певца позолоченных грехов. Изгнание, безусловно, было заслуженным, и жаль только, что оно произошло слишком поздно, чтобы достичь своей цели. Немужественный тон *Tristia*, женственные призывы ко всем в Риме, включая доселе забытую жену, раскрывают Овидия в его истинном характере. Немного странно, что поколения британской молодежи были обучены не только изучению, но даже подражанию этому автору.

Табличка LXV. ПОМПЕИ: ТЕРМОПОЛИОН, УЛИЦА ИЗОБИЛИЯ

Когда мы называем Золотой век римской литературы “августовским”, мы должны помнить, что он начался задолго до Августа и закончился до его смерти. Таким образом, при всем его покровительстве его с большим основанием можно назвать завершителем, чем автором этой работы. Из всех великих писателей только Овидий, которому простая жизнь и бодрящий воздух сарматов обеспечили необычное долголетие, пережил Августа. Подводя итог характеристикам литературы того времени, мы можем сказать, что учтивость и искусственность были ее наиболее заметными чертами. Свежесть Катулла, суровая убежденность Лукреция, пыл Цицерона угасли. Почти все, что было родным в латинских буквах, погибло; только четкость эпиграмм, язвительность сатиры и величественная музыкальность самого языка остались в качестве итальянского наследия. Греция совершенно определенно одержала победу над Римом. Техническое совершенство продолжалось, поскольку это всегда было отличительной чертой “августовских” периодов. Но благонамеренные усилия государства по захвату литературы для собственных нужд потерпели неудачу. Ужасы гражданской войны перевесили величие нового режима, и при всей своей благожелательности император никогда не мог забыть о своих проскрипциях. Литература так и не простила убийства Цицерона, хотя автор *“Фиеста”*, возможно, был богат сокровищами. Действительно, повсеместная нищета тех ужасных дней в 40 году до нашей эры коснулась лично большинства наших писателей из среднего класса. Вергилий, Гораций, Тибулл и Проперций - все без исключения получили неизгладимые воспоминания о потере своего наследия. Неудивительно, что, хотя они пели о войнах и победах, когда “Синтий дергал их за ухо”, их естественным инстинктом было сравнивать Марс и Венеру в ущерб первой.

Когда мы переходим к рассмотрению искусства того периода, мы не должны забывать нести с собой свет, который мы почерпнули из изучения его литературы. Ибо Август и его помощники пытались достичь совершенно одинаковых целей в обоих регионах. Храмами, банями, цирками, амфитеатрами, колоннадами, библиотеками и статуями новый режим должен был продемонстрировать свое величие в глазах всего мира и, прежде всего,

ослепить граждан Рима, заполнить пустоту их жизнью и заставить их забыть, если это возможно, о масштабах их утраты. Император и все его друзья расточали деньги на этот объект, и строительная деятельность, которая превратила Рим из города кирпича в город мрамора, должно быть, дала работу и заработную плату огромному количеству бедняков. Но все великолепие погибло, как и положено всякому великому, и нам остается, изучая несколько разрушенных памятников, несколько статуй и бюстов, алтарь здесь, карниз там, оценить дух Рима в соответствии с его литературой.

Римское искусство во многом вдохновляло художников эпохи Возрождения. Микеланджело и Рафаэль учились своему искусству, копируя предметы старины, и большая часть архитектуры эпохи Возрождения была прямым подражанием эпохе Августа. Но с рождением археологии как науки в девятнадцатом веке ученые привыкли сразу перескакивать через римскую эпоху или рассматривать ее просто как фазу упадка эллинизма. От этой точки зрения, несомненно ошибочной и несправедливой, в последнее время была предпринята попытка отделаться. Уикхофф и Ригл, чьим ведущим переводчиком в этой стране является миссис Стронг, утверждали, что римское искусство существовало *само по себе*, не только обладая собственными характерными достоинствами, но и во многих отношениях превосходя пределы греческого искусства. Таким первопроходцам мы глубоко признательны. Они, несомненно, привлекли наше внимание к реальным заслугам и реальным шагам прогресса в искусстве римлян. Но в целом, как кажется стороннему наблюдателю, им не удалось доказать свою правоту. Отчасти это, в конечном счете, вопрос вкуса. Убежденная романистка вроде миссис Стронг выставляет на всеобщее обозрение многие произведения искусства, которыми наметанный глаз, привыкший к греческому и современному искусству, часто отказывается восхищаться. Я бы взял в качестве примера хорошо известную “Группу Теллус”, плиту с Августовского алтаря мира, [49], хранящуюся в галерее Уффици во Флоренции. Мне это кажется трудоемкой композицией, выполненной с заботой и мастерством, но совершенно без вдохновения или воображения. Это чисто условная аллегория. Как бы дизайнер иллюстрированного билета на сельскохозяйственную выставку изобразил Мать-Землю? Он бы придумал группу (не так ли?) с высокой дамой с пышной грудью в качестве центральной фигуры, он бы поставил

Табличка LXVI. ПОМПЕИ: НАСТЕННАЯ ЖИВОПИСЬ, УЛИЦА ИЗОБИЛИЯ

два обнаженных младенца у нее на коленях, у ее ног будут корова и овца, а задний план будет заполнен цветами и деревьями. Рог изобилия займет видное место. Если бы его попросили заполнить пространство дополнительными фигурами, он бы добавил воздух и Воду, по одной с каждой стороны, выполненные по тому же плану. В группе было бы мало мотивов, мало связи между фигурами. Целью дизайнера было бы, чтобы зритель случайным взглядом мог заметить соответствие всего этого — Земли, находящейся между воздухом и Водой, — отметить это и пройти дальше. Это именно то, что сделал римский художник. Он заработал свои деньги. Он вырезал очень искусно и старательно, он ввел все общепринятые эмблемы. Он черпал свою метафору из запаса. Я не вижу, чтобы он вкладывал в свою работу какую-либо любовь, религию или вообще веру любого рода. Единственное, на чем обращает на себя внимание мой взгляд, - это абсурдность Воздуха, который скачет (задом наперед) на совершенно неадекватном лебеде, притворяясь одним из группы с неподвижно сидящей Землей. Итак, это первый пункт критики в адрес романистов. Я изложил это как простое субъективное впечатление, которое связано просто с вопросом вкуса. Но на самом деле это нечто большее. Они терпят неудачу или не смогли доказать свою правоту, главным образом

потому, что критический мир любителей искусства отказывается следовать выражению их энтузиазма и может привести причины для своего отказа.

Во-вторых, мы имеем право спросить апостолов римского искусства, что они подразумевают под своими утверждениями. Насколько справедливо мы можем называть такие произведения, как Алтарь мира,^[50] или даже Колонну Траяна "римским искусством"? Было ли что-нибудь из этого выполнено римскими художниками? Мы только что прочитали истинное отношение римлян к искусству в презрительном *"эксцентричном алии"* Вергилия. Мы можем быть уверены, что Алтарь Мира был создан греками. Единственные названные скульпторы того периода - греки. Это действительно признается, но тогда римское утверждение принимает одну из двух форм: (1) что работа, выполненная в Римской империи, может называться римской, что абсурдно, или (2) что помимо простого исполнения в работе есть определенные характерные нововведения, которые обусловлены римским вдохновением. Последнее утверждение в какой-то степени верно и важно.

Точно так же, как Меценат "дергал за ухо" поэтов и наставлял их, когда петь, а когда воздержаться от воспевания царей и битв, так и покровитель искусств давал наставления греческим художникам. Достаточно ясно, какие инструкции он давал. Подобно Кромвелю, он кричал: "Нарисуйте меня таким, какой я есть, с бородавками и всем прочим. Оставьте свой идеализм, свои идеальные профили, своих безмятежных богов в спокойствии Олимпа и изображайте мужчин с живыми эмоциями, проявляющимися в нахмуренных бровях". Без сомнения, это был отличный совет, но он, похоже, пошел дальше. Похоже, он, подобно доброму доктору Примроузу, требовал отдачи от своих денег, настаивая на том, чтобы украсить таким количеством портретов каждый квадратный ярд поверхности. Не этим ли объясняется скопление фигур в рельефах нового стиля, выставленных в Риме, от Алтаря Мира до Колонны Траяна? Во фризах Мавзолея греческие скульпторы четвертого века обнаружили преимущество свободного расстояния, благодаря которому каждая фигура имеет свою собственную ценность. Витиеватый вкус миллионера Атталида из Пергама вызвал реакционное движение в сторону многолюдных и запутанных форм. Теперь эти римские фризы продвинули спрос еще дальше. В этих процессиях мы имеем дело с плотной массой лиц, каждое из которых превосходно и, без сомнения, достоверно изображено, но само их количество разрушает художественный успех целого. Зритель не должен восхищаться композицией. Как в "Дне дерби" Фрита, он должен выхватывать то тут, то там лица и кричать: "Это Агриппа, это Мессалла, это Германик". По своей сути такое требование не является признаком людей, хоть сколько-нибудь разбирающихся в искусстве. Напротив, это показатель их грубости и мещанства. Тем не менее, это новое требование позволило разностороннему греческому гению добиться новых триумфов, особенно в реалистической портретной живописи и сюжетных рельефах.

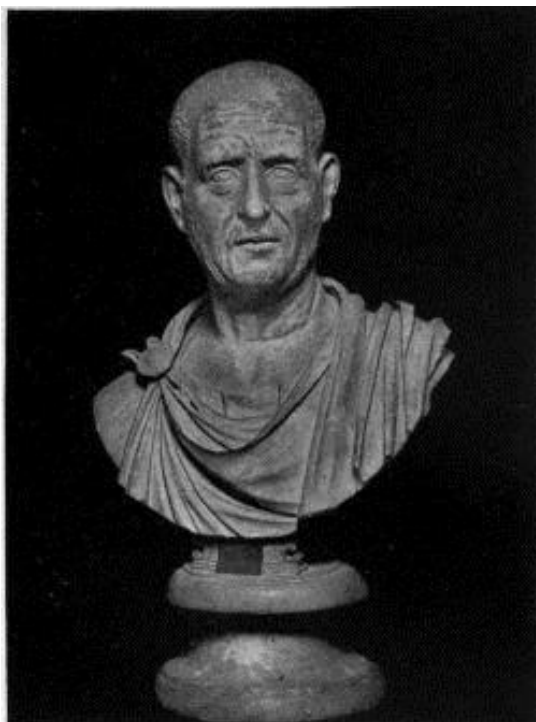

РИС. 1.
ИМПЕРАТОР ДЕЦИЙ
Таблица LXVII.

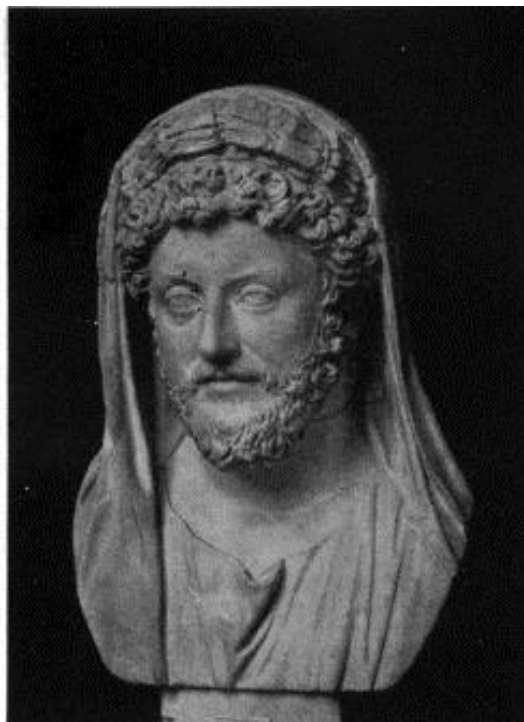

РИС. 2.
МАРК АВРЕЛИЙ

Часть претензий, которые Уикхофф и его последователи предъявляют к оригинальности римского искусства, основана на вере в то, что ограничения греческого искусства не были навязаны сами себе; например, что греки не знали, как выразить эмоции в пластических искусствах, что они не могли создавать реалистичные портреты, что по невежеству они никогда не воспринимали красоту обнаженного тела, что Фидию не хватило ума найти драматический центр для фриз Парфенона и так далее. Подобные предположения легко опровергаются. Греки были способны к реализму (посмотрите рельефы Людовизи[51]), но они предпочитали идеализировать. Изображая гигантов, варваров или рабов, они могли выражать мимолетные эмоции, но для греков и богов в скульптуре они намеренно предпочитали безмятежность. Греки стремились скорее скрыть свое искусство, чем выставить его напоказ, как мы узнали из раскрытия тонких секретов их архитектуры, и было бы опрометчиво утверждать о каком-либо принципе мастерства, что греки его не знали. Многие претензии Рима на оригинальность могут быть опровергнуты этим соображением.

Я считаю, что истинная постановка вопроса такова: греческое искусство не прекратилось со смертью Праксителя или римским завоеванием. Его центральный импульс перешел с разоренного материка к все еще процветающим общинам Востока, в Антиохию на Меандре, где была создана Афродита Мелосская, на Родос, где был вырезан Лаокоон, в Эфес и еще дальше на восток, даже в Парфию и, возможно, в Индию. Она ни в коем случае не была стереотипной, но все еще создавала новые формы для удовлетворения новых потребностей, как, например, саркофаги в Сидоне или картины и мозаики в Египте. В течение этого периода искусство греков находилось под сильным влиянием Востока. Римляне поначалу довольствовались тем, что воспринимали греческое искусство таким, каким они его находили. Во времена Муммия они были всего лишь богатыми заокеанскими коллекционерами в поисках красивых, еще более ценных и уникальных товаров. У них, без сомнения, было несколько собственных рабов, которые занимались в Риме декоративно-

прикладным искусством. Некоторые из них были греками низшего происхождения и способностями, воспроизводившими древнегреческие работы для римского рынка. Но некоторые из них вполне могли быть итальянцами, некоторые этрусками, сохранившими старые художественные традиции своей расы. Эта эпоха "коллекционирования" продолжалась вплоть до времен Августа. Мы видели это еще при Цицероне и Аттике. В те дни спрос на новые творения был невелик. Строилось мало храмов. Художники все еще были разбросаны по Леванту. Мало что могло привлечь их в Рим.

Но когда Август решил построить новый Рим из мрамора, основав или отреставрировав свои восемьдесят храмов с бесчисленными арками и театрами по всей Империи, должно быть, произошел большой приток художников из Греции и Малой Азии. Теперь начинается искусство, к которому мы можем справедливо применить термин греко-римский в том смысле, что это были работы греческих художников под восточным влиянием, удовлетворявшие римским требованиям. Новые требования повлекли за собой еще большее художественное развитие; некоторые из них, но не все, должны рассматриваться теми, кто рассматривает историю искусства в целом, как улучшения. Одним из главных последствий римских условий стало то, что искусство в значительной степени перестало служить религии и стало посвящено светским целям. Таким образом, ограничения лучшего греческого искусства, которые были наложены им самим, теперь рухнули. Этот эффект особенно заметен в портретной живописи, где у римлян была традиция реализма, возникшая в результате использования посмертной маски при создании восковых изображений знаменитых покойников. Поэтому для украшения великого Алтаря Мира в Риме греческим художникам, которые, естественно, создали бы фриз с изображением богов или идеализированных верующих, были предложены портреты людей того времени. Я думаю, ясно, что огромное мастерство было потрачено на создание человеческих образов и очень мало внимания уделялось богам. Композиция в целом не имела большого значения. Чуть позже спрос на исторические рельефы на арках и колоннах был удовлетворен развитием совершенно новых черт в искусстве скульптуры, а именно тех пространственных или трехмерных эффектов перспективы, которые так замечательны на колонне Траяна.^[52] Это искусство, похоже, зародилось во времена Александрии, но заслуга в его развитии может принадлежать Риму. Это было необходимо, если скульптура должна была делать это для

“Клити”

чего, конечно же, никогда не предполагалось — рассказать историю. Фриз Парфенона был религиозным украшением, колонна Траяна - светской историей. Когда римлянам требовался орнамент, они довольствовались просто украшением, и художники применяли удивительное мастерство, которому они, вероятно, научились в Азии. Никогда еще венки и гирлянды из цветов и фруктов не украшались такими изысканными природными узорами, как в скульптуре эпохи Августа.^[53] То же самое и с искусством ювелира, что мы видим в замечательных находках серебра, сделанных в Хильдесхайме и Боско Реале^[54] или в великих императорских камнях, выполненных из сардоникса.^[55] Денег и мастерства было предостаточно. Но чего не хватало, так это духа, чтобы оживить его.

Если бы мы могли быть уверены в своей правоте, считая реализм римским вкладом в историю искусства, это было бы большим достижением для Рима. Реализм, несомненно, прекрасен, хотя идеализм еще прекраснее. К сожалению, кажется, что эллинское искусство в восточных центрах развивало реализм или, по крайней мере, иллюзионизм для себя на своей собственной почве. В целом, в споре между археологами Стржиговский, который утверждает, что Восток был вдохновляющей силой во времена римской Империи, похоже, извлек из этого максимум пользы. Монеты Малой Азии представляют собой реалистичные

портреты, совершенно отличные от тех, которые были родом из римской земли. Таким образом, изысканные гирлянды цветов, фруктов и птиц, все ботанически и анатомически правильные до последнего перышка или тычинки, вероятно, являются продуктом Греции и Востока. Но мы вполне можем полагать, что природа требований римского покровителя способствовала этому движению. Римлянин, если мы можем судить по Плинию, римскому искусствоведа, был как раз тем человеком, который настаивал на том, что яблоко не должно походить на грушу, или считал лепестки мака. Такого рода критика обеспечивает художнику отличную дисциплину. Статуи того периода, такие как Венера-наследница Аркесилая в Лувре[56] и группа Ореста и Электры Стефана в Неаполе, не очень интересные работы. Это явно поздние образцы греческой скульптуры, хотя в последней есть попытка самовыражения, которая, по-видимому, проистекает из влияния портретной живописи. У "Электры", например, такой же взгляд, хмурый, как у человека, стоящего на ярком солнечном свете, который мы видим на портрете Агриппы. Портретная живопись научила скульптора того времени новым секретам расположения человеческого глаза. Они изучили эффект, производимый углублением впадины под бровью и отклонением направления взгляда от направления головы и тела. Но многое из этого было унаследовано от Скопаса. В таких мелочах, как покрой халата Электры, заметна дегенерация. Здесь, как и в группе Tellus, контур груди выполнен так, чтобы поддерживать ниспадающую драпировку, что создает неестественный и очень неприятный эффект.

Архитектура того периода отличается схожими характеристиками. Она явно греко-римская, при этом большая часть тонкой гармонии тонкой греческой работы утрачена. Храмы, в целом, наименее интересная часть работы, поскольку они представляют собой бледные копии греческой архитектуры, не всегда очень художественно адаптированные. Немало разрушенных памятников Рима, к которым благочестивый путешественник теперь направляет свои стопы, относятся к периоду Августа. Многие храмы республики теперь были перестроены по старому плану с использованием более роскошных материалов, как, например, круглое святилище Матер Матута,[57] обычно называемое Храмом Геркулеса. Технические новшества включают в себя обесценивание дорической колонны путем исключения тех тонких выпуклостей, которые придавали ей всю грацию, благодаря чему ее прочность была спасена от неуклюжести, и возведение ее на пьедестал. Но римляне предпочитали более пышный коринфский ордер с его витиеватой капителью из листьев аканта, тип, который греки использовали очень экономно и редко снаружи. Опять же, римляне открыли усовершенствованные методы строительства, которые позволили им использовать более широкий пролет кровли, но они не извлекли из этого художественного преимущества. Напротив, отказавшись от *перистиля* или окружающей колоннады, они сделали внешний вид своих храмов гораздо менее интересным.

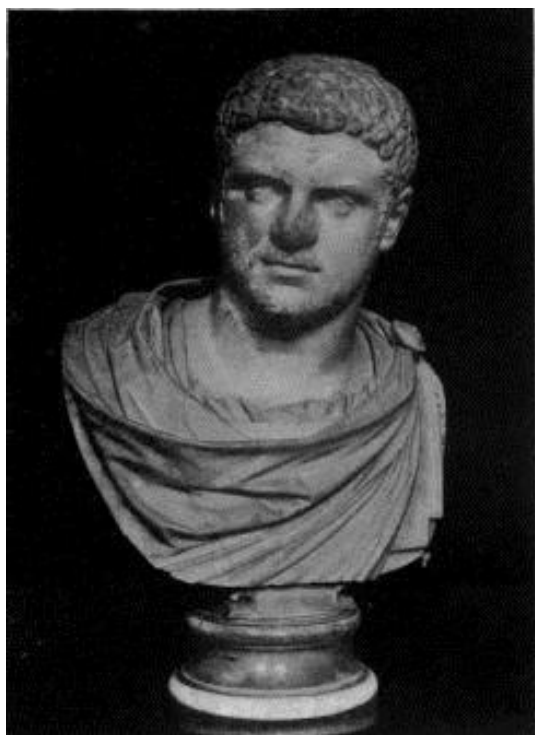

РИС. 1.
ИМПЕРАТОР КАРАКАЛЛА
Табличка LXVIII.

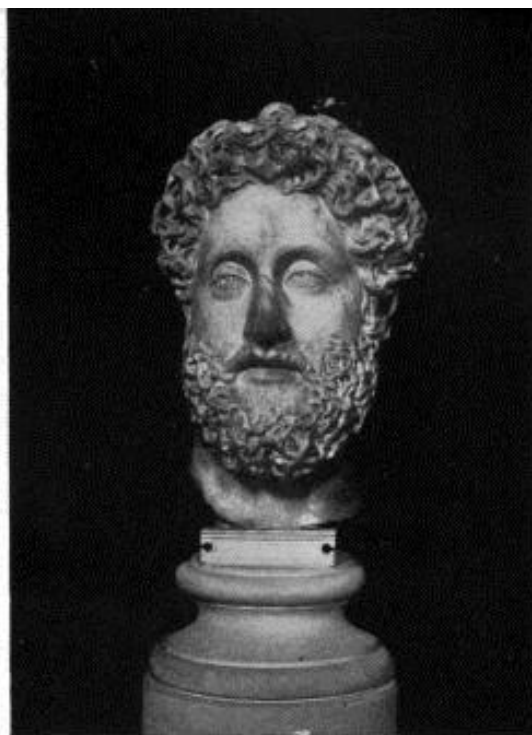

РИС. 2.
ИМПЕРАТОР КОММОД

Основными сохранившимися реликвиями храмов Августа являются восемь колонн Храма Сатурна[58] которые до сих пор стоят на Форуме в Риме. Знаменитый Пантеон[59] в настоящее время признано, что это произведение времен Адриана, хотя его план, вероятно, повторяет план храма, возведенного на этом месте Агриппой. Но самое яркое изображение церковной архитектуры того времени можно увидеть на рельефах Алтаря Мира, которые воспроизводят внешний вид реальных храмов почти с фотографической точностью. Лучшим сохранившимся примером, несомненно, является храм в Нисме, известный как *Maison Carrée*, [60] изящное сооружение этого периода, демонстрирующее коринфский стиль без излишней экстравагантности.

Поскольку у римлян того времени едва ли были какие-либо следы подлинного религиозного чувства, неудивительно, что они мало что могли привнести в храмовую архитектуру, кроме богатства и великолепия. Но они от природы были преданы строительству, и это было любимой экстравагантностью богатых. От всех красивых вилл, усеявших склоны холмов в Тибуре и Пренесте или выстроившихся вдоль побережья в Байе, Неаполе и Суррентуме, не сохранилось ничего, кроме нескольких тротуаров. Но есть несколько светских зданий эпохи Августа, в которых мы можем увидеть красивый греко-римский стиль архитектуры, в котором греческие колонны и антаблементы использовались римскими архитекторами главным образом в качестве украшения. Театр Марцелла, [61] построенный в 13 году до н.э., до сих пор представляет значительные руины, которые, хотя и сильно повреждены, демонстрируют видимость былого великолепия. Нижний этаж выполнен в дорическом стиле, второй - в ионическом, а третий, который сохранился, вероятно, был выполнен в коринфском стиле. Мы можем судить о его эффектном внешнем виде по копии фасада, которую Микеланджело изготовил по своему проекту для внутреннего двора дворца Фарнезе в Риме. [62] Ренессанс многому научился в своей архитектуре у Рима времен Августа, и именно эти конструкции можно увидеть сегодня вокруг нас в банках и ратушах Лондона. Таким образом, Рим времен

Августа имеет превосходство в светском строительстве, даже большее, чем Афины эпохи Перикла достигли в отношении храмов. Там, где великолепие и основательность — и, можно добавить, дешевизна — являются основными мотивами строительства, греко-римский стиль Первого века до нашей эры не имеет себе равных.

Однако самым великолепным из архитектурных творений Августа был храм Марса-Мстителя, который он воздвиг в память о своей победе над Антонием и наказании заговорщиков. Вокруг него располагалась площадь (форум), украшенная воображаемыми портретными статуями всех римских героев истории с биографическими надписями на основаниях. Во всей культуре Августа мы видим отпечаток греко-римского вкуса самого принца. Все это было спланировано для достижения его цели - ослепить толпу и в то же время привлечь на свою сторону высочайший интеллект и вкус своего времени. Его собственные вкусы были утонченными и привередливыми: он ненавидел экстравагантность, а полезность всегда была у него перед глазами. “Он читал классиков на обоих языках, - говорит Светоний, - главным образом для того, чтобы найти спасительные наставления и примеры для общественной и частной жизни. Он переписывал их слово в слово и отправлял своим слугам, или командующим армиями и провинциями, или городским судьям всякий раз, когда им требовались его наставления. Раньше он зачитывал Сенату целые тома и часто публиковал их в виде эдикта”. Далее мы узнаем, что он всегда тщательно готовил свои наиболее важные речи, записывая их и держа рукопись под рукой. Этой практике он следовал даже в беседах со своей женой. Культура Августа обладает именно этим качеством: она прилагает огромные усилия и добивается успеха благодаря им. Ему сильно не хватает спонтанности, но это компенсируется совершенством техники.

РИС. 1.
ВОИНЫ

РИС. 2.
АПОФЕОЗ АНТОНИНУА И ФАУСТИНЫ

Табличка LXIX. РЕЛЬЕФЫ У ОСНОВАНИЯ КОЛОННЫ АНТОНИНА

VI

РОСТ ИМПЕРИИ

Ambitionem scriptoris facile auerseris, obtrectatio et lior pronis auribus accipiuntur quippe adulationi fœdum crimen seruitutis, malignitati falsa species libertatis inest.—Tacitus.

В этих словах, как всегда содержательных и кратких, Тацит дает нам ключ к истинному прочтению истории империи Рима. “Легко, ” говорит он, - не принимать во внимание личные интересы историка и отвергать его панегирики, но его злобную критику проглатывают с жадностью. Ибо лесть несет на себе отвратительную печать раболепия, в то время как злобность носит ложную маску независимости”. Таким образом, из своих собственных уст выдающийся историк ранней империи дает нам право читать литературные источники в духе, благоприятствующем императорам. Поэтому, когда историки описывают Тиберия как кровожадного тирана, который спрятался на острове Капри и там (в возрасте семидесяти лет!) начал предаваться отвратительным оргиям похоти и жестокости, мы предпочтем отвергнуть эту историю как абсурдную и рассматривать Тиберия как гордого и сдержанного аристократа, который счел невозможным терпеть смесь лести и злобы, с которой к нему относились другие вельможи Рима, и уехал из столицы, чтобы спастись от этого. Когда Гая (Калигулу) изображают сумасшедшим, мы просто понимаем, что он был непопулярен; когда нам говорят, что он сделал консулом своего коня, мы распознаем юмористическое преувеличение сатирика о его пренебрежении притязаниями какой-то знатной семьи на этот пост; когда мы читаем, что он отправил свою армию собирать устричные раковины на побережье Нормандии, мы приходим к выводу, что его отказ от запланированного вторжения в Британию был предметом насмешек в Риме. Клавдий описывается как глупый и неуклюжий педант, уродливый и невнятный: на самом деле он , похоже, был ученым, склонявшимся к антиквариату и республиканским традициям. Даже в случае с Нероном дикая жестокость, в

которой его обвиняют, объясняется главным образом тем фактом, что его рука тяжело легла на сенаторов. Он, несомненно, пользовался популярностью в палате общин, и его настоящим проступком было то, что он обладал большей утонченностью и культурой, чем считалось подобающим римскому дворянину, слишком любил греков, искусство и музыку. Тем не менее, невозможно написать историю в чистоте, и единственный безопасный метод разобраться с таким периодом, как этот, - игнорировать личности, занимавшие трон цезарей, и пытаться широко трактовать общую тенденцию того времени.

Но, боюсь, пренебрегая сплетнями и личностями, которыми мы занимаемся, мы рискуем упустить большую часть интереса того периода и, возможно, упустить важную часть правды. Мы не должны позволить полностью лишиться себя того впечатления пурпура и великолепия, которое окружает Золотой дом Нерона, и забывать о налете преступности, который лежит на дворцах цезарей. Последнее, в частности, является неотъемлемой частью истории империи. Как мы видели, эта Империя, основанная на компромиссе, была и оставалась нелегитимной. Наследование всегда было под вопросом; закона о наследовании не существовало. Этот факт подчеркивался бесплодием римской аристократии. В течение ста лет ни у одного принца не было сына, который мог бы стать его преемником, так что дворец всегда был полон интриг. Наконец, порочность женщин - одна из самых зловещих черт того времени. Хотя это действительно не было новшеством Империи, сейчас это приобретает ужасающее значение в династических конфликтах, которые окружали трон. Каждое из ранних царствований запятнано убийствами и страшными преступлениями во дворце. Без сомнения, большая часть этой истории ложна и злонамеренна. Например, ни в коем случае нельзя утверждать, что Германик был отравлен. Всегда находились скандалисты, намекавшие на яд, когда кто-либо из членов правящего дома умирал от болезни. Но даже с самой либеральной скидкой на преувеличение рекорд остается черным. Давайте выберем две типичные истории, чтобы представить, какой сатанинский ореол окружает императорские дома, как их изображают древние историки.

Фотография LXX. ДВА ВИДА АКВЕДУКА КЛАВДИЯ

Клавдий, завоеватель Британии, на самом деле был самым способным и лучшим из цезарей-клавдиев, сменивших Августа, но его жена Мессалина, которая была моложе его на тридцать четыре года, была созданием бесстыдной похоти и безжалостной жестокости. Валерий Азиатский, галл по происхождению, но ныне самый богатый аристократ своего времени, владел широко известными садами Лукулла. Мессалина возжелала заполучить парк и обвинила в нем своего мужа, что привело к неизбежному результату. Азиат умер как джентльмен. Он совершил свои обычные физические упражнения, принял ванну и довольно бодро поужинал, а затем вскрыл себе вены, “но только после того, как осмотрел свой погребальный костер и приказал перенести его в другое место, опасаясь, что дым повредит густой листве деревьев”. Так умер этот любитель садов. Грехи Мессалины становились все более явными, пока, наконец, она не разыграла публичную пантомиму брака с одним из своих любовников, Силием, избранным консулом. Церемония была проведена в присутствии ряда должным образом приглашенных свидетелей. Клавдий в то время руководствовался советами трех греческих секретарей, и один из них решил открыть императору позорную

правду. Тацит рассказывает историю ее разорения графическим языком. Она праздновала праздник сбора урожая в садах, которые она нечестиво приобрела для себя. Стучали прессы, чаны были переполнены, женщины, опоясанные шкурами, танцевали, как танцуют вакханки в своем поклонении или исступлении. Мессалина с распущенными волосами потрясла тирсом, а Силий, стоявший рядом с ней, увитый плющом и в кокетке, покачивал головой в такт какому-то похотливому припеву. Один из гостей в шутку залез на дерево и сообщил об “урагане из Остии”. Это было правдивее, чем он думал, потому что как раз в это время начали прибывать гонцы с известиями о том, что Клавдий находится в пути из Остии, намереваясь отомстить. Веселье прекратилось, гуляки разбежались во все стороны, а Мессалина, оставшись без присмотра, села в садовую тележку и поехала по дороге навстречу своему мужу. Ее апелляция не увенчалась успехом, хотя Клавдий, несомненно, смягчился бы, если бы не вмешательство вольноотпущенника Нарцисса. После ужина, подогретый вином, он попросил кого-нибудь пойти и сказать “этому бедному созданию”, чтобы оно явилось к нему завтра с повинной. Но Нарцисс уже послал к ней солдат, и она была доведена до самоубийства. “Клавдий все еще был на пиру, когда ему сказали, что Мессалина мертва, не упомянув, было ли это от ее собственной или чужой руки. Он также не задал этого вопроса, но потребовал свою чашу и закончил трапезу, как обычно.

Нерон тоже на страницах Светония предстает настолько невероятным в своем злодействе, что преувеличение очевидно. О его великолепном новом дворце “Золотой дом” мы читаем: “Портик был таким высоким, что в нем могла поместиться его колоссальная статуя высотой в сто двадцать футов; а пространство, которое он включал, было настолько обширным, что имело тройную колоннаду длиной в милю и озеро, похожее на море, окруженное зданиями, похожими на город. Там был парк с кукурузными полями, виноградниками, пастбищами и лесами, в которых обитало огромное количество животных всех видов, диких и ручных. Некоторые его части были полностью покрыты золотом и инкрустированы драгоценными камнями и жемчугом. Залы для ужинов были сводчатыми, а отсеки на потолке, инкрустированные слоновой костью, были сделаны так, чтобы вращать и разбрасывать цветы. В них также были трубки для распространения ароматов на гостей. Главный банкетный зал был круглым и постоянно вращался днем и ночью в соответствии с движением небесных тел. В бани подавалась вода из моря и Альбулы.” На церемонии открытия этого великолепного здания все, что он сказал в похвалу ему, было: “Теперь, наконец, я начал жить как джентльмен”. Они обвинили Нерона в убийстве всех его родственников, и в рассказе о его частых покушениях на жизнь матери есть мрачный юмор. Его обида на нее заключалась в том, что она была слишком строга. Во-первых, он лишил ее телохранителя и подкупил людей, чтобы те изводили ее судебными исками, которые вынудили ее покинуть город. Когда она удалилась на покой, он заставил других следовать за ней по суше и морю с оскорблениями и нецензурной лексикой. Трижды он покушался на ее жизнь с помощью яда, но, обнаружив, что ранее она сделала себя невосприимчивой с помощью противоядий, затем он сконструировал механизм, позволяющий обрушить пол над ее спальней, пока она спала. Когда это не удалось, он сконструировал специальный корабль-гроб, который можно было заставить разваливаться на части, а затем послал ей любящее приглашение навестить его в Байе, римском Брайтоне. Кораблям ее сопровождения также было приказано случайно таранить ее по пути домой. Он проводил ее до корабля в очень веселом настроении и поцеловал в грудь на прощание. После чего он засиделся допоздна, с большой тревогой ожидая радостных известий о ее кончине. Но пришло известие, что в результате несчастного случая произошел выкидыш, вдовствующая императрица плыла к берегу. Когда ее вольноотпущенник радостно пришел рассказать о ее побеге, Нерон притворился, что этот человек пришел убить его, и приказал предать ее смерти. Светоний добавляет “из достоверных источников”, что он пошел посмотреть на ее

труп и раскритиковал ее недостатки перед своими последователями, а затем предложил выпить. После этого его преследовал ее призрак.

Знаменитая история его смерти рассказана с некоторой сдержанностью, и последняя ее часть не кажется невероятной. Когда пришли первые плохие новости о восстании Виндекса с галльскими легионами, Нерон созвал свой тайный совет и провел с ними поспешную консультацию по поводу кризиса, но остаток дня провел, демонстрируя им гидравлический орган и рассуждая о тонкостях этого изобретения. Затем он сочинил пародию на мятежников и подготовил патетическую речь, которая должна была заставить мятежников в слезах вернуться к нему на верность. Он сел сочинять триумфальные песни, которые должны были быть спеты по этому случаю. При подготовке своей экспедиции его первой мыслью было снабдить отряд экипажами: он снарядил всех своих наложниц в качестве амазонок боевыми топорами и щитами. Но когда он услышал о восстании испанской армии и под командованием Гальбы, то пришел в ярость и разорвал депешу в клочки. Он разбил свои драгоценные чаши и положил дозу яда Локусты в золотую шкатулку. Он приказал преторианской гвардии сплотиться вокруг него, но они только процитировали ему Вергилия:

“Неужели смерть действительно так тяжела?”

В полночь он проснулся и обнаружил, что стражники покинули его постель. Были украдены даже его постельное белье и золотая шкатулка с ядом. Поэтому он, спотыкаясь, вышел в ночь, как будто собирался броситься в Тибр. Но к нему пришли несколько верных рабов, и вольноотпущенник предложил ему свою загородную виллу в качестве убежища, и Нерон поехал туда в поношенной одежде. Земля содрогнулась от землетрясения, и вспышка молнии ударила ему в лицо; он услышал, как солдаты в преторианском лагере кричат, призывая Гальбу. Прячась среди кустов и шиповника, он на четвереньках добрался до жалкого флигеля на вилле своего вольноотпущенника. Там он приказал им вырыть могилу и выстелить ее кусками мрамора. Были приготовлены вода и дрова для его погребения, пока он произносил знаменитые слова “*qualis artifex pereo!*”, что означало либо “Какого художника теряет мир!”, либо (что более вероятно) “Какая художественная смерть!”. Пришло сообщение, что сенат объявил его врагом общества и он должен быть наказан в соответствии с древним обычаем римлян. Он спросил, что за смерть это означает, и ему ответили, что преступника обычно раздевали догола и забивали до смерти, выставляя его голову к позорному столбу. Затем он взял кинжалы и попробовал их острия, но все еще не осмеливался умереть. Он попросил одного из своих слуг показать ему пример. Наконец он услышал приближающихся всадников, очень уместно процитировал строчку из “Илиады” и с помощью своего секретаря вонзил кинжал себе в горло.

Так вот, даже из этого три четверти - чистая риторика. Например, Нерон не мог слышать солдат в лагере эсквилинов с дороги, по которой он шел к вилле своего слуги. Детали - это выдумка злого умысла или попытка литературного художника улучшить свою историю. Даже Светоний признает, что народ продолжал украшать могилу Нерона весенними и летними цветами, что его изображение украсили и поместили на ростре, как если бы он был еще жив, и что претендент, который восстал от его имени двадцать лет спустя, был встречен парфянами с одобрением.

РИС. 1.
АРКА ТИТА
Табличка LXXI.

РИС. 2.
АРКА КОНСТАНТИНА

Сделав эту уступку литературной традиции, которая, как можно показать, в значительной степени является вымыслом, мы можем теперь попытаться собрать фрагменты истории и кратко проследить прогресс Империи в течение первого столетия ее существования. Во-первых, что касается ее географического роста; хотя Август в своем завещании дал совет не расширять границы империи, и Тиберий соблюдал это предписание, тем не менее завоевания по-прежнему оставались предметом честолюбия в сердце каждого императора, который искал военной славы или новых источников доходов. Британия, пришедшее в упадок наследие Юлия, очевидно, манила римлян. Дипломатические отношения со многими королями этого острова всегда были частыми, и выяснилось, что Британия была неудобным соседом для быстро романизирующейся Галлии. По воде постоянно приходили и уходили люди, потому что по обе стороны были родственные народы. Особенно потому, что это было последнее прибежище антиримской силы друидизма, религии, которая уже приходила в упадок и была подавлена Клавдием в Галлии. О том, что это было так, свидетельствует продвижение римлян в направлении Англси. Детали завоевания Британии, несмотря на обширные обсуждения, ни в коей мере не являются достоверными. Авл Плавтий Сильванус с четырьмя легионами и с будущим императором Веспасианом в качестве одного из своих бригадиров разгромил Цимбелина и десять других королей Южной Британии, переправился через Темзу и завоевал Колчестер (Камулодунум), который стал римской *колонией* и центром управления. Это было в 43 году нашей эры, и сам Клавдий провел две недели на нашем острове, чтобы удостоиться почестей победы. Завоевание далось не слишком легко, поскольку было пять великих сражений, в которых император, хотя и отсутствовал, получил титулы победителя. Сам Плавтий, по-видимому, достиг линии рек Трент и Северн. Осториус Скапула, его преемник, был в основном занят покорением горных массивов Уэльса и покорением неуловимого принца Карадока. Милосердие, проявленное к этому побежденному герою, доказывает, что римляне продвинулись в человечности со времен Югурты. Два последующих легата не предприняли нового наступления, но Светоний Паулин

в 59-61 годах н.э. сделал Честер своим западным лагерем. Пока он был занят завоеванием Англии, оставив только девятый легион удерживать завоеванную провинцию, там вспыхнуло великое восстание под предводительством героической Боудикки. На этом острове никогда не было ссоры, корнем которой не были бы деньги. Не столько деспотичный характер дани, сколько возмутительные методы римских финансистов, которые все еще, как и во времена республики, следовали за орлами, что побудило иценов и их королеву к восстанию. Камулодун, Веруламиум и Лондиниум были взяты и разграблены, и произошла огромная резня римских мирных жителей и романизированных бриттов. Но возмездие последовало: ни один варвар не смог устоять перед стратегией и дисциплиной легионов.

Сменявшие друг друга губернаторы в основном довольствовались умиротворением и цивилизованностью острова.

Одна из чрезвычайно острых глав Тацита показывает нам римский метод построения империи в Британии. “Следующая зима,” говорит он о 79 году н.э., “ была проведена с пользой для управления государством. Чтобы заставить народ, который был разрозненным и варварским, а следовательно, склонным к войнам, привыкнуть к миру и покою в своих удовольствиях, Агрикола обычно убеждал их частными увещеваниями и общественной помощью строить храмы, форумы и дома, восхваляя усердных и предостерегая отстающих. Таким образом, они не могли не вступить в соперничество за честь. Теперь он начал обучать сыновей вождей свободным искусствам, превознося природные способности бриттов над

Табличка LXXII. КОЛИЗЕЙ, РИМ

галльские обычаи прилежания таковы, что те, кто еще недавно отвергал даже римский язык, теперь стали усердствовать в ораторском искусстве. Так что даже наша одежда стала пользоваться уважением, и тогу стали носить повсеместно. Следующим шагом было проявление наших пороков, развлечение в колоннадах, банях и изысканных званых обедах. Они были слишком невежественны, чтобы понять, что то, что они называют цивилизацией, на самом деле было формой рабства”. Нет сомнений, что бритты с такой же готовностью, как и их галльские кузены, приняли римскую цивилизацию. Многие из них взяли римские имена и стали римскими гражданами. Они познали удовольствия бани и амфитеатра, их шахты

эксплуатировались, развивались искусства и промышленность, улучшалось сельское хозяйство. Друиды прятались в непокоренных крепостях Уэльса или перебирались на остров Хиберниан, который римлянам так и не хватило времени завоевать. Тем временем бритты учились поклоняться устаревшим римским богам, а в настоящее время и восточным божествам, которые пришли вместе с ними.

Именно тесть Тацита, Юлий Агрикола, покорил или, по крайней мере, разгромил северные племена Англии. Среди могущественных бригантов он разместил гарнизон в Йорке (Эбуракуме), который со временем стал самым важным из всех римских центров. Он вторгся также в Шотландию и нанес кровавое поражение диким каледонцам. Но Шотландия осталась непокоренной, как и соседний остров, на который также обратил свой честолюбивый взор Агрикола. Римская армия требовалась в другом месте, и император Домициан отказался содействовать каким-либо дальнейшим приключениям. Немного больше из истории нашего острова записано до тех пор, пока путешествующий император Адриан не посетил нас в 122 году нашей эры. Он видел, что дикий север можно завоевать только постепенным продвижением с более или менее мирным проникновением на север. На Рейне и Дунае уже была создана система укрепленных границ, и Адриан обвел пальцем семьдесят миль между Боунессом и Уоллсендом. На этом пространстве, где Тайн и Солуэй почти пересекаются, римские рубежи пролегли прямо через холмы и долины, и там они находятся по сей день как молчаливое доказательство величия римского народа.^[63] Это было больше, чем граница: это был обширный вытянутый лагерь, который смотрел как на юг, так и на север и одинаково хмурился на бригантов и каледонцев. Через определенные промежутки времени он был прорезан укрепленными воротами, и через него на север вели большие дороги. На севере был сначала ров, а затем каменная стена, достаточно широкая, чтобы по ней могли пройти в ряд два-три человека, и почти двадцати футов высотой. За ним на пространстве шириной около 140 ярдов проходит дорога, соединяющая цепочку из четырнадцати больших лагерей, некоторые из которых превратились в города. К югу снова был четырехугольный земляной вал, насыпь, дамба, а затем двойная насыпь. Этот огромный труд, хотя он и невелик по сравнению с римскими работами в других местах, был выполнен не британскими рабами, а римскими солдатами, некоторые из которых были британцами, некоторые испанцами и некоторые германцами. Строительство велось постепенно при разных императорах. К северу и югу от стены Адриана были отдельные форты. Следующий шаг Антонин Пий сделал двадцать лет спустя. Стена Антонина от Форта до Клайда всего лишь вдвое короче и менее прочна. Лагеря были даже к северу от этого места, например, в Стирлингшире, и ясно, что римляне намеревались ощупью пробраться в Высокогорье. Но это противоречило их судьбе.

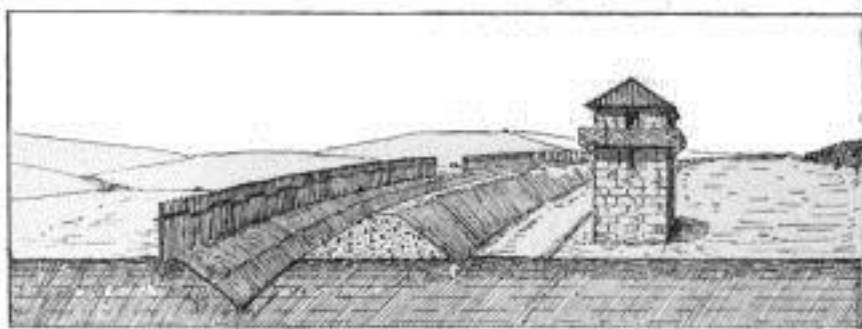
Тем временем Галлия становилась такой же цивилизованной, как и сама Италия. Многие галлы, усвоившие латинскую речь, получили *jus Latinum*, что было почти эквивалентно полному гражданству. Клавдий допустил вождей эдуев в римский сенат, и часть речи, в которой он это сделал, сохранилась на бронзовых табличках в Лионе. Дважды в течение столетия предпринимались интересные попытки придать политическое выражение галльскому чувству национальности. Восстание Виндекса в конце правления Нерона было немногим больше мятежа, но предполагаемая “Империя галлов”, созданная во время неразберихи, последовавшей за падением Вителлия, была очень близка к успеху. Ревность между галлами и германцами разрушила его.

Табличка LXXIII. КОЛОННА ТРАЯНА

В случае с Германией какое-то время казалось, что Тиберий, который, конечно, лично знал о трудностях и преимуществах дальнейших завоеваний, намеревался нарушить завет своего отчима и аннексировать еще больше территории. Но, вероятно, ежегодные экспедиции Германика были задуманы не более чем как карательные и демонстративные. Было пролито достаточно крови и опустошено достаточно акров, чтобы умиротворить непогребенные призраки Вара и его легионов. Но хотя великая битва при Идистависусе была провозглашена победой римлян, сам Арминий постоянно ускользал от римлян, и легионы не раз попадали в засаду. Когда Тиберий крикнул "остановитесь", критики могли найти злонамеренное объяснение в его ревности к Германику, но гораздо более вероятно, что это была преднамеренная политика императора, хорошо знавшего Германию. Таким образом, хотя Арминий вскоре пал жертвой собственного честолюбия и погиб от кинжала родственника-тираноубийцы, он выполнил свою работу и спас свободу Германии. Отныне римляне ограничивались границей по Рейну, хотя за ней у них были посты и летние лагеря. Постепенно генералы Высших и Низших армий Германии превратились в губернаторов двух немецких провинций, но Германия осталась непокоренной. Вдоль левого берега Рейна проходила большая военная дорога, соединявшаяся с гарнизонными городами, где были расквартированы легионы. Могонтиакум (Майнц) и Ветера Кастра (Ксантен) оставались штаб-

квартирами, пока последний не был заменен Кельном (*Colonia Agrippinensis*), основанным при Клавдии. Трир (*Augusta Treverorum*), другое основание примерно той же даты, превратился в важный центр римской цивилизации, о чем свидетельствуют его величественные римские ворота[64] и прекрасный амфитеатр. При Клавдии также была достроена великая Виа Клавдия через перевал Бреннер и канал, соединяющий Маас с Рейном. Это была лучшая работа для римских солдат, чем убивать хатти и хавков в их родных лесах. Угол впадения Рейна и Дуная в районе Шварцвальда, где реки текут небольшими темпами, был признан опасным местом. Соответственно, германские варвары были убраны, чтобы освободить место для группы галльских эмигрантов, которые получили земли при условии уплаты десятины со своей продукции в качестве арендной платы и проведения собственной обороны. Это был новый элемент пограничной политики, которому часто подражали в более поздние времена.

Римские Лаймы

По-видимому, императоры Флавиев, Веспасиан и Домициан, продвинулись на шаг дальше. На другом берегу Рейна и за пределами этих сельскохозяйственных угодий римляне начали строить линию фортов и деревянных сторожевых башен, соединенных земляным валом и известных как *Limes Trans-Rhenanus*. Эта граница Верхней Германии проходила от Рейна между Линцем и Андернахом, пересекала Лан у Эмса, а затем поворачивала на восток к северу от Висбадена (Акве Маттиаке) и Франкфурта. После Заальбурга она поворачивает на северо-восток к Грюнингену, откуда поворачивает на юг, и продолжается более 100 миль через Ашаффенбург и Уорт, чтобы присоединиться к ретианским *лаймам* в Лорхе. От Лорха река Ретийский *лайм* течет на восток и впадает в Дунай в нескольких милях выше Регенсбурга. Поначалу, возможно, это было не более чем полицейское и таможенное ограничение, но постепенно оно превратилось в грозный барьер, за которым Римская империя пребывала в слишком глубокой безопасности. Траян продолжил это. Адриан укрепил его стеной и частоколом. Коммод еще больше укрепил и расширил его. Подобный бастион тянулся вдоль Дуная.

Табличка LXXIV. ДЕТАЛЬ КОЛОННЫ АНТОНИНА

Эта политика создания неподвижных оборонительных сооружений, подобных Великой Китайской стене, всегда опасна. Полезный поначалу и явно сильный, он, как правило, убаюкивает защитников ложной уверенностью. Лагеря и форты превратились в города, армии - в мирных граждан, живущих со своими женами и детьми и посвятивших себя торговле и земледелию. Тем временем варвары на другой стороне становились сильнее и осваивали военное искусство так же быстро, как римляне забывали о нем.

После этого опасная точка для империи постепенно сместилась на восток, вниз по Дунаю. Клавдий превратил Фракию из союзного королевства в римскую провинцию в 46 году н.э. Большие трудности были вызваны даками, которые жили сразу за Дунаем на северном берегу напротив римской провинции Мсия и в современной Румынии. Поскольку зимой Дунай был склонен замерзать, он перестал служить удовлетворительной границей, пока на другой стороне были могущественные враги. Сначала римляне испробовали систему их

пересадки - 50 000 при Августе и 100 000 при Нероне - и поселили их в провинции Мезия. Но это была глупая политика, поскольку она означала постоянные интриги между свободными варварами и их поработченными сородичами. Соответственно, Веспасиан перебросил два легиона из Далмации, чтобы усилить два, уже дислоцированных в Месии. Но вскоре появился способный и героический царь по имени Децебал, который объединил даков в компактное и организованное королевство и начал угрожать безопасности Империи. Подобно Марбоду Богемскому, он обучал своих варваров по римскому образцу. В 85 году н.э. он вторгся в Месию, одержал победы и нанес большой урон. Домициан, вынужденный противостоять этой опасности, удовлетворился тем, что нанес им единственное поражение, а затем принял Децебала в качестве принца-клиента. Он дал ему римских инженеров и артиллеристов и даже прислал денежные подарки, которые варвары с удовольствием рассматривали как дань уважения. Это было расценено как трусость, но со стороны Домициана это, безусловно, было неразумно, поскольку Децебал становился все сильнее и опаснее. Траяну, величайшему воину из всех ранних императоров, пришлось столкнуться с этой щекотливой проблемой в двух великих дакийских войнах 101 и 105 годов до н.э. Вся война запечатлена для нас рисунками на камне. Спиральные рельефы, покрывающие колонну Траяна, рассказывают нам гораздо подробнее, чем повествование Диона, историю двух дакийских войн. Мы видим посадку римской армии, мы видим ее на марше со своими разведчиками впереди, мы видим торжественные очищения, жертвоприношения и речи, предшествовавшие битве. Мы видим сами сражения, в которых римляне с помощью меча и *пилума* побеждают даков и их закованную в кольчуги сарматскую кавалерию. Точно изображен великий мост, построенный через Дунай в Виминации греческим архитектором Аполлодором. Мы можем наблюдать за осадой дакийской столицы Сармизегеты и наблюдать за строительством осадных машин. Наиболее наглядно изображены пафосные сцены: пытки римских пленников женщинами-варварами, самоубийство дакийских вождей с помощью яда и смерть героического Децебала. На протяжении всей истории периодически появляется спокойная и величественная фигура Траяна, управляющего своим кораблем, жертвующего собой ради победы, возглавляющего марш или атаку, обращающегося к своим войскам с речью, руководящего инженерными работами, консультирующегося со своими офицерами или принимающего покорность врага.^[65]

Концом двух войн стало то, что Дакия была аннексирована и стала провинцией империи. Здесь, как и везде, Траян продемонстрировал свое презрение к естественным границам. Будучи сам доблестным солдатом, он верил в непобедимость римского оружия и предпочитал полагаться на легионы, а не на стены. За это он был осужден современными историками, но история на его стороне. Больше всего на свете Римская империя полагалась на естественные границы и искусственные валы с последующей потерей военных инстинктов, что должно было привести к гибели.

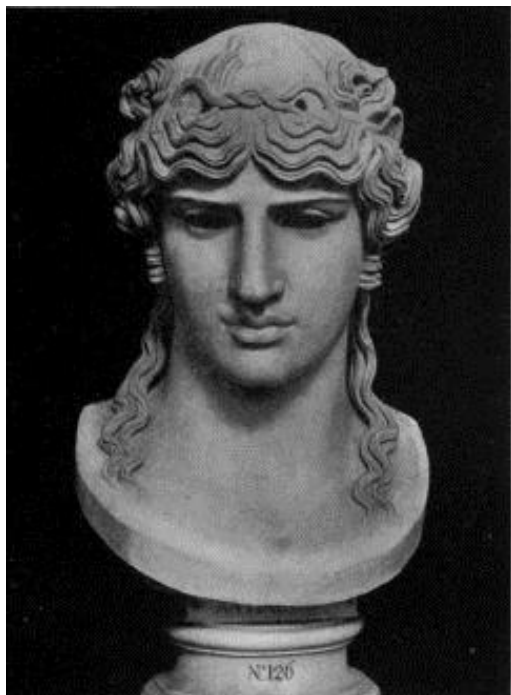

РИС. 1.
АНТИНОЙ “МОНДРАГОР”
Табличка LXXV.

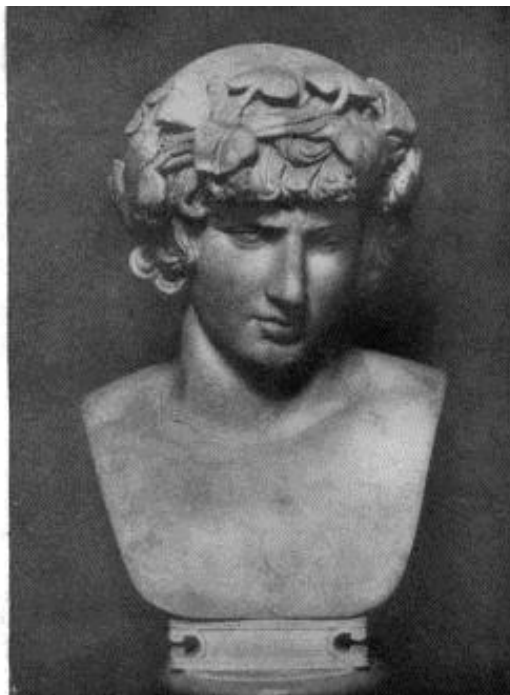

РИС. 2.
АНТИНОЙ (БРИТАНСКИЙ МУЗЕЙ)

На восточной границе долгое время это была игра в перетягивание каната между Римом и Парфией, причем веревку поставляло армянское королевство. Политика Августа по заполнению восточных тронов принцами, получившими образование в Риме, не имела большого успеха. Ты можешь получить плохие уроки при дворе; ты можешь даже научиться узнавать Рим, не научившись любить его и бояться. Князья, посланные в Армению или Парфию, были нестабильными союзниками, и обычным ходом событий было то, что римляне посылали в Армению царя, а парфяне его низлагали. И снова Траяну оставалось решить эту проблему в старой римской манере; когда прибыло обычное посольство покорности, Траян ответил, как мог бы сделать Метелл, что ему нужны дела, а не слова, и повел свою армию дальше. Траян обнаружил, что восточные легионы, штаб-квартира которых находилась в Антиохии, уже цивилизовались и ориентализировались настолько, что стали бесполезны для ведения боевых действий. В то время в Сирии находилось четыре легиона, один в Иудее и один в новой провинции Каппадокия. Первой задачей было восстановить дисциплину и энергию в этих войсках. Затем, без кровопролития, в 115 году н.э. Армения была объявлена провинцией. Парфия, охваченная гражданской войной, была захвачена, ее столица Ктесифон была легко взята в осаду. Месопотамия была преобразована в провинцию, а Парфия получила нового царя. Подчиненное королевство Адиабена стало третьей новой провинцией под названием Ассирия. Это означало, что восточной границей вместо Евфрата стал Тигр. К сожалению, эти завоевания были слишком легко достигнуты, в основном из-за временных разногласий между парфянами, которые, соответственно, не смогли испытать спасительную дисциплину настоящего поражения. Траян умер по пути домой, и Адриан, который был скорее государственным деятелем, чем воином, изменил политику своего предшественника. Он сдал три новые провинции и даже согласился с выбором парфянами собственного царя вместо римского кандидата. Единственными новыми провинциями, созданными Траяном и сохраненными Адрианом, были Дакия и Аравия.

Хотя их военная сила была ничтожна, их духовное рвение сделало евреев самым трудным народом для управления во всей империи. Поклоняясь своему Ревнивому Богу с неистовым рвением, они не могли присоединиться к поклонению цезарю, которое было внешним признаком лояльности и патриотизма во всем римском мире. Более того, семитский вопрос уже начал терзать душу Европы. По всему Востоку, и особенно в торговых центрах, таких как Антиохия, Александрия и Кирена, уже существовали большие общины евреев, которые жили в обычных условиях глубоко укоренившейся расовой вражды со своими соседями. Будет только справедливо по отношению к римскому правительству признать, что оно пыталось примирить своих трудных подданных. Хотя тщеславие Калигулы побудило его принять предложение воздвигнуть ему колоссальную статую в Иерусалимском храме, все же, когда философ Филон и его коллеги-послы пришли умолять против этого безобразия, император добродушно заметил, что если люди отказываются поклоняться ему, то это скорее их несчастье, чем вина. Как правило, римские прокураторы, управлявшие Галилеей и Иудеей, были почти чересчур терпимы к еврейскому фанатизму. Евреи были освобождены от военной службы: их субботы соблюдались. Римский солдат, вырвавший книгу закона, был предан смерти. Было бесполезно спорить с такими сектами, как zeloty и assasiny. Антисемитский дух вылился в массовые убийства. В Кесарии, Дамаске и других местах язычники убивали евреев; в Александрии и Кирене евреи убивали язычников. В Иерусалиме римлянам пришлось столкнуться с жестокими разногласиями между соперничающими группировками, и, естественно, они встали на сторону более терпимых и умеренных саддукеев против суровых фарисеев и более мелких сект экстремистов. В 66 году н.э. дело дошло до кризиса. Римский гарнизон подвергся нападению и был уничтожен: армия, пришедшая из Сирии, чтобы отомстить за них, была отброшена с резней. Это произошло, когда император Нерон находился в одном из своих театральных туров по Греции, и в следующем году Веспасиан был отправлен с армией из трех легионов и вспомогательных войск, численность которой увеличилась более чем до 50 000 человек. Во время смерти Нерона и короткого правления трех его преемников Веспасиан постепенно подчинил Палестину и загнал непримиримых до него в Иерусалим. Веспасиан сам стал императором, и завершить трагедию было поручено его сыну Титу.

Табличка LXXVI. АНТИНОЙ: РЕЛЬЕФ ВИЛЛЫ АЛЬБАНИ

Осада Иерусалима (70 г. н.э.) была одной из самых трудных задач, с которыми когда-либо приходилось сталкиваться римлянам. В дополнение к его естественной силе здесь было шесть линий укреплений, которые нужно было преодолевать одну за другой, и каждая защищалась со всем мрачным упорством, на которое способна семитская раса, когда она находится в обороне. Пять месяцев длилась великая осада, и в конце концов Иерусалим превратился в груды развалин. Часть сокровищ храма была сохранена для римского триумфа, а Арка Тита до сих пор показывает нам знаменитый золотой подсвечник с семью ветвями, который несли в храм Юпитера Капитолийского.^[66] Говорят, что во время осады погиб миллион евреев и еще 100 000 были проданы в рабство. Иерусалим стал всего лишь лагерем Десятого легиона. Вся Иудея стала единой провинцией, и рассеянными евреям было разрешено сохранять свои привилегии только при условии регистрации своих имен и ежегодной уплаты пошлины в размере двух динариев за их лицензию.

Но этот ужасный урок не погасил огонь еврейского патриотизма и не убил их надежд на земного Мессию, который восстановит царство Давида. При Адриане снова произошло еврейское восстание, вызванное тем фактом, что император запретил обряд обрезания и издал указ об основании римской колонии в Иерусалиме с храмом Юпитера на горе Сион. Восстание было подавлено с беспощадной жестокостью, и евреи были рассеяны навсегда.

Единственным другим примечательным дополнением к Римской империи была Мавритания (Марокко), которая была включена Калигулой в качестве провинции. Предполагаемым мотивом было желание императора самому завладеть сокровищами Птолемея, его царя.

Таким образом, в целом мы видим, что Римская империя почти достигла своих естественных пределов. Она захватила все, чем могла управлять, и теперь, за исключением Парфянского царства, все, что лежало за ее границами, было неприкрытым варварством. Таким образом, центр становился все более и более недружелюбным, в то время как легионам было нечем занять свои умы, кроме размышлений о том, есть ли у их конкретного генерала шанс получить пурпур. Только по этой причине цезари не решались на завоевательные походы, если только, подобно Траяну, они не были готовы пренебречь всем остальным и предпринять кампании лично. Победоносный генерал всегда внушал страх своему хозяину.

Принципат

На первый взгляд положение принцепса, который был абсолютным властелином этого мира, является положением огромной и ужасающей власти. Но земная власть имеет свои естественные пределы в человеческой слабости. Слабые или порочные императоры, как правило, были слугами своих фаворитов, мужчин или женщин, или они жили в страхе перед легионами. Без своих бюро они были беспомощны, а бюро в умелых руках римских рыцарей или греческих вольноотпущенников приобретали реальную власть. Но поразительно, сколько реальной работы было проделано более добросовестными цезарями. В письмах Плиния мы видим, о каких мельчайших деталях сообщал губернатор провинции своему господину и как подробно на них отвечали. Ответы могут быть составлены секретарями, и, без сомнения, иногда таковыми и являются, но в них есть личная пометка, которая часто наводит на мысль о собственной диктовке императора. Вероятно, Траян был исключительно трудолюбив, а Плиний исключительно педантичен. Тем не менее, похоже, что этими обширными владениями действительно правил сильный император. Одним из достоинств деспотизма является то, что власть монарха автоматически возрастает вместе с его добродетелями и способностями. Калигула не мог причинить столько вреда: Август, Клавдий, Траян или Адриан могли бы принести пользу миллионам людей. Я думаю, ясно, что они это сделали. Безумная резня, которая является единственным, что интересует рядового историка, почти прекратилась. По всему миру рынки были переполнены, в мастерских стучали молотки, моря были переполнены кораблями, большие дороги запружены путешественниками. Правосудие было сильным и беспристрастным. Налоги были низкими и начислялись справедливо. По большей части люди имели свободу идти своим путем и поклоняться своим собственным богам. С воцарения

РИС. 1.

РИС. 2.

Табличка LXXVII. РЕЛЬЕФЫ МАРКА АВРЕЛИЯ

От Августа до смерти Антонина Пия — и с небольшими перерывами можно было бы смело идти дальше — мир переживал один из своих золотых периодов процветания. Неисторически заглядывать вперед и объявлять, что этот счастливый мир уже обречен.

Но, с другой стороны, бесполезно отрицать слабые места в этой внушительной структуре империи. Слабость была в центре. Римская аристократия была веселой и великолепной, но не счастливой и не в безопасности. Призрак Республики все еще бродил по ее улицам. Необходимое повторение: если бы Августу наследовал сын, такой же мудрый и тактичный, как он сам, и если бы трон затем перешел к третьему поколению с воинскими качествами Траяна и государственной мудростью Диоклетиана, Империя могла бы оформиться как сильная наследственная монархия с сенатом, искренне сотрудничающим, и преданно подчиняющейся армией. Но этому не было суждено сбыться. Тиберий был слишком горд, чтобы разыгрывать комедию, как это делал Август: вместо этого он нажил врагов среди аристократии и стал подозрительным и деспотичным. Когда они высмеивали его и оскорбляли, он превратился в деспота. Историк Кремуций Кордус был казнен за то, что назвал Кассия “последним из римлян”. Наконец Тиберий в мрачном отчаянии удалился и оставил правительство в руках беспринципного интригана, рыцаря Сеяна, который еще больше раздражал и отчуждал знать. Трудно узнать правду о Гаеме, настолько очевидна его история, написанная сатириками. Возможно, он был сумасшедшим. Лести, окружавшей цезарей, было достаточно, чтобы вскружить голову тщеславному юноше. Он, безусловно, был экстравагантен и увеличивал свою непопулярность за счет налогов на тяжущихся сторон и проституток. Это были офицеры преторианской гвардии, которые сговорились убить его.

Клавдий выбрал телохранителя, убивший его предшественника, и он купил их преданность за 120 фунтов стерлингов за штуку. Он был дядей Калигулы, но никакой процесс усыновления не привел его в царский дом. Тем не менее, он был внуком Ливии, и его принятие имени “Цезарь” прошло без комментариев. Клавдий ставил Августа перед собой в качестве образца и во всем старался возвращаться к республиканским прецедентам. Он занял

должность цензора для пересмотра списка членов сената. Он увеличил патрициат, поощрял государственную религию и личным вниманием улучшил отправление правосудия. Причиной большинства проблем во время предыдущих царствований была практика "делации". Даже при Республике уголовное преследование было самым простым методом получения политической известности. Тиберий и Гай добавили мотив денежной выгоды. Теперь Клавдий отменил отвратительные законы о государственной измене, наказал за разглашение информации и запретил рабам давать показания против своих хозяев. После отмены законов о государственной измене Клавдий почти перестал быть монархом и позаботился о возрождении старых законодательных процессов республики. С другой стороны, при Клавдии власть бюрократии значительно возросла, и делами Империи в основном управляли три могущественных греческих секретаря.

После смерти Клавдия — когда императоры умирали в своих постелях, неизменно утверждалось, что их отравили — Нерон преуспел почти как само собой разумеющееся. Его мать Агриппина обеспечила ему престолонаследие, воздав ему почести точно так же, как это было сделано Августом для Тиберия. Он уже получил титул "Принца молодежи", был назначен консулом и наделен проконсуловской властью. Однако у молодого Британика был возможный соперник, и преторианская гвардия выбрала Нерона так же однозначно, как и Клавдия. В течение первых пяти лет, когда молодой принц развлекался под руководством философа Сенеки, сенату нечего было бояться, и римское государство наслаждалось своей свободой, но когда Тигеллин, злой префект гвардии, добился своего злонамеренного господства над разумом Нерона, произошло несколько судебных преследований влиятельных сенаторов, которые заставили трепетать весь сенат. Тем не менее, даже в эти худшие дни правления худшего из императоров продолжалось хорошее управление. Сам Нерон выступил с интересным предложением об отмене таможи в Империи и, действительно, его справедливо можно назвать "Отцом свободной торговли". Но классу капиталистов удалось отклонить это предложение. Однако пошлины на зерно были снижены, а сбор налогов тщательно регламентирован. Обвинения в вымогательстве, выдвинутые против сборщиков налогов, получили преимущественную силу в судах, и это мера правосудия, превосходящая все попытки современного государства. Гораздо больше танцев и пения *принцепса*, чем поборов Тигеллина и судебных убийств знати, были причиной непопулярности, приведшей Нерона к его гибели. Среди многих, кто пал жертвами свирепости Тигеллина — ибо сам Нерон, вероятно, был достаточно безобиден, — были два настоящих республиканца старой школы, люди, искренне верующие в стоическую веру и ежегодно отмечавшие дни рождения Брута и Кассия. Вполне вероятно, что подлинная оппозиция такого рода была далеко не редкостью среди аристократии Империи. Такие писатели, как Лукан и Тацит, очевидно, сочувствовали этому, и хотя Тразея Пет и Барей Соранус известны своей стоической смертью, все же они были лишь двумя из многих, кто жил исключительно памятью о Республике.

Падение Нерона было вызвано непосредственно дезертирством преторианских гвардейцев, чья верность была куплена именем Гальбы. Нерон был последним членом семьи Юлиев-Клавдиев, и с его смертью исчезла последняя тень династических притязаний. Наследование принципата превратилось в простую схватку, в которой побеждал сильнейший, или самый удачливый, или самый крупный взяточник. Против Гальбы выступили претенденты, несколько армий выдвинули своих генералов в качестве претендентов на трон; а у самого Гальбы не хватило даже великодушия заплатить взятки, с помощью которых он обеспечил себе трон. Таким образом, 69-й год был годом непрекращающейся гражданской войны. Гальба был убит на улицах Рима; Отон потерпел поражение в битве при Бедриаке и убит в своем лагере Вителлия; избранные легионы в

Германии правили с апреля по декабрь, когда Рим снова был оккупирован армией граждан. Сирийские легионы, видя, что их товарищи-солдаты Испании и Германии уже сделали своих генералов императорами, решили принять участие в игре, и теперь Веспасиан стал четвертым цезарем за один год.

То, что она пережила шок от подобных событий, хорошо говорит о прочности имперской системы, организованной Августом. Это доказывает, что система была всем, а человек - немногим или ничем.

Новый император Веспасиан, вступивший на престол после всех этих потрясений, отличался от своих предшественников тем, что у него было двое взрослых сыновей, готовых стать его преемниками. Говорят, что Муциан, еще более могущественный восточный полководец, отказался от своих притязаний, потому что был бездетен. Если так, то это было сделано благородно и мудро. Веспасиан был способен и желал восстановить механизм принципата Августа. Откровенно говоря, сам он был скромным сабинянином, не претендовавшим на происхождение. Он был тверд, но не деспотичен по отношению к сенату, и сохранил контроль над преторианской гвардией, назначив ее командиром своего сына Тита. Он также установил бесспорную преемственность, сделав Тита своим супругом. Веспасиан и Тит избирались консулами год за годом. Основная работа Веспасиана заключалась в восстановлении финансового кредита правительства. К сожалению, два сына, Тит, а затем Домициан, которые последовали за ним на трон и вместе с ним составили династию "Флавиев", едва ли были достойны своего отца. Тит был "любимцем рода человеческого", щедрым и мягким по отношению к сенаторам, но слишком дорожил своей популярностью, чтобы быть сильным правителем, а Домициан был настоящим тираном. При своей автократической системе правления он, естественно, был деспотом аристократии, и, как следствие, его имя вписано на страницы истории как имя жестокого монстра. Домициан, безусловно, внес конституционные изменения, которые сделали монархию более открытым фактом. Он занял консульский пост на десять лет вперед, он стал цензором и составил список сенаторов по своему вкусу, он отклонил обычную просьбу сенаторов признать, что император не имеет права приговаривать сенатора к смерти. Кроме того, он открыто отвергал гордых сенаторов и разрешал рабские манеры обращения, которые были запрещены Августом и другими императорами.

РИС. 1.
ВНУТРЕННЯЯ СТОРОНА

пластины LXXVIII. АРКА ТРАЯНА, БЕНЕВЕНТ

РИС. 2.
ВНЕШНЯЯ СТОРОНА

Эти деспотичные действия вызвали ненависть сенаторов и заговоры против него. За заговорами последовали казни, и Домициан постепенно становился все более и более тираническим. Были казнены еще несколько членов Стойкой республиканской партии, и одиозная практика делации вновь вошла в моду. Наконец во дворце был успешно организован заговор, и Домициан пал от удара кинжалом.

При трех последующих императорах Нерве (96-98), Траяне (98-117) и Адриане (117-138) мы имеем ряд подлинных конституционных правителей, которые демонстрируют систему принципата в лучшем виде. Выдающаяся фигура, которую эти правители оставили на страницах истории, не совсем не связана с тем фактом, что мы теперь вышли за пределы области, освещенной сатирой Тацита и сплетнями Светония. За них говорят их дела. В Нерве сенат избрал правителя, пожилого, безупречного, но явно слабого. Если бы он не умер менее чем через два года, он легко мог бы низвергнуть трон цезарей до основания. Зная собственную слабость, Нерва сделал своим наследником выдающегося солдата своего времени, и Траян, любимый солдатами и готовый купить любовь римского сброда, преуспел в этом безропотно. Большую часть своего правления он провел в лагере. В лагере он умер, и вопрос о престолонаследии был отнюдь не ясен, когда Адриану, хотя и дальнему родственнику, хватило смелости захватить императорскую власть и удаchi удержать ее. Все эти три императора удовлетворили требование сената о том, что император не должен иметь права приговаривать сенатора к смертной казни, и в некоторых аспектах сенат, казалось, восстановил большую часть своей былой независимости. Но Траян был слишком властным, а Адриан слишком вездесущим, чтобы оставлять какой-либо реальный простор для сенаторской инициативы. На самом деле при этих великодушных деспотах двоевластие перестало иметь какое-либо значение. Как обычно, благожелательность деспота была самым смертельным врагом свободы. Не только в Риме, но даже в муниципалитетах Италии политика перестала иметь какое-либо реальное значение, и людей с положением приходилось принуждать к участию в комедии. Бюрократия императорского дворца теперь управляла миром, и чем лучше она управляла, тем быстрее жизненная кровь римского мира иссыкала в ее жилах. Теперь мы видим, как имперские "кураторы" и бухгалтеры разъезжают по провинциям, чтобы привести в порядок свои финансы. Всякий раз, когда в каком-либо уголке земли возникают проблемы, имперский "корректор" приезжает из Рима с помощью замечательной системы имперских постов, чтобы все исправить. Там, где в старину местный сквайр, патронус муниципалитета, оставлял благотворительное наследство для содержания и образования бедных детей, государство с его замечательной системой "алиментов" начинало брать на себя ответственность. У государства был свой Фонд развития, который выдавал ипотечные кредиты под очень низкие проценты, обычно 5, но иногда и 2½ процента, мелким фермерам, а проценты направлялись на сиротские приюты и образование бедных. Нерве принадлежит заслуга внедрения этой великолепной системы общественной благотворительности, а Адриан разработал ее. Именно Адриан также внес последние штрихи в организацию государственной службы как замкнутой бюрократии, полностью оторванной от военной профессии. Эта служба находилась в основном в руках рыцарей, и она располагалась в тщательно выстроенной иерархии чиновничества, начиная с трех главных государственных секретарей, министра финансов, главного секретаря и министра петиций, и заканчивая фискальными адвокатами, которые заботились о местных доходах. Хотя Римскую империю часто представляют стонущей под тяжестью налогов, и, без сомнения, более экстравагантные императоры действительно накопили большие долги, все

же Адриан, который последовал за императором, экстравагантным как в военном деле, так и в строительстве, смог перечислить около девяти миллионов фунтов стерлингов задолженности, причитающиеся *fisc*. Он также ввел систему периодических переоценок и предоставил своим главным арендаторам полную свободу обжаловать действия коллекторов. Адриан также был тем, кто действительно ввел систему назначения младшего коллеги в Империи, план, который Август предвосхитил, возвысив Тиберия.

Табличка LXXIX. АЛТАРЬ, ОБНАРУЖЕННЫЙ В ОСТИИ

Этот план породил одну из самых прочных династий, когда-либо занимавших императорский трон, а именно Антонинов, Марка Аврелия, Тита, Антонина Пия и Коммода, которые правили со смерти Адриана в 138-192 годах. Эпоха первых двух Антонинов рассматривается Гиббоном и многими другими как кульминация римской имперской системы.

Два факта очень большой важности выделяются из этого поспешного обзора принципата за первые два столетия его существования. Во-первых, это все еще, в строгом конституционном смысле, компромисс. Теория конституции не изменилась со времен Августа, если, конечно, она когда-либо менялась. Это все еще Республика — *Римская республика*, управляемая

сенатом, консулами, трибунами и периодически проводимыми общественными собраниями. Есть, как и почти всегда, *принцепс*, то есть выдающийся гражданин, человек, поставленный личным положением и престижем намного выше своих коллег. Государство делегирует ему определенные полномочия. Прежде всего, он является командующим легионами, потому что у него есть консульская или проконсулярская власть над всеми провинциями, где расквартированы войска. У его власти все еще оставались определенные теоретические ограничения. Он не мог, например, обложить налогом Рим или Италию своей собственной властью. Но слабость и подхалимство сената и магистратуры сделали его фактически всемогущим. Когда вольноотпущенник цезаря указал на некоего сенатора как на врага цезаря, на обреченного напали его коллеги и зарезали их перьями в здании сената. Верно, что это подхалимство было не только виной сената. При императорах-тиранах, таких как Тиберий, Нерон и Домициан, императорах, поощрявших "нарушителей", жизнь ни одного сенатора не была в безопасности. Под неодобрительный взгляд цезаря было принято возвращаться домой и вскрывать себе вены после написания благодарственного завещания, в котором человек завещал все этому лучшему из правителей. Такое поведение неизбежно привело к росту монархии. Император был единственным человеком, который осмеливался действовать, и чем более способным и благонамеренным был правитель, тем теснее были оковы, стягивавшие шею римского народа. Незаметный рост бюрократии, о котором историки мало что могут нам рассказать, но о котором мы можем судить по надписям того периода, является одновременно симптомом и причиной этого возрастающего могущества принципата.

Во-вторых, важно отметить, что, хотя город Рим чудесным образом рос в богатстве и великолепии, он терял свое прежнее господство в мире и становился столицей, а не владычицей Империи. Магистратуры города почти перестали иметь какое-либо значение, за исключением низших ступеней на пути к посту проконсула. Сама Италия опускалась до положения одной из провинций империи, и с ростом централизованной системы имперского управления Адриана даже провинции теряли свое значение как государственные единицы. Кажется невероятным, что почти всей Европой и значительными частями Азии и Африки мог когда-либо управлять один человек или даже одно ведомство. И все же Римская империя почти достигла этого. Мировое государство было почти фактом, и еще несколько траянов и адрианов достигли бы этого. Идея города-государства, как элемент патриотизма, все еще процветала. Но с большими дорогами, протянувшимися подобно железным дорогам во все концы света, и путешествующими по ним имперскими офицерами, с легионами, сосредоточенными вдоль границ, и людьми, завербованными в Испании и отправленными служить в Британию, чувство территории, из которого должно было возникнуть современное государство, начало развиваться само собой.

Имперский Рим

Если внешняя история Империи пострадала из-за того, что в значительной степени находилась в руках оппозиции, то интимная жизнь города была еще более искажена из-за того, что ее написали для нас сатирики. Юмористические или ядовитые описания Ювенала, Марциала и Петрония являются нашим основным источником информации, и Плиний, который дает нам совершенно иную картину спокойного и цивилизованного досуга или полезной деятельности, осуществляемой в изысканной и элегантной обстановке, обычно рассматривается как замечательное исключение. Тем не менее, материальные остатки находятся на

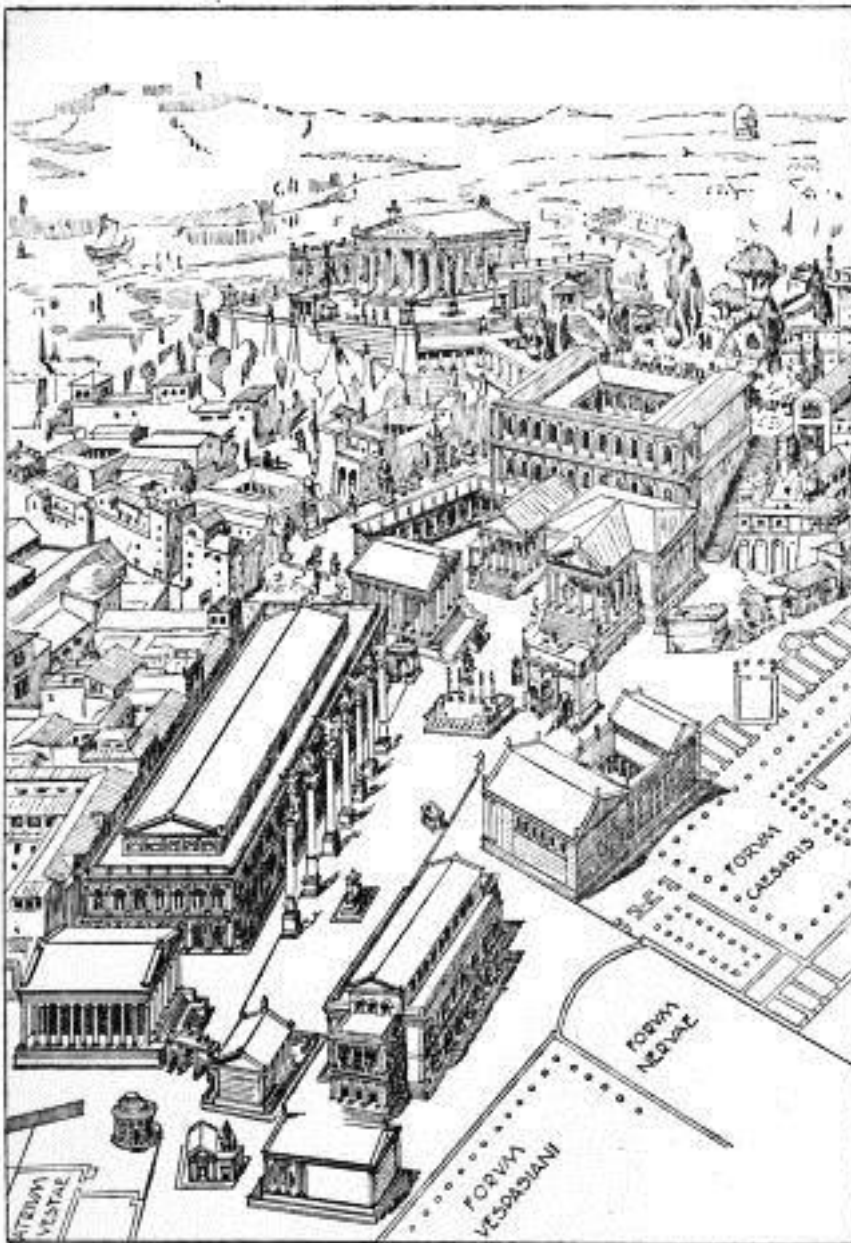
Табличка LXXX. ГРОБНИЦА ХАТЕРИЙ

на стороне Плиния; и мы в большом долгу перед современными авторами, такими как доктор Дилл, которые смогли подчеркнуть этот момент. Романы, подобные романам Литтона, Мелвилла и Сенкевича, пронизали тему Ювенала, и в наши дни у каждого есть свое видение Императорского Рима, основанное на таких сказках. Вероятно, тщетно пытаться опровергнуть популярное мнение, согласно которому римлянин времен Империи проводил свое время исключительно в амфитеатре, наблюдая, как львы пожирают христиан, за исключением тех случаев, когда он ужинал соловьиными языками с золотых тарелок. Более того, эти вещи являются немаловажной частью правды. Императорский Рим оставался таким же кровавым и жестоким в своих развлечениях, как и Республиканский Рим. Фактически, поскольку императоры были не только богаче старых сенаторов, но и за ними гораздо тщательнее следили и над ними издевались с горечью, количество диких зверей, убитых на *венацио* Траяна, превысило количество бойни, устроенной Помпеем. Несомненно, императорский gastronome Апиций превосходил республиканского обжору Лукулла разнообразием своего меню, а похотливые развлечения Петрония Арбитра и его хозяина Нерона, безусловно, затмевали попытки Суллы. В глубине души это был тот же римский народ, наслаждавшийся теми же глупыми удовольствиями и бурными ощущениями в условиях большего великолепия и утонченности. Это было общество, основанное на рабстве, не признающее никаких ограничений для свободного предавания удовольствиям. Но с одним заблуждением необходимо бороться. Весь период правления империи, длившийся пять столетий, не следует рассматривать как скользкий Гадаринский склон, по которому римляне спешили к разрушению. Мода приходила и уходила. Экстравагантность была на пике при Нероне: при Веспасиане была реакция на большую простоту. При Траяне и Адриане жизнь была упорядоченной и утонченной. При мессе Аврелии философия была даже более модной, чем порок. Кровопролитие не было единственной формой общественного веселья; амфитеатры часто представляли зрелища столь же безобидные и гораздо более великолепные, чем наши современные ипподромы и цирки. В частности,

гонки на колесницах, хотя и были намного опаснее современных состязаний с препятствиями, заняли свое место наряду с гладиаторами и травлей зверей в качестве популярного вида спорта, и римляне проявляли такой же энтузиазм к Корифеям и Гирпинам, как мы к нашим Ормондам и хурме. Возничий Лачерна пользовался у них такой же популярностью, как Фред Арчер у наших отцов, и они принимали сторону *Prasina Factio* даже серьезнее, чем мы относимся к Светло-или Темно-синим гребцам. У римлян была унаследованная тяга к крови. Были философы, осуждавшие гладиаторские бои, но защита древнего спортсмена была похожа на оправдание современного охотника на лис и, возможно, не менее верна, чем оно: сами гладиаторы наслаждались забавой почти так же, как зрители.

В целом, если не считать ее безумств, материальная цивилизация неуклонно развивалась в течение всего рассматриваемого периода. В таких вопросах, как транспорт, общественное здравоохранение, полиция, водоснабжение, инженерия, строительство и так далее, Рим второго века остановился в значительной степени там, где должно было возобновиться правление королевы Виктории. Современный Рим получает питьевую воду примерно из трех из девяти больших акведуков, которые служили императорскому городу. Система горячего воздуха, которая обогревает отели современной Европы и Америки, широко использовалась на каждой комфортабельной вилле первого века нашей эры. Образование было более общим и более доступным для бедных в 200 году нашей эры, чем в 1850 году нашей эры. Осадная артиллерия, использовавшаяся Траяном, была, вероятно, столь же эффективна, как и пушки Вобана.

Город Рим, должно быть, представлял собой чудесное зрелище при императорах. Одна из наших современных международных выставок могла бы отдаленно напомнить о своем великолепии, с позолотой и лепниной из золота и мрамора. К северу от склона Авентинского холма тянулся ряд величественных общественных зданий, храм за храмом, форум за форумом, поскольку каждый из великих императоров дополнял работу своего предшественника и стремился затмить ее. У ваших ног был бы Большой цирк, где проводились гонки на колесницах, а за ним - Палатинский холм, усеянный дворцами. К востоку от него пролегла Триумфальная дорога, проходящая через Арку

Римский форум в эпоху ранней империи

Константина к Колоссу Нерона и могучему Амфитеатру Флавиев, известному нам как Колизей. Оттуда Священный Путь вел на северо-запад через Арку Тита мимо Храма Венеры и Рима и базилики Константина к ряду величественных *форумов*, открывающихся один от другого и содержащих алтари, колонны, арки, статуи и храмы, окруженные тенистыми колоннадами, чьи галереи служили для бизнеса и развлечений. Над ними на западе возвышался древний Капитолийский холм, увенчанный великим Храмом Юпитера и незапамятной цитаделью. Представьте себе эти великолепные пространства, заполненные серьезными гражданами в их развевающихся белых тогах, спешащими рабами в ярких туниках, посетителями и варварами со всех уголков земли, галлами в штанах, сарматами в кожаных доспехах, парфянами в митрах. Время от времени дородные гладиаторы с важным видом пробиваются сквозь толпу, вызывая всеобщее восхищение, или процессия выбритых нищенствующих жрецов Исиды проходит мимо со странными криками и жестами. Возможно, ликторы спускаются с холма, приказывая всем уступить дорогу рабам, несущим

носилки императора, который направляется на жертвоприношение. Или представьте себе толпу в Огромном амфитеатре, вмещавшем более восьмидесяти тысяч зрителей, с пурпурно-золотыми навесами, натянутыми для защиты от палящего солнца, с благоухающим благовониями залом, охлаждаемым фонтанами, и ареной у их ног, залитой водой, чтобы представить морское сражение. Это город, окутанный глубоким покоем, все еще мечтающий среди своего великолепия о том, что он владычица мира.

И эти признаки великолепного материального богатства были присущи не только Риму. Александрия могла бы почти соперничать с ней. Азиатские города, такие как Эфес и Антиохия, представляли собой подобную роскошь. На севере Лугудунум и даже Лондиниум отличались особым великолепием. В Гадесе у Испании была красивая и высокоцивилизованная столица. Римские руины в Трире совершенно затмевают комфортабельные постройки процветающего современного города. В пустыне Пальмира^[67] и Баальбек^[68] там возникали те огромные здания

Фото LXXXI. МОСТ АЛЬКАНТАРА, ИСПАНИЯ

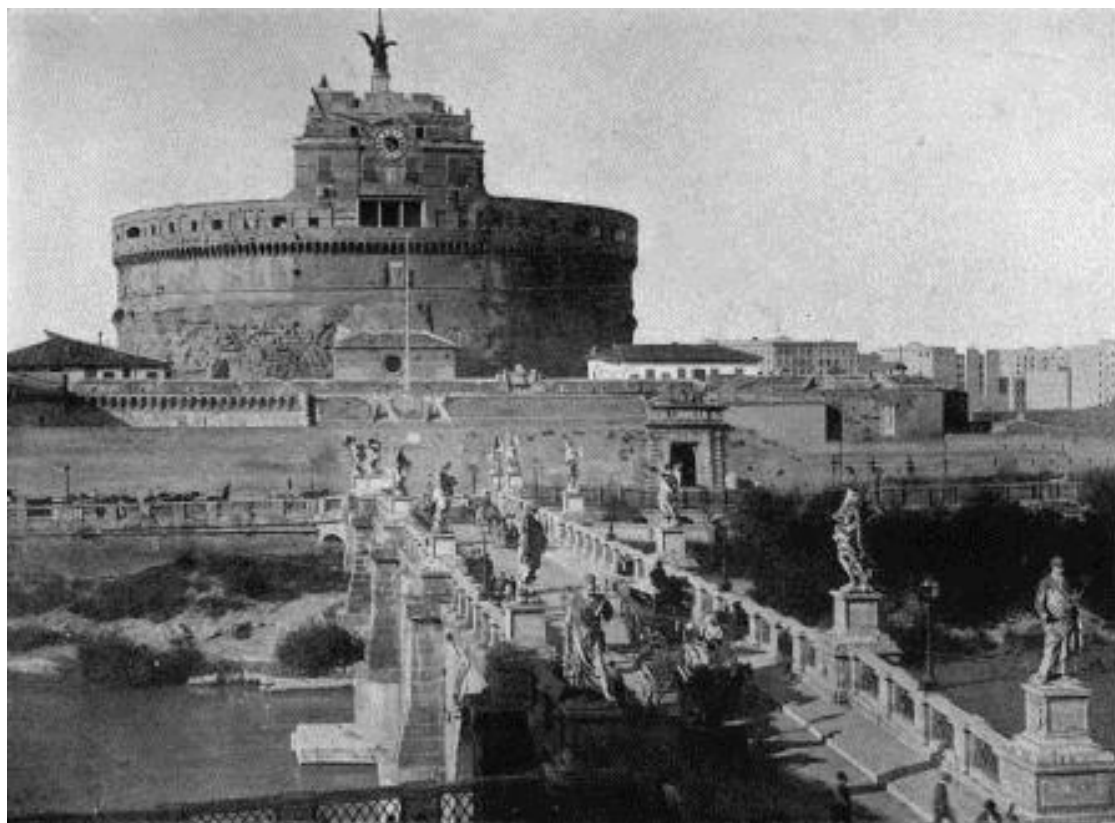
которые свидетельствуют о трудолюбии, поощряемом провинциальным правительством императоров. Вдоль морского побережья Кампании тянулись сплошные виллы с морскими фасадами, мраморные фрагменты которых до сих пор выбросило на берег в Неаполитанском заливе. Задача гениального воображения - воссоздать этот сияющий мир прошлого из оставшихся разрушенных фундаментов. Знаменитая картина Тернера "Байя" представляет собой успешную попытку сделать это. Помпеи, какими бы замечательными они ни были, были всего лишь очень маленьким и малоизвестным провинциальным городком. Тем не менее, они были щедро снабжены храмами, банями, театром и амфитеатром.

На побережье Северной Африки, где не требуется ничего, кроме организованного под руководством хорошего правительства человеческого труда, чтобы пустыня расцвела розами, существовало многочисленное население, которое процветало за счет сельского хозяйства. Тимгад (Тамугади) был основан в 100 году Траяном как колония, и это была штаб-квартира Третьего легиона. Здесь, в сегодняшней пустой пустыне, французские исследователи обнаружили портики и колоннады, форум, здание муниципального сената,

театр, капитолий, ростры, триумфальную арку, бани, святилища и храмы, а также акведуки и фонтаны, которые единственные сделали возможным все это великолепие.^[69] По общественной щедрости этот век не имеет себе равных в истории. Должно быть, это было очень сильное чувство патриотизма, которое заставляло каждого богатого человека посвящать такую значительную часть своего состояния украшению родного города. Благodeяния современного миллионера кажутся ничтожными по сравнению с ними. Плиний, который не был очень богатым человеком, как считалось в его время, подарил своему родному городу Комо библиотеку стоимостью почти в 9000 фунтов стерлингов и содержал ее на ежегодные пожертвования в размере более 800 фунтов стерлингов. Он предложил внести треть расходов на среднюю школу и мудро предусмотрел, что родители мальчиков должны внести оставшуюся часть, чтобы они могли почувствовать интерес к школе и приложить усилия к выбору подходящих учителей. Он пожертвовал еще почти 5000 фунтов стерлингов на поддержку бедных детей. Он завещал более 4000 фунтов стерлингов на общественные бани и почти 16 000 фунтов стерлингов своим вольноотпущенникам и на общественные праздники. И, как отметил доктор Дилл, надписи в каждом муниципальном городе доказывают, что эта королевская щедрость и патриотизм ни в коем случае не были исключением. «В те дни существовал огромный гражданский пыл, почти страстное соперничество за то, чтобы сделать метрополию более приятным и великолепным домом». Среди самых знатных из этих благотворителей был афинский профессор риторики Ирод Аттик, который пристроил к Афинам новый квартал в царствование Адриана.

Возможно, самой замечательной чертой жизни в Римской империи при добрых императорах второго века является рост низшего класса со своими занятиями и идеалами. Мы уже отмечали, что бедный свободный римлянин республиканских времен едва ли появлялся на свет иначе, как солдатом. Но теперь надписи показывают нам счастливый и трудолюбивый класс ремесленников и скромных торговцев, восходящий от вольноотпущенников к рабам, многие из которых теперь жили и работали в вполне сносных условиях. Особого внимания заслуживает социальная тенденция того времени. Каждое занятие и ремесло формировало свои гильдии или «коллегии», о которых надписи сообщают нам полные и наиболее интересные подробности. Коллегии не были вполне дружественными обществами, а тем более профсоюзами, хотя они, несомненно, претендовали на политические привилегии и, возможно, даже предпринимали некоторые попытки вести коллективные переговоры с общественностью. Иногда они добивались освобождения от налогообложения. Они обедали вместе, у них были свои часовни и фестивали, свои знамена и процессии. У них были офицеры, созданные по образцу старой римской магистратуры, с сенаторами в качестве комитета и квестором в качестве казначея. У них был свой список покровителей, которые, как ожидалось, заслужат эту честь щедростью. В основном это были похоронные клубы. Даже рабы и даже гладиаторы, самые презираемые из рабов, имели свои гильдии и братства: конечно, они регулировались государством.

До сих пор, несмотря на растущую централизацию и дух отеческого деспотизма, римское правительство оставалось верным своему древнему принципу предоставления полной местной автономии. Муниципальный

Табличка LXXXII. ГРОБНИЦА АДРИАНА, РИМ

жизнь такого маленького кампанского городка, как Помпеи, давала простор местным амбициям и политическому пылу, о чем красноречиво свидетельствуют предвыборные плакаты и надписи, нацарапанные на стенах.^[70] Иногда имя кандидата пишется с лаконичным дополнением *v. b.*, “хороший человек”, или это может быть “Пожалуйста, сделайте Р. Furius дуумвиром, он хороший человек”. Но иногда похвалы бывают более откровенными: “очень скромный молодой человек”, “он будет присматривать за казной”, “достоин государственной должности” и так далее. Иногда торговая гильдия поддерживает своего кандидата. Таким образом, интерес к алкоголю в политике замечен уже в 70 году нашей эры. Юмор оппозиции виден в таком плакате, как “карманники требуют избрания Ватии эдилом”. И вторжение женского элемента можно наблюдать в “*Claudium Ilvir. animula facit*” (“Его маленькая любимица работает на Клавдия дуумвиром”). Остроумие помпейского стенографиста было ярче, хотя и не всегда чище, чем у его современного коллеги. Есть гордая надпись “Реститут часто обманывал многих девушек”, но есть и свидетельства супружеской привязанности, такие как “Гиртия, Капля Росы, всегда и везде шлет сердечный привет К. Гостилию, Комару, своему мужу, пастуху и мягкому советчику”. Есть также интересный отчет из пекарни:

1 фунт масла	6 г	отруби	9 г.
солома	7½ г.	шейный венок	4½ г.
сено	2 ст.	масло	9 г.
дневной заработок	7½ д.		

Мы находим рекламу типа “Тунцовое желе Scaurus's, торговая марка Blossom, выпущено Евтихием, рабом Скавра”.

Образование и литература

Заметной чертой того времени было широкое распространение образования. Кажется, каждый умел читать и писать, даже рабы, даже скромный британский рабочий. Многие помпейские школьники нацарапали строчку из Вергилия, или Овидия, или Проперция. Многие взрослые добавили свои оригинальные сочинения. На примере Плиния мы видели, как богатые люди были заинтересованы в основании школ, как начальных, так и средних, в своих родных городах. В греческом мире, как и следовало ожидать, образование было наиболее развито и тщательно оценивалось от начальной до университетской ступени. В начальных школах была в моде добровольная система, но она находилась под тщательным общественным наблюдением, и, как мы видели, государство брало на себя содержание бедных детей, как девочек, так и мальчиков. В отличие от наших дней, учителя часто пользовались большим почетом, и многие публичные надписи свидетельствуют о благодарности города своим школьным учителям. О том, что они также получили более существенное признание, свидетельствует тот факт, что они часто сами могли оставлять после себя солидные пожертвования. Местные комитеты по образованию избирали их, иногда после экзаменов или проведения пробных уроков, с проведением религиозных церемоний, и они приносили присягу при вступлении в должность. У них были свои союзы и ассоциации, как и у других профессий. В одной надписи, найденной в Каллиполисе, “Юноши и отроки, юноши и их учителя” объединяются, чтобы возложить почетный венок одному из мастеров математики. Учителя, по-видимому, подлежали ежегодным выборам или переизбранию. Были также приглашенные мастера специальных дисциплин. В греческой средней школе, как правило, большое внимание уделялось легкой атлетике, но музыке и религии в ней уделялось больше внимания, чем в аналогичных учреждениях современности. Чтение, письмо и арифметика вместе с музыкой, танцами и строевой подготовкой были основными предметами начальной школы. “Риторика”, которая означала изучение литературы с технической стороны, а также практику декламации, была основным занятием в средних школах и университетах. Но философия, моральная и физическая, также тщательно изучалась. Университетские профессора часто достигали настоящего достатка.

Табличка LXXXIII. ВИЛЛА АДРИАНА, ТИВОЛИ

В светском мире Рима литература была чрезвычайно модной. Все писали и настаивали на том, чтобы читать свои сочинения друзьям. Этим литературным трудам часто предавались с поразительным усердием. И Плиний, и его дядя посвятили себя чтению и письму почти с утра до ночи, и Плиний Младший рассказывает, как над ним смеялись за то, что он носил с собой записные книжки, даже когда охотился на кабана. К четырнадцати годам он написал греческую трагедию. Его набросок дневных событий на своей загородной вилле демонстрирует литературное упорство римского джентльмена. Он вставал в шесть и начинал сочинять у себя в спальне. Затем вызывал секретаршу, чтобы записать результат под диктовку. В десять или одиннадцать он продолжал свою работу в какой-нибудь тенистой колоннаде или под деревьями в саду, после чего уезжал, продолжая читать. “Короткая сиеста, прогулка, декламация на греческом и латыни по обычаю Цицерона, гимнастические упражнения и ванна заполняли пространство до тех пор, пока не наступало время обеда”. Даже во время ужина читалась книга вслух, и вечер был оживлен игрой, музыкой или

разговорами. Многие друзья Плиния, такие как Светоний и Силий Италик, подражали этому прилежному образу жизни, а его дядя даже превзошел его. Плиний старший обратился к двум тысячам томов только при написании своей Естественной истории, и он оставил сто шестьдесят томов тщательно написанных заметок и выдержек. Это не был неважный кружок литературных книжных червей. Напротив, это было высшее общество того времени. Плиний старший ежедневно общался с императором Веспасианом, а Плиний младший помимо того, что был губернатором Вифинии, был близок с Траяном.

На первый взгляд нам может показаться странным, что вся эта напряженная преданность учебе так мало дала в плане первоклассной оригинальной литературы. Конечно, принято приписывать переход — предполагая, что это был именно переход — Золотого века литературы Августа на Серебряную латынь Тацита и Ювенала тирании таких императоров, как Тиберий и Нерон. Совершенно верно, что Тиберий сделал опасным для историков-сенаторов восхвалять убийц цезаря. Но это смехотворно неадекватное объяснение затмения литературы. Опыт Вергилия показал, что для великого лоялиста возможно завоевать состояние и славу, доходящие до обожествления. Сенаторы, которые хотели продолжить свои школьные выступления против тирании, были, конечно, обескуражены, но для литературной деятельности все еще оставалось достаточно места. Истина, как мы видели, в том, что литература времен Августа была творением не молодого Рима, а старой и, возможно, уже приходящей в упадок греко-римской культуры. Опять же, литературные, а не политические причины привели к литературному упадку. Тацит, чьи темы касались завоевания Британии и войн в Германии и на Востоке, осады Иерусалима, сожжения Рима, трагического года правления Четырех императоров, преступлений и безумств Нерона и развития великой имперской системы, жалуется на отсутствие интереса к истории его собственного времени по сравнению с историей героического прошлого. Тирания, угнетавшая литературу, была порождена ею самой, тиранией условностей, классицизма и эрудиции. Что касается поэзии, то, хотя так много благородных писателей играли с эпосом, они создали только педантичную *"Фиваиду"* Статия, утомительный *"Аргонавтикон"* Силия Италика, подражание подражанию Гомера и *"Фарсалию"* Лукана, которая, хотя и содержит множество блестящих эпиграмм и запоминающихся фраз, для большинства человечества почти нечитабельна. Это просто потому, что Лукан сознательно шел по пути, указанному Вергилием, и создавал работу, которая была логическим продолжением стиля *Энеиды*. *Фарсалия* - это несмешанная декламация, риторика, выкрикиваемая во весь голос на странице за страницей. Вергилий довел литературный эпос до совершенства: продолжать его в том же направлении означало навлечь на себя скуку. Прежде всего, и Лукану, и Силиусу недоставало величайшего из дарований Вергилия - его замечательного музыкального слуха. Вергилий, как и Мильтон, представил свой эпос, разбавленный для ушей смертных музыкой и человеческой природой. Лукан потерпел неудачу не по духу. Он восхищался республиканским делом и Помпеем, его поборником, так же искренне, как Вергилий восхищался Августом или Милтоном Кромвелем. Таким образом, причиной его неудачи была не политика, а литературный дар, по крайней мере, его неспособность привлечь внимание современников. Прошлые поколения высоко ценили его среди поэтов мира. Данте был многим обязан Лукану и Статию, а также Вергилию.

РИС. 1. ЖЕРТВЕННЫЕ ОБРЯДЫ.

РИС. 2. ПОДГОТОВКА К ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЮ.

Табличка LXXXIV.—ДВЕ МОЗАИКИ.

Поэзия продолжала прогрессировать только в своих более легких формах. *Сильвы* Стация, которые представляли собой короткие случайные стихотворения в элегическом или лирическом стиле, с легкостью и быстротой набрасываемые в неподходящие моменты, гораздо интереснее, чем его холодный эпос. Мартиаль, испанский писатель из "*верс де социете*", обладает милым остроумием, которое часто удивительно современно по своему тону. Несомненно, Ювенал возвышается над всеми другими, кто пытался писать сатиру. Гораций довольствовался непринужденным фамильярным тоном, который мог склонить друга на путь здравого смысла, высмеивая его безумства. Ювенал обличает зло с нравственным жаром, что удивительно в эпоху, которую часто обвиняют в слабости. Однако он действительно напоминает Лукана в том, что портит некоторые его эффекты отсутствием света и тени, слишком настойчивым потоком риторики. Кажется, он не способен отличить безобидные глупости вроде игры на флейте от настоящих преступлений, таких как убийство матери. Он явно рисует слишком черную картину людей и нравов своего времени. Но кафедра, с которой он проповедует, очень высокая.

Если Ювенал стоит выше поэтов своего времени, то Тацит столь же явно является монархом прозаиков. Он продолжал работу Ливия и писал с той же республиканской точки зрения. Но для написания истории он, безусловно, открыл более утонченный стиль риторики. Оба в первую очередь риторы, а гораздо позже историки, но насыщенные эпиграммы Тацита в одной строке говорят больше, чем Ливий способен вместить в главу. В описании битвы, бунта или паники, или в изображении какой-нибудь трагической сцены, такой как смерть Вителлия, Тациту нет равных. Свобода, которая была предоставлена ему и Светонию в изображении преступлений и безумств ранних цезарей, является замечательным свидетельством свободы письма при Нерве, Траяне и Адриане. Здесь, опять же, необходимо, как и в случае с Ювеналом, остерегаться принимать слишком буквально суровость его критики в адрес предыдущего поколения. Восхвалять прошлое в ущерб настоящему было одной из традиций римской литературы. Но Тацит был последним из великих историков Рима, и его потеря была невосполнимой.

Вся эрудиция того времени мало что добавила к реальному прогрессу в обучении, за исключением области права. Трудолюбивые компиляторы, такие как Плиний старший, сохранили для нашего изучения множество древних знаний, но по большей части они совершенно не критичны и ненаучны. В римском мире не было таких научных мыслителей, как Аристотель. Тем не менее, некоторые учебники, которые служили средневековью для обучения, были выпущены при принципате, такие как Витрувий по архитектуре, Страбон и Помпоний Мела по географии, Колумелла по сельскому хозяйству, Квинтилиан по риторике и Гален по медицине. Последний был государственным врачом Марка Аврелия и был нанят им для изучения страшной чумы, которую римская армия привезла с Востока, и борьбы с ней. Но в области медицины он мало что добавил к своему греческому учителю Гиппократу. Точно так же философы подошли к сути реальности не ближе, чем их учителя четвертого и третьего веков до Рождества Христова, как бы усердно они ни трудились и как бы много ни говорили и ни писали. Они действительно изучали то, чему древние греки не смогли научиться или пренебрегали, - как применять доктрины в жизни, но в глубине мысли они были настолько отсталыми, что перестали даже понимать Аристотеля. Даже Филон, глубокий и образованный еврейский философ, делает немногим больше, чем пытается применить платоновские и другие греческие идеи к учению Моисея. Та оригинальность, которая существовала в мире литературы, по-прежнему исходила главным образом из провинции. Греция все еще вносила оригинальные вклады в литературу, такие как романист Лукиан, биограф и моралист Плутарх, автор путеводителей Павсаний, проповедники Дион Златоуст и Аполлоний. Африка породила романиста в лице таинственного шарлатана-фокусника Апулея. Испания выдвинула целую плеяду талантов в лице двух Сенок, Марциала, Лукана и Квинтилиана. Младший Сенека, самодовольный наставник Нерона,

Табличка LXXXV.—НАСТЕННАЯ РОСПИСЬ: ФЛЕЙТИСТ

пожалуй, самая типичная фигура в литературе принципата. Получив образование ритора, как и все люди его времени, его литературное творчество состоит из риторической драмы и риторической философии, включая некоторые риторические науки. Ни один писатель никогда не достигал такого богатства и почестей с помощью своего пера. Нельзя сказать, что положение Сенеки было достигнуто без осквернения или что оно принесло ему счастье. Из-за своей слабой уступчивости он был в значительной степени ответственен за ухудшение характера своего императорского ученика. Если так, то это принесло свое возмездие, поскольку Нерон довел его до самоубийства. Хотя трагедиями Сенеки сегодня пренебрегают, они послужили связующим звеном между Еврипидом и эпохой Возрождения.

Будет видно, что основным недостатком мысли и литературы при империи было отсутствие оригинальности. Но, в конце концов, это всегда было недостатком римских писателей. В значительной степени это было связано с подавляющим влиянием греческой цивилизации, из-под контроля которой римляне до конца времен так и не вышли. Это, в свою очередь, было вызвано главным образом характером их образования, которое обратило все их внимание на *стиль* как цель литературных усилий. Любой, кто стал бы возражать против классического образования, не смог бы найти лучшего аргумента, чем отношения между двумя “классическими” народами.

Рисунки

С искусством та же история; для украшения своих вилл и колоннад римляне Империи продолжали отдавать предпочтение статуям, привезенным из Греции. Павсаний показывает нам, что Греция даже во втором веке нашей эры все еще изобиловала произведениями искусства всех видов. Какими бы бедными и пришедшими в упадок ни были старые греческие города в тот период, тот факт, что они все еще хранили сокровища, которые на трансадриатических рынках стоили бы миллионы, свидетельствует о некотором благородстве. Существовала, однако, оживленная торговля копиями и имитациями шедевров. Что касается статуй, то греческая работа пятого и четвертого веков почти уничтожила любые попытки римлян придать им оригинальности. Только в портретной живописи был достигнут значительный прогресс, и здесь были созданы работы огромной силы. Она достигла зенита, возможно, при императорах Флавиев, но их преемники периода Антонинов и позже часто изображаются на своих бюстах с торжествующим, но беспощадным реализмом. Бюст Филиппа Аравийского в Ватикане - один из самых ярких. Иногда кажется, что в этих слишком точных портретах сквозит злой дух карикатуры. Мог ли Марк Аврелий, принц-философ, явить миру столь слабый облик и столь безупречную тонзуру?[71] Мог ли Каракалла вынести свой кровавый разум, столь явно написанный на его лице?[72] В портретной живописи, безусловно, наблюдается прогресс, а не упадок.

В остальном, судя по останкам, скульпторы практически ограничивались барельефом. Это было средство, выбранное императором за императором для повествования о своих подвигах, и, несомненно, были достигнуты успехи в искусстве живописной или повествовательной скульптуры. То, что это само по себе высокое искусство, я думаю, можно оспорить. Невозможно отделаться от ощущения практической тщетности изложения истории дакийских войн на змеевидной ленте орнамента, которая уносилась вдаль, скрываясь из виду. Это довольно характерно для трудолюбивого римлянина, который так часто терял лес из виду, преданно созерцая деревья. Если мы поищем цель, к которой стремилось это искусство повествовательного рельефа, мы найдем ее на основании колонны Антонина Пия, сохранившейся в саду Ватикана.[73] Эти кавалеристы, безмятежно кружащие вокруг группы знаменосцев, каждый на своей маленькой полочке, настолько реалистичны, что ничто в мире так не напоминает имбирные пряники. Мы начинаем понимать, что мадам Тюссо была бы признана великой художницей в Императорском Риме. Тем не менее, не соглашаясь со всеми превосходными степенями миссис Стронг, мы можем признать, что искусство все еще было живым и энергичным и все еще добивалось новых технических триумфов в период Антонина и даже позже.

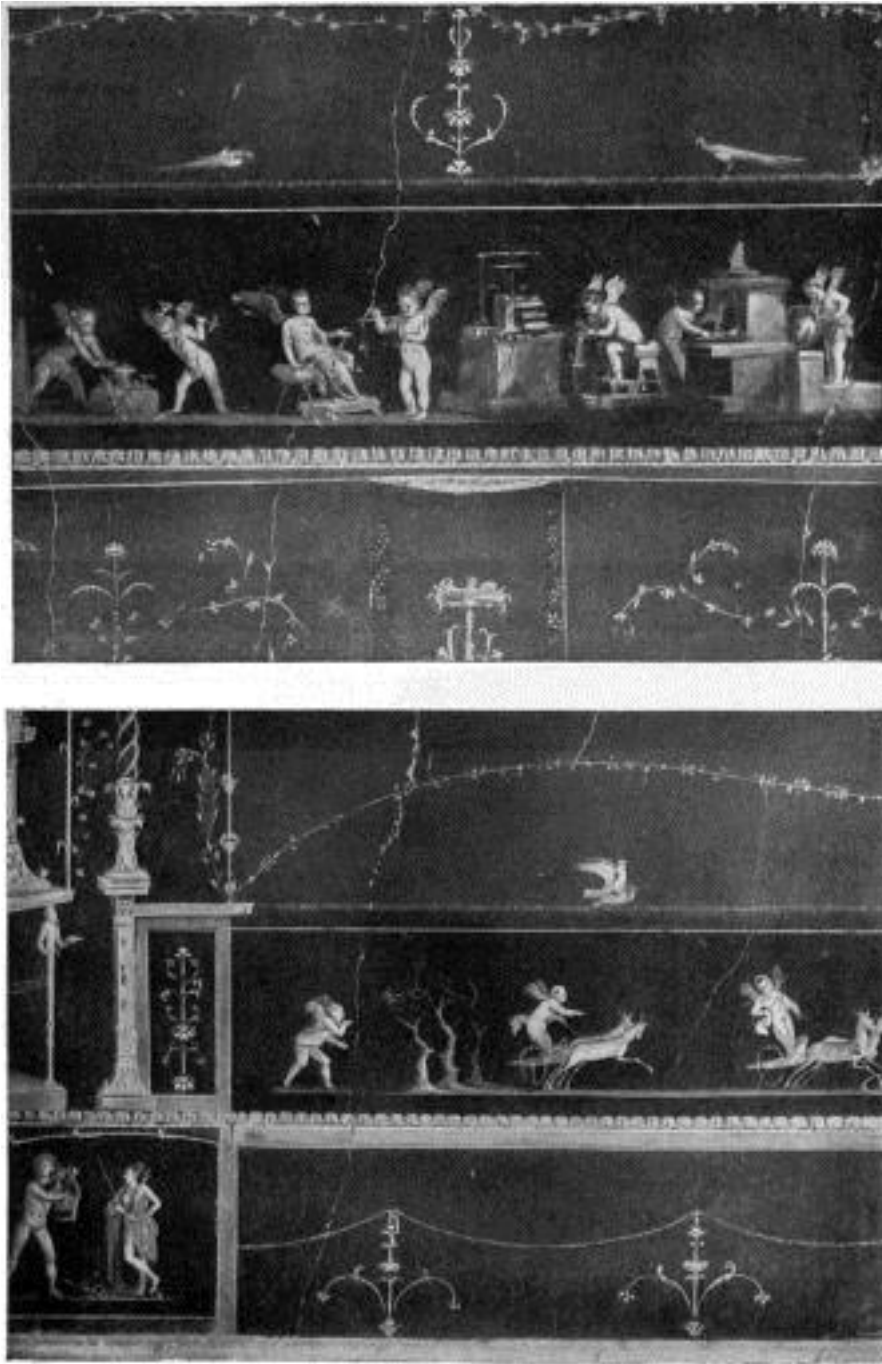

Фото LXXXVI. ПОМПЕИ: ДВА ВИДА РУИН

Римские археологи недавно с некоторой точностью изучили историю имперского искусства. Правление Тиберия продолжало классические тенденции Августа. При Клавдии велась большая строительная деятельность, в основном утилитарного характера. Акведук Клавдия, огромные кирпичные арки которого до сих пор нарушают ровный горизонт Кампаний, является одним из величайших произведений того периода.^[74] Эпоха Нерона была эпохой греческой охоты за редкостями; большая часть Рима была восстановлена после великого пожара в его правление, и Золотой дом, должно быть, представлял собой грандиозное зрелище. Но после его смерти римляне поспешили уничтожить все следы его творчества. Эпоха Флавиев была кульминационной точкой римского искусства. Веспасиан разрушил Золотой дом Нерона и восстановил Капитолий. Он и его сыновья построили бани Тита, Арку Тита^[75] со знаменитым еврейским рельефом и могучим амфитеатром Флавиев, Колизеем.^[76] Это здание было построено в стиле, уже замеченном в театре Марцелла, а именно, с использованием трех греческих архитектурных ордоров, дорического,

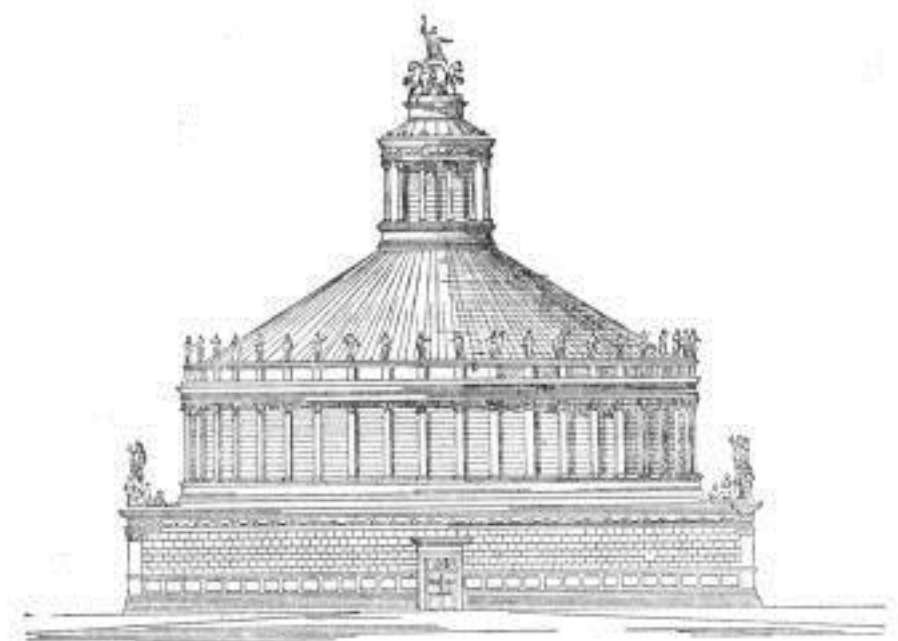
ионического и коринфского, украшающих три этажа фасада; но здесь, как это часто бывает, греческий фасад - всего лишь оболочка, скрывающая прочную римскую каменную кладку, из которой на самом деле построено здание. Примечательно, что памятники той эпохи опровергают историков, которые среди других грехов Домициана обвиняют его в том, что он пытался уничтожить труды и память о Тите, своем более популярном брате. Выражаясь техническим языком Викхоффа, эта флавианская эпоха показывает нам "иллюзионизм" на пике своего развития в искусстве. При Траяне и в его знаменитой колонне искусство непрерывного повествования на низком рельефе получило полное развитие.^[77] Адриан, культурный путешествующий филэллин, поощрял возвращение к классическим традициям греческого искусства. Искусство его периода находилось под глубоким влиянием образа Антиноя, прекрасного юноши, любимого императором, чья романтическая смерть от утопления в Ниле произвела сильное впечатление на весь римский мир, потому что считалось, что он пожертвовал своей жизнью за своего императора, повинувшись оракулу. Этот тип сохранился для нас во многих формах, но наиболее примечательно в колоссальном бюсте Мондрагора в Лувре^[78] и барельефе на Вилле Альбани.^[79] Его черты использовались для представления всех молодых богов мужского пола на Олимпе. В их трагической красоте мы видим зеркало Греции, окрашенное Востоком, как будто Дионис женился на Исиде и это было их потомство. Эпоха Антонинов, представленная на панно во Дворце Консерватории, отличается огромной беглостью в технических вопросах и, как отмечает миссис Стронг, новой духовной серьезностью. Как композиции они превосходны, но слабость выражения лица самого Марка Аврелия совершенно портит их эффект для некоторых зрителей.^[80]

Архитектура по-прежнему в основном проектировалась в трех греческих стилях, по-разному сочетавшихся, несмотря на то, что Рим продвинулся далеко за пределы греческих строительных возможностей. Римские строители могли обойтись без пролета крыши, намного превосходящего греческий. Римская арка придала бетонным сводам прочность, которой не мог достичь дорогой мрамор. Римская кирпичная кладка, лишенная мраморной инкрустации, которая обычно покрывала его в древности, вероятно, более впечатляющая в своих руинах, чем когда она была задрапирована эллинизмом, и, по крайней мере, для меня, остается такой же, как акведук в Пон-дю-Гар^[81] и мост Алькантара^[82] кажутся более достоверными свидетелями величия Рима, чем весь мрамор во всех музеях. Знаменитый замок Святого Ангела, который до сих пор следит за Тибром, представляет собой не что иное, как сердцевину усыпальницы Адриана — *Молеса Адриани*, когда-то украшенной греческим мрамором и украшенной греческим орнаментом.^[83] Пантеон, несмотря на надпись, приписывающую его Агриппе, судя по отметинам на его кирпичах, был отреставрирован во времена Адриана. Это действительно превосходный образец сводчатого перекрытия и чудо строительства. План представляет собой купол, сконструированный таким образом, что если бы сфера была законченной, она покоилась бы на земле. Великолепный интерьер мало утратил своего древнего великолепия.^[84]

Табличка LXXXVII. ПОМПЕИ: ДОМ ВЕТТИЕВ,
ФРЕСКИ КУПИДОНА

Что касается храмовой архитектуры, то, хотя римляне и переняли формы греческого искусства, они полностью отказались от духа сурового самоограничения, на котором зиждилось это искусство. Таким образом, они с готовностью перенимали роскошь Востока, когда она попадала под руку. В великолепных руинах Гелиополиса (Баальбек) и Пальмиры мы видим буйную роскошь украшений, которая потрясла бы религиозное чувство Иктинуса, но которая должным образом олицетворяла ритуалы и тайны Бога Солнца. Это увлечение колоссальным заставило бы благоговейных греков трепетать в страхе вызвать Немезиду ревнивых Небес, но на своих руинах оно оставило нам великолепные и ужасные напоминания о богатстве и величии его авторов и о конце всего богатства и величия.

Молес Адриани: отреставрированный

В домашнем строительстве римляне почти так же мало, как греки, заботились о внешнем облике своих вилл и дворцов. Римский джентльмен по-прежнему коллекционировал виллы своим любимым хобби, и у Плиния их было почти столько же, сколько у Цицерона. Но главной идеей виллы был комфорт, а главной идеей римского комфорта были прохлада, тишина и красивые пейзажи. Таким образом, дом богатого человека состоял из ряда мраморных двориков и галерей, разбросанных по земле независимо от пространства. Ландшафт и озеленение были самыми очаровательными чертами. Римлянин ценил пейзажи Комо или Сирмионе, Тиволи или Неаполя так же остро, как современный турист. Он был высокого мнения о свежем воздухе и хорошей воде. Почти все римские дворяне были единодушны в том, что считали сам Рим с его запахами, шумом и пожарными опасностями чумным местом жительства, и они с радостью бежали в свои загородные поместья в Пренесте или Байе. Вилла Адриана в Тиволи[85] включала репродукции многих известных зданий, которые он видел и которыми восхищался во время своих путешествий. В отделке этих вилл использовались два второстепенных искусства, которые занимают видное место среди их остатков. Полы обычно украшались мраморной мозаикой, несколько очаровательных образцов которой у нас до сих пор сохранилось.[86] Внутренние стены были инкрустированы либо мрамором, как в более богатых домах, либо оштукатурены и раскрашены. Следовательно, получается, что искусство живописи представлено нам почти исключительно мозаикой, настенными фресками,[87] и несколькими портретами на египетских футлярах для мумий. Ничего не осталось от великих мастеров древности Полигнота, Зевксиса и Апеллеса. Но могут быть слабые отголоски их работ на фресках Помпеи, выполненных неназванными декораторами. Несмотря на это, во многих этих работах есть большое очарование. Профессор Мау, крупный специалист по Помпеям, выделил четыре последовательных этапа росписи в этом городе. Сначала целью было имитировать мраморные плиты, которыми были покрыты стены дома богача. Затем, становясь смелее, художник имитирует различные формы архитектурной обработки, разделяя пространство своих стен на панно и изображая карнизы, колонны, пилястры и так далее. Это примерно стиль первого века до нашей эры, и он находится в так называемом доме Ливии на Палатинском холме в Риме.[88] Третий стиль, который Мау называет “декоративным”, был распространен примерно до 50 года нашей эры.

Табличка LXXXVIII. ФРЕСКА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ИФИГЕНИИ

Архитектурные элементы теперь не претендуют на иллюзорность. Колонны превратились в простые цветные полосы, и повсюду присутствует обильный орнамент. Цвета несколько холодноваты. Четвертый, или “запутанный”, стиль еще раз подчеркивает архитектурный характер декора, но узоры слишком замысловаты, чтобы создать какое-либо подобие реальности. Все пространство стен демонстрирует буйство фантастического орнамента, часто чрезвычайно изящного и эффектного. Летающие богини и купидоны создают ощущение воздушной легкости, а цветочные формы украшают себя очаровательными изгибами. Фотографии стали меньше, а пространство шире. Более приятной обработки внутренних стен дома еще никогда не было придумано, во всяком случае, для теплого климата. Разрушение Помпей в результате извержения Везувия в 79 году н.э. преждевременно завершает историю античной живописи.^[89] Сюжеты картин почти исключительно мифологические.

Второстепенные искусства ювелира, гравера по драгоценным камням, ювелира-ювелиров достигают высокого уровня технического совершенства, но они не совершенствуются по духу или художественному чувству с течением веков. Большая часть мебели, найденной в Помпеях и Геркулануме, особенно изделия из бронзы,^[90] демонстрирует самые изящные формы, всегда греческие по вдохновению.

Закон

Величайшее интеллектуальное достижение римского народа было достигнуто в области права. Духовный дар типичного римлянина включал в себя все качества юриста — чувство справедливости, совершенно лишенное сентиментальности, инстинкт к порядку, дисциплине и бизнесу, предельную ясность и точность языка и, прежде всего, приверженность церемониям и формулам, которые строго отвергали абстрактную казуистику. Их закон возник в виде серии религиозных формул, известных только священникам и царю как главному жрецу. Двенадцать таблиц облекли в слова некоторые из самых древних принципов, и отчасти из-за их использования в качестве учебного пособия к ним относились почти с таким же почтением, как к Двум Таблицам Моисея. Фактически, иногда их рассматривали как единственный источник юриспруденции или, во всяком случае, как единственный свод писаного права. Законодательные акты государства находились на гораздо более низком уровне, и ни один древний народ никогда не считал свой законодательный орган способным вырабатывать ежедневную норму законодательства, как это должны делать современные парламенты. В основном структура римской юриспруденции состояла из “прецедентного права”, разработанного судьями трибуналов. Претор Урбан установил Гражданское право Рима, и оно стало постоянным благодаря системе Бессрочных эдиктов. Религия продолжала контролировать международное право римского мира, а церемонии находились в руках жреческой коллегии герольдов — *jus fetiale*. Но, тем временем, *претор peregrинус*, который должен был разрешать дела между негражданами, постепенно накапливал свод законов, ошибочно называемых международными, в рамках *jus gentium*. Было замечено, что между различными кодексами Италии и других средиземноморских государств было много общего, и это было сведено воедино в эдикте иностранного претора. Более философствующие юристы, вдохновленные стоическими доктринами о следовании природе, развили теорию о том, что этот общий элемент различных наций был не чем иным, как Естественным законом, *jus naturæ*. Это была плодотворная ошибка, и она лежит в основе большей части современного “международного права”, изложенного Гроцием и другими юристами семнадцатого века.

Таким образом, Гражданское право Рима в основном представляло собой серию прецедентов, передававшихся претором претору с незапамятных времен. К нему был добавлен большой свод “мнений адвоката”, которые черпали свою достоверность в значительной степени из выдающегося положения их авторов. Именно Адриан приступил к их систематизации. Он превратил *юристов* в обычную профессию. Он назначил своих “советников” из числа ведущих адвокатов того времени и придал всему своду *responsa prudentium*, “мнений ученых”, силу статутного права. Справедливость и точность гражданского права были самой привлекательной чертой римской цивилизации для варварского мира. Галльские и британские общины поспешили выучить латынь, чтобы получить “латинское право”, которое давало им привилегию пользоваться римским правом. В 212 году нашей эры Каракалла, который мало что сделал, чтобы заслужить благодарность потомков, издал единственный эдикт, названный “Конституцией Антонина”, который предоставил всей империи привилегии римского гражданства. Теперь единый кодекс действовал во всем западном мире. Адриан поручил своим самым выдающимся юристам под руководством Сальвия Юлиана кодифицировать “вечный эдикт” преторов. Именно при Антонинах некий гражданин с Востока, известный нам только под общим прозвищем Гай, написал те ученые “Институты римского права”, которые до сих пор являются рассадником наших юристов. Но именно великий восточный император Юстиниан (527-565 гг. н.э.) кодифицировал весь свод гражданского права в серии огромных документов. Римское право уже победило своих варваров-завоевателей, готов, и почти все европейские правовые

системы, за исключением нашей собственной, основаны на том древнем праве, которое возникло из Двенадцати Таблиц и преторского эдикта. Каноническое право Церкви по своей сути было римским правом.

Философия и религия

В последние годы большое внимание уделялось религиозному развитию римлян при Империи и важному конфликту религий, который продолжался со времен Адриана до окончательного торжества христианства. Говоря по-человечески, это было “соприкосновение” между несколькими религиями, конкурирующими за вакантное место в вере Империи, и в конце концов борьба практически свелась к дуэли между двумя восточными монотеистическими системами, митраизмом[91] и христианством. Тема слишком обширна для сколько-нибудь адекватного рассмотрения здесь. Но я бы подчеркнул одну точку зрения, которую часто упускают из виду.

Римское государство слишком часто рассматривается просто как враг и преследователь христианской религии. Забывается, на какую большую долю Рим может претендовать в своем становлении. Римляне не только открыли христианство, но и организовали его и послали завоевывать вслед за легионами. Это не тот случай, когда нечестивый и развращенный народ внезапно обращается в веру посреди своих грехов. Напротив, легко показать, что мыслители Римской империи тяготели к философским и религиозным идеям, которые сделали их готовыми с поразительной быстротой принять как этическое учение, так и теологические откровения Сына Божьего. Нет необходимости напоминать современному читателю, какую большую роль греческая философия стоицизма с ее римскими модификациями сыграла в формировании мыслей одного римского гражданина, Павла из Тарса. Филон, александрийский платонист, разработал учение о Божественном *Логосе*, которое оказало глубокое влияние на философию четвертого Евангелиста, а через него и на весь ход христианского учения.

Римляне, возможно, мало что добавили к абстрактной философии или метафизике, но они превратили несколько бесплодные абстракции Зенона Стоика в нечто большее, чем философия, в веру, которая обладала силой влиять на поведение, намного превосходящей силу государственной системы полугреческих олимпийских богов. Если сила и искренность религии могут быть проверены скорее ее мучениками, чем прозелитами, то стоицизм имел достойную репутацию. Такие люди, как Тразея Пет, Гельвидий Приск и Барея Соранус, встречали хмурый взгляд тирана ради своего стоического чувства долга, так же искренне, как Петр и Поликарп.

Отношение римского правительства к христианству объяснялось слишком часто, чтобы нуждаться в чем-то большем, чем краткое перечисление. Сначала христианство смешивали с иудаизмом, который уже начал принимать новообращенных в Риме, не стремясь к ним. Римское правительство было чрезвычайно терпимо к вероисповеданию, но оно требовало внешнего соблюдения культа цезаря, который оно навязывало провинциям в качестве проверки лояльности. Но христиане не приняли божественного повеления “воздать

Табличка LXXXIX—ДОМ ЛИВИИ: ВНУТРЕННЕЕ УБРАНСТВО

Цезарь - то, что принадлежит Цезарю”, включая воскурение благовоний на его алтарях. Слишком многие из них были воспитаны в строгой исключительности еврейской традиции, чтобы проявлять в подобных вопросах распушенность, которую иногда называют широтой взглядов. Даже в частном общении в общественной жизни христиане были неприятно склонны настаивать на своей щепетильности. Мясо в мясных лавках часто приносили в жертву, и христианская совесть возмущалась “мясом, приносимым в жертву идолам”. Возлияние, с которого чаша с вином начала свой обход, было еще одним оскорблением нежной монотеистической совести. Все это сделало христиан непопулярными. Их тесные связи, их тайные встречи и любовные пиршества, коммунизм, который они практиковали, - все это вызывало подозрения, порожденные тайной. Наконец, их убежденность в том, что Второе пришествие и Судный день близки, сделала их ревностными прозелитами. Это заставляло их произносить предсказания смерти и проклятия всем окружающим и видеть апокалиптические видения падения царств на этой земле. Такие пророчества иногда неправильно понимались как связанные с изменническими замыслами. Первое гонение при Нероне было в значительной степени результатом таких подозрений.

Но официальная позиция постоянного римского правительства, вероятно, раскрыта в знаменитой переписке между Плинием и его императором Траяном. Императорский Рим не должен учреждать инквизицию. Ни один человек не должен быть наказан за свою веру, но если его обвиняют перед губернатором и он упрямо отказывается оказывать почтение, требуемое государством, он должен быть наказан за свое упрямство. Именно такое отношение к ереси приняли самые гуманные и просвещенные христианские государства. Позже, когда значение Веры возросло и когда она даже дошла до того, что солдаты отказывались от военной присяги, отдельные императоры, часто лучшие императоры, пытались бороться с ней. Затем иногда происходили инквизиции и массовые мученичества, как при Деции и Диоклетиане. Но никакое мученичество, каким бы публичным или мучительным оно ни было, не могло погасить веру тех, кто видел разверзающиеся небеса и Ангелов Божьих, нисходящих в своих венцах славы. Публичность сцен и постоянство жертв, как обычно, увеличили число обращенных. Глупые магистраты стремились противостоять упрямству с еще большей суровостью, и Вера только росла еще больше. Не столько его

личное обращение — поскольку оно было запоздалым и нерешительным, — сколько политический мотив, направленный на получение преимущества над Максенцием, побудил Константина обнародовать Миланский эдикт в 313 году, которым веротерпимость была распространена на христианскую веру по всей Римской империи.

Нас не должно удивлять, что лучшие императоры, включая философа и святого Марка Аврелия, были наиболее ожесточенно враждебны христианству. Такова природа человека. Философы-стоики преподавали очень много общего с христианской философией, но это делает еще менее вероятным, что философы-стоики должны были быть среди новообращенных. Тем не менее христианское учение, особенно в греко-еврейских общинах Малой Азии, падало на подготовленную почву. Парадоксы стоиков, несомненно, подготовили почву для христианских парадоксов. Доктрины смирения и аскетизма были обычным делом для циников. “Ни креста, ни короны”, “Тот, кто хочет спасти свою жизнь, должен потерять ее” — подобные высказывания немедленно получили бы одобрение вдумчивых римлян. Эпиктет, раб-язычник времен Домициана, написал свой ответ тирану: “Ни один человек не властен надо мной. Я был освобожден Богом. Я знаю Его Заповеди; отныне никто не сможет увести меня в плен”. Стоики ежедневно учили, что богатому человеку трудно войти в Царство Божье. Таково кредо Марка Аврелия: “Почитать богов и благословлять их, творить добро людям, проявлять терпимость и самоограничение”. Ужасы амфитеатра - это одна из сторон имперского общества. Но, с другой стороны, Музоний Руф, стоик, пользовавшийся благосклонностью Веспасиана и Тита, ходил среди солдат с проповедью против милитаризма. Какими бы рабовладельцами ни были римляне, они начинали испытывать чувство братства людей.

Фотография ХС. БРАК АЛЬДОБРАНДИНИ: ВАТИКАН, РИМ

Сенека называл рабов “смирненными друзьями”. “Человек - святыня для человека”, - говорит он; и такое учение нашло отражение даже в законодательстве того времени. Ювенал страстно призывает к доброте к рабам и к нравственной чистоте в доме. Сенека не только считает людей братьями, но и считает Бога Отцом всех нас. Мы видели, как общественная благотворительность находила выражение в *алименте* и бесплатных школах. “Любите ненавидящих вас” не показалось бы римлянам второго века чем-то большим, чем сильным выражением истины, которую они уже начали признавать. Таким образом, практическая

сторона христианской этики нашла свое соответствие как в поведении, так и в теории более просвещенных язычников. Мир и гуманизм витали в воздухе эпохи Антонинов.

Что касается религиозной догмы, то вся тенденция мышления была направлена к монотеизму. “Бог есть Дух” мгновенно нашел бы одобрение среди образованных римлян, даже несмотря на то, что они часто посещали храмы сотни различных богов. Философия как у греков, так и у римлян всегда была монотеистической. По вопросу о бессмертии философы разделились. Марк Аврелий и Сенека в целом не внушают надежд. Вероятно, верования простых людей — о чем свидетельствуют эпитафии на их кладбищах — разделялись поровну. Распространена лаконичная эпитафия: “Меня не было, я был: меня нет, мне все равно”. Но другие эпитафии, столь же распространенные, выражают надежду на воссоединение в другом мире или даже на то, что их “примут в число богов”. Но в целом самым распространенным взглядом на Смерть было счастливое освобождение и бесконечный сон. Это была непосредственная надежда на вечное блаженство, которое было величайшим, что христианство могло предложить языческому миру.

Таким образом, Рим был во многих отношениях подготовлен к принятию христианства, доктрины которого нашли отклик в устремлениях того времени. Она многое сделала для придания христианскому богословию его западной формы, и, конечно, ритуалы и практика Римской церкви во многих отношениях были всего лишь продолжением старых языческих обрядов и церемоний. Древние божества становились христианскими святыми без изменения обряда или культа; изображения часто адаптировались, и даже имена почти не менялись. Но, на самом деле, вся концепция этой могущественной Церкви, покорившей мир, включая захватчиков-варваров, была порождением римской политической системы. Именно ее государственный гений сделал Рим Вечным городом. В той или иной форме она правила миром на протяжении двадцати веков.

Пластина ХСІ. БРОНЗОВЫЙ ЖЕРТВЕННЫЙ ТРЕНОЖНИК

ЭПИЛОГ

Musæ quid facimus? τὶ κεναῖσιν ἐν ἐλπίσιν αὐτῶς
ludimus ἀφραδίῃσιν ἐν ἡματι γηράσκοντες;
Σαντονικοῖς camp οισιν, ὅπῃ κρύος ἄσπετον ἐστίν,
erramus gelido-τρομεροὶ rigidique poetæ.
Ausonius

Я предпочел бы покинуть римский мир на пике его величия, когда вся огромная территория наслаждалась процветанием, если не миром, при добродетельных и великодушных Антонинах. Таким образом, эта книга наилучшим образом создала бы истинное впечатление о Риме, не как о прискорбном провале, а как о заметном успехе, которым она, несомненно, была. Но поскольку читатель, вероятно, последует древнегреческой максиме и пожелает увидеть конец, прежде чем выносить приговор, добавлено несколько страниц, содержащих очень краткое изложение заключительных сцен. Необходимо отметить, что даже заключительные сцены охватывают период в двести лет, и что этот прогресс еще даже не

совсем замедлился. Они включают в себя хорошие и плохие правления, периоды процветания, а также катастрофы.

И здесь впечатление пессимизма, которое мы получаем, читая рассказ об Империи, возникает не столько из-за истории, сколько из-за историков. Лампридий и другие авторы Истории Августа - недалекие писатели, которые называют различных князей хорошими или плохими в основном в зависимости от их отношения к сенату. Историки эпохи Августа обучались в школе Светония, они зацикливаются на сплетнях и не могут выносить масштабных политических суждений. Очень немногое из сплетен достоверно. Если они решили оскорбить императора, они повторяют скандалы, рассказанные Светонием о Тиберии или Нероне. Доверять им можно только в их отчетах о военных действиях, и этот факт создает ложное преобладание военных действий в анналах того периода.

Наследование императорского трона по-прежнему оставалось слабым местом всей системы. Сам трон претерпел невыразимую деградацию. Стражники, убившие Пертинакса, официально выставили наследство на аукцион в преторианском лагере. Септимий Север (193-198) дал краткую передышку сильному правительству, которое почти разрушило фикцию сенаторской власти, поскольку Север обладал проконсульской властью даже над Римом и Италией. Каракалла, вероятно, был худшим из всех императоров по личным порокам и жестокости, но он был автором того знаменитого указа, который даровал гражданство всем западным провинциям. При Элагабале (218-222) Рим имел своим хозяином мерзкого и женоподобного жреца Бога Солнца, который принес в город камень-фетиш Эмеса и попытался заставить всех богов поклониться ему. Александр Север был безупречным принцем, а Максимин Фракиец отбросил варваров за *пределы* Рейна и Дуная. После Гордианов сенат некоторое время пользовался возможностью управлять Римом через своего кандидата Пупиена, но о беспорядках того периода можно судить по тому факту, что за восемнадцать лет после Александра Севера, который умер в 235 году, пурпур носили двенадцать человек. Тогда Галлиен принял это на себя, имея своим коллегой Валериана, который был первым из римских императоров, взятых в плен врагом. Ходили странные и ужасные рассказы о его загадочной судьбе, когда он был взят в плен персидским царем Шапуром. В последние годы правления Галлиена империя была практически разделена, поскольку его мятежный полководец Постум был признан императором всей Галлии, Испании и Британии. В этот период Пальмира также приобрела независимую власть как место встречи караванных путей, пересекавших сирийские равнины. При знаменитой царице Зенобии он практически правил восточными частями империи, и его великолепные руины доказывают его богатство и величие. Галлиен тогда чуть не допустил распада Империи из-за своей слабой хватки, но его преемник Клавдий Готик (268) был мужчиной и солдатом. Он разгромил готов и полностью восстановил бы Империю, но чума, которая никогда полностью не исчезала со времен Марка Аврелия, унесла его на третий год его правления. Эта задача была возложена на Аврелиана, этого паннонского крестьянина, чьи блестящие полководческие способности отбросили врага со всех сторон, в то время как его государственная мудрость восстановила авторитет императора и даже финансовый кредит Империи. Однако могучая стена, которой он окружил Рим, является печальным свидетельством мрачных дней, в которые пал имперский город. Пальмирское королевство было разгромлено, а богатый город разграблен. Мятежная империя галлов была разрушена навсегда. Самым грандиозным триумфом, когда-либо засвидетельствованным в Риме, был триумф Аврелиана в 274 году. Воппискус описывает это так:

“ Там было три царские колесницы. Один был работы Одената, сверкающий украшениями из золота, серебра и драгоценных камней; второй, аналогичной конструкции, был подарком

персидского царя Аврелиану; третий был выполнен по проекту самой Зенобии, которая надеялась посетить в нем Рим. В чем она не была обманута, ибо она въехала в город на нем после своего поражения. Там была еще одна колесница, запряженная четырьмя оленями, которая, как говорят, принадлежала королю готов. На этом Аврелиан поехал в Капитолий, чтобы принести там в жертву оленей, которых он поклялся принести Юпитеру Высшему и Могущественнейшему. Перед этим было отправлено двадцать слонов, прирученных зверей из Ливии и двести различных животных из Палестины, которых Аврелиан немедленно подарил частным лицам, чтобы казна не была обременена их содержанием. В процессии участвовали четыре тигра, жирафы, лоси и другие животные. Восемьсот пар гладиаторов, а также пленники из варварских племен, блемии, аксиомиты, арабы, эвдемоны, людийцы, бактрийцы, хиберы, сарацины, персы, все со своими разнообразными сокровищами; готы, аланы, роксоланы, сарматы, франки, свевы, вандалы, германцы шли как пленники со связанными руками. Среди них также были пальмирские вожди, которые выжили, и египетские повстанцы. Десять женщин, которых Аврелиан застал сражающимися в мужской одежде среди готов, были в процессии, в то время как многие из этих "амазонок" были убиты. Перед каждым контингентом был вывешен плакат с названием племени. Среди них был Тетрик ('император' Галльской империи) в алом плаще, желтой тунике и галльских бриджах. Там же шла Зенобия, увешанная драгоценностями и скованная золотыми цепями, которые носили другие. Впереди побежденных принцев несли их короны с табличками с их именами. А затем последовал римский народ, знамена гильдий и лагерей, солдаты в кольчугах, царская добыча, вся армия и сенат (хотя было печально видеть, что некоторые члены его корпуса оказались среди пленников) многое добавили к великолепию представления. До Капитолия добрались только в девятом часу, а до дворца - гораздо позже".

Аврелиан стремился утвердить митраизм в качестве государственной религии и заслужил благодарность простых людей, дополнив бесплатный запас кукурузы ежедневной порцией свинины. Масло и соль давались бесплатно, и он даже приготовился поставлять бесплатное вино. Три императора, сменившие Аврелиана, Тацит, Проб и Кар, были людьми с хорошим характером, и первые два были, опять же, кандидатами сената.

На протяжении всего этого беспокойного века причины замешательства были двоякими. С одной стороны, сама Империя была настолько огромной и разрозненной, что теперь она имела тенденцию разваливаться на куски по собственной инерции, подобно тому, как раскрывается семенная коробочка, чтобы разбросать свои семена. Британия, Галлия, Германия, Пальмира — каждая в свою очередь начала ощущать собственное единство. Рим был далеко, а правительство часто было слабым и небрежным. У местных генералов была возможность занять троны для себя. Пока император спешил туда-сюда, в его тылу вспыхивали новые восстания. В этом не было ничьей особой вины. Мировое государство было невозможно ни в теории, ни на практике. Оно было возможно только тогда, когда провинции были варварскими. Когда они стали цивилизованными и осознающими себя, они должны были почувствовать свое естественное единство.

Табличка ХСII. МИТРА И БЫК

Во-вторых, варвары теперь выросли в полный рост. Это были уже не враждующие племена, которые можно было настроить друг против друга с помощью искусного государственного управления, а народы, гораздо менее варварские, чем в старину, с определенной организацией и целью, стоящей выше простого грабежа. Никакие искусственные валы не могли удержать их. Очень сомнительно, что даже римские легионы в их лучшем состоянии смогли бы противостоять этим повторяющимся атакам со всех сторон. Первый крупный переход через Дунай произошел в царствование М. Аврелия. Он был разрушен, как изображена колонна этого императора, и Сарматия и Маркомания были добавлены в качестве недолговечных провинций. Именно в третьем веке мы начинаем слышать о более крупных варварских народах или группах племен, об алеманнах и свевах, франках, саксах, готах и вандалах. Они разыгрывали битву за битвой, одерживали триумф за триумфом, но они все еще продолжали наступать. Более слабые императоры пытались купить их за золото, более мудрые - за землю, более хитрые заставляли их убивать друг друга, но они все равно упорно продвигались вперед, волна за волной, подобно морю. И снова в этом не было ничьей вины. Возможно, именно движение татарских дикарей на Дальнем Востоке привело в движение кочевье народов. Как бы то ни было, вся восточная и северная Европа кипела беспокойным движением, и волна неудержимо накатывала на оплоты цивилизации. Такие великие и славные победы, как победы Сципиона и Мария, были одержаны римскими армиями даже в четвертом веке. Но враг был вездесущ, и задача была невыполнимой.

Однако верно, что эти бастионы были слабее, чем следовало бы, отчасти по причине внутренней дезорганизации, вызванной постоянной борьбой за престолонаследие, а отчасти из-за определенных видимых ошибок в римской государственной мудрости. Во-первых, дух мира и человечности, который зрел в более безопасных центральных частях Империи, вероятно, ослабил ее оборонительные инстинкты. Современный мир как раз сейчас пытается поверить, что вы можете сохранить силу защиты, когда отбросите все

мысли об агрессии. Возможно, это так. Римский мир потерпел неудачу в этой попытке. Государственные деятели Рима теперь были уже не солдатами, а юристами и финансистами. Даже префекты преторианской гвардии были юристами. Армия была отдельной профессией. Более того, даже армия стала настолько цивилизованной, что утратила многие свои боевые качества. Адриан больше, чем любой другой правитель, несет ответственность за то, что *каннабаи*, или “кабинки”, которые возникли вокруг лагерей, превратились в поселки и даже поселяночки. Теперь легионы были постоянно размещены в своих квартирах, солдаты женились на женах и проводили свой досуг в бизнесе или сельском хозяйстве. Адриан также был тем, кто в своем широком космополитическом духе ввел множество и, несомненно, полезных варварских методов ведения боя, так что старые римские военные традиции пришли в упадок. Легион теперь был ничем не лучше своих вспомогательных подразделений. Вспомогательные подразделения часто были варварами, и вскоре сами легионы полностью превратились в варваров. Это был всего лишь шаг вперед, когда варвары были объединены в племена для участия в битвах Рима под командованием своих собственных командиров.

Во-вторых, весь римский мир медленно душили благие намерения. Бюрократия стала настолько высокоорганизованной и эффективной, так четко упорядоченной на различных уровнях официальной жизни, что все шли за ней по пятам под музыку официальных прокламаций. Патернализм регулировал все своим бдительным и благожелательным оком. Триумф системы можно увидеть в знаменитом Ценовом эдикте, изданном Диоклетианом в 301 году нашей эры. Здесь мы находим запланированную максимальную цену на все возможные товары для торговли и максимальную заработную плату за каждый вид услуг. Смерть - это наказание для любого торговца, который запрашивает, или для любого покупателя, который платит более высокую цену. Не допускается разница в местностях или сезоне. Колебания в торговле запрещены под страхом смертной казни. Эта восхитительная схема, выгравированная на камне на каждом рынке Европы, очевидно, была продуктом высокоэффективного Торгового совета, который допоздна засиживался над изучением статистики и политической экономии. Благожелательные чиновники такого типа кишели по всей империи, шпионя и донося друг на друга, а также на широкую общественность.

Та же система недалекого официализма нашла еще более остроумный метод удушения общества, которое она пыталась вскормить еще в младенчестве. Именно при Севере Александре (около 230 г. н.э.) различные *коллегии* или гильдии были объединены по уставу, так что каждая отрасль, какой бы она ни была, превратилась в закрытую корпорацию. Это значительно упростило задачу управления. Это означало, что все человеческие занятия стали передаваться по наследству. Существовала, например, гильдия *колонистов*, или землепашцев. Самые благожелательные из императоров, Марк Аврелий и два Севера, поселили варваров на римской земле при условии прохождения военной службы вместо арендной платы. Эта служба также стала передаваться по наследству. Вскоре каждый клочок земли должен был снабжать новобранца. Более того, *декурионы*, или муниципальные сенаторы, которые когда-то были почетными магистратами своих городов, также стали кастой. Поскольку на них была возложена ответственность за сбор налога на собственность в их районах, и по мере того, как богатство начало сокращаться, а налоги увеличиваться, они были доведены до состояния нищеты. Освобождение от налогообложения целых классов общества, таких как солдаты и, в конечном счете, христианское духовенство, усугубило их бремя. Затем, поскольку многие из них пытались избежать тягот, связанных с их рангом, вступив в армию или даже продав себя в рабство, был издан указ, который сделал их должностью наследственной. Зачисление преступника в число этих *куриалов* стало формой наказания. Указ Константина навсегда заковал всех земледельцев в наследственное

рабство. Таким образом, римское общество впало в застой. Поскольку развитие Маньчжурской империи в Китае шло по очень похожему пути, похоже, что благожелательный деспотизм, порожденный высокоцентрализованным правительством очень больших территорий, был одним из методов, с помощью которых Провидение привыкло низводить великие империи.

В конце третьего века Диоклетиан попытался спасти государство путем смелой революции. Он отбросил пустые претензии на республиканство и откровенно окружил трон всеми проявлениями величия и церемониальности. Свободный доступ, который обычно предоставлялся самыми деспотичными князьями, был заменен сложной системой посредников. Чтобы удовлетворить очевидные потребности в передаче полномочий в правительстве, а также прекратить непрекращающуюся борьбу за престолонаследие, он изобрел остроумное разделение ответственности. Отныне должно было быть два Августа, один на Востоке, а другой на Западе. Империя фактически не была разделена, поскольку совместное распоряжение двух коллег распространялось на всю ее территорию. Более того, у каждого Августа должен был быть младший коллега, “цезарь”, действующий как его заместитель и готовый занять его место. Брачные узы должны были объединить всех четверых в один тесный семейный союз. Теперь насчитывалось сто шестнадцать провинций, и Диоклетиан сгруппировал их в тринадцать “диоцезов”, каждый из которых подчинялся “викарию”, непосредственно подчинявшемуся одному из четырех “преторианских префектов”, которые разделяли управление целым. Войска больше не подчинялись губернаторам провинций, но у каждой армии был свой собственный “Герцог” (*dux*). Каждая граница — и они были еще более укреплены — находилась под властью своего собственного “герцога”. В то же время были предприняты шаги по организации центральной ударной силы — *comitata* императоров. Четыре префектуры и тринадцать епархий были следующими:

Oriens—	Egypt	Illyricum—	Macedonia	Italia—	Italia
	Oriens		Dacia		Illyricum (after Theodosius)
	Pontus	Galliarum—	Gallia		Africa
	Asia		Hispania		
	Thracia		Britannia		

Следует заметить, что Италия теперь определенно понизилась до статуса провинции среди многих других стран, а сам Рим находился недостаточно близко к пограничным армиям, чтобы быть удобной столицей. Диоклетиан предпочел разместить свою резиденцию в Никомедии. Сенат, как неизбежное следствие, отошел на задний план и остался немногим более чем почетным титулом. Императорская консистория, тайный совет, состоящий из глав департаментов, заняла свое место в практических целях. Новая иерархия чиновников радовалась варварским титулам, которые шокировали бы слух истинного римлянина.

Табличка ХСIII. МАВЗОЛЕЙ ПЛАЦИДИИ, РАВЕННА

Естественно, что эти успехи в направлении все более сильного правительства не способствовали облегчению проблем, возникших из-за слишком строгого надзора. Наиболее заметным признаком упадка было сокращение численности населения, которое начало приводить центральные районы империи в запустение, и это было вызвано не только экономическим бременем, но и расовым упадком. Деньги стали настолько обесцененными, что мир фактически вернулся к бартерной системе.

Константин обозначил план Диоклетиана по разделению ответственности правительства путем основания новой столицы в Византии. Его мотивы, вероятно, были неоднозначными. Во-первых, он был бы свободен от неуклюжих республиканских традиций, которые все еще продолжали заявлять о себе, а во-вторых, Константинополь занимал бы более центральное положение и был бы гораздо более защищен. Но, прежде всего, в этом новом Риме он мог порвать со старой религией. План Константина по восстановлению уставшего и страдающего мира заключался в принятии христианства. Миланский декрет (313 г.) сделал христианство официальной религией, хотя и не единственной религией Империи. Это уже было религией двора — с тех пор, как Константин увидел свое знаменитое видение Ангела, спускающегося с Небес с Крестным знамением и произносящего слова *ἐν τοῦτῳ νικά* — “*Nos signo vincis*”. Оставаясь наполовину язычником, император сделал Крест своим талисманом и с его помощью победил своего соперника на Мильвианском мосту недалеко от Рима.^[92] Сам Константин ни в коем случае не был святым; убивая родственников, он фактически был одним из худших императоров, но невольно спас мир своим обращением. Тем временем экстравагантность, с которой он украсил свой новый город, взвалила на всю Империю бремя новых налогов.

Схема разделенной империи провалилась. После Феодосия (395 г.) разделение стало постоянным. Восточный трон оставался в безопасности еще тысячу лет, защищенный

замечательным стратегическим положением Константинополя. Презрение, с которым к ней до сих пор относились историки, теперь начинает ослабевать, и становится видно, что Византийская империя не только служила оплотом Запада против Востока, но и сохранила для нас бесценные сокровища греческого интеллекта. Римская традиция, ныне неразрывно смешанная с греческой, сохранилась там без изменений, вплоть до тех самых гонок на колесницах, которые все еще приводили общество в брожение. По сей день жители Греции и Румынии отличаются от своих восточных соседей гордым титулом “римляне”.

Но на Западе ряд призраков сменяли друг друга на троне. Шлюзы на границах Рейна и Дуная полностью распахнулись, и новые нации хлынули в их наследие. Тогда выяснилось, насколько действительно политика Константина спасла мир. Хотя готы захватили и разграбили Рим (410 г.), они пришли не как языческие разрушители, а как христианские иммигранты, и именно готские генералы и готские армии спасли Европу от разрушения. Около 447 года монгольские гунны под предводительством своего ужасного Атиллы вторглись в западную Европу из степей России. Они перешли Рейн численностью в полмиллиона человек, разрушая и сжигая по пути. Сестра римского императора Гонория сделала предложение руки и сердца Атилле, и гордый варвар предложил ей место в своем гареме, если она принесет в приданое половину Западной империи. Римский полководец Аэций с наполовину варварской армией в союзе с вестготами остановил их в "Битве при Шалоне", и опасность отступила. Аэций, спасший Рим, был заколот своим неблагодарным императором.

Вандалы уже захватили Испанию и устремились в Африку, откуда выступили, чтобы произвести второе разграбление Рима. Британия была покинута скорее по выбору своей армии, чем по приказу какого-либо императора, и в 406 году стала добычей язычников севера. Сама Италия была полностью в руках варваров, которые жили на условиях очевидного

Тарелка ХСIV. СЛОНОВАЯ КОСТЬ БАРБЕРИНИ

равенство с римлянами. Марионетки носили императорский пурпур и выполняли приказы варварских “патрициев”, Ричимера-свевианца, его племянника Гундобальда и, наконец, Одоакра, бесплеменного варвара с севера. К этому времени Западная империя была расчленена навсегда, и Западная Европа представляла собой всего лишь ряд варварских княжеств. В 476 году Одоакр сместил последнего римского императора-марионетку, носившего знаменательное имя Ромул Августул. Резиденция Западной империи уже давно была перенесена из дважды разграбленного Рима, и более поздние князья правили из Равенны, где маленький мавзолей императрицы Плацидии, сестры Гонория, до сих пор стоит как прообраз увядшей славы последних преемников Августа.[\[93\]](#)

Теоретически Западная империя не распалась в 476 году. Восточные императоры теперь заявляли о своей власти над всем римским миром и пользовались ею настолько, насколько могли добиться повиновения. Сильные цезари, такие как Юстиниан, добивались того, чтобы их правление уважалось повсюду. Географически и политически Запад теперь начинал свое средневековое существование как скопление небольших королевств, как правило, неопределенной протяженности.

Но в гораздо более прямом смысле Рим продолжал править миром, как и прежде. Два ее великих наследия, Римское право и Римская церковь, правили ею так же безраздельно, как

это всегда делали легионы. Даже в политике великая концепция христианской республики, Церкви и государства в одном лице, с папой Римским как преемником Святого Петра, носящим ключи от Рая и Ада, в то время как император как преемник Августа орудовал мечом, продолжала еще тысячу лет господствовать в Европе. Именно под влиянием этой великой идеи молодые нации выросли и стали самостоятельными.

Таким образом, истинная история Рима с этого момента - это история Церкви, и здесь не место ее излагать. Но здесь можно возразить, что видимая Церковь была таким же истинным творением римского духа, как и сама Империя. Рим ухватился за учение Того, кто жил в бедности и безвестности среди рабов и отверженных, кто проповедовал против мирского, формализма и честолюбия, кто посылал Своих учеников просить милостыню, и на основе этого, благодаря своему замечательному государственному гению, она создала могущественную монархию, которая могла смирать королей, и организованное церковное государство, которое подобно сети раскинулось по земле и укротило ярость варваров.

Точно так же культуру этих последних дней можно найти в истории Церкви. Августин, святой Иоанн Златоуст и Тертуллиан являются ее представителями - писателями и мыслителями более достоверными, чем Авзоний или Клавдиан. За исключением Арки Константина,^[94] которая в основном была составлена из более ранних останков, ее произведения искусства можно найти в священных мозаиках Константинополя или Торчелло, или в византийских изделиях из слоновой кости, таких как знаменитое панно Барберини, изображающее Константина как основателя христианской веры.^[95] Архитектура продолжает демонстрировать замечательные достижения, и в замечательном дворце, который Диоклетиан построил для своей отставки в Спалато на побережье Далмации, появились новые сочетания римской арки с греческими колоннами, которые полны надежд на рождение готического искусства.^[96] Самые ранние христианские церкви, спроектированные по плану греческого креста с куполом, закрывающим пересечение нефа и трансептов, происходят из Малой Азии и несут на себе следы восточного влияния, которое так сильно в византийском искусстве.

РИС. 1.
ДВОРЕЦ ДИОКЛЕТИАНА, СПАЛАТО

РИС. 2.
РЕЛЬЕФ С АРКИ КОНСТАНТИНА: БИТВА У МИЛЬВИЙСКОГО МОСТА

Табличка XCV.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СВОДКА

ГОД	ВНУТРЕННИХ СОБЫТИЙ	ВНЕШНИХ СОБЫТИЙ
До н.э.		
753	г. Легендарная дата основания Рима	
510	Легендарная дата изгнания Тарквиния и установления Республики	
508	Легендарная дата этрусского вторжения при Ларсе Порсене	
494	Легендарная дата первого отделения плебеев	
480		Возможно, подлинная дата первого договора между Римом и латинами, составленного С. П. Кассием
474		Поражение этрусков Сиракузами
450	Легендарная дата Двенадцати таблиц	
387	Завоевание Рима галлами	
367	Законы Лициния. (1) запретить крупные владения общественной землей; (2) вынудить землевладельцев нанимать определенную долю бесплатной рабочей силы	

351		Завоевание Южной Этрурии Римом Кере становится первым <i>гражданским правом</i> с <i>правом решающего голоса</i>
348		Первым торговым договором между Римом и Карфагеном
343 по 266		Самнитские войны, включающие порабощение латинян и, в конечном итоге, всей Центральной Италии
321		Великое поражение римлян на Каудинском перевале
312	Цензура Аппия Клавдия, включая (1) публикацию законов; (2) строительство Виа Клавдия	
с 281 по 275		Война с Тарентом и Пирром , включающая завоевание Южной Италии
268	Первая чеканка серебряных монет	
с 264 по 241		Первая Пуническая война, включавшая завоевание Сицилии, Сардинии и Корсики —первых провинций трансморья
264	Первые гладиаторские игры в Риме	
240	„„Ливий Андроник. Начало римской литературы	
222		Поражение цизальпийских галлов
220	Через Фламинию в Ариминум	
218 по 201		Вторая пуническая война
218	Закон Клавдия запрещает сенаторам заниматься торговлей	
216		Римляне потерпели сокрушительное поражение при Каннах
205	Введение фригийского культа Великой Матери	
202		Победа Сципиона при Заме

201		Мир с Карфагеном, предполагающий уступку Испании
200		Второй Македонской войне
к		
194		
196		Фламиний провозглашает свободу Греции
190		Поражение Антиоха Великого Сирийского при Магнезии
186	7000 римлян, осужденных за вакхические оргии	
184	Цензурой Катона Старшего. Смерть Плавта. Базилика Катона, построенная с	
171		годы Третьей Македонской войны. Египет принимает римский сюзеренитет
по		
168		
165	1000 греков, включая историка Полибия, привезены в Италию в качестве заложников	
161	Греческих ораторов и философов изгнали (тщетно)	
160	<i>Адельфи</i> Теренция совершил	
148		Македония становится провинцией
146		При разрушении Карфагена Африка становится провинцией
	Большой приток греческого искусства	Коринф разрушен
133	Трибунат и аграрная программа Тиберия Гракха	Царство Аттала завещано Рим становится провинцией Азия
123	Трибунат и аграрная программа Гая Гракха. Создание <i>всадников</i> в качестве политической силы	
121		Провинция Нарбоннская Галлия, образованная в результате завоевания Южной Галлии
112		Война с Югуртой: триумф Мария
по		

106		
113	Реформы армии и	Война с кимврами и
по	политическая власть Мария	германцами
101		
91		Война против итальянских союзников (социальная война)
88	Завоевание Рима Суллой и восстановление Сената	Война с Митрадатом II Понтус. Резня римлян
87	Революция Цинны и Мария с большой резней знати	
82	Возвращение Суллы и изгнание демократов	Поражение самнитов у Коллинских ворот Рима
81	Сулла-диктатор. Законы Корнелия улучшают судебную систему. Первая речь Цицерона	Цизальпийская Галлия становится провинцией. Рим отказывается от Египта
78	Даты сохранившихся зданий в Риме (1) Табуларий, (2) Храм Фортуны Вирилис	
75		Провинции Вифиния и Кирена (обе завещаны Риму)
73	Восстание рабов под командованием Спартака	
67		Помпей побеждает пиратов
63	Консульство Цицерона, который разгромил заговор Катилины	Помпей заканчивает Митридатскую войну. Были организованы новые провинции Киликия, Вифиния с Понтом, Сирия и Крит
60	Союз Помпея, Цезаря и Красса, “Первый триумвират”	
59	Консульство Цезаря и предоставление провинции Галлия	
58	Изгнание Цицерона. Построенный театр Куриона	Цезарь побеждает гельветов
57	Воспоминание о Цицероне	Цезарь побеждает нерву
56	Возобновление “Триумвирата” в Лукке	Цезарь побеждает венетов на море
55	Открытие театра Помпея	Цезарь вторгается в Британию
54		Второе вторжение в

53		Британию Поражение Красса от парфян. Цезарь покоряет тревери и переходит Рейн
52	Здание Сената сожжено во время беспорядков. Помпей принимает законы против Цезаря	Великое восстание Галлии под предводительством Верцингеторикса подавлено в Алезии
51		Окончательное порабощение Галлии Цицерон, губернатор Киликии
49	Цезарь начинает Гражданскую войну	
48	Битва при Фарсале, поражение Помпея	Цезарь управляет Египтом, оставляя Клеопатру царицей
46	Окончательное поражение помпеянцев при Тапсе в Африке. Цезарь-диктатор. Посвящение нового форума Юлия и храма Венеры-Первенца	
45	Цезарь расширяет состав сената и регулирует муниципальные конституции итальянских городов	
44	Убийство цезаря. М. Антоний, командующий Римом. <i>Филиппики</i>	
43	Октавиан, наследник Цезаря, вместе с консулами побеждает Антония при Мутине и избирается консулом. Образовался Второй триумвират: Антоний, Октавиан и Лепид. Запрещение партии тираноубийц, включая Цицерона	
42	Битвы при Филиппах. Поражение Брута и Кассия. Восстановленный храм Сатурна	
41	Война в Перузии, в ходе которой Октавиан подавляет восстание Л. Антония	М. Антоний с Клеопатрой в Египте основали в
37	году Библиотеку Поллиона.	

36-летний	Октавиан женится на Ливии, Секст Помпей побежден. Лепид лишился своей армии,	Антоний потерпел поражение в Парфии
31		Поражение Антония и Клеопатры при Акциуме от Октавиана
30	Публикация <i>Эподов</i>	Завоевание Египта
29	Триумф цезаря Октавиана	
28	Перепись населения и восстановление сената. Посвящение храма и библиотеки Палатинского Аполлона, восемьдесят два храма были восстановлены	ВМесия сделала провинцией
27	“Восстановление Республики” действительно стало началом Империи. Октавиан получает титул <i>Августа</i> . Пантеон М. Агриппы, построенный	Провинциями, разделенными между цезарем и Сенатом. Цезарь захватывает Испанию, Галлию, Сирию и удерживает Египет
23	Август подает в отставку с поста консула. Смерть Марцелла. <i>“Энеида”</i> Вергилия, <i>Оды</i> Горация,	i, ii, iii
Неудача экспедиции в Аравию		20-го, когда-то в Азии. Покорение парфян
19	Смерть Вергилия	Завоевание Северной Испании
17	“Законы морали” Юлиана. Светские игры. Лауреат Гораций. Август усыновляет Гая и Луция, своих внуков,	
16		лет Германское вторжение в Галлию. Поражение Лотуса
13	Театр Марцелла, построенный	Друзом в Галлии для завоевания Германии
12	Посвящение Ара Пацис Августу	
9	Конец <i>истории</i>	Ливия Смерть Друза после четырёх кампаний в Германии
8	Смерть Горация и Мецената	Тиберия в Германии
4		Смерть Ирода. Вероятная дата рождения Христа
2	года Изгнания Юлии	

наша эра

2	Смерть Луция и смертельное ранение Гая. Тиберий одобрил	
4	Строительство “Maison Carrée” в Нисмесе	Ежегодные кампании Тиберия в Германии
6	Учреждение военной казны в Риме. Восстановленный храм Кастора	Иудея становится провинцией (перепись Квирина) Великое восстание в Паннонии
8	Изгнание Овидия	Подчинение Паннонии
9		Поражение Вара от Арминия в Германии
14	Смерть Августа. Преемственность <i>Тиберия</i> . Политическое исчезновение <i>комиций</i> . Распространение закона о государственной измене и распространение информации (<i>delatio</i>)	Восстание рейнской и Дунайской армий, подавленное Германиком и Друзом
16		Германик побеждает германцев под командованием Арминума при Идиставизусе
27	Тиберий удаляется на Капри. Сеян командовал Римом	
37	<i>Гай Цезарь</i> (Калигула), убитый преторианской гвардией в	Тщетной экспедиции в Британию
41	<i>Клавдий</i>	Новые провинции включали Мавританию, Ликию, Фракию (46) и Иудею. Начало завоевания Британии (43)
54	<i>Нерон</i>	
55	Отравление Британика	
61		Восстание Боадичеи в Британии
64	Пожар в Риме и первое преследование христиан	
68		Восстание Виндекса в Галлии и Гальбы в Испании
68 по 69	Год четырех императоров <i>Гальба</i> , июнь-январь 69 <i>Отон</i> , январь-апрель <i>Вителлий</i> , апрель-декабрь	

69	<i>Веспасиан, “Династия Флавиев”</i>	Восстание батавов при Цивилисе
70	Возведение Колизея, Арки Тита и Терм Тита	Осада и разрушение Иерусалима
79	Извержение Везувия Титом, Геркуланум, погребенный в грязи, и Помпеи в пепле. Смерть Плиния старшего	
81	<i>Домициана</i>	Успехи Агриколы в Шотландии. Строительство Ретийских <i>лимесов</i>
86		Войн против даков
96	Убийство Домициана	
96	<i>Нервы</i> , отмена закона о государственной измене и снижение налогов	
98	<i>Траяна</i> , строительство форума Траяна, базилики Ульпия и колонны Траяна	(101-102) Первая дакийская война. (105-107) Вторая дакийская война. Дакия становится провинцией (114-116) Вторжение в Парфию, захват Ктесифона. Новые провинции: Армения, Месопотамия, Ассирия и Аравия
118	<i>Адриан</i> , построивший <i>Молес Адриани</i> , Храм Венеры и Рима, Пантеон, Виллу в Тиволи и Храм Зевса Олимпийского в Афинах,	покинул Армению, Месопотамию и Ассирию. Грандиозный тур по империи. Стена Адриана в Британии. Восстание и уничтожение еврейской нации
138	<i>Антонин Пий</i> , “Династия Антонинов”. Построен храм Антонина и Фаустины	
161 г.	<i>Марк Аврелий</i> . Чума в Италии. Статуя и колонна М. Аврелия	Война против Парфии. Война с маркоманнами и квади. Император умер в Вене
180	<i>Коммод</i>	
193	<i>Пертинакс</i> убит солдатами <i>Дидий Юлиан</i> купил трон	
193	<i>Септимий Север</i> провозглашен иллирийскими легионами. Великий юрист Папиниан процветает	Экспедиция в Британию. Император умер в Йорке. Укрепление стен
211	<i>Каракалла</i>	Все жители провинций (кроме Египта) становятся

		гражданами
217	Бани Карагаллы завершены	
218	<i>Элагабал</i> . Попытка ввести поклонение Солнцу	
222	<i>Северус Александр</i> . Юрист Ульпиан и историк Дион Кассий процветали	Началась новая Персидская империя Сасанидов
235	<i>Максимиан Фракс</i>	
237	<i>Гордиан I. и II. и III.</i>	
244	<i>Филипп арабский</i>	
249	<i>Деций</i> Преследование христиан	Поражение готов во Фракии Деций пал в бою
251	<i>Галл</i>	
253	<i>Эмилиан</i>	
253	<i>Валериан</i>	Войны против немецких захватчиков, франков, алеманнов и готов. Экспедиция в Персию. Плененный император Деций пал в сражении с
260	<i>г.Галлиеном</i> . Время великого смятения из-за претендентов. “Тридцать тиранов”	Тетрик основывает конкурирующую империю в Галлии и Испании. Оденат основывает независимое королевство в Пальмире в Сирии
268	<i>Клавдий Готик</i>	побеждает германских захватчиков
270	<i>Аврелиан</i> (“ <i>Restitutor Orbis</i> ”). Стена вокруг Рима	Отдает Дакию за Дунаем готам. Выбивает алеманнов и маркоманнов с итальянской земли. Побеждает Зенобию и разрушает Пальмиру. Побеждает Тетрика
273		Храм Солнца, построенный в Гелиополисе (Баальбек)
275	<i>Тацит</i> (выбор сената)	
276	<i>Проб</i>	Отбрасывает варваров и восстанавливает оборону
282	<i>Кар</i> , затем <i>Нумериан</i> , затем <i>Карин</i>	
с 284 по 305	<i>Диоклетиан</i> проживал в основном в Никомедии в Малой Азии, оставив запад Максимиану, Констанций и	Персы побеждены, египетское и британское восстания подавлены

	Галерий назначили цезарей. Гонения на христиан	
307	Шесть “августов”, претендующих на пурпур, Константин Британский среди них,	
с по 337 325	гг., (единственный император). к христианству, признанному государством Конфликт ариан, Никейский собор	
330	Строительство Константинополя	
361 по 363 375	<i>Юлиан Отступник</i> пытается возродить язычество	
		Начало великих странствий немецкого народа
379 по 395	<i>Феодосий</i> После Феодосия разделение империи становится постоянным	Вестготы получили в Месии, если христиане устроили резню в Фессалониках (св. Амвросий Милан)
395	Аркадий правит Востоком. Гонорий правит Западом ЗАПАДОМ	
400 402	Аларих вторгается в Италию Императорская резиденция перенесена из Рима в Равенну	
410	Захват и разграбление Рима Аларихом	
415	Вестготы основали королевство в Тулузе	
429	Вандалы основали королевство в Африке	
449	Англосаксы начинают селиться в Британии	
451	Аттила и гунны побеждены Аэцием и готами близ Шалона	
452	Основание Венеции	
476	Полководец варваров Одоакр свергает последнего западного императора, Ромула Августула	

БИБЛИОГРАФИЯ

[Приведенный ниже список книг будет служить двум целям: в качестве руководства для читателя, желающего подробнее разобраться в каком-либо особом вопросе, и в качестве признания некоторых обязательств автора. Сюда включены только работы, доступные на английском языке, и список является выборочным, а не исчерпывающим.]

Общая история Рима

Пелхэм. Очерки римской истории. Ривингтоны.

Вард Фаулер. Рим. (Библиотека домашнего университета.) Уильямс и Норгейт.

Общая история Республики

Mommsen. История Рима. 5 томов. Бентли.

Heitland. Римская республика, 3 тома. Издательство Кембриджского университета.

Миры. История Рима. Ривингтоны.

Как и Ли. История Рима до смерти Цезаря. Лонгманс.

Общая история империи

Гиббон. Упадок Римской империи. Изд. Бери. Метуэн. 7 томов.

Бери. Студенческая Римская империя (до смерти Марка Аврелия). Мюррей.

Стюарт Джонс. Римская империя. История наций. Фишер Анвин.

Особые периоды и биографии

Страциан-Дэвидсон. Цицерон. Герои наций. Путнэмс.

Вард Фаулер. Цезарь. Герои наций. Путнэмс.

Boissier. Цицерон и его друзья. Иннес.

Оман. Семь римских государственных деятелей. Арнольд.

Mommsen. Провинции Римской империи. В 2 т. Макмиллан.

Дилл. Римское общество от Нерона до Марка Аврелия. Макмиллан.

- Римское общество в последнем столетии Западной империи. Макмиллан.

Райс Холмс. Завоевание Галлии Цезарем. Макмиллан и Кларендон Пресс.

Pais. Древние легенды римской истории. Sonnenschein.

Ferrero. Величие и упадок Рима. 5 томов. Heinemann.

Тарвер. Тиберий-тиран. Констебль.

Хаверфилд. Романизация Римской Британии. Издательство "Кларендон Пресс".

Политика

Гринидж. Общественная жизнь Рима. Макмиллан.

Арнольд. Римская провинциальная администрация. Макмиллан.

Мораль и религия

Фридлендер. Римская жизнь и нравы. Ратледж.

Вард Фаулер. Религиозный опыт римского народа. Макмиллан.

- Римские праздники. Макмиллан.

Гловер. Конфликт религий в Римской империи. Метуэн.

Рамзи. Церковь в Римской империи до 170 г. н.э.. Патнэмс.

Леки. История европейской морали. Лонгманс.

Экономика

Каннингем. Западная цивилизация в ее экономических аспектах. Том I. Издательство Кембриджского университета.

Литература

Селлар. Римские поэты эпохи Августа. Издательство "Кларендон Пресс".

Краттуэлл. История римской литературы. Гриффин.

Маккейл. Латинская литература. Мюррей.

Рашфорт. Латинские исторические надписи. Издательство "Кларендон Пресс".

Искусство и археология

Миссис Стронг. Римская скульптура. Дакворт.

Уолтерс. Искусство римлян. Метуэн.

Уикхофф. Римское искусство. Макмиллан.

Мау. Помпеи, их жизнь и искусство. Макмиллан.

Хилл. Справочник по греческим и римским монетам. Макмиллан.

Топография.

Сжечь. Рим и Кампанья.

Миддлтон. Остатки Древнего Рима. В 2 т. 1872.

Справочники Мюррея.

Путеводители Бедекера.

Ланчани. Древний Рим в свете недавних открытий. Макмиллан.

Закон

Бакленд. Римский закон о рабстве. 1908. Издательство Кембриджского университета.

Роби. Римское частное право. 1902. Издательство Кембриджского университета.

Напечатано BALLANTYNE & COMPANY LTD

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ BALLANTYNE PRESS

На Тависток - стрит, Ковент - Гарден ,

Лондон

СНОСКИ:

[1] Есть ли что-нибудь, на что не влияет время? Наши отцы, поколение худшее, чем наши деды, породили нас, расу еще более злую, которая вскоре произведет на свет потомство еще более злое. (*Оды*, III. vi. 45-8.)

[2] Таблички 1, 2, 3, 8 и 70.

[3] Табличка 2.

[4] Табличка 4.

[5] Табличка 5.

[6] Табличка 6.

[7] Табличка 7.

[8] См. “Слава, которой была Греция”, стр. 10-11 и с.

[9] Табличка 8.

[10] Табличка 9.

[11] Тому, чем ты обязан роду Нерона, о Рим, да засвидетельствует наводнение Метавра, и поверженный Гасдрубал, и тот прекрасный рассвет, что прогнал тьму из Лация.... И, наконец, заговорил вероломный Ганнибал: “Мы всего лишь олени, добыча хищных волков, но смотрите! мы преследуем тех, побег от кого - редкая победа.... Никаких гордых послов я теперь не пошлю в Карфаген, погибла вся наша надежда и все богатство нашего народа, ибо Гасдрубал мертв”. (*Оды*, IV. iv. 37-40, 49-52, 69-72).

[12] Табличка II.

[13] Смотрите “Славу, которой была Греция”, стр. 261.

[14] Табличка 12.

[15] Табличка 13.

[16] Табличка 22, № 1.

[17] Табличка 14.

[18] Табличка 22, № 2.

[19] Табличка 27.

[20] Но если грудь не очищена, какие битвы и опасности должны тогда настигнуть нас вопреки нам самим! Какие мучительные заботы, вдохновленные похотью, терзают тогда недоверчивого человека, а затем и какие могучие страхи! и гордыня, и грязная похоть, и распутство! к каким бедствиям они приводят, к роскоши и всякого рода праздности! Следовательно, тот, кто подчинил себе все это и изгнал из своего разума словами, а не руками, разве он не имеет права по праву быть причисленным к богам? (V. 43-51, перевод Манро.)

[21] Человек, которому надоело дома, часто выходит из своего большого особняка и так же внезапно возвращается туда, обнаруживая, что за границей ему не лучше. Он мчится к своему загородному дому, безрассудно управляя лошадьми, как будто спешит принести помощь в горящий дом; он зеваает в тот момент, когда достигает двери своего дома, или погружается в тяжелый сон и ищет забвения, или даже в спешке возвращается обратно в город. Таким образом, каждый человек бежит от самого себя. (III. 1060-8, перевод Манро.)

[22] Прочь с этого времени свои слезы, негодяй; прекрати свои жалобы.... Ибо старые вещи уступают место и непременно вытесняются новыми, и одно всегда должно пополняться за счет других вещей; и никто не будет предан яме и черному Тартару. Материя необходима для роста последующих поколений, все из которых, однако, последуют за тобой, когда они закончат свой срок жизни; и таким образом, все это не меньше, чем у тебя было до этого, подходит к концу и в дальнейшем придет к концу. Таким образом, одно никогда не перестанет возникать из другого; и жизнь никому не дается просто так, всем дается узуфрукт. (III. 955, 964-71, перевод Манро.)

[23] Есть ли в этом что-то ужасающее, что-то мрачное? Разве это не более безмятежно, чем любой сон? (III. 976-7, перевод Манро.)

[24] Солнца могут заходить и восходить снова; для нас, когда наш краткий день подходит к концу, впереди одна долгая ночь, которую нужно проспать. Подари мне тысячу поцелуев, а потом сотню, и еще тысячу, и еще сотню вслед, да, и еще тысячу - и еще сотню! (*Кармен*, ст. 4-9)

[25] Перестань плакать, Аурункулея: Тебе не нужно бояться, что самая красивая девушка увидит яркий день, надвигающийся с океана.

Точно так же гиацинт имеет обыкновение цвести в многоцветном саду богача. Но ты медлишь. День проходит. Выходи, ты, невеста.

Выходи, невеста, если тебе угодно, и послушай наши песни. Посмотри, как факелы развевают их золотые волосы! Выходи, ты, невеста.

[26] Табличка 15.

[27] Наконец-то, сограждане Рима, наконец-то мы покончили с Луцием Катилиной. Обезумев от дерзости, задыхаясь от беззакония, позорно замышляя разрушения для отечества, бросая его угрозы огня и резни против нас и нашего города, мы изгнали его или провожали его на

его пути приветствиями. Ушел, испарился, скрылся, сбежал! Этот монстр, это чудо зла, больше не будет замышлять беды против наших оплотов изнутри. Этот кинжал больше не будет угрожать нашим сердцам. Больше ни в Кампусе, ни на форуме, ни в здании сената, ни в стенах наших собственных домов он не должен вселять в нас панику.

[28] Я был опечален, отцы и сенаторы, опечален тем, что республика, некогда спасенная вашими и моими усилиями, была так скоро обречена на гибель.... Слушайте, слушайте, Отцы и сенаторы, слушайте и изучайте раны нашего отечества!

[29] В юности я защищал государство; Я не подведу ее в моем возрасте: я отверг мечи Катилины; Я не дрогну перед твоими. Нет, господа, я бы с радостью отдал свое тело смерти, если бы это могло обеспечить свободу нашей стране и облегчить страдания римского народа, вызванные плодами его долгих мучений. Ведь почти двадцать лет назад в этом самом храме я провозгласил, что смерть не может наступить слишком рано для человека, занимавшего консульский пост. Насколько правдивее я буду заявлять об этом в моем возрасте! Для меня смерть уже желанна; я покончил с теми наградами, которые я получил, и с теми почестями, которых я достиг. Я молюсь только об этих двух вещах: во-первых, о том, чтобы после моей смерти я мог оставить римский народ свободным (большого бессмертные боги не могли даровать), и, во-вторых, о том, чтобы каждому человеку было воздано так, как он того заслуживает, от рук республики!

[30] Табличка 44, рис. 2.

[31] Табличка 16.

[32] См. стр. 18.

[33] Табличка 22, № 2 и 3.

[34] Табличка 18, рис. 1.

[35] Табличка 18, рис. 2.

[36] Табличка 20, рис. 1.

[37] Табличка 19.

[38] Табличка 22, рис. 4.

[39] Табличка 22, № 1.

[40] Табличка 21.

[41] Фронтиспис и таблички 23, 24, 25, 26.

[42] Табличка 27.

[43] См. Титульный лист.

[44] Табличка 28, рис. 1.

[45] Да хранит тебя [Удача] Цезарь, который идет против бриттов на край земли. (*Оды*, I. xxxv, 29-30.)

[46] Таблички 29-32.

[47] Табличка 35, рис. 1.

[48] *Кармен Секуляре*, 17-20.

[49] Табличка 36.

[50] Табличка 35, рис. 2; Табличка 37; и табличка 41, рис. 2.

[51] Смотрите “Славу, которой была Греция”, листы 31 и 32.

[52] Табличка 73: подробнее смотрите Таблички 53, 54, 55, 56.

[53] Табличка 41, рис. 2; Табличка 42, рис. 1; и табличка 43.

[54] Табличка 38.

[55] Таблички 39, 40.

[56] Табличка 18, рис. 1.

[57] Табличка 44, рис. 2.

[58] Табличка 44, рис. 1.

[59] Табличка 45.

[60] Табличка 46.

[61] Табличка 47.

[62] Табличка 48.

[63] Табличка 51.

[64] Табличка 52.

[65] Номера 53, 54, 55, 56.

[66] Табличка 58.

[67] Табличка 59.

[68] Номера 60, 61, 62, 63.

[69] Табличка 64.

[70] Листы 65, 66.

[71] Табличка 67, рис. 2.

[72] Табличка 68, рис. 1.

[73] Табличка 69.

[74] Табличка 70.

[75] Табличка 71, рис. 1.

[76] Табличка 72.

[77] Табличка 73.

[78] Табличка 75, рис. 1.

[79] Табличка 76.

[80] Табличка 77.

[81] Табличка 29.

[82] Табличка 81.

[83] Табличка 82.

[84] Табличка 45.

[85] Табличка 83.

[86] Табличка 84.

[87] Табличка 85.

[88] Табличка 89.

[89] Номера 87, 88, 90.

[90] Табличка 91.

[91] Табличка 92.

[92] См. таблицку 95, рис. 2.

[93] Табличка 93.

[94] Табличка 71, рис. 2.

[95] Табличка 94.

[96] Табличка 95, рис. 1.